

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

И. А. АРСАХАНОВ

00

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Вн

234

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

И. А. АРСАХАНОВ

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

234

Под редакцией З. А. Гавришевой

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1969

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чеченский язык входит в нахскую группу иберийско-кавказских языков и является наиболее крупным по числу говорящих на нем на Северном Кавказе.

Чечено-ингушский алфавит, орфография и терминология еще требуют совершенства. Имеющиеся в распоряжении науки данные недостаточны для обоснованного разрешения этих проблем. Особенно остро чувствуется отставание в разработке диалектологии.

Диалекты в любой период своего существования отражают определенные этапы развития общенародного языка, материальную и духовную культуру народа, его быт и связи с соседними народами.

Бесспорно, что основным материалом для изучения истории языка являются данные древних письменных памятников, которых нахские языки, к сожалению, не имеют. Поэтому единственным источником для воссоздания истории нахских языков являются диалекты.

«Материя и форма родного языка, — пишет Ф. Энгельс, — только тогда могут быть поняты, когда прослеживаются его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственно омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹. Из этого следует, что для того, чтобы наша советская лингвистическая наука могла сделать выводы по нахским языкам, необходимо глубоко и всесторонне изучить диалекты нахских языков.

Чеченский и ингушский литературные языки, как и все младописьменные языки, должны интенсивно развиваться и обогащаться в значительной мере за счет широкого использования данных своих диалектов. Ни одна отрасль языкознания не может обойтись без учета результатов диалектологических исследований. Историко-сравнительное изучение родственных языков немыслимо без учета их диалектных особенностей.

Эти обстоятельства и заставили нас в последние годы заняться фронтальным изучением диалектов нахских языков. За последние десятилетия нами были изучены фонетико-морфологические и лексические особенности чеберлоевского², аккинского, галанчоожского, итум-калинского, шароевского и кистинского диалектов. Кроме того, нами впервые открыты и изучены семь относительно небольших смешанных говоров,

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 303.

² Работы А. Г. Мациева «Чеберлоевский диалект», И. Ю. Алироева «Кистинский диалект», уже опубликованные, и наши исследования по этим диалектам были выполнены почти в одно и то же время независимо друг от друга, а аккинский диалект, ранее изученный автором, теперь изложен в сравнительно-историческом плане. Здесь за неимением места дается только фонетика аккинского диалекта.

а именно: 1) дайский, который охватывает чеченцев, проживавших до 1944 года в так называемом Нижнем Чеберлое; 2) пхьарчхоевский, который примыкает к аккинскому диалекту (село Акташ); 3) нашхоевский, на котором говорят жители бывших сел Моцлара, Хийла, Чармаха, Хьайбаха и др.; 4) ламаккинский, который охватывает жителей бывших сел Аккха, Итар-Кхаьлла, Ловге, Ткьисте, Орзуме-Кхаьлла, Гюзуне и др.; 5) мелхинский, охватывающий бывшие села Джарие, Кертие, Меша, Бенаст и др.; 6) терлоевский, на котором говорят жители бывших сел Ошне, Эрстхой, Никаре, Барай, Бушне, Кенахой и др.; 7) веденский, представленный на территории Веденского района.

«Диалектология» начинается с «Введения», где даются краткие сведения о чеченцах и их языке и приводится краткий обзор как дореволюционной, так и советской лингвистической литературы.

В следующих за «Введением» главах излагаются в сравнительном плане специфические особенности каждого из диалектов и делаются соответствующие выводы и обобщения.

К книге прилагаются тексты, диалектологическая карта, словарь расходящейся лексики плоскостного, ингушского, аккинского и чеберлоевского диалектов.

ТРАНСКРИПЦИЯ

В основу транскрипции положен существующий практический алфавит чеченского языка, составленный на основе русской графики.

Для более точной передачи некоторых специфических особенностей звуков чеченского языка дополнительно вводятся следующие знаки:

- 1) долгота гласных обозначается знаком ударения: *áла* — «сказать»;
- 2) назальные гласные отмечаются буквой *н*, помещаемой сверху вслед за гласным: *а^н*, *у^н*, *о^н* и т. д.;
- 3) через *ие* передается долгий дифтонг, а через *е* — краткий;
- 4) восходящие дифтонги *уо*, как краткий, так и долгий, обозначаются сочетанием *уо*, но над долгим ставится знак ударения.

АВТОР.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧЕЧЕНЦАХ И ИХ ЯЗЫКЕ

Чеченцы — одна из крупных народностей Северного Кавказа.

По данным переписи 1959 года, чеченцев насчитывалось в СССР 119 тысяч человек, из них свыше 20 тысяч человек проживает в Дагестанской республике.

Небольшое число чеченцев (кистин) представлено в Грузии. В Грузии же живут и бацбийцы (одно село), язык которых генетически близок к чеченскому.

Кроме того, некоторая часть чеченцев проживает и за границей — в Сирии, Иордании и Турции. Они переселились туда во второй половине XIX века.

Чеченцы называют сами себя *нохчуо//нахчуо* (ед. ч.), *нохчий//нахчий* (мн. ч.), а чеченцев и ингушей, взятых вместе, *вай^н нах* — «наш народ», «наши люди». На ингушском народном языке это слово звучит *вейнах* с тем же значением.

Соседи же называют чеченцев по-разному: грузины — кисти (ед. ч.), кумыки — мякхиш (от развилки речки Мичикх), кабардинцы — шашен (от чечен), осетины — цацан, русские — чеченцы (от названия села Чечен-Аул, которое на чеченском языке звучит Чечана), аварцы — буртиял.

Этноним *нохчуо//нахчуо* до сих пор не получил в вайнаховедческой литературе удовлетворительного объяснения. Он древнего происхождения. На это указывают армянские письменные памятники VII века нашей эры¹, в которых упоминаются кисты, туши и нахчаматьяны. Слово нахчаматьяны легко расщепляется на почве чеченского языка: *нахча//нахчуо* — «чеченцы», *-мат//мот* — «язык», *-яны* (в древнеармянском *-eank*) — суффикс мн. ч. имен существительных.

Чеченцы и ингуши занимают юго-восточную часть Северного Кавказа, граничат на востоке с Дагестаном, на юге с Грузией, на западе с Осетией и на севере со Ставрополем.

Современная наука не располагает достаточно точными историческими данными о развитии вайнахского народа и его языка в ранние эпохи. Более или менее достоверные сведения историко-этнографического характера о чеченцах и ингушах начинают появляться примерно с XVIII века. Мы находим таких исследователей, как И. А. Гюльденштедт, А. А. Шифнер, Р. Эркерт, Е. Максимов, Г. А. Ткачев, Н. С. Иванов, П. К. Услар, Н. Семенов, У. Лаудаев, Ч. Ахриев, В. А. Потто, Н. А. Волконовский, Б. Д. Греков, Б. К. Далгат и др. Однако следует отметить, что в дореволюционных научных работах вопросы истории чечено-ингушского народа зачастую освещались односторонне и тенденциозно; сведения, которые в них приводились, носили весьма скудный характер.

¹ Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому. Русский перевод Патканова, 1877, стр. 37.

Поэтому трудно судить по ним о подлинной истории чечено-ингушского народа.

Действительно научное изучение чечено-ингушского народа начинается только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Как уже было сказано, происхождение чеченцев и ингушей еще недостаточно выяснено. По данным иберийско-кавказских языков, археологии, топонимики и армянским письменным памятникам VII века нашей эры, чеченцы и ингуши являются абorigенами Северного Кавказа.

«В силу каких-то исторических событий, — пишет проф. Ю. Д. Дешериев, — предки чечено-ингушского народа были загнаны, по-видимому, в Джераховское, Ассинновское ущелья, высокогорный Галанчожский район. Из этих мест они стали постепенно переселяться. Главный поток чеченцев шел по горам в бывшие Итум-Калинский, Шатоевский, Чеберлоевский, Веденский районы. Оттуда они выселялись в равнинные районы Большой и Малой Чечни, в надтеречные села. Часть чеченцев спустилась с гор в сторону Бамута, Эршта»¹.

По народным преданиям, первые чеченские поселения на плоскости были основаны приблизительно в конце XIV века выходцами из Аккинских гор (из местности Нашха). Так, тайпа Парчхой основала селения Парчхой и Юрт-Аух, а тайпа Цечой — селение Цечой (Кешень-Аул) на реке Ярыксу. Спустя некоторое время из местности Нашха вышли и многие тайпы: Беной, Цонтарой, Курчалой и другие, занявшие обширные земли в верховьях рек Акса и Гумса и основавшие здесь ряд селений с тайповыми названиями. Свободные земли между реками Аксаем и Ярыксу были заняты позже тайпами Бильтой, Гендыргеной, Датхой и др.

Таким образом, чеченцы расселились в основном в долинах, орошаемых реками Сунжей, Аргуном и их притоками, а затем постепенно заняли всю плоскость Большой Чечни. Уже в 1597 году первые русские послы отметили на реке Сунже и в районе города Терки значительное число чеченских поселенцев под названиями ококи, шибуты, имичкизы. С течением времени чеченские поселения стали возникать и по соседству с территорией гребенских казаков, поселившихся почти одновременно с чеченцами в XVI веке в устье реки Сунжи. Так, в 1760 году было основано в этих местах большое чеченское село Старо-Юрт, и вскоре здесь же появляется ряд новых чеченских поселений. Особенно значительная группа чеченского населения, называвшаяся эрштинцами, обитала на реке Карабулак (кумыки их называли карабулаками)².

Между чеченскими переселенцами и гребенскими казаками установились дружественные связи, скреплявшиеся отношениями куначества. Известный исследователь Чечни Н. Семенов отмечал, что чеченцы из села Гуни, переселившиеся сюда из верхних районов реки Аргуна, являлись желанными гостями в станице Червленной, где для них всегда были готовы и «кров и пища». В свою очередь червленцы тоже не упускали случая побывать у своих родственников — гунийцев и пользовались с их стороны таким же радушным приемом. По словам того же Н. Семенова, часто казаки-червленцы, пострадавшие от стихийных бедствий или нуждаясь в средствах, отправлялись к своим кунакам в чеченские селения, где им всегда оказывали помощь. Наличие дружеских связей между чеченцами и соседними казаками отмечалось и другими авторами. «Гребенские казаки переняли у чеченцев национальный костюм, некоторые предметы домашнего обихода, игры, танцы, му-

¹ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика индских языков... Грозный, 1963, стр. 73.

² См.: Г. А. Ткачев. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 9, стр. 73.

зыкальные инструменты и даже мелодии. Танец «Наурская лезгинка», заимствованный казаками у горцев, распространился по всей Терской области. Под влиянием соседей большую популярность приобрели у казаков и состязания в джигитовке. В свою очередь горцы учились у русских строить дома, обрабатывать поля, выращивать овощи, разводить фруктовые сады»¹.

После присоединения к России и окончания кавказской войны Чечня была включена в состав Терской области. Присоединение Чечни и Ингушетии к России имело весьма положительное значение в общественно-экономической и культурной жизни чеченцев и ингушей. Оно приобщило чеченцев и ингушей к русской культуре, освободив их от вечной угрозы иноземных захватчиков, создало новые предпосылки для экономического и культурного развития чеченцев и ингушей, вывело их из вековой замкнутой жизни. «Россия, — писал Ф. Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку, и господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»².

Под влиянием демократических идей передовых слоев русского народа в Чечено-Ингушетии создавались исторические предпосылки для развития революционного движения. Из среды чеченцев и ингушей выдвинулись такие большевики, как Асланбек Шерипов, Гапур Ахриев и другие, которые вели большую революционную работу среди чеченцев и ингушей и организовали их на борьбу за Советскую власть.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции чеченцы и ингуши, как и все народы СССР, на основе национальной политики, проводимой Коммунистической партией Советского Союза, получили свою национальную автономию, письменность и создали свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

До 1925 года чеченцы пользовались арабским алфавитом, употребляя некоторые дополнительные знаки, необходимые для обозначения специфических вайнахских звуков. Затем чечено-ингушская письменность была переведена на латинский алфавит. Наконец, в 1938 году был принят алфавит на основе русской графики, ныне существующий. Этот алфавит выгодно отличается от предыдущих тем, что использует буквы русской азбуки с одним только дополнительным знаком, что значительно облегчает и ускоряет усвоение грамоты учащимися чеченских и ингушских школ.

За период Советской власти в республике достигнуты огромные успехи в политическом, экономическом и культурном развитии. На родных языках функционируют театры, культурно-просветительные учреждения, издается художественная, политическая и научно-популярная литература, выходят газеты, журналы, созданы училища, вузы для подготовки национальных кадров, научные учреждения, которые занимаются изучением родной чечено-ингушской истории, этнографии, экономики, культуры и языков. На чеченский и ингушский языки переведены произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой литературы. Выросла национальная интеллигенция, национальный рабочий класс, научные кадры — ученые, инженеры, писатели, врачи и учителя.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Проблема изучения истории нахских языков, а равно и их диалектов — одна из основных задач нахского языкознания. Правильная постановка этой проблемы и успешное решение ее связаны прежде всего

¹ Народы Кавказа. Этнографические очерки. Т. 1. М., 1960, стр. 347.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. 21, стр. 210—211.

с составлением научной сравнительно-исторической грамматики и сравнительно-исторического этимологического словаря нахских языков.

Для успешного решения этой проблемы исключительно большое значение имеет изучение территориальных диалектов, особенно для таких языков, как нахские, которые не имеют письменных памятников. Именно в этом отношении диалектология для младописьменных языков приобретает чрезвычайно важное значение, так как диалекты в противовес литературному языку, в известной степени закрепленному определенными нормами, сохраняют архаические грамматические и лексические формы и развиваются более естественно.

Так, например, в аккинском диалекте деепричастие прошедшего времени сохранило нам наиболее древнюю форму *авлна* — «сказав» вместо литературной *авлла*. Последняя получена (в литературном) путем ассимиляции суффиксального *н*, то есть *авлла* ← *авлна* — *алне* — *алине*.

Диалекты сохраняются обычно в тех языках, которые распространены на более обширной территории. Любой диалект характеризуется рядом фонетических, морфологических и лексических особенностей, бытующих в результате обособленного развития данной языковой единицы. Следовательно, наличие возникновения диалектов связано с большей или меньшей изолированностью их друг от друга. Именно поэтому диалекты могут то сильно расходиться, то сближаться в зависимости от степени контакта между их носителями¹. Примером этого могут служить, с одной стороны, бацбийский язык (в Грузии), который длительное время был совершенно оторван от вайнахской почвы и стал теперь почти недоступным для чеченцев и ингушей, и, с другой стороны, аккинский диалект, представленный в Дагестане, который, несмотря на свою относительную оторванность от вайнахской почвы на протяжении долгого времени, все же остался понятным для чеченцев и ингушей, так как аккинцы территориально соприкасались с чеченцами, следовательно, не прекращалось между ними и языковое общение.

Особенно благоприятные условия для стирания диалектных различий созданы у нас, в Советском Союзе, где народы объединены единством идеологии, социалистическим мировоззрением. Школа, радио, книга, газета, театр, кино оказывают весьма плодотворное влияние на сближение диалектов, ускоряют процесс приобщения представителей различных диалектов к литературному языку и к социалистической культуре.

Исключительно важное значение имеют данные диалектов и для воссоздания истории нахских языков, особенно для исторической фонетики.

Например, процесс так называемого вторичного чередования в чеченском литературном языке может быть объяснен только на основании показаний чеберлоевского диалекта. Дело в том, что чеберлоевский диалект не подвергся вторичному чередованию и тем самым сохранил нам более древнюю структуру слов, а вокализм чеченского литературного языка (корневые гласные) подвергся этому процессу, то есть чеченские литературные *олу* — «скажу», *боху* — «говорю», *соцу* — «останавливаюсь» получены из чеберлоевского *ало*, *бахо*, *сацо* путем регрессивной дистанционной ассимиляции гласных.

Диалектология может оказать лингвисту большую услугу и при установлении этимологии слов.

Так, благодаря показаниям чеберлоевского диалекта нам удается

¹ См.: А. С. Чикобава, Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков. Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19—21 ноября 1956 года. Тезисы докладов. Тбилиси.

выяснить этимологию литературного чеченского слова *кортал*— «шал». В чеберлоевском диалекте оно звучит *кортилар* и исторически восходит к *корт тиллар* — «то, чем покрывают голову».

Такие же ценные показания дает нам и аккинский диалект. Например, аккинская форма так называемого давнопрошедшего времени *йахан йара* — «ходила» проливает свет на то, как образовалась литературная форма *йаханиера* (← *йахан йера*).

Далее, данные аккинского диалекта нам помогают восстановить более архаичные формы некоторых падежных аффиксов мн. ч. имен чеченского литературного языка.

Так, оказывается, что аффиксы родительного, вещественного и сравнительного падежей мн. ч. у некоторых имен существительных в прошлом сохраняли в своем составе показатель именительного падежа мн. ч. *ш*, то есть современные литературные формы *джабльий*¹ || *джабльей*² (род. п.), *джабльийх* || *джабльейх* (вещ. п.), *джабльейл* (сравн. п.), оказывается, восходят к акк. *джалеший*³, *джалешийх*, *джалешийл*.

Литературные формы здесь получены путем *ш* → *й* и последующего выпадения из состава аффикса *и*: *джабльейл*, *джабльейил*, *джалешийл*.

Или же, например, слово *дукъарц* — «зано́за» из чеченского литературного языка. На почве чеченского литературного языка этимология его необъяснима, а на материале ингушского языка легко устанавливается его этимология. Оно, оказывается, состоит из двух корней — из общенахского *дукъ* — «ярме» и *арц* — «балка» в ингушском.

Оно, видимо, когда-то так и употреблялось: *дукъа арц* — «палка для ярма», а потом постепенно оба корня слились в единое целое, утратив свою прежнюю атрибутивную связь.

В связи с этим очень интересно аккинское слово *дукъаз* — «зано́за», которое получено из тех же корней, но до того оно искажено метатезой и спондантизацией исходной аффрикаты *ц*, что, как кажется, почти ничего общего не имеет на сегодняшний день с чеченским литературным *дукъарц*.

Диалектология может оказать большую помощь и историку при выяснении вопроса о передвижении народов, о том, как и где группировалось население в прошлом, какие связи существовали между представителями различных диалектов, а также с соседними народами в разные исторические эпохи.

Так, например, почти вся гидронимика у аккинцев, живущих в Хасавюртовском районе ДАССР, тюркского происхождения: *Ахташ* (кумык. *Акхташ* — букв. белый камень) «Акташ» (речка), *Ярху* (кумык. *Ярыксу* — букв. прозрачная вода) «Ярыксу» (речка), *Ямасу* (кумык. *Ямансу* — букв. плохая вода) «Ямансу» (речка).

Все это свидетельствует о том, что до появления на этой территории аккинцев, или ауховцев, там жили кумыки.

Чечено-ингушская диалектология, помимо своего научного значения, имеет также весьма важное практическое значение: она призвана оказать большую услугу в нормализации литературного языка, помочь усовершенствованию чечено-ингушской орфоэпии и орфографии, она явится большим подспорьем для преподавателей, учителей и студентов, она поможет также учащимся чеченских и ингушских школ скорее преодолеть диалектные особенности своей речи и тем самым быстрее усвоить нормы родного литературного языка. Учитель должен знать особенности всех диалектов и уметь помочь учащимся как можно скорее избавиться от ошибок диалектного характера.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ НАХСКОЙ ГРУППЫ

Кавказ с древних времен известен своим многоязычием. О нем в свое время писали: Геродот, которого считают «отцом истории», греческий географ Страбон, арабские писатели Масуди, Ибн-Хаукаль и др. Они утверждали, что на Кавказе от 70 до 360 языков. Это свидетельствует о том, что на Кавказе еще в те времена было много языков.

Впервые вайнахские языки начали изучаться в XVIII веке русскими академиками Гюльденшtedтом и Палласом. Они собрали лишь лексический материал. Гюльденшtedт назвал вайнахские языки «мизжегскими наречиями». Видимо, это слово происходит от кумыкского «мичкхиш». Кумыки и теперь называют вайнахов «мичкхиш». Произошло это название от речки Мичикх, впадающей в реку Гумс.

Гюльденшtedт и Паллас изучали и другие кавказские языки. Собранный ими материал вошел в «Сравнительный словарь», вышедший в Петербурге в 1791 году.

В 1807—1808 годах по Кавказу путешествовал востоковед Клапрот. Он изучал языки и историю кавказских народов. В написанной им работе объемом в 2 тома он большое место уделит чеченскому, ингушскому и бацбийскому языкам.

Клапрот констатирует близость вайнахских, лакского и аварского языков и утверждает, что вайнахские языки схожи с языками народов Севера и Сибири.

Клапрот пришел к такому ошибочному выводу, видимо, потому, что слова, заимствованные из тюркских языков, он принял за исконные.

После Клапрота известный языковед своего времени, составитель сравнительной грамматики индоевропейских языков Франц Бопп написал труд «Кавказские члены индоевропейской семьи языков», в который включил и сведения о вайнахских языках. В то время о кавказских языках знали немного. Поэтому он включил их в индоевропейскую семью языков. Академик М. И. Броссе также считал грузинский язык сходным с индоевропейскими языками.

Над кавказскими языками работал также немецкий ученый Фридрих Мюллер. Он написал очерки чеченского, бацбийского, аварского, абхазского, лакского, лезгинского и удинского языков¹.

Ф. Мюллер считал, что северокавказские языки (вайнахские, аварский, лезгинский, лакский, даргинский, абхазский, черкесский, кабардинский, удинский) между собой сродни, вне всякого сомнения. Он сомневался в том, сходны ли они с южнокавказскими—грузинским, мегрельским (занским), сванским. Ф. Мюллер разделил кавказские языки на две группы: северокавказские и южнокавказские.

Ф. Мюллер написал свою работу, используя главным образом труды П. К. Услара и А. А. Шифнера².

Над изучением кавказских языков неустанно трудился в конце XIX века Р. Эркерт. Он написал грамматические очерки почти всех кавказских языков. В первой части своей работы он сравнивает слова 30 языков, а во второй части он приводит фразеологические и грамматические данные 42 языков и диалектов.

Р. Эркерт делил все кавказские языки на 4 группы: 1) южнокавказские: грузинский, занский, сванский; 2) северокавказские: абхазский, черкесский; 3) северо-западные: вайнахские, дидойский, андий-

¹ См.: Фр. Мюллер. Грундрис. Т. 3. Вена, 1885.

² См.: М. Я. Немировский. 40 лет советской кавказской (иберо-кавказской) лингвистики. — Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т. 1, вып. 2, Грозный, 1959.

ский, аварский, даргинский, лакский; 4) северо-восточные: лезгинский, будухский, агульский, крызский, рутульский, табасаранский, цахурский, хиналугский.

Р. Эркерт считал, что все эти языки близкородственные и составляют отдельную семью языков.

В поисках основы баскского языка Гюго Шухардт, известный лингвист, написал о кавказских языках в своей работе «О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках».

В конце XIX века над изучением кавказских языков трудился крупный лингвист академик А. А. Шифнер. Кавказским языкам он посвятил следующие исследования:

1. О языке тушинском¹. СПб., 1856.
2. Опыт изучения удинского языка. СПб., 1863.
3. Опыт тушинского языка. СПб., 1856.
4. Чеченские разыскания. СПб., 1864.

А. А. Шифнер был другом П. К. Услара и работал с ним. Он составлял на немецком языке отчеты о работах П. К. Услара, написанных на русском языке. Поэтому в Европе впервые узнавали о работах Услара по отчетам Шифнера.

П. К. Услар был инженером. Он много времени провел на Кавказе. В 1858 году ему было поручено написать историю Кавказа. Услар начал историю Кавказа именно с изучения языков. Вначале Услар решил изучать языки статически. Он знал, что пока не будут изучены в достаточной степени все кавказские языки, их невозможно будет исследовать в сравнительно-историческом плане. Для осуществления этой цели он приложил все свои старания и упорство. Им первым был исследован абхазский язык (1861—1862), а затем чеченский язык (1862)². За обе монографии ему была присуждена Демидовская премия.

В 1864—1865 годах Услар заканчивает работу над грамматикой аварского и лакского языков. Затем он пишет грамматику даргинского языка (1867), лезгинского языка (1871), табасаранского языка. Последнюю работу Услар не довел до конца. Это была самая значительная по объему работа.

В монографию «Чеченский язык» включены статья о чеченском фольклоре³ и несколько писем А. А. Шифнеру и А. П. Берже.

Главное внимание П. К. Услар уделял изучению грамматического строя данных языков. Он считал, что сравнительный словарь всех кавказских языков принесет большую пользу языкознанию. Работа над вышеуказанными языками привела П. К. Услара к убеждению, что кавказские языки составляют особую семью языков и что они близкородственны между собой. В 1864 году он пишет А. П. Берже, что есть необходимость причислить к ранее известным нам семьям языков еще одну семью⁴.

П. К. Услар считал самым надежным материалом для изучения языка точную запись народных сказок, легенд, пословиц, песен; переводной же текстовой материал является, по его мнению, непригодным для работы над языком⁵.

Все монографии П. К. Услара построены по одному принципу: в начале каждой монографии он пишет о фонетике, затем о морфологии, после этого он приводит тексты. Все монографии оканчиваются словарями.

¹ Тушинский — здесь в значении бацбийский.

² См.: П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

³ См.: П. К. Услар. Кое-что о словесных произведениях горцев. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

⁴ См.: П. К. Услар. Чеченский язык. Письмо, стр. 15.

⁵ См. там же, стр. 17.

Несмотря на то, что фонетика чеченского языка очень сложна, П. К. Услар довольно полно определил фонемный состав этого языка и дал исчерпывающий анализ его морфологических законов.

Правда, П. К. Услар допускает неточности, утверждая, что в чеченском языке нет других залогов глагола, кроме страдательного и среднего; неправильно понял он и эргативную конструкцию в чеченском языке.

П. К. Услар сделал хорошее начинание, создав на основе русской графики чеченский алфавит. Он основал в Грозном школу, в которой обучались 25 человек. Они за короткий отрезок времени овладели письмом и чтением. Это свидетельствовало о пользе созданного им алфавита.

Материалом для монографии П. К. Услара «Чеченский язык» явились данные говора Ичкерии.

Основные сведения по языку давал ему Кеди Досов, житель Дышне-Ведено, который в 1861 году выпустил в Тбилиси букварь чеченского языка, а в 1862 году — книгу «Нохчуь джуж ду Јара».

Используя алфавит П. К. Услара, первый чеченский учитель — просветитель Таштемир Эльдарханов в 1908 году написал букварь чеченского языка на основе русской графики.

Известным кавказоведом в начале XX века был и Адольф Дирр. Им написаны грамматики дагестанских языков: удинского (1904), табасаранского (1905), андийского (1906), агульского (1907), арчинского (1908), рутульского (1912), цахурского (1913). Все они опубликованы в указанное нами время в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Кроме того, А. М. Дирр написал грамматику грузинского и армянского языков.

Большое значение имеет его статья «О классах (родах) в кавказских языках», в которой он большое внимание уделил и вопросу о грамматических классах чеченского языка¹.

А. М. Дирр подразделяет кавказские языки на три группы: 1) южнокавказские, или грузинские (картвельские); 2) северокавказские, или абхазо-черкесские; 3) восточные, или чечено-дагестанские.

А. М. Дирр допускает, что южная и северная группы языков могут восходить к одному языку и что угро-финские языки повлияли на северокавказские.

Самым трудным вопросом Дирр считает определение архаичного лексического фонда кавказских языков.

Известный языковед Н. Трубецкой также написал ценные работы по фонетике северокавказских языков. В своих работах он много места уделяет описанию фонетики ингушского, чеченского и бацбийского языков, а также звуковым соответствиям северокавказских языков. Северокавказские языки он делит на две группы: 1) чечено-лезгинские языки (сюда входят все дагестанские и вайнахские языки); 2) абхазо-черкесские (кабардинский, адыгейский, абхазский, убыхский языки).

Французским ученым Ж. Дюземилем написана ценная работа по сравнительной морфологии кавказских языков. Вайнахским языкам он также уделил большое внимание.

Ж. Дюземиль ставит под сомнение вопрос о родстве южнокавказских языков с северокавказскими.

Знаменитый итальянский ученый А. Тромбетти провел большую работу по исследованию кавказских языков, в результате которой он дал характеристику фонетики и морфологии кавказских языков.

В 1925 году во Владикавказе вышла в свет «Ингушская граммати-

¹ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. 1907. стр. 91—102.

ка»¹ З. К. Мальсагова на русском языке. В этой работе автор дает анализ фонетики и морфологии ингушского языка.

Очень сложной частью речи в ингушском языке является глагол, особенно система прошедших времен и наклонений. Типы склонения существительных З. К. Мальсагов выделяет не на основе окончаний орудно-союзного падежа, а по основам именительного падежа, как это сделал позднее Н. Ф. Яковлев.

В 1930 году З. К. Мальсагов написал статью «К вопросу о классных элементах в нахском языке», имеющую большую ценность для вайнаховедения.

В 1936 году вышла большая статья З. К. Мальсагова об аккинском диалекте. Ввиду того, что аккинский диалект в то время еще не был достаточно изучен, З. К. Мальсагов называет его языком. В своей статье он выяснил основные фонетические и морфологические особенности аккинского диалекта. Перед ним стоял вопрос, на каком языке надо вести обучение в аккинских школах (на чеченском, ингушском или на своем аккинском), и он пришел к единственно правильному выводу: на чеченском языке.

В 1930 году вышла в свет ценная работа А. Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей»². В ней автор приводит краткую историческую справку о вайнахах, их жизни, обычаях, легендах, об их взаимоотношениях с другими народами. Кроме того, в своей работе он затрагивает вопросы о заимствовании вайнахскими языками из осетинского, кумыкского и грузинского языков. Эта работа в свое время имела исключительно большое значение.

В 1935 году А. Н. Генко написал работу о диалектах чеченского языка «Из области чеченской диалектологии»³. Автор говорит в ней о задачах вайнахской диалектологии, определяет роль диалектов в совершенствовании литературного языка и характеризует некоторые особенности диалектов чеченского языка.

В 1935 году вышла статья О. П. Егорова «Чечено-ингушская лексика»⁴. В 1939 году вышла другая его статья «Об изучении чечено-ингушских говоров»⁵. Первая статья особенно ценна тем, что в ней впервые освещаются вопросы вайнахской лексики, о которой и поныне нет достаточно полной работы.

М. Я. Немировский посвятил вайнахским языкам несколько статей: 1) «Некоторые явления чечено-дагестанских языков в свете общей лингвистики»⁶ (1930); 2) «К научной постановке исследования чеченской группы северокавказских языков»⁷ (1930); 3) «Словообразование в горских яфетических языках Кавказа» (1934). Последняя статья имеет особую ценность, потому что это первая и интересная работа, посвященная словообразованию в вайнахских языках.

¹ См.: З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. Владикавказ, 1925.

² См.: А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. — Записки коллегий востоковедов при азиатском музее АН СССР. Т. 5, II. 1930, стр. 681—761.

³ См.: А. Н. Генко. Из области чеченской диалектологии. — В сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. Т. 1. М.—Л., 1935.

⁴ См.: О. П. Егоров. Чечено-ингушская лексика. — В сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. Т. 1. М.—Л., 1935.

⁵ См.: О. П. Егоров. Об изучении чечено-ингушских говоров. — Труды первой диалектологической конференции, проходившей в Ростове-на-Дону 29 июня — 1 июля 1938 года. Ростов-на-Дону, 1939.

⁶ См.: М. Я. Немировский. Некоторые исследования чечено-дагестанских языков в свете общей лингвистики. — Известия Горского пединститута. Т. 7. Владикавказ, 1930.

⁷ См.: М. Я. Немировский. К научной постановке исследования чеченской группы северокавказских языков. — Известия Ингушского НИИ краеведения. Тт. 2—3. Владикавказ, 1930.

В 1940 году вышел «Синтаксис чеченского литературного языка» проф. Н. Ф. Яковлева. Это первый синтаксис чеченского языка.

В 1960 году Чечено-Ингушский НИИИЯЛ издал «Морфологию чеченского языка» проф. Н. Ф. Яковлева (при участии З. Джамалханова, А. Хумпарова). Она начинается с раздела «Склонение имен существительных». Проф. Яковлев классифицирует имена существительные по четырем склонениям на основе окончаний орудно-союзного падежа. Однако Яковлев не установил, в каких случаях перед окончаниями орудно-союзного падежа появляются наращения -а, -ар, -н, -и, -у, -чун, -чуьн. Проф. Яковлев далее дает полный анализ других частей речи и приводит достаточное количество убедительных примеров. Особенно подробно анализирует он глагол.

В 1941 году вышла «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного языка»¹ Д. Д. Мальсагова. Это была его кандидатская диссертация.

Автор в этой работе излагает сначала краткие исторические сведения о вайнахских языках, затем описывает некоторые особенности чечено-ингушских диалектов—чеберловского, галанчоожского, аккинского, итум-калинского.

Далее Д. Д. Мальсагов выясняет, на основе каких диалектов возникли чеченский и ингушский литературные языки, и намечает пути дальнейшего их обогащения за счет диалектов с тем, чтобы впоследствии стерлись различия между этими двумя родственными языками.

Из крупных советских языковедов исследованием нахских языков занимается в наше время проф. Ю. Д. Дешериев, с именем которого связан целый ряд работ по нахским языкам.

В 1946 году вышла работа Ю. Д. Дешериева «Активная конструкция бацбийского языка», явившаяся его кандидатской диссертацией.

В 1953 году Ю. Д. Дешериев написал большую монографию «Бацбийский язык». В этой работе он всесторонне анализирует фонетику, морфологию, синтаксис и лексику бацбийского языка.

Проф. Дешериев всесторонне исследовал синтаксис бацбийского языка, дал исчерпывающую характеристику эргативной конструкции предложения бацбийского языка, главных и второстепенных членов предложения. Он впервые дал правильную характеристику сложного предложения, вскрыв тем самым ошибку, допущенную Н. Ф. Яковлевым в этом вопросе.

В 1960 году вышла книга Ю. Д. Дешериева «Фонетика современного чеченского литературного языка». В этой книге дана полная характеристика системы гласных и согласных фонем. В ней детально описаны акустико-физиологические особенности звуков, различные фонетические процессы. Впервые в этой работе дана полная характеристика трифтонгов, рассмотрены вопросы слогообразования и ударения.

Ю. Д. Дешериев является автором крупного труда «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков», вышедшего в свет в 1963 году. В этом исследовании систематически излагаются вопросы исторической фонетики, морфологии и синтаксиса нахских языков в сравнительном плане; здесь же выявлены основные особенности грамматического строя нахских языков и их диалектов, и, наконец, на основе синхронного и сравнительно-исторического анализа данных нахских языков восстанавливается облик общенахского языка.

Много лет работал над лексикой чеченского языка А. Г. Мациев. В 1927 году им выпущен «Чеченско-русский словарь», в 1932 году—«Тушско-чеченско-русский словарь». В 1933 году в соавторстве с Х. Яндаровым им составлена «Грамматика чеченского языка». В 1961 году вышла

¹ См.: Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного языка. Грозный, 1941.

в свет его ценная и объемистая работа «Чеченско-русский словарь» с грамматическим очерком.

А. Г. Мациев в 1964 году в Известиях НИИ опубликовал довольно солидную работу, посвященную чеберловскому диалекту чеченского языка. В этой работе автор излагает основные особенности исследуемого диалекта в сравнении с плоскостным диалектом. В книге приведены образцы диалектных записей.

Над грамматикой чеченского языка плодотворно трудятся такие известные языковеды, как Д. С. Имнайшвили, К. Т. Чрелашвили и др.

Очень плодотворно работает над нахскими языками Д. С. Имнайшвили. В 1942 году вышла из печати его работа «Основные и послеложные падежи в ингушском и чеченском языках», в 1954 году — «Заочные формы в языках кистинской группы»; в 1960 году им опубликована очень интересная статья — «К истории образования эргативного падежа в нахских языках», а в 1932 году на грузинском языке (резюме на русском) — чрезвычайно ценная работа под названием «Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы».

К. Т. Чрелашвили написал в 1959 году работу «К вопросу об образовании множественного числа в чеченском языке», а в 1960 году — «К генезису элемента ча/чу/чо в нахских языках».

Очень ценную работу написал в 1953 году бацбийец Н. Д. Кадагидзе — «Грамматические классы в глаголе бацбийского языка».

За последнее время вышло из печати немало работ по чеченскому и ингушскому языкам, написанных нашими молодыми учеными-языковедами: М. Д. Чентиевой («История чечено-ингушской письменности», 1958 год), Р. И. Долаковой («Система прошедших времен в чечено-ингушских языках», 1961 год), Ф. Г. Оздоевой («Приставки в системе чечено-ингушских языков», 1961 год), И. Ю. Алироевым («Кистинский диалект чеченского языка», 1962 год), К. З. Чокаевым («Словообразование имен существительных в чеченском языке», 1962 год), М. И. Чапановым («Эргативная конструкция предложения в нахских языках», 1962 год), И. А. Оздоевым («Синтаксис простого предложения», 1964 год). Эти работы оценены по достоинству.

С жизнью чеченской школы тесно связаны имена таких видных просветителей, как Х. Д. Ошаев и З. Д. Джамалханов, — авторов первых сводов орфографических правил и алфавитов чеченского языка, а также составителей учебников и учебных пособий.

Из зарубежных языковедов, занимающихся нахскими языками, следует назвать французского ученого А. Зоммерфельда, который посвятил ряд статей фонетике нахских языков.

АККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Аккинский диалект входит в число диалектов вайнахских языков. На нем говорят, согласно переписи 1959 года, около 20 тысяч человек. Живут аккинцы в Хасавюртовском районе Дагестанской АССР.

Первые сведения об аккинском диалекте даны З. К. Мальсаговым в статье «Очерк аккинского языка»¹. Второй работой, посвященной аккинскому диалекту, является наша работа «Аккинский диалект»². Некоторые сведения об аккинском диалекте даны и в «Чечено-Ингушской диалектологии» проф. Д. Д. Мальсагова³.

Аккинцы исстари жили в нагорном районе Лам-Акки, у истока реки Гехи (Галанчоожский район), где находится урочище Нашах. Аккинцам, как и всем вайнахским племенам, жилось здесь исключительно тяжело вследствие недостатка земли. Но тем не менее они, вытесненные с плоскости кочевниками-завоевателями, вплоть до падения татаро-монгольского владычества на Северном Кавказе, вынуждены были оставаться в малодоступных горах.

В результате относительной изолированности друг от друга почти у каждого из вайнахских племен, естественно, вырабатывались и свои языковые особенности. Аккинский диалект начал складываться еще в нагорном Акки.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

Звуковой состав аккинского диалекта в количественном и качественном отношении почти ничем не отличается от звукового состава чеченского литературного языка, в основе которого лежат плоскостные говоры чеченского народного языка. Отличие заключается в отсутствии в аккинском диалекте долгой фонемы переднего ряда среднего подъема *э* и в большем или меньшем употреблении тех или других форм. Например, сфера употребления фонем переднего ряда среднего подъема *оь//оь* в аккинском диалекте значительно сужена по сравнению с плоскостным диалектом. Фонема *оь* в аккинском почти всегда закономерно заменяется фонемой переднего ряда верхнего подъема *уь* или *уьй*: *дубьша*, *хубтга*, *лубьха*, *дубьха*. Ср. лит.: *дбьшу* — «читаю», *хобтгу* — «спрашиваю», *лобьку* — «гонят», *лоьху* — «ищу».

Гласные. Система гласных может быть представлена в аккинском диалекте в следующем виде:

1. Чистые (неносовые):

Простые (обычные) *а, э, и, о, у, уь*

Долгие *а, и, о, у, уь*

¹ См.: З. К. Мальсагов. Очерк аккинского языка. — Известия ЧИНИИ. Т. 1, вып. 4. Грозный, 1936.

² См.: И. А. Арсаханов. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.

³ См.: Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология. Грозный, 1941.

Дифтонги (обычные) . . . *e, yo, ай, ой, уй, ев, ив, ав*
Долгие *ие, ий, уо, уй*

2. Носовые:

Простые *а^н, и^н, у^н*

Дифтонги (обычные) . . . *ие^н, уо^н*

Долгие *ие^н, ий^н, уо^н*

3. Умляюты *ав, ав, ов, ов*

4. Полугласные . . . *и, в*

5. Трифтонги *уой, ией*

Полугласные в аккинском диалекте, как и в литературном языке, выступают в качестве составного элемента нисходящих дифтонгов и трифтонгов: *лай* — «зимой», *бай* — «целина», *глюй?* — «идешь?», *гуй?* — «видишь?», *лев* — «отдай», *глив* — «запорка», *цлав* — «сноп», *лав* — «снег», *дий* — «сделаем».

Носовые гласные в аккинском диалекте в большинстве случаев могут быть фонетически противопоставлены:

се — почка (на дереве), *се^н* — мой
лие — или, *лие^н* — умирающий
га — ветка, *га^н* — видеть
гла — лист, *гла^н* — сон
ха — бедро, *ха^н* — время
ла — зима, *ла^н* — находиться
да — отец, *да^н* — принести
лав — пар, *лав^н* — находящийся
хи — вода, *хи^н* — род. п. от *хи* — вода
хью — ты, *хью^н* — носимый
глю — помощь, *глю^н* — идущий
сай — олень, *сай^н* — мой собственный
бай — целина, *бай^н* — легкий
дай — отцы, *дай^н* — легкий
дий? — есть ли?, *дий^н* — сделал
гу — вижу, *гу^н* — видимый
хлу — семя, *хлу^н?* — что?
шу — вы, *шу^н* — стол, ваш

Но такие носовые, как *ие^н*, *уо^н*, фонематического противопоставления не имеют: *цлие^н* — «красный», *кбие^н* — «бедный», *глие^н* — кизячный», *вуд^н* — «плохой», *лакху^н* — «чуть выше», *майру^н* — «чуть храбрее», *сонту^н* — «чуть глупее» и т. п.

Согласные е. Согласные в аккинском диалекте особых отклонений от консонантизма чеченского литературного языка не имеют, если не считать наличия в пхьарчхоевском говоре спирантизованного долгого **І** (**айна**), который, как правило, встречается перед гласным в начале слова (*лу^н* — «пастух», *ла^нхар* — «ягненок», *лабаг* — «ложка»).

Долгие гласные е. В системе согласных в аккинском диалекте, как и в литературном языке, представлены долгие согласные, которые могут быть фонетически противопоставлены кратким:

мича? — куда, *мичча* — куда угодно
дита — оставить, *дитта* — стирать
дата — свертываться, *датта* — жарить
дила — мой, *дила* — клади
дала — бог (эрг. п), *далла* — богу (дат. п.)
субга — ко мне, *суоггара* — от меня одного
нагахь — если, *наггахь* — редко
сеха — быстро, *сехха* — побыстрее
гайна — далеко, *гайна* — очень далеко

наЫаре — к двери, *наЫIаре* — к самой двери
адам — человек, *аддам* — никого
хIама — вещь, *хIамма* — ничего
кхуз — трижды, *кхузза* — даже три раза
хаза — красиво, *хазза* — аккуратно
Iаж — яблоко, *Iажжал* — с яблоко
лоца — коротко, *лоцца* — вкратце
дава — потеряться, *даввуо^а* — потерять
хава — сесть, *хаввуо^а* — посадить
кубре — к окну, *куорре* — к самому окну
дика — хорошо, *дикка* — изрядно

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Ч е р е д о в а н и е г л а с н ы х. Как известно, явление чередования корневых гласных очень широко распространено в чеченском литературном языке и используется как дополнительное грамматическое средство, сопровождающее флексию при формообразовании.

В аккинском диалекте процесс этот представлен значительно уже, чем в литературном, особенно в парадигме склонения, где наблюдаются следующие чередования:

1. При образовании форм мн. ч. от имен существительных с корневым гласным *а*:

Аккинский диалект

а//аь

газа — *гаьзарий*
маха — *маьхий*
хьаша — *хьаьший*

Литературный язык

а//е

газа — *геьзарий* — коза
маха — *меьхий* — игла
хьаша — *хеьший* — гость

2. При образовании форм мн. ч. от имен существительных с корневым гласным *уо*: *дуош* — *дешанш* — «слово», *дуог* — *деганиш* — «сердце», *буорз* — *берзалой* — «волк», *муотт* — *меттанш* — «язык». Данный вид чередования является общей фонетической особенностью аккинского диалекта и чеченского литературного языка.

3. При образовании форм мн. ч. от имен существительных с корневым гласным *уо*:

Аккинский диалект

уо//уо

суом — *субмаш*
луом — *лубмаш*
туоп — *тубпаш*
луор — *лубраш*
буоз — *бубзаш*

Литературный язык

уо//оь

суом — *сбьмаш* — рубль
луом — *лбьмаш* — лев
туоп — *тбьпаш* — ружье
луор — *лбьраш* — врач
буоз — *ббьзаш* — бязь

4. При образовании форм косвенных падежей ед. ч. от имен существительных с корневым гласным *уо* в аккинском диалекте *уо//е* во всех падежах, а в литературном языке *уо//е* только в родительном падеже:

Аккинский диалект

уо//е

Им. *дуог*, *буорз*
 Род. *дега^а*, *берза^а*
 Дат. *дегана*, *берзана*
 Эрг. *дегуо*, *берзуо*

Литературный язык

уо//а, *уо//е* (род. п.)

дуог, *буорз* — сердце, волк
дега^а, *берза^а*
дагна, *барзана*
дагуо, *барзуо*

5. В аккинском диалекте при образовании форм мн. ч. корневой гласный нижнего подъема среднего ряда **а** может чередоваться с долгим **á**:

Аккинский диалект	Литературный язык
а//á	а//é
<i>бад — ба́даш</i>	<i>бад — бе́даш — утка</i>
<i>кад — ка́даш</i>	<i>кад — ке́даш — чашка</i>
<i>глаз — гла́заш</i>	<i>глаз — гле́заш — гусь</i>
<i>хвач — хва́чаш</i>	<i>хвач — хве́чаш — слива</i>
<i>лаж — ла́жаш</i>	<i>лаж — ле́жаш — яблоко</i>

Аналогичное чередование происходит и при склонении этих имен:

Аккинский диалект	Литературный язык
Им. <i>бад, кад</i>	<i>бад, кад — утка, чашка</i>
Род. <i>ба́да^н, ка́да^н</i>	<i>бе́да^н, ке́да^н (бе́ди^н, ке́ди^н)¹</i>
Эрг. <i>ба́дуо, ка́дуо</i>	<i>бе́дуо, ке́дуо</i>

6. При образовании уменьшительной формы в аккинском диалекте **а** краткий может чередоваться и с **аь** долгим переднего ряда среднего подъема: *кад//каьдаг* — «чашка», *хвач//хваьчак* — «слива», *га//гаьлаг* — «ветка».

Встречаются и такие случаи, когда **а** краткий чередуется с **аь** кратким при образовании уменьшительной формы существительных: *глант//гаьнтак* — «стул», *балл//баьлаг* — «репейник».

7. В аккинском диалекте при образовании уменьшительной формы наблюдается чередование корневого гласного **у** с кратким **уь** переднего ряда верхнего подъема²: *сурт//суьртак* — «рисунок», *мухь//муьхьаг* — «сало», *бухь//буьхьаг* — «вершина», *букь//буькьаг* — «спина», *урсл//урьсак* — «нож».

8. При образовании уменьшительной формы от имен существительных *хуох* — «лук», *куоч* — «рубашка» происходит чередование корневого **уо** с **уьй** переднего ряда верхнего подъема: *хуох//хуьйхак*, *куоч//куьйчак*.

9. Чередование корневого гласного нижнего подъема среднего ряда **а** с кратким **е(не)** переднего ряда наблюдается при образовании уменьшительной формы имен существительных *са* — «душа», *гла* — «лист», *кьа* — «грех» и др.: *салл//селе*, *галл//геле*, *кьалл//кьелг*.

В аккинском диалекте имеются и другие случаи чередования корневых гласных имен существительных, но мы не приводим их здесь, поскольку они являются свойственными и аккинскому диалекту и чеченскому литературному языку.

В парадигме спряжения в аккинском диалекте отмечены следующие случаи чередования корневых гласных:

1. При образовании формы настоящего времени в аккинском диалекте, как и в литературном языке, наблюдается чередование корневого долгого **а** с долгим **о**:

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>áла — о́ла ← áло³</i>	<i>áла — о́лу — сказать</i>
<i>ва́ла — во́ла ← ва́ло</i>	<i>ва́ла — во́лу — кончить</i>
<i>а́ха — о́ха ← ба́хо</i>	<i>ба́ха — бо́ху — говорить</i>
<i>ар́ха — ор́ха ← ал́хо</i>	<i>ал́ха — о́лха — чесать</i>

¹ Подробно об этом см.: Д. С. И м н а й ш в и л и. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы.—ИКЯ. Т. 13. Тбилиси, 1962.

² Сравнения с чеченским литературным языком мы не приводим здесь, так как в нем нет уменьшительной формы.

³ Примеры взяты из чеберловского диалекта.

2. Аналогичным же образом чередуется и краткий корневой *а* при образовании настоящего времени, то есть *а/о*:

Аккинский диалект

вада — *вода*
таса — *тоса*
лалла — *лолла*
саца — *соца*

Литературный язык

вада — *воду* — бежать
таса — *тосу* — бросить
лалла — *лоллу* — гнать
саца — *соцу* — остановиться

3. При образовании формы настоящего времени от ряда глаголов корневой долгий *а* может чередоваться с долгим *аь* переднего ряда среднего подъема:

Аккинский диалект

да́тла — *даьтла*
да́ха — *даьха*
да́жа — *даьжа*
да́га — *даьга*

Литературный язык

да́тла — *де́тла* — порваться
да́ха — *де́ха* — жить
да́жа — *де́жа* — пасться
да́га — *де́га* — гореть

4. Аналогичное же чередование наблюдается и при образовании от этих глаголов форм прошедших времен:

Аккинский диалект

да́тла — *даьтлара*
да́ха — *даьхара*
да́жа — *даьжара*
да́га — *даьгара*

Литературный язык

да́тла — *де́тлара* — порвался
да́ха — *де́хара* — прожил
да́жа — *де́жара* — пасся
да́га — *де́гара* — погорел

5. При образовании форм настоящего времени от некоторых глаголов корневой краткий *а* может чередоваться с *е(ие)* кратким:

Аккинский диалект

лата — *лета*
дата — *дета*
кхада — *кхеда*

сатта — *сетта*
ваха — *веха*

Литературный язык

лата — *лета* — бороться
дата — *дета* — свертываться
кхалха — *кхелха* — переселиться

сатта — *сетта* — гнутья
ваха — *веха* — опьянеть

6. Корневой краткий *и* при образовании формы настоящего времени чередуется с кратким *уь* переднего ряда верхнего подъема:

Аккинский диалект

и/уь
вига — *вуьга*
дилла — *дуьлла*
лутта — *луьтта*
кхисса — *кхуьсса*

Литературный язык

и/уь
вига — *вуьгу* — вести
дилла — *дуьллу* — класть
лутта — *луьтту* — вонзить
кхисса — *кхуьссу* — бросать

7. От ряда глаголов формы настоящего времени образуются путем чередования корневого долгого дифтонга *ие* с долгим *уьй* переднего ряда верхнего подъема:

Аккинский диалект

ие/уьй

хьиеха — хуьйха
лиеха — луйьха
диеха — дуьйха
хьиежа — хуьйжа
кхихьа — кхуйьха

Литературный язык

ие/оь

хьиеха — хьоьху — учить
лиеха — лоьху — искать
диеха — доьху — просить
хьиежа — хьоьжу — смотреть
кхихьа — кхоьху — носить

8. При образовании формы настоящего времени от глаголов с корневым гласным **уо** происходит чередование **уо** с **у**, как и в литературном языке: *туьха//туьху* — «ударить», *дуотта//дутьту* — «налить», *хуотта//хутту* — «соединить», *луотта//лутту* — «воткнуть» и т. п.

9. В аккинском диалекте, как и в литературном языке, при образовании формы настоящего времени от глаголов с корневым гласным **ий** наблюдается чередование **ий** с **уьй**: *дийца//дуьйца* — «рассказывать», *дийша//дуьйша* — «ложиться», *кьийса//кьуьйса* — «спорить».

10. При образовании форм прошедших времен от глаголов с корневым **ие** долгим в аккинском диалекте, как и в литературном языке, происходит чередование **ие** с **ий**:

Аккинский диалект

лиеха — лийхара
хьиеха — хийхара
хьиежа — хийжаара

лиела — лийлара
диеша — дийшара

Литературный язык

лиеха — лийхира — искать
хьиеха — хийхира — учить
хьиежа — хийжира — смотреть

лиела — лийлира — ходить
диеша — дийшира — читать

11. В аккинском диалекте при образовании формы прошедшего времени от глаголов с **уо** долгим наблюдается чередование **уо** с **оь** долгим:

Аккинский диалект

дуоха — доьхара
дуола — доьлара
дуожа — доьжара

Литературный язык

дуоха — дуьйхира — разбиться
дуола — дуьйлира — привыкать
дуожа — дуьйжира — упасть

Краткий дифтонг **уо** при образовании аналогичной формы прошедшего времени чередуется с кратким **оь**, как и в литературном: *дуотта — доьтгара* — «налить», *кхуосса — кховьссара* — «бросить», *уола — оьллара* — «повесить», *хуотта — хоьттара* — «соединить» и т. п.

12. Долгий **у** при образовании формы прошедшего времени чередуется с долгим **уьй** переднего ряда верхнего подъема, как и в литературном языке: *духа — дуьйхара* — «надеть», *дула — дуьйлара* — «натянуть», «запрячь», *дуза — дуьйзара* — «натянуть».

Краткий **у** в аккинском, как в литературном, во всех формах прошедших времен чередуется с кратким **уь**: *дуза — дуьзара* — «наполнить», *дуста — дуьстара* — «мерить», *дукъа — дуькъара* — «прудить».

Удлинение гласных. Процесс удлинения гласных наблюдается в аккинском диалекте как при образовании форм мн. ч., так и при склонении некоторых имен существительных и местоимений. Так, например, при образовании мн. ч. краткая фонема — дифтонг **уо** может переходить в долгую фонему — **уо:** *хуох//хуохаи* — «лук», *куоч//куочаи* — «рубашка», *луор//луораи* — «врач», *кхуор//кхуораи* — «груша», ср. чеч. лит.: *хуох//хуохаи*, *луор//луораи*, *кхуор//кхуораи*.

Аналогичное же явление мы наблюдаем и при склонении этих имен существительных и некоторых личных местоимений:

Аккинский диалект	Литературный язык
Им. <i>хуох, луор</i>	<i>хуох, луор</i> —лук, врач
Дат. <i>хуохана, луорана</i>	<i>хуохана, лобрана</i>
Тв. <i>хуохаца, луораца</i>	<i>хуохаца, лубораца</i>
Им. <i>суо, хьуо</i>	<i>суо, хьуо</i> — я, ты
Дат. <i>суона, хьуона</i>	<i>суна, хьуна</i>
Тв. <i>суоца, хьуоца</i>	<i>совца, хьовца</i>

Такому же процессу подвержена и фонема **е(ие)** как при образовании форм мн. ч., так и при склонении имен существительных в ед. ч.: *дег* — «тело», *диеглаш* — «тела», *беш* — «сад», *биешаш* — «сады», *бел* — «лопата», *биелаиш* — «лопаты», *беш* (им. п.), *биешана* (дат. п.), *дег* (им. п.), *диеглана* (дат. п.).

Редукция гласных. Переход долгих гласных в краткие отмечен в аккинском диалекте, как и в литературном, в особых модальных формах глагола, где долгий гласный, попадая в положение закрытого слога, сокращается: *лаца* — «поймать», *лаццал* — «как раз столько, чтобы поймать», *дага* — «гореть», *даггал* — «как раз столько, чтобы гореть», *вах* — «жить», *ваххал* — «как раз столько, чтобы жить».

Редукция конечных кратких весьма широко распространена в аккинском диалекте. Особенно сильной редукции подвержены гласные в аффиксах прошедших времен и в аффиксах падежей. Так, например, конечный гласный аффикса очевиднопрошедшего времени настолько слаб, что почти не слышится: *ведара* — «бежал», *ийцара* — «купил», *вахара* — «ушел», *виеара* — «пришел».

Сильной редукции подвергается также **а** в конце аффиксов дательного, творительного и вещественного падежей: *дегана* — «сердцу», *дегаца* (тв. п.), *дегах* (вещ. п.) и т. п.

Выпадение гласных. Редукция гласных в ряде случаев приводит к полной утрате гласного **а** перед суффиксами дательного, творительного, вещественного и других падежей:

Аккинский диалект	Литературный язык
Им. <i>уста</i>	<i>сту</i> — бык
Род. <i>истара^н</i>	<i>стера^н</i>
Дат. <i>истарна</i>	<i>старна</i>
Тв. <i>истарца</i>	<i>старца</i>
Вещ. <i>истарх</i>	<i>старх</i>

Выпадение гласных наблюдается и перед аффиксами прошедшего совершенного времени: *вахнув* (*вахана ва*) — «пошел», *веднув* (*ведана ва*) — «бежал», *диенд* (*диена да*) — «принес».

Процесс редукции в аккинском диалекте оказался настолько интенсивным, что под его влиянием из состава аффикса прошедшего совершенного времени выпал классный элемент **й**, выражающий женский класс, например: *веднув* — «бежал» (мужской класс), *деданд* — «бежало» (класс вещей) и *йедани* (*йеданий* ← *йедана йа*) — «бежала» (женский класс). В последнем примере (*йедани*) утерян полугласный элемент **й**, который является показателем женского класса.

Выпадение согласных. В аккинском диалекте выпадают согласные как в начале, так и в конце, а иногда и в середине слов. Отмечены сохранения этих согласных в литературном языке (более древняя структура слова).

В аккинском диалекте утрачены согласные в следующих словах:

В начале слова

Аккинский диалект

урз
уотта
уотар
хир
хьамач
аха

В конце слова

Аккинский диалект

ламас
мацуо
лам
хьакъу
бха
хорда

И, наоборот, наблюдается утрата согласных в словах литературного языка при сохранении этих согласных в словах аккинского диалекта:

Аккинский диалект

гайг
г'охкар (дехкурэ)
гаьнжарг

Литературный язык

к'урз — сажа
х'уотта — становиться
к'уотар — хутор
тхир'хир — резьба
хьахьмач — клей
баха — говорить

Литературный язык

ламаст — нрав, обычай
мацал — голод
лами — лестница
хьакхолг — щиколотка
охана — пашня
харданг — зоб

В чеченском литературном языке наблюдается очень много случаев утраты в словах конечного слога:

Аккинский диалект

хьбда
дагагла
йуокъана
куьда
мерга
мода
тукалг
чбкхи
к'лужалг

Литературный язык

хьэ — мозг
дага — топорище
йуокъа — засуха
куй — шапка
миър — задняя нога
муо — рубец
туй — плевок
чоа — черкеска
к'луж — хохол

Нередки случаи, когда в словах литературного языка происходит утрата звука или слога и из середины слова при сохранении их в аккинском диалекте:

Аккинский диалект

дарда
барт
берда
барканчак
сархаст
дуьхьарлуо
пхьарал
тхьатта
цапцалдаг
чамхалдаг
чавж
дуьппалдаг

Литературный язык

дара — кроить
бат — уста
биера — мельничное колесо
биранчик — качели
серхат — щепка
дуьхьалуо — преграда
пхьбда — ремесло
татта — толкать
цаьпцалг — кузнечик
чамхалг — соломинка
чуож — пах
чуьппалг — кукурузные
хлопья

иегар
Іаждаркх
бада
гІубдагІа
шари
Іанса
лавса

Іажаркх — сорняк
эр — борзая
Іаса — посох
шач — осока
гІубгІ — ляжка
буо — сирота
Іаса — просеять

В аккинском также могут выпадать согласные из середины слова:

Аккинский диалект

чІуьрг
чІуор
цІа
тІа
марцхаг

мІаьргана

Литературный язык

чкьург — колесо
чкьуор — кожа, кора
цкѣа — раз
ткѣа — а (союз)
мерцхалг — опаленная кожа-

маьНаргона — чуть-чуть

А с с и м и л я ц и я. Явление ассимиляции почти не свойственно аккинскому диалекту. Случай прогрессивной контактной ассимиляции обнаружен нами только в двух словах: *бамма* (чеч. *бамба*) — «хлопок», *далла* (*дална*) — «богу», исходная форма которого звучит *даьла* — «бог». Здесь сонант *н*, входящий в состав аффикса дательного падежа, уподобился предыдущему корневому сонанту *л*, то есть *н* → *л* (*дална* → *далла*).

Неполная контактная регрессивная ассимиляция в аккинском диалекте наблюдается в аффиксах прошедшего совершенного времени, где суффиксальный сонант *и* под влиянием последующего за ним классного элемента **б** изменяется в *м*:

Аккинский диалект

уста биемб
кѣалам ийцямб

буорх биймб

Литературный язык

сту биеана — бык пришел
кѣалам эцна — карандаш купили

буолх бина — работали

Если классный показатель выражен другим звуком, то подобной ассимиляции не происходит:

Аккинский диалект

Іаьса диенд
татрадъ ийцанд

Литературный язык

эса деана — теленок пришел
тетрадъ эцна — тетрадь купили

В аккинском диалекте отмечены случаи замещения **б** литературного через *м* в середине слова:

Аккинский диалект

бамма
чалма
гІайма
дарма

Литературный язык

бамба — хлопок
чалба — чалма
гІайба — подушка
дарба — лекарство

В начальной позиции в аккинском иногда наблюдается замена литературного **й** переднеязычным сонорным **л**:

Аккинский диалект

лухь/ловхь
лилбаз
ламарт

Литературный язык

йовхь — кишка
йилбаз — дьявол
ямарт — подлец

Деаффрикатизация. Явление деаффрикатизации имеет место в аккинском диалекте как в конце, так и в начале слова (обычно после сонорных):

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>xʎuonc</i>	<i>xʎuonɕ</i> — добыча
<i>xʎaʎnc</i>	<i>xʎaʎmɕ</i> — мушмула
<i>irɕa</i>	<i>irɕa</i> — некрасивый
<i>duppaldaɕ</i>	<i>ɕuʎppalɕ</i> — кукурузные хлопья
<i>ɕlɔpa</i>	<i>ɕlɔpa</i> — плоский
<i>ɕurkʎaɕ</i>	<i>ɕurkʎaɕ</i> — заноза
<i>taɕta</i>	<i>ɕaɕta</i> — стругать
<i>ɕarɕ</i>	<i>ɕarɕ</i> — приступ

Озвончение. Процесс озвончения наблюдается в аккинском диалекте в небольшом количестве слов:

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>xʎijʎa</i>	<i>xʎijʎa</i> — садиться
<i>xʎaʎrɕaxʎaɕ</i>	<i>xʎaʎrɕaxʎaɕ</i> — алыча
<i>ɕurkʎaɕ</i>	<i>ɕurkʎaɕ</i> — заноза
<i>taɕ</i>	<i>taɕ</i> — таз
<i>ɕarɕ</i>	<i>ɕarɕ</i> — приступ

Метатеза. Явление метатезы в аккинском диалекте встречается очень редко:

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>belɕar</i>	<i>berɕal</i> — ничком
<i>moɕɕal</i>	<i>moɕɕal</i> — челюсть, щека
<i>ɕurkʎaɕ</i>	<i>ɕurkʎaɕ</i> — заноза
<i>ɕɕurɕal</i>	<i>ɕɕurɕal</i> — недоуздок
<i>ɕurɕal</i>	<i>kuɕɕɕalɕ</i> — шаль
<i>ɕɕoɕɕal</i>	<i>ɕlɔɕɕal</i> — колючка
<i>arɕl</i>	<i>raɕl</i> — скирда
<i>ɕɕmarɕaɕx</i>	<i>ɕaʎramɕeɕx</i> — чеснок
<i>ɕirɕaɕ</i>	<i>ɕiɕarɕiɕ</i> — кирпич
<i>ɕlɔʎrɕana</i>	<i>maʎlɕarɕona</i> — чуть-чуть
<i>irɕɕali</i>	<i>isɕar</i> — сукно

Соответствия между согласными звуками. Между согласными звуками аккинского диалекта и литературного языка, или плоскоязычного диалекта чеченского языка, устанавливаются следующие звукосоответствия:

1. Одной из главных особенностей согласных аккинского диалекта можно считать наличие в нем особого, несвойственного другим диалектам чеченского языка звуко сочетания *rx*, которому в других диалектах чеченского языка и в ингушском соответствует комплекс *lx*, а в бацбийском — сочетание *tx*.

Аккинский диалект	Литературный язык	Бацбийский диалект
<i>buɕrx</i>	<i>buɕlx</i>	<i>botx</i> — работа
<i>marx</i>	<i>malx</i>	<i>matx</i> — солнце
<i>ɕarx</i>	<i>ɕalx</i>	<i>etx</i> — шесть
<i>ɕarɕa</i>	<i>ɕalɕa</i>	<i>ɕatx</i> — двойной
<i>verɕa</i>	<i>velɕa</i>	<i>vetɕar</i> — плакать

2. Другой особенностью консонантизма аккинского диалекта, отдающей его от чеченского плоскостного и сближающей с ингушским, является отсутствие в нем в начале слова сочетания согласных ст, которому в аккинском, как и в ингушском, соответствует с или комплекс ист//уст:

Аккинский диалект	Ингушский язык	Литературный язык	Бацбийский диалект	
<i>саг</i>	<i>саг</i>	<i>стаг</i>	<i>стаkl</i>	— человек
<i>сигал</i>	<i>сигале</i>	<i>стигла</i>	<i>ца</i> (груз.)	— небо
<i>сомара</i>	<i>самарде</i>	<i>стомара</i>	<i>сипсаре</i>	— позавчера
<i>сохка</i>	<i>соахка</i>	<i>стохка</i>	<i>стloхка</i>	— в прошлом
<i>уста</i>	<i>уст</i>	<i>сту</i>	<i>пстлу</i>	— бык
<i>устда</i>	<i>устда</i>	<i>стунда</i>	<i>пстундад</i>	— тесть
<i>истам</i>	<i>сим</i>	<i>стим</i>	<i>навгле</i> (груз.)	— желчь
<i>истака</i>	<i>пела</i>	<i>стака</i>	<i>стакла</i>	— стакан
<i>истуол</i>	<i>истуол</i>	<i>стуол</i>	<i>штлол</i>	— стол
<i>устам</i>	<i>сом</i>	<i>стом</i>	—	— фрукты

3. К следующей особенности аккинского консонантизма можно отнести соответствие в некоторых именах существительных аккинскому губному глухому взрывному п губного звонкого взрывного б:

Аккинский диалект	Ингушский язык	Литературный язык
<i>сопа</i>	<i>сапа</i>	<i>саба</i> — мыло
<i>пархат</i>	<i>бархат</i>	<i>бархат</i> — плюш
<i>сипат</i>	<i>сипат</i>	<i>сипат</i> — вид
<i>кирпач</i>	<i>кирпишк</i>	<i>кибарчиг</i> — кирпич
<i>пехчак</i>	<i>пахашк</i>	<i>бехчалг</i> — тряпка
<i>члубн</i>	<i>бусалехарг</i>	<i>члубб</i> — сын

4. В некоторых именах существительных аккинскому губному сонорному м в литературном может соответствовать переднеязычный взрывной сонант н:

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>димбарг</i>	<i>динберг</i> — подорожник
<i>семгал</i>	<i>саьнгал</i> — сера
<i>цланда</i> "	<i>цланда</i> " — чистить
<i>шимаш</i>	<i>шаннаш</i> — вымя
<i>джимарш</i>	<i>джаннаш</i> — почки

Но иногда наблюдаются и обратного порядка звукосоответствия, то есть аккинскому переднеязычному сонанту н в литературном может соответствовать губной сонант м:

Аккинский диалект	Литературный язык
<i>кенсаиш</i>	<i>кемсаиш</i> — виноград
<i>хьавнс</i>	<i>хьавмц</i> — мушмула

В двух словах аккинскому начальному ларингальному хI в литературном соответствует переднеязычный глухой спирант с: акк. *хIискал* — «кукурузная лепешка», *хIискалгIа* — «кукурузная мука», чеч. лит. *сискал* — «кукурузная лепешка», *сискалгIа* — «кукурузная мука».

В двух словах отмечено соответствие аккинскому переднеязычному глухому свистящему спиранту с переднеязычного шипящего спиранта ш: акк. *кьавьхаасти* — «яшень», *хьарсам* — «чих», чеч. лит. *кьавьхаш* —

ту — «ясень», хворшам — «чих». А в одном слове, наоборот, аккинскому шипящему спиранту ш в литературном соответствует свистящий спирант с: акк. *гури* — «время инея», чеч. лит. *турс* — «время инея».

В словах *хьаьрсахьач* — «слива», *таз* — «таз» литературному глухому спиранту с в аккинском соответствует переднеязычный звонкий спирант з: акк. *хьаьрзахьач* — «слива», *таз* — «таз».

В двух именах существительных аккинскому губно-губному глухому спиранту ф в середине слова соответствует в литературном языке губно-губной глухой взрывной п: акк. *хлуфъала*^н — «дуть», *хлуфъаьраг* — «трубка для раздувания огня», чеч. лит. *хлупъала*^н — «дуть», *хлупъэриг* — «трубка для раздувания огня».

Иногда аккинскому переднеязычному вибранту р в литературном может соответствовать латеральный л: акк. *ваьччарг* — «клещ», *гьурч* — «шаг», *кьерлу* — «трус», чеч. лит. *веччалг* — «клещ», *гьулч* — «шаг», *кьиллуо* — «трус».

Редко аккинский переднеязычный смычно-гортанный тl может соответствовать литературному переднеязычному взрывному т: акк. *ватlклар* — «уж», *питлана* — «кляуза», чеч. лит. *вотангар* — «уж», *питана* — «кляуза». А в слове «туз», наоборот, аккинскому т в литературном соответствует тl: акк. *туз* — «туз», чеч. лит. *тlуз* — «туз».

Аккинскому фарингальному кх в литературном языке в одном слове соответствует заднеязычный звонкий взрывной г (акк. *кхема* — «станок для разминания кожи», чеч. лит. *гхема*), а в другом слове аккинскому кх в литературном соответствует заднеязычный взрывной к: акк. *кхес* — «волок сена», чеч. лит. *кес* — «волок сена».

В литературном слове *кlохцал* — «колючка», с одной стороны, заднеязычный смычно-гортанный кl соответствует аккинскому фарингальному кь (акк. *кьоцlкьал* — «колючка»), а с другой стороны, аккинскому переднеязычному смычно-гортанному аффрикату цl в литературном соответствует переднеязычная несмычно-гортанная глухая аффриката ц: акк. *кьоцlкьал* — «колючка», чеч. лит. *кlохцал* — «колючка».

Необходимо отметить также одиночные, несистематические звуко-соответствия между согласными звуками аккинского диалекта и чеченского литературного языка:

Аккинский диалект	Литературный язык
ч	ш
<i>эчкал</i>	<i>аьшкал</i> — лопатка, совок
<i>печ</i>	<i>пеш</i> — печь
ш	ч
<i>ирша</i>	<i>ирча</i> — некрасивый
б	б
<i>бlал</i>	<i>бал</i> — кон
б	бl
<i>баржам</i>	<i>бlоржам</i> — бурки
р	рхl
<i>вар</i>	<i>вархl</i> — семь
<i>бар</i>	<i>бархl</i> — восемь
ч	чч
<i>чачам</i>	<i>чаччам</i> — дробь
тl	чl
<i>тlопа</i>	<i>чlапа</i> — плоский
<i>тlопа.шкьхьа</i>	<i>чlапа.шкьхьа</i> — плашмя
к	г
<i>ката</i>	<i>гата</i> — парусина
<i>куб^н</i>	<i>гоб^н</i> — матрац

	кІ		къ	
кІерсак		кърсиг	— пересохшая кожа	
	нн		лл	
донна		дуоллу	— все, что есть	
	гІ		г	
гІулдагаш		гилгаш	— щекотки	
	л		н	
гІулдам		гІундалгІа	— бузина	
гІилмаьлда		гулмаьнда	— шаль	
лирха		нилха	— редкий	
	л		й	
лбьда		нуйьда	— пуговица	
лилбаз		йилбаз	— дьявол	
лухь/лбыхь		йовхь	— кишка	
лмарт		йамарт	— подлый	
	х		гІ	
		дуоттагІ	— друг	
дуоттах		уьстагІ	— овца	
устха			д	
	тІ		даьлахк	— кость
тІехк		добьхка	— пояс	
тІохкар			п	
	пп		зобьпар	— лангета
зиппар			к	
	хІ		кийтарлуо	— хитрость
хІитарлуо			дж	
	дз		джима	— молодой
дзимга				

ВЫВОДЫ

1. В аккинском диалекте, как и в ингушском языке, отсутствует долгая фонема переднего ряда среднего подъема *é* (*é*). Вместо нее в аккинском, как и в ингушском, бытует долгая фонема переднего ряда *аь*, которая произносится более открыто, чем *é*.

Фонема *аь* вторичного происхождения. Она возникла в аккинском диалекте под влиянием фонетического закона дистанционной регрессивной ассимиляции гласных. Регрессивная ассимиляция гласных очень широко распространена в аккинском диалекте и охватывает почти все части речи. Сущность этого фонетического явления заключается в том, что корневые гласные под влиянием исходных аффиксальных гласных палатализируются¹. Например, форма одного из прошедших времен от глагола *ала*² — «сказать» в аккинском звучит *аьла*³ (*→ аьли*⁴ *→ эли*⁵ *→ али*⁶).

2. В одном только аккинском диалекте мы находим самую древнюю форму прошедшего определенного времени, которая восходит к общенахскому языку-основе. В аккинском диалекте эта форма звучит *аьлна*, а в других диалектах чеченского языка она произносится *аьла*, *алла*, *алле*. Дело в том, что в этих диалектах, а также и в литературном чеченском аффиксальный и подвергся ассимиляции, то есть *аьлла* *→ аьлна* *→ алне* *← алине*.

Таким образом, аккинская форма *аьлна* проливает свет на историю возникновения и развития форм прошедшего определенного времени современного чеченского языка.

3. В пхьарчхоевском говоре аккинского диалекта бытует своеоб-

¹ См.: Д. С. Иманайшвили. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы. — ИКЯ. Т. 13. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1962.

² Форма *али*² и ныне бытует в чеберловском диалекте.

разный спондизованный форингальный звук **l**, напоминающий арабский *айн*, который образуется путем ослабления смычки. Встречается он преимущественно в начальной позиции (*lʒam* — «озеро», *lʒaxar* — «ягненок»). Звук *lʒ*, видимо, возник в пхъарчхоевском говоре под влиянием соседнего аварского языка.

4. Если в чеченском литературном языке при образовании форм мн. ч. имен существительных *yo/lo* чередуется с долгим дифтонгом *oʒ* (*suom* — *soʒmash* — «рубль», лом — *loʒmash* — «лев»), то в аккинском диалекте данный вид чередования отсутствует (*suom* — *suomash*, *luom* — *luomash*).

Следует отметить, что дифтонг *oʒ* в литературном языке вторично происхождения. Он получен из *yo/lo* как результат палатализации, вызванной регрессивной ассимиляцией, то есть *soʒmash* — *suomash* — *suomiʒ*¹.

5. В аккинском диалекте не отмечено случая, когда монофтонг *a* чередуется с долгим монофтонгом переднего ряда *e* (*kad* — *keʒdash* — «чашка — чашки», *laj* — *leʒjash* — «яблоко — яблоки»; ср. акк.: *kad* — *kaʒdash*, *laj* — *leʒjash*).

Здесь также фонема *e* более позднего происхождения. Она тоже получена в результате регрессивной ассимиляции гласных, то есть *keʒdash* ← *kaʒdash*, как это засвидетельствовано в чеберлоевском диалекте, где эти слова звучат и поныне: *kad* — *kaʒdash* // *kaʒdash*, *laj* — *leʒjash* // *leʒjash*.

6. Если в чеченском литературном языке при образовании форм настоящего времени наблюдается чередование корневых гласных *ie* — *oʒ* (*dieha* — *doʒhu* — «просить — прошу», *ieca* — *boʒu* — «брат — беру»), то в аккинском диалекте *ie* чередуется с дифтонгом *uʒ* (*dieha* — *duʒha*, *ieca* — *uʒca*).

Здесь с исторической точки зрения как литературное *oʒ*, так и диалектное *uʒ* вторичного происхождения: они возникли в порядке регрессивной ассимиляции под влиянием исходного лабиального гласного *o/ʉ*, то есть *duʒha* // *duʒhu* → *doʒhu* ← *dieho* // *diehu*, как об этом свидетельствует чеберлоевский диалект.

7. В аккинском диалекте широко распространено выпадение согласных: *urz* — «сажа», *uotta* — «становиться», *otar* — «хутор», *xʒamach* — «клей», *axa* — «говорить», *lam* — «лестница», *oxa* — «пашня» и др.; ср. лит.: *klurz*, *xluotta*, *klutar*, *xʒaxʒamach*, *baxa*, *lami*, *oxana*.

8. Явление деаффрикатизации в аккинском диалекте представлено несколькими примерами: *xluons* — «добыча», *xʒaʒns* — «мушмула», *irsha* — «некрасивый», *llopa* — «плоский», *durkʒaz* — «заноза» и др.; ср. лит.: *xluonc*, *xʒaʒnc*, *ircha*, *llopa*, *durkʒarʒ*.

В литературном языке при образовании форм косвенных падежей ед. ч. от некоторых односложных имен существительных, оканчивающихся на согласный звук, происходит чередование *a* с *o* (*barz* — *borzana* (дат. п.) — «холм», *glaj* — *glोजना* (дат. п.) — «палка»), а аккинский диалект не знает такого вида чередования: *barz* — *barzana*, *glaj* — *glोजना* и т. д.

Здесь *o* в литературном вторичного происхождения возник под влиянием исходного лабиального *ʉ* в порядке дистанционной регрессивной ассимиляции, то есть *borzana* — *barʒna* — *barzuʒ* (род. п.), как это засвидетельствовано в чеберлоевском диалекте.

9. В аккинском диалекте, как и в ингушском языке, при склонении некоторых имен существительных с корневым гласным *yo*, оканчивающихся на согласный звук, корневой *yo* во всех косвенных падежах чередуется с *e* (*duog* — *degaʒ* — *degan* — *deguo* — *degaʒa* — *degaʒ* — *de-*

¹ См.: Д. С. Иминайвили. Указ. соч.

гал — дегие — «сердце»; *буорз* — *берза*^а — *берзана* — *берзуо* — *берзаца* — *берзах* — *берзал* — *берзие* — «волк»), а в чеченском литературном в подобных именах существительных *yo* чередуется с *e* только в родительном падеже (*дуог* — *дега*^а), а в остальных падежах *yo* чередуется с *a*: *дагана* — *дагуо* — *дагца* — *дагах* — *дагал* — *дагие*; *барзана* — *барзуо* — *барзаца* — *барзах* — *барзал* — *барзие*.

Здесь *a* следует считать первичным, так как *e* — результат регрессивной ассимиляции, то есть *дега*^а//*деги*^а — *даги*^а, а *дуог* — *дагу*^а; ср.: авар. *раkl* — «сердце», лак. *даkl* — «сердце».

10. В литературном языке при склонении имен существительных с корневым гласным *a*, оканчивающихся на согласный звук, корневой *a* чередуется с долгим *e* переднего ряда верхнего подъема: *бад* — *беда*^а — *беда*^а — *беда*^а и т. д. — «утка»; *кад* — *кеда*^а — *кедана* — *кедуо* — *кедаца* и т. д. — «чашка». А в аккинском подобного рода чередования не происходит: *бад* — *бада*^а — *бадана* — *бадуо* — *бадаца*; *кад* — *када*^а — *кадана* — *кадуо* — *кадаца* и т. д.

Здесь *e* в литературном получен в результате регрессивной ассимиляции гласных, то есть *кеда*^а//*кеди*^а ← *каде*^а, *кедана*^а//*кедина* ← *кадена*, что подтверждается показаниями чеберловского диалекта.

11. В конце односложных слов аккинскому дифтонгу *iu* (ив) в чеченском литературном соответствует обычно дифтонг *ui*: акк. *див*//*диу* — «клятва», *глив*//*глиу* — «запорка», *нив*//*ниу* — «веник», чеч. лит. *дуй*, *глиуй*, *нууй*.

Более древним здесь следует признать дифтонг *iu*, а дифтонг *ui*, по-видимому, получен в результате перестановки *iu* в порядке метатезы, то есть *уй* ← *иу*; следовательно, *дуй* ← *диу*//*див*, *глиуй* ← *глиу*//*глив*, *нууй* — *ниу*//*нив*.

Аналогичным путем, должно быть, возник и дифтонг *yo*//*юа* в литературном языке в словах *дуо*//*дуа* — «сапетка», *луо*//*луа* — «снег». В аккинском эти слова звучат: *дау*//*дав*//*доу*//*дов*, *лау*//*лав*//*лоу*//*лов*. Следовательно, мы допускаем, что *дуо* ← *доу*//*дов*, *луо* ← *лоу*//*лов* в порядке эпентезы гласных.

12. Одной из отличительных особенностей консонантизма аккинского диалекта является наличие в нем особого, не свойственного другим диалектам чеченского языка звукосочетания *rx* (*марх* — «солнце», *ярх* — «шесть», *буорх* — «работа»), которому в других диалектах чеченского языка соответствует комплекс *lx* (*малх*, *ялх*, *буолх*); ср. бацб.: *матх*, *ятх*, *ботх*.

13. Следующей отличительной чертой консонантизма аккинского диалекта, удаляющей его от чеченского плоскостного и сближающей с ингушским языком, следует считать отсутствие сочетания *st* в начале слова (*саг* — «человек», *уста* — «бык», *сигал* — «небо», *истам* — «желчь» и др.); ср. лит.: *стаг*, *сту*, *стигла*, *стим*.

14. Переднеязычный сонант *n* в середине некоторых имен существительных чеченского плоскостного диалекта (*динберг* — «подорожник», *саьмгал* — «сера», *шаннаш* — «вымя», *джаннаш* — «почки») в аккинском замещается губным сонантом *m*: *димбарг*, *семгал*, *шимаш*, *джимарш*.

15. Сонант *n* в словах *гундалга* — «бузина», *гулмаьнда* — «шаль», *нилха* «редкий», *нуьйда* — «пуговица» литературного чеченского в аккинском диалекте замещается латеральным сонантом *l*: *гулдам*, *гилмаьлда*, *лирха*, *лоьда*.

16. Среднеязычный *y* в словах *йилбаз* — «дьявол», *йовьхь* — «кишка», *йамарт* — «коварный» литературного чеченского в аккинском диалекте замещается латеральным сонантом *l*: *лилбаз*, *лухь*//*ловьхь*, *ламарт*.

17. В аккинском диалекте, как и в литературном чеченском языке, для выражения категории грамматических классов используются спе-

диальные префиксы *в, й, б, д*, соответственно которым все имена существительные распределяются по четырем грамматическим классам. Классные префиксы *в, й, б, д* в большинстве случаев представлены в составе глаголов и могут переменяться в зависимости от того, с каким именем должен согласовываться данный глагол (*клант в-иера* — «мальчик пришел», *лаьса д-иера* — «теленочек пришел»).

Во мн. ч. имена существительные, обозначающие разумные существа, требуют классного префикса *б* (*клентий б-аьхкара* — «парни пришли», *маьхкарий б-аьхкара* — «девушки пришли»). А существительные, принадлежащие к классам *д, й* (неразумные), — классных префиксов *д, й*, общих как в ед. ч., так и во мн. ч. (*лаьса д-иера* — «теленочек пришел», *лаьсий д-аьхкара* — «телята пришли», *газа й-иера* — «коза пришла», *гаьзарий й-аьхкара* — «козы пришли»).

Имена существительные, относящиеся к классу *б*, во мн. ч. часто требуют классного префикса *д* (*уста б-иера* — «бык пришел», *серчий д-иера* — «быки пришли» и т. п.).

18. Случаев расхождения в употреблении классных показателей между аккинским диалектом и литературным языком немного. Однако следует отметить, что в аккинском диалекте, в ингушском и бацбийском языках классные префиксы *в, й, б, д* в формах вспомогательного глагола — *у (ву, йу, бу, ду)* «есть» согласуются через *а* краткий (*ва, йа, ба, да*), а в литературном — через *у (ву, уй; бу, ду)*.

По нашим данным, несколько слов в аккинском диалекте обнаруживает расхождение в употреблении классных показателей с чеченским литературным языком. Среди них чаще всего встречаются заимствованные слова (*истака ба* — «стакан есть», *глумла да* — «кувшин есть», *бурч ба* — «перец есть», *нарс да* — «огурец есть», *уорам да* — «улица есть», *тарх йа* — «число есть», *терза йа* — «весы есть», *хьовла ба* — «халва есть»), но среди них есть и исконно нахские слова (*барт ба* — «уста есть», *цлуока да* — «шкура есть», *вару да* — «бедро есть», *ваьрта йа* — «бурка есть», *гайг йа* — «живот есть», *гуол йа* — «колени есть», *тлех да* — «кость есть» и т. д.). Ср. лит.: *стака ду, глумла йу, бурч йу, наьрс йу, урам бу, тиерахь ду, терза ду, хьовла ду, батт йу, цлуока йу, варие йу, верта ду, гай ду, гуола бу, даьлахь йу*.

19. В чеченском литературном языке при образовании мн. ч. от имен существительных (*аз* — «звук», *газ* — «круп», *арз* — «жалоба», *гам* — «стамеска», *барз* — «холм», *лам* — «озеро») наращивается сонант *и* (*аьзнаш, гаьзнаш, аьрзнаш, гаьмнаш, баьрзнаш, лаьмнаш*). В аккинском же диалекте *и* не наращивается: *азаш, гааш, гамаш, барзаш, ламаш*.

20. В аккинском диалекте от ряда односложных имен существительных с закрытым слогом мн. ч. образуется без чередования корневых гласных: *тлам* — *тламаш* — «крыло», *чам* — *чамаш* — «вкус», *шал* — *шалаш* — «шелк», *лаж* — *лажаш* — «яблоко», *хьач* — *хьачаш* — «слива». Ср. лит.: *тлам* — *тлэмаш*, *чам* — *чэмаш*, *шал* — *шэлаш*, *лаж* — *лэжаш*, *хьач* — *хьэчаш*.

Данные примеры убеждают нас в том, что в аккинском диалекте сохранился более древний тип формообразования.

21. В чеченском литературном языке от ряда односложных имен существительных с корневым гласным *у* формы мн. ч. образуются путем чередования *у* с *а* и удвоения (удлинения) исходных согласных (*букъ* — *баккъаш* — «спина», *дукъ* — *даккъаш* — «яблоко», *бух* — *бахаш* — «основа», *бухъ* — *бахъаш* — «верхушка»). В аккинском же диалекте формы мн. ч. образуются от них без чередования корневых гласных и без удвоения конечных гласных: *букъ* — *букъаш*, *дукъ* — *дукъаш*, *бух* — *бухаш*, *бухъ* — *бухъаш* и т. п.

22. В аккинском диалекте, как и в ингушском языке, форма мн. ч.

от имен существительных с собирательным значением образуется при помощи суффикса **-ар**: *нана* — *нанар* — «мать — мать и другие», *Ахмад* — *Ахмадар* — «Ахмед — Ахмедовы», *Муса* — *Мусар* — «Муса — Мусаевы» и т. д., а в литературном языке форма мн. ч. от этих же существительных образуется при помощи суффикса **-глар**: *нана* — *нанглар*, *Ахмад* — *Ахмадглар*, *Муса* — *Мусаглар*. В кистинском диалекте эта форма образуется посредством суффикса **-гор**: *нанейгор*, *Ахмадгор*, *Мусайгор*.

Мы полагаем, что исходным из этих трех суффиксов следует считать кистинский *гор* ← *гар* ← *га* — «ветвь», **-р** — суффикс мн. ч. (ср. бацб.: *докл* — «сердце», *даклар* — «сердца»). Суффикс **-ар** в аккинском и ингушском и **-глар** в чеченском мы склонны считать фонетическими вариантами кистинского *гор/гар*. Первый (**-ар**), вероятно, получен в результате выпадения начального звука *г*, а второй (**-глар**) — результат спирализации заднеязычного смычного *г*.

23. В чеченском литературном языке встречается суффикс **-маш**, который образует мн. ч. от некоторых имен существительных (*беш* — *бошмаш* — «сад», *глаж* — *гложмаш* — «палка», *шад* — *шодмаш* — «узел»), а в аккинском диалекте вместо суффикса **-маш** выступает суффикс **-нш/аш**: *беш* — *биешани*, *глаж* — *глажаш*, *шад* — *шадаш*.

Суффикс **-маш**, по-видимому, фонетический вариант суффикса **-наш**, полученный в результате замещения *н* губным сонантом *м*.

24. В чеченском литературном языке при склонении односложных имен существительных с закрытым слогом корневые гласные в большинстве случаев чередуются (*Гам* — *Гѳма*^н — *Гѳмана* — *Гѳмуо* — «озеро», *бад* — *бѳда*^н — *бѳдана* — *бѳдуо* — «утка», *суом* — *сѳьма*^н — *сѳьмана* — *сѳьмуо* — «рубль», *тур* — *туьра*^н — *туьрна* — *туьруо* — «сабля»), а в аккинском диалекте корневые гласные в данном случае не чередуются (*Гам* — *Гѳма*^н — *Гѳмана* — *Гѳмуо*, *бад* — *бѳда*^н — *бѳдана* — *бѳдуо*, *суом* — *сѳьма*^н — *сѳьмана* — *сѳьмуо*, *тур* — *тура*^н — *турна* — *туруо* и т. д.).

25. В аккинском диалекте в отличие от литературного языка некоторые односложные имена существительные в эргативном падеже приобретают флексию **-во**: *лай* — *лавво* — «раб», *ча* — *чево* — «медведь», *хи* — *хиво* — «вода». Ср. лит.: *лай* — *лѳ*, *ча* — *чануо*, *хи* — *хиноу*.

Кроме того, в аккинском диалекте имена существительные, которые оканчиваются на *и*, в эргативном падеже оформляются аффиксом **-ие**: *дѳьци* — *дѳьцие* — «тетя», *нѳни* — *нѳние* — «бабушка», *Батлу* — *Батлис*, *Кати* — *Катис*.

25. В аккинском диалекте при склонении личных местоимений корневые гласные (за исключением формы род. п.) не чередуются: *суо* — *суѳна* — *суѳца* — *суѳга* — *суѳгахь* — «я»; *хьуо* — *хьуѳна* — *хьуѳца* — *хьуѳга* — *хьуѳгахь* — «ты» и т. д. Ср. лит.: *суо* — *сѳна* — *сѳьца* — *сѳьга* — *сѳьгахь*; *хьуо* — *хьуѳна* — *хьуѳьца* — *хьуѳьга* — *хьуѳьгахь*.

27. Возвратные местоимения 1 и 2-го лица звучат в аккинском диалекте: *суо сѳь* — «я сам», *хьуо хьѳь* — «ты сам». В эргативе они звучат: *ас сѳь*, *ахь хьѳь*. Ср. лит.: им. п. *суо сѳо*, *хьуо хьѳо*; эрг. п. *ас айса*, *ахь айхьа*.

28. В литературном языке субстантивированные местоимения образуются в основном посредством суффикса **-ниг** (*сайниг* — «мой», *хьайниг* — «твой», *цуьнниг* — «его»), а в аккинском диалекте формантом выступает суффикс **-ерг** (в, й, д, б): *сенверг*, *хьанверг*, *цунавверг*.

Субстантивированные местоимения в аккинском диалекте различаются по суффиксам и во мн. ч. В аккинском диалекте форму мн. ч. образует суффикс **-ерш** (в, й, б, д): *сенберш* — «мой», *хьанбарш* — «твой», *цунаберш* — «его».

В литературном форму мн. ч. образует суффикс **-наш**: *сайнаш*, *хьайнаш*, *цуйннаш*.

Из суффиксов **-берш** и **-наш**, с исторической точки зрения, наиболее древним следует признать суффикс **-берш** (← **барш** — **барिश** ← **барига**ш — **бариг** иш). Суффикс **-берш** в свою очередь восходит к суффиксу ед. ч. **-берг** (← **барг** ← **бариг**), который исторически получен из **бар** — формы прошедшего времени от неполного классного глагола **бу** (**ба**). **Бу** обычно выступает показателем мн. ч. 1 и 2-го классов, **-г/иг** — суффикс субстантивации, **-ш//иш** — суффикс мн. ч., который, по-видимому, восходит к личному местоимению 3-го лица мн. ч. **-иш//ийш** — «они» (аккинский диалект).

Что касается суффикса **-наш** в литературном языке, то он, по-видимому, исторически получен из флексии родительного падежа **-н** (*сайн*) и окончания мн. ч. **-аш**, то есть *сайнаш* ← *сайн аш* ← *сайниш* ← *сайн иш*, где флексия родительного падежа **-н** постепенно перешла в состав суффикса мн. ч., передав свою функцию (назализацию) предшествующему полугласному элементу **й**.

29. Косвенные формы вопросительного местоимения *хIу*^н? заметным образом отличаются от соответствующих форм литературного чеченского языка. Например, акк. *хIу*^н? — «что?», *сийна*? (род. п.), *сенна*? (дат. п.), *сийнуо*? (эрг. п.), *сийнаца*? (ор. п.). Ср. лит.: *хIун*? — *стиенан*? — *стенна*? — *стие*? — *стенца*? и т. д.

30. Субстантивированные прилагательные в аккинском диалекте отличаются от соответствующих форм литературного языка своеобразными суффиксами: **-ерг** (**в**, **й**, **б**, **д**) в аккинском диалекте, **-ниг** в литературном языке. Например: акк. *воккхаверг* — «старший», *дикаверг* — «добрый», *хазаверг* — «красивый», *майраверг* — «храбрый», лит. *воккханиг*, *диканиг*, *хазаниг*, *майраниг* и т. д.

31. Некоторые числительные в аккинском диалекте имеют свои особенности, обусловленные его фонетическими законами: *ярх* — «шесть», *вар* — «семь», *бар* — «восемь», *ийс* — «девять», *дивитта* — «четырнадцать», *ярхитта* — «шестнадцать», *варитта* — «семнадцать», *баритта* — «восемнадцать», *диватткба* — «восемьдесят».

ПХЪАРЧХОЕВСКИЙ ГОВОР

Пхъарчхоевский говор относится к аккинскому диалекту и охватывает два селения — Пхъарчхошка (или Акташ, как это принято официально) и Шир-Юрт (официально Юрт-Аух), расположенных по реке Акташу.

На востоке от них проживают аварцы (Казбековский район), на юге — чеченцы (Ножай-Юртовский район) и на севере кумыки (Андрей-Аул). Оба эти селения расположены на расстоянии 20 километров от города Хасавюрта.

Пхъарчхоевский говор отличается некоторыми особенностями по ряду моментов от собственно аккинского диалекта, то приближаясь к литературному языку, то обнаруживая черты, присущие только одному ему.

1. В пхъарчхоевском говоре в начале слов мы встречаем спирантизированный **І** (айн), который в других диалектах (в том числе и в собственно аккинском) не встречается в начальной позиции. Примеры:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>Іъин</i>	<i>Іин</i>	<i>Іин</i> — балка, овраг
<i>Іъажаркх</i>	<i>Іажаркх</i>	<i>Іажаркх</i> — пырей
<i>Іъахар</i>	<i>Іахар</i>	<i>Іахар</i> — ягненок
<i>Іъу</i>	<i>Іу</i>	<i>Іу</i> — пастух
<i>Іъабга</i>	<i>Іаг</i>	<i>Іаг</i> — ложка

2. В некоторых именах существительных пхъарчхоевскому дифтонгу **уйн** в собственно аккинском может соответствовать дифтонг **уйн**.
Примеры:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>буйн</i>	<i>буьйн</i>	<i>буйн</i> — кулак (руки)
<i>суйн</i>	<i>суьйн</i>	<i>суйн</i> — искра
<i>гуйн</i>	<i>гуьйн</i>	<i>гуйн</i> — корыто

Как видно из вышеприведенных примеров, пхъарчхоевский говор в этой особенности полностью совпадает с чеченским литературным языком, или плоскостным диалектом.

Иногда пхъарчхоевскому лабиализованному переднего ряда **уь** в собственно аккинском может соответствовать лабиализованный заднего ряда **у**:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>буьхь//боьхь</i>	<i>бухь</i>	<i>буохь//бухь</i> — макушка
<i>муьхь//моьхь</i>	<i>мухь</i>	<i>муохь//мухь</i> — сало
<i>луьхь//лоьхь</i>	<i>лухь</i>	<i>луохь</i> — кишка

В склонении личных местоимений 1 и 2-го лиц как ед., так и мн. ч. в пхъарчхоевском говоре корневые гласные личных местоимений палатализируются, в собственно же аккинском диалекте палатализации не происходит:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
Им. <i>суо, хьуо, тхуо</i>	<i>суо, хьуо, тхуо</i>	<i>суо, хьуо, тхуо</i> — я, ты, мы
Ор. <i>суоьца, хьуоьца, тхуоьца</i>	<i>суоца, хьуоца, тхуоца</i>	<i>суоьца, хьуоьца, тхуоьца</i>
Вещ. <i>суоьх, хьуоьх, тхуоьх</i>	<i>суох, хьуох, тхуох</i>	<i>суох, хьуох, тхуох</i>
Ср. <i>суоьл, хьуоьл, тхуоьл</i>	<i>суол, хьуол, тхуол</i>	<i>суол, хьуол, тхуол</i>
Мест. <i>суоьга, хьуоьга, тхуоьга</i>	<i>суога, хьуога, тхуога</i>	<i>суоьга, хьуоьга, тхуоьга</i>

В пхъарчхоевском говоре при образовании форм прошедшего времени корневой гласный **уо** чередуется с лабиализованным переднего ряда **уь**, а в собственно аккинском **уо** → **уоь**:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>уолла—уьлла^н</i>	<i>уоблла^н</i>	<i>уоблли</i> — повесить
<i>кхуосса — кхуьс- санд</i>	<i>кхуобссанд</i>	<i>кхуобссина</i> — бросить
<i>дуотта — дуьттар</i>	<i>дуобьттара</i>	<i>дуобьттира</i> — лить
<i>хуотта — хуьтта^н</i>	<i>хуобьтта^н</i>	<i>хуобьтти</i> — соединить
<i>гуотта — гуьттан- дар</i>	<i>гуобьттан- дар</i>	<i>гуобьттинера</i> — воткнуть

В пхъарчхоевском говоре будущее сложное время образуется при помощи суффикса **-г**, а в собственно аккинском оно большей частью выражается суффиксом **-рг**, хотя возможен факультативно и суффикс **-г**:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>даха—гьугь да</i>	<i>гьуйьрг да</i>	<i>гьур ду</i> — идти
<i>вада—водаг ва</i>	<i>водарг ва</i>	<i>водур ву</i> — бежать
<i>саца—соцаг ва</i>	<i>соцарг ва</i>	<i>соцур ву</i> — остановиться
<i>лата—летаг ва</i>	<i>летарг ва</i>	<i>летар ву</i> — бороться
<i>йаа—йуаг йа</i>	<i>йуарг йа</i>	<i>йоур йу</i> — кушать

В собственно аккинском диалекте у существительных, оканчивающихся на **и**, в сравнительном, вещественном и родительном падежах мн. ч. сохраняется показатель мн. ч. **-ш**, а в пхъарчхоевском говоре, как и в чеченском литературном языке, этот показатель выпадает в указанных падежах:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
Им. <i>галеш</i>	<i>галеш</i>	<i>галеш</i> — мешки
Род. <i>гале^н</i>	<i>галиешин^н</i>	<i>галий^н</i>
Дат. <i>галешна</i>	<i>галешна</i>	<i>галешна</i>
Эрг. <i>галешца</i>	<i>галешца</i>	<i>галешца</i>
Ср. <i>галейх</i>	<i>галиеших</i>	<i>галех</i>
Мест. <i>галешка</i>	<i>галешка</i>	<i>галешка</i>

В пхъарчхоевском говоре имена существительные *хи* — «вода» и *лай* — «раб» в эргативном падеже ед. ч. приобретают форматив **-йуо**: *хийуо*, *лаьйуо*; ср.: акк. *хинуо*//*хиво*, *лаь*//*лаьво*, лит. *хие*, *ле*, инг. *хиво*, *лаво*.

В пхъарчхоевском говоре форма настоящего времени от глагола *ва^н* — «прийти» звучит *вогIа*, ср.: собственно акк. *вагIа*, лит. *вогIу* — «иду», «идешь», «идет».

Лексический состав пхъарчхоевского говора тоже заметно отличается от лексического состава собственно аккинского, а также плоскостного чеченского диалектов, что обусловлено фонетико-морфологическими законами исследуемого говора. Примеры:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>кIога</i>	<i>кIаьга</i>	<i>кIэга</i> — уголек
<i>хьаьша</i>	<i>хьаьша</i>	<i>хьаьша</i> — гость
<i>хIиталлуо</i>	<i>хIитарлуо</i>	<i>кийтарлуо</i> — хитрость
<i>тилкху</i>	<i>талкху</i>	<i>толкха</i> — заика
<i>чарп</i>	<i>зарп</i>	<i>чарп</i> — припадок
<i>хIилбаз</i>	<i>лилбаз</i>	<i>йилбаз</i> — дьявол
<i>дабгIа</i>	<i>дабгIа</i>	<i>дабгIа</i> — дубление

хъаьрцхъач
б\аьда
пхъаьд
хъабжи
лаьхь
гара
т\ут
бажана

хъарзхъач
беда
пхьид
хъайк\а
лаьхъа
гера
т\уд
бежана

хъаьрсахъач — алыча
беда — конюшня, чердак
пхьид — лягушка
хъаьжк\а — кукуруза
лаьхъа — змея
гора — овод
зирх — личинка мухи
бежана — скотина

В пхъарчхоевском говоре очень много заимствованных слов из кумыкского языка, которых нет как в собственно аккинском, так и в чеченском литературном языке. Это объясняется тем, что носители пхъарчхоевского говора живут в тесном контакте с кумыками:

Пхъарчхоевский говор	Аккинский диалект	Литературный язык
бу\кх	г\у	г\у — колодец
буьрнаг	колл	колл — куст
сукар	сукар	кад — миска
бичкх	хирх	херх — пила
келпат	марзах	морзах — шипцы
лампек	нелпка	бошхар — блюдец
кол	\ам	\ам — озеро
баьбаш	бад	бад — утка
чубартакх	шаршу	шаршу — скатерть, занавеска
г\аймакх	детана х\уь	кхерзина х\оа — яичница
г\уолисиз	г\уолейоцаш	г\уолийоцуш — безнадежный
баьг\исиз	баьг\ийоцуш	бег\ийлайоцуш — неудобный
бурканчак	барканчак	бираьнчиг — качели
догг\а	дагг\а	дага — топорыше
дохтар	дохтар	луор — врач
пешак	дуппалдаг	чуьппалг — кукурузные хлопья
минтаг	лоьда	нуьйда — пуговица
даьда	даьт\а	даьт\а — порваться
юрт	юрт	юрт — село
дохка	дахка	дахка — мышь
суьрга	сурга	воттана — рубанок
ват	вота//вата	вота — барабан
лаьнк\ар	астах	астаг\ — хромоь
балдарг//бардалг	балд	балда — губа
хъаьг	хъаг	лаг — косточка
к\ура	к\ора	к\ора — уголь
к\ура	к\ур	к\ур — дым
сехи"	сеха	сиха — быстро
чаг\ар	джаг\а	джаг\а — гравий
човьхи"	чуьхьи"	чуьхъа — соленый творог
бечка	бечк\а	к\ажар — коса (волосы)
чуь\па	чилпа	чов\па — шумовка
к\е" ахъар	хъора	дама — пшеничная мука
к\орг	к\ог	к\аг — яма
мо\га	ма\а	ма\а — рог
халча	халча	куз — ковер
чиекуо	чокуо	чокуо — требуха
бацамалдаг	цапцалдаг	цаьпцалг — кузнечик
ваткар	ватк\ар	вотангар — уж
утарм	уьтарм	утарма — верей

ЧЕБЕРЛОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

Носители чеберлоевского диалекта до 1944 года жили в Чеберлоевском районе Чечено-Ингушской АССР в селах Макажа, Садо, Босо, Хиндо, Буни, Цикара, Тундукха, Хо, Ригаха, Ачала, Орсе, Босо, Арен-Аул и др.

Жители сел Чобаккхинчу, Нохчакела, Сарбила, Нижала, Дай, Органэ и других не считают себя чеберлоевцами, и их говор значительно отличается от собственно чеберлоевского. Они говорят, например, *боху*, а не *бахо*, как это имеет место в вышеназванных селах.

Чеберлоевский район принято было делить на Верхне-Чеберлой и Нижне-Чеберлой. К Верхне-Чеберлою относились села Макажа, Садо, Босо, Хо, Хиндо, Буни, Цикара, Тундукха, Ригаха и другие, диалект которых мы и описываем здесь.

В основу наших записей положена речь 73-летнего старика Атаева Эчи из села Макажа.

В данное время чеберлоевцы в основном живут на плоскости Чечено-Ингушской АССР — в селах Алхан-Юрт Грозненского района, Закан-Юрт и Самашки Урус-Мартановского района и др.

Чеберлоевский диалект недостаточно еще изучен. Некоторые сведения о нем приведены доцентом Д. Д. Мальсаговым в его кандидатской диссертации «Чечено-ингушская диалектология», изданной в Грозном в 1941 году. Этому же диалекту посвящена работа кандидата филологических наук А. Г. Мациева «Чеберлоевский диалект», изданная в Известиях НИИ в 1965 году в Грозном.

Чеберлоевский диалект представляет большой научный интерес для вайнахского языковедения. Он интересен прежде всего тем, что сохранил наиболее древние формы чеченского языка. Это видно хотя бы из его вокализма. Чеберлоевский диалект является единственным из всех диалектов чеченского языка, который сумел последовательно отстоять свой вокализм от влияния так называемого вторичного чередования.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

Консонантизм чеберлоевского диалекта в количественном и качественном отношении совпадает полностью с консонантизмом чеченского литературного языка, а вокализм отличается тем, что в чеберлоевском диалекте отсутствует умляут (ä, ö, ü) как мягкий, так и губной, который в современном чеченском литературном языке очень широко распространен. Наличие умляута свойственно также аккинскому, галанчоожскому и итум-калинскому диалектам. Возник он в результате влияния губного или мягкого краткого гласного, входящего в состав аффиксов, на корневой гласный в порядке регрессивной ассимиляции, то есть литературные формы *блү* (*бла*), *соцу*, *эли*, *вёхи*, *сеци* восходят к чеберлоевским формам *áло* — «говорю», *áлле* — «сказал», *váхи* — «прожил», *сацу* — «останавливаюсь», *саци* — «остановился»; иначе говоря, *бла* ← *ало*, *соцу* ← *сацу*, *эла* ← *али*, *вехи* ← *вахи*, *аблла* ← *алле*¹.

Таким образом, так называемое вторичное чередование совершенно не коснулось чеберлоевского диалекта.

¹ Об этом см.: Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского языка. — Известия ЧИНИИ. Т. 1. Грозный, 1960, стр. 166; Д. С. Иманайшвили. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы. — ИКЯ. Т. 13. Тбилиси, 1962.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Прогрессивная ассимиляция в чеберлоевском диалекте, как и в литературном языке, представлена в суффиксах прошедшего совершенного времени и имеет довольно широкое распространение. Ассимиляции здесь подвержен всегда сонант *н*, входящий в состав суффикса прошедшего совершенного времени *-на*. Сонант *н* ассимилируется предыдущим переднеязычным смычным согласным *л, д, т*: *ала* — «сказать», *алле* (*алне* — *алине*) — «сказал», *вала* — «умереть», *валле* (*валне* — *валине*) — «умер», *вада* — «бежать», *вадде* (*вадне* — *вадине*) — «бежал», *лата*, *латте* (*латне* — *латине*) — «бороться». В литературном же языке сонант *н* ассимилируется глухим аффрикатам *ц, ч* и заднеязычному смычно-взрывному звонкому *г*: *лаца* — «держать», *лабца*, *саца* — «остановиться», *сецца*, *дага* — «гореть», *дабгга* и т. п. Ср. аккинский диалект, где совершенно отсутствует подобного рода ассимиляция: *ала* — «сказать», *алнд*, *вала* — «умереть», *велнуд*, *вада* — «бежать», *веднуд*, *лата* — «бороться», *летнуд* и т. д.

Контактная прогрессивная ассимиляция происходит в чеберлоевском диалекте, как и в литературном языке, и при образовании дательного падежа от слова *деле* — «бог»: *далла* (*дална*); ср. лит.: *дела*, *далла*.

Чередование гласных в чеберлоевском диалекте наблюдается при образовании форм мн. ч. от имен существительных с корневым гласным *у*. Корневой гласный *у* в чеберлоевском регулярно чередуется с лабиализованным средним подъема *о* при образовании мн. ч.:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>букъ</i>	<i>боккъош</i> — спина
<i>дукъ</i>	<i>докъарешдоккъаш</i> — ярмо
<i>бухъ</i>	<i>боххеш</i> — вершина
<i>бух</i>	<i>боххош</i> — дно
<i>клуp</i>	<i>клоррош</i> — дым

В литературном языке *у* чередуется с *а*: *букъ* — *баккъаш*, *дукъ* — *даккъаш*, *бухъ* — *баххъаш* и т. п. В аккинском же диалекте совершенно не изменяется основа этих слов: *букъ* — *букъаш*, *дукъ* — *дукъаш*, *бухъ* — *бухъаш*, *бух* — *бухаш*, *клуp* — *клураш*.

Аффрикатизация спирантов отмечена в именах существительных *къонза* — «уксус», *цлазанлелг* — «мзинец». В чеберлоевском диалекте звонкий свистящий спирант *з* изменяется в гортанно-двусмычную аффрикату *цл*: *къанцла*, *цлацл-плалиг*.

Инфиксация имеет место в чеберлоевском, как и в литературном языке, при образовании всех форм мн. ч. от некоторых глаголов: *саца* — «остановись», *совца* — «остановитесь», *дада* — «беги», *давда* — «бегите».

Нарращение согласных звуков наблюдается в парадигме склонения *сту* — «бык», *старин* (род. п.), *хлума* — «вещь», *хлумарин* (род. п.), *диг* — «топор», *догорин* (род. п.).

Явление субституции отмечается в чеберлоевском диалекте в словах *ангир* — «соперница», *анкал* — «верблюд», в которых в литературном языке вместо сонанта *н* мы находим губно-губной сонант *м*: *эмгар*, *эмкал*.

Спирантизация аффрикат наблюдается, по имеющимся у нас материалам, в словах *дукъарц* — «заноза», *лаца//ласа* — «просеять». В чеберлоевском диалекте они звучат *дукъарс*, *ласа*, то есть *ц* → *с*.

В чеберлоевском диалекте отмечается также губная гармония в виде регрессивной ассимиляции гласных: *бакхуо* — «кормить грудью», *бокхобо* — «кормлю», *бауо* — «кормить», *баобо* — «кормлю», ср. лит.: *бакхабо*, *баабо*.

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В чеберлоевском диалекте крайне редко встречается в начале слова гласный переднего ряда э, который очень широко распространен в литературном языке. В чеберлоевском диалекте ему постоянно соответствует гласный нижнего подъема среднего ряда а.

По своему происхождению э является вторичным.

Как свидетельствуют материалы чеберлоевского диалекта, звук э в начальной позиции, по-видимому, не бытовал в общевайнахском языке. Он возник под влиянием суффиксального гласного переднего ряда следующего слога в порядке сингармонизма.

Дадим примеры для иллюстрации вышесказанного:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>авхъази^н</i>	<i>эвхъаза</i> — без стеснения
<i>áсе</i>	<i>эса</i> — теленок
<i>азир</i>	<i>эзар</i> — тысяча
<i>áкхе</i>	<i>экса</i> — зверь
<i>áле</i>	<i>эла</i> — князь
<i>арни</i>	<i>эрна</i> — напрасно
<i>ангир</i>	<i>эмгар</i> — соперница
<i>аппази</i>	<i>эппаза</i> — 20-копеечная монета
<i>анкал</i>	<i>эмкал</i> — верблюд
<i>áкъи</i>	<i>экъа</i> — сковородка
<i>апсир</i>	<i>эпсар</i> — офицер
<i>áли^н</i>	<i>эли^н</i> — сказал
<i>áхи^н</i>	<i>эхи^н</i> — вспахал
<i>áти^н</i>	<i>эти^н</i> — покрошил

Литературному аь среднего подъема переднего ряда в чеберлоевском диалекте соответствует а нижнего подъема среднего ряда. Аь также вторичного происхождения. Он обычно возникает перед стечением согласных в результате сужения а среднего ряда:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>нIане</i>	<i>нIабна</i> — червяк
<i>баллеш</i>	<i>баьллаш</i> — вишни
<i>къаракъи</i>	<i>къаьркъа</i> — водка
<i>Iарзеш</i>	<i>аьрзнаш</i> — заявления
<i>хаштиг</i>	<i>хаьштиг</i> — головня
<i>таллеш</i>	<i>таьллаш</i> — вербы
<i>барзеш</i>	<i>баьрзнаш</i> — холмы
<i>ламниш</i>	<i>лаьмнаш</i> — горы
<i>кIагнавиш</i>	<i>кIаьгнаш</i> — ямы

Чеберлоевскому гласному среднего ряда а в середине слова в литературном языке соответствует лабиализованный заднего подъема о:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>вату</i>	<i>вота</i> — барабан
<i>варту</i>	<i>ворта</i> — шея
<i>ватунгур</i>	<i>вотангар</i> — уж
<i>дагIу</i>	<i>догIа</i> — замók
<i>дагIу</i>	<i>догла</i> — дождь
<i>дазу</i>	<i>доза</i> — граница
<i>гIадум</i>	<i>глодам</i> — стебель

Литературному **оь** (**уоь**) в чеберловском обычно соответствует **ие**, являющийся более древним по сравнению с **оь**. Последний возник под влиянием суффиксального исходного гласного:

Чеберловский диалект

диезул
диешу
диешуйла

со хьиежо
ас хьиехо
ас диехо

Литературный язык

дбьзал — семья
дбьша — похлебка для собаки
дбьшийла — возможность

учиться
со хьобьжу — я смотрю
ас хьобьху — я учу
ас довьху — я прошу

И далее в чеберловском диалекте мы наблюдаем следующие звукосоответствия:

Чеберловский диалект

e//oь

диехку
кьиеллу
ас диелло
со виелхо
ас хиехко

Литературный язык

довька — пояс
кьобьлла — бедность
ас довьллу — открываю
со вовьлху — я плачу
ас ховьхку — я скачу

y//uь

дури^и
духьи^и
духьел
дукъи^и
лусти^и
мусти^и

дуьра — соленый
оухьа — ради
духьал — против
дуькьа — густой
луьста — частый
муьста — кислый

a//e

катир
каглит
камс
касте
ладир
кьани
хачи

кетар — шуба
кэхат — бумага
кемс — виноград
кеста — вскоре
ледара — слабый
кьена — старый
хеча — брюки

yo и уьй

куьри
луьдиг
нуьду
нуьжиг
шубри

куьйра — коршун
луьйдиг — лист початка
нуьйда — пуговица
нуьйжа — наковальня
шубьйра — широкий

ив(иу) и уьй

кивр/киур
нивр/ниур
сиврие/сиурие
тивр/тиур

куьйра — маслобойка
нуьйр — седло
суьйрие — вечер
туьйра — сказка

В конце литературному **ий** в чеберловском диалекте соответствует дифтонг **ай**:

клуорнай
клядай
галай

клуорний — детеныш
клядий — ткань
галий — мешок

Литературному а в конце слова в чеберловском диалекте может соответствовать у:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>цлагу</i>	<i>цлога</i> — хвост
<i>тамгу</i>	<i>таммагла</i> — тавро
<i>хьажу</i>	<i>хьожа</i> — запас
<i>хьазу</i>	<i>хьоза</i> — воробей
<i>хьакху</i>	<i>хьокха</i> — кол
<i>хьанку</i>	<i>хьонка</i> — черемша

Иногда в середине слова литературному е в чеберловском диалекте может соответствовать и:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>микх</i>	<i>мех</i> — ус
<i>нил</i>	<i>нел</i> — дверь
<i>сил</i>	<i>сел</i> — столько

Нами установлен всего один случай соответствия чеберловскому уо литературного оь: чеб. *йохь* — «кишка», лит. *йохь*.

Имеются случаи, когда литературному уь в чеберловском соответствует и: чеб. *милха?* — «который?», *ираллу* — «острие», *ишал* — «болото»; лит. *муьлха*, *иралла*, *уьшал*.

Установлен также один случай соответствия уй—уь: чеб. *куйг* — «рука», лит. *куьг*.

В слове *сискал* — «кукурузный хлеб» литературному и в чеберловском диалекте соответствует а. И наоборот, литературное слово *лаьхьа* — «змея» в чеберловском звучит *лехье*.

Обнаружено несколько случаев, когда литературному а в чеберловском соответствует о:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>цоцо</i>	<i>цаца</i> — сито
<i>цомзо</i>	<i>цамза</i> — штык
<i>цоно</i>	<i>цана</i> — жнива
<i>одом</i>	<i>идам</i> — человек
<i>аьсо</i>	<i>аьса</i> — ремень

Как указывалось выше, в системе согласных также отмечены некоторые звукосоответствия. Например, в литературных словах *дукьарц* — «заноза», *лаьца*//*лаьса* — «просеять» аффрикаты ц в чеберловском соответствует глухой спирант с: *дукьарс*, *лаьса*. А в слове *йиез* — «медь» в чеберловском выступает ларингальный х1: *х1иез*. В словах *кьонза* — «уксус», *ц1азан1елег* — «мизинец» в чеберловском з заменяется через ц1: *кьанц1а*, *ц1ац1ан1алиг*.

В литературных словах *цлогла* — «крик», *ц1иеглардиг* — «ласточка» звонкий спирант г1 в чеберловском замещается через кь: *цлакьу*, *ц1иекьардиг*. В словах же *уьстаг1* — «овца», *сирелат* — «щепка» в чеберловском вместо г1 выступает х: *сархат*, *устхи*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Все имена существительные в чеберловском диалекте, как и в литературном языке, в ед. ч. распределяются по четырем грамматическим классам, морфологическими выразителями которых являются экспоненты в, й, б, д, входящие обычно в состав глаголов; через эти экспоненты устанавливается связь в грамматическом классе между классным гла-

голом и именем. С экспонентом **в** могут согласоваться только те имена, которые обозначают разумные существа мужского пола, то есть мужчин, а с экспонентом **й** — женщин, некоторых животных и вещи. Однако во мн. ч. имена, обозначающие разумные существа, согласуются уже с единым, унифицированным экспонентом **б**, а имена, обозначающие животных и некоторые вещи, не меняют своего экспонента во мн. ч. (*говр йу* — «лошадь есть», *говраш й-у* — «лошади есть»). С классными экспонентами **б**, **д** согласуются остальные, обозначающие животных, вещи и явления природы. Эти же имена в основном и во мн. ч. также согласуются с экспонентом **д** (*сту б-у* — «бык есть», *стаарчи д-у* — «быки есть», *асе ду* — «теленочек есть», *асеши д-у* — «телята есть»).

В чеберлоевском диалекте по сравнению с литературным языком имена существительные общевайнахского происхождения особого расхождения в употреблении классных показателей не обнаруживают. Отличие в употреблении классных показателей в чеберлоевском диалекте мы находим в согласовании их с личными местоимениями мн. ч. Так, например, в литературном языке **1** и **2-е** лица мн. ч. требуют классного показателя **д**, а **3-е** лицо — **б**. В чеберлоевском же во всех трех лицах мн. ч. употребляется один общий классный показатель **б**.

Чеберлоевский диалект

тхуо бу

шу бу

авш бу

Литературный язык

тхуо ду — мы есть

шу ду — вы есть

уыш бу — они есть

Таким образом, чеберлоевцы говорят *тхуо б-аглуш б-у* вместо литературного *тхуо д-оглуш д-у* — «мы идем» или *хланци а ца бахне шу ца?* вместо литературного *хлинца а ца дахна шу ца?* — «до сих пор вы не ушли домой?»

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В образовании мн. ч. наблюдается значительное расхождение в чеберлоевском диалекте сравнительно с литературным языком. Различия эти в основном заключаются в том, что в литературном языке гласная основа подавляющего большинства имен существительных при образовании мн. ч. подвержена флексии, а в чеберлоевском мало случаев внутренней флексии. Так, например, в чеченском литературном языке почти все односложные имена существительные с корневым гласным **а**, оканчивающиеся на закрытый слог, меняют свою гласную основу при образовании мн. ч., но этого не наблюдается в чеберлоевском диалекте:

Чеберлоевский диалект

Iарз—Iарзеш

бад—бадеш

бал—баллеш

барз—барзеш

бел—белеш

глаз—глазеш

кад—кадеш

кач—качавш

лакI—лакIеш

лам—ламниш

кIаг—кIагнавш

нал—налеш

тал—таллеш

Литературный язык

арз—арзнаш — жалоба

бад—бедаш — утка

бал—баьллаш — вишня

барз—барзнаш — холм

бал—баьлаш — репей

глаз—глезаш — гусь

кад—кедаш — чашка

кач—кочмаш — воротник

лаг—легаш — горло

лам—лаьмнаш — гора

кIаг—кIаьгнаш — яма

нал—нелаш — кабан

тал—таьллаш — верба

При образовании мн. ч. в чеберловском диалекте корневой лабиализованный дифтонг *yo* может переходить в монофтонг нижнего подъема *a* (вместо литературного *e*):

Чеберловский диалект

тlуом — *тlамииш*
буот — *батганиш*
буорз — *барзилой*
дуог — *дагниш*
дуош — *дашниш*
муохк — *махкеш*
буож — *бажилой*

Литературный язык

тlуом — *тlемаиш* — война
буотт — *беттанаиш* — коробка
буорз — *берзалой* — волк
дуог — *дегнаиш* — сердце
дуош — *дешнаиш* — слово
муохк — *мехкаиш* — земля
буож — *бежалой* — козел

В чеберловском диалекте при образовании мн. ч. корневой лабиализованный верхнего подъема *y* переходит в лабиализованный среднего подъема *o*, а в литературном языке *y* — в *a*. Кроме того, исходный согласный этих имен обычно подвергается геминации:

Чеберловский диалект

букъ — *боккъеш*
бухъ — *боххъеш*
бух — *боххеш*
дукъ — *докъориш*
клур — *клоррош*
тур — *торрош*
тlум — *тlомориш*

мукъ — *мокъориш*

муш — *мошош*

Литературный язык

букъ — *баккъаиш* — спина
бухъ — *баххъаиш* — верхушка
бух — *баххаиш* — дно
дукъ — *даккъаиш* — ярмо
клур — *кларраиш* — дым
тур — *тарраиш* — меч
тlум — *тlамариш* — костный
 мозг
мукъ — *макъариш* — рукоят-
 ка
муш — *маишаиш* — веревка

В чеберловском диалекте ряд имен существительных образует формы мн. ч. посредством суффикса *-навиш* (*-науш*), который исторически восходит к местоимению *авиш* — «они»; *н* — здесь наращение (ср.: *кхерч* — «очаг», *кхерчавиш* — «очаги»):

Чеберловский диалект

беш — *бешнавиш*
дегl — *дегlнавиш*
кач — *качнавиш*
каш — *кашнавиш*
кхаж — *кхажнавиш*
кхес — *кхеснавиш*
лекъ — *лекънавиш*

кlаг — *кlагнавиш*
пен — *пенинавиш*

Литературный язык

беш — *бошмаиш* — сад
дегl — *догlмаиш* — тело
кач — *кочмаиш* — воротник
каш — *кешнаиш* — могила
кхаж — *кхажнаиш* — жребий
кхес — *кхисеаиш* — грива
лекъ — *ликъаиш* — перепел-
 ка
кlаг — *кlагнаиш* — яма
пен — *пенинаиш* — стена

В литературном языке двусложные имена существительные, оканчивающиеся на редуцированный гласный нижнего подъема *a*, образуют мн. ч. суффиксом *-ий* (при этом корневой гласный обычно чередуется), а в чеберловском диалекте — посредством суффикса *-и* (без чередования корневых гласных):

Чеберлоевский диалект

kláze—klázi
máxa—máxi
дакѡа—дакѡи
дахка—дахки
цоцо—цаци
гáза—гáзари
глала—глали

Литературный язык

kléza—klézii—щенок
máxa—méxii—игла
дакѡа—декѡii—труп
дахка—дехкиi—мышь
цаца—цециi—сито
гáза—гéзариi—коза
глала—геллиi—лань

Суффиксу мн. ч. **-аш** литературного языка в чеберлоевском диалекте соответствует суффикс **-еш**:

Чеберлоевский диалект

бад—ба́деш
глаз—гла́зеш
блариг—блари́геш
лаш—ла́жеш
бал—баллеш
хъач—хъа́чеш
тлуом—тла́меш

Литературный язык

бад—бе́даш—утка
глаз—гле́заш—гусь
блариг—блари́гаиш—глаз
лаж—ле́жаиш—яблоко
бал—ба́ллаиш—вишня
хъач—хъа́чаиш—слива
тлуом—тле́маиш—война

Суффиксу мн. ч. **-наш** литературного языка в чеберлоевском диалекте соответствует суффикс **-ниш**:

Чеберлоевский диалект

гам—гаму́ниш
лам—ламу́ниш
гам—гамни́ш
дуош—да́шниш
дуог—да́гниш
буй—бу́йниш
дуй—ду́йниш
джав—джа́вниш

Литературный язык

*гам—га́мниш—кривой ру-
банок*
лам—ла́мниш—гора
гам—га́мниш—озеро
дуош—де́шниш—слово
дуог—де́гниш—сердце
*буй—бу́йнаш—кулак (ру-
ки)*
дуй—ду́йнаш—клятва
джав—джа́вниш—молоток

Суффиксу мн. ч. **-ош (-уош)** литературного языка в чеберлоевском диалекте соответствует суффикс **-овш**:

Чеберлоевский диалект

хуорша—хуоршо́ви
хуола—хуоло́ви
бат—бато́ви
йист—йисто́ви
куорта—куорто́ви
маж—мажо́ви

Литературный язык

*хуорша—хуоршо́вош—ли-
хорадка*
хуола—хуоло́вош—стог
бат—бато́вош—уста
йист—йисто́вош—край
куорта—куорто́вош—голова
маж—мажо́вош—борода

В чеберлоевском диалекте при образовании форм мн. ч. от имен существительных *зудон* — «женщина», *вошо* — «брат», *йиша* — «сестра» между основой и суффиксом мн. ч. вклинивается полугласный элемент **-й-**, который, сливаясь с предыдущим **-а-**, образует нисходящий дифтонг **-ай-**:

Чеберлоевский диалект

дзудон—дзуда́йри
вошо—ва́жайри
йишо—йижа́йри

Литературный язык

дзуда—дзуда́рий—женщина
ваша—ва́жарий—брат
йиша—йижа́рий—сестра

У ряда имен существительных в чеберлоевском диалекте формы мн. ч. образуются посредством суффикса *-еш-*:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>благлом—благломеш</i>	<i>блоглам — блогий — блогламаш — столб</i>
<i>барз—барзеш</i>	<i>барз—баьрзнаш — холм</i>
<i>блариг—бларгеш</i>	<i>бларг—бларгаш—глаз</i>
<i>лаж—лажеш</i>	<i>лаж—лежаш — яблоко</i>
<i>тлуом—тламеш</i>	<i>тлуом—тлемаш — война</i>
<i>хьач—хьачеш</i>	<i>хьач—хьечаш — слива</i>

Интересно отметить, что одно только слово *варту* — «шея» в чеберлоевском образует мн. ч. суффиксом *-дуреш*: *варту* — «шея», *вартудуреш*; ср. лит.: *дорта* — «шея», *вортанаш*. Подобного рода окончания не встречаются ни в одном диалекте вайнахских языков.

ВЫВОДЫ

С исторической точки зрения большой интерес представляет для вайнахского языкознания генезис показателя мн. ч. *-рчи/рчий*.

По этому вопросу в специальной литературе имеется ряд высказываний (А. А. Шифнер, П. К. Услар, Н. Ф. Яковлев, Ю. Д. Дешериев, Д. С. Иминашвили, Р. Р. Гагуа, К. Т. Чрелашвили и др). Поскольку еще нет единого мнения у ученых по данному вопросу, нам представляется возможным высказать свои соображения относительно генезиса этого аффикса.

По нашему мнению, в данном случае мы имеем дело с тремя исторически самостоятельными показателями, которые выполняли одну и ту же функцию (функцию мн. ч.), но одновременно. Первым во времени, должно быть, выступал в роли показателя мн. ч. сонорный элемент *р*. Суффикс *-р* как показатель мн. ч. и поныне выступает в бацбийском, табасаранском, лезгинском, лакском, даргинском и аварском языках. Например:

В бацбийском: *гáза* — «коза», мн. ч. *гáзар*; *йáшо* — «сестра», мн. ч. *йáжар*; *вашо* — «брат», мн. ч. *важар*; *йохь* — «девушка», мн. ч. *мах-клар*; *дикл* — «топор», мн. ч. *диклуир*.

В табасаранском: *клул* — «голова», мн. ч. *клулар*; *йац* — «бык», мн. ч. *йацар*; *йис* — «год», мн. ч. *йисар*.

В лезгинском: *квал* — «дом», мн. ч. *квалер*; *кул* — «веник», мн. ч. *кулер*; *квач* — «нога», мн. ч. *квачер*.

В лакском: *вачла* — «лес», мн. ч. *вачлри*; *дакл* — «сердце», мн. ч. *даклри*; *къатта* — «комната», мн. ч. *къаттри*.

В даргинском: *гали* — «дом», мн. ч. *гулри*; *хя* — «собака», мн. ч. *хури*; *бятл* — «утка», мн. ч. *булри*.

В аварском *р* в начале вспомогательного глагола *руго* — «есть» является классным показателем мн. ч.: *куй буго* — «баран», мн. ч. *куйдул руго*; *оцлос буго* — «бык», мн. ч. *оцал руго*; *ракл* — «сердце», мн. ч. *раклул руго*; *хьама буго* — «осел», мн. ч. *хьамул руго*.

Мы думаем, что элемент *р* в прошлом мог выступать как показатель мн. ч. не только в составе глагола, но и в именах аварского языка, как это имеет место в нахских языках.

На современном этапе развития чеченского языка элемент *р* не осознается как показатель мн. ч.; он омертвел, но не выпал, не исчез, а сохранился в составе основы мн. ч. Когда элемент *р* перестал морфологически выражать мн. ч., на помощь пришел другой показатель — *ш* (ср.: *сершиш* → *ч*).

Иначе говоря, показатель мн. ч. *ш*, стоящий после сонанта *р*, омертвел, не стал в чеченском языке выражать мн. ч. (*стерч—стариш*). Появилась снова необходимость в показателе мн. ч.

В данном случае на помощь пришел широко распространенный (особенно в бацбийском языке) суффикс мн. ч. *-и//ий*, который и поныне является живым, действующим во всех вайнахских языках. Элемент *й* вообще в составе суффикса *-ий* является рефлексом *ш*, то есть *-ий* ← *-иш*: *дзударий* ← *дзудариш* — «женщины», *наной* ← *нанош* — «матери».

В ингушском и бацбийском языках аффриката *ч*, являющаяся рефлексом *ш*, до сих пор продолжает выражать мн. ч. в составе комплекса *-рч*: бацб. *псарч* — «быки», инг. *шерч* — «быки». В шатоевском говоре мы находим, наоборот, омертвевший суффикс *-ш* в сочетании с сонантом *р*, то есть *-рш*, к которому впоследствии для выражения мн. ч. присоединилось окончание *-и//ий*: *серший//сериш*.

Что касается суффикса *-р*, который в составе комплекса *-рчий* является наиболее древним, то следы его мы находим и в современном чеченском языке. Например, *-р* в словах *гэзарий* — «козы», *вежарий* — «братья», *йижарий* — «сестры», *мехкарий* — «девчата» исторически тот же суффикс *-р* мн. ч., что и в бацбийском в словах *гáзар* — «козы», *важар* — «братья», *йижар* — «сестры», *махкар* — «девчата». Разница в том, что в чеченском он омертвел, вследствие чего к нему присоединился суффикс *-ий*, а в бацбийском он до сих пор функционирует.

Суффикс множественности *-р* встречается в вайнахских языках и в значении коллективности: инг. *нанáьр* — «мама и другие», *Юсанáьр* — «Юсуповы», *Мохьмадáьр* — «Магомедовы»; чеч. *мамагáьр* — «мама и другие», *Юсангáьр* — «Юсуповы», *Мохьмадгáьр* — «Магомедовы»; акк. *нанáьр* — «бабушка и другие», *Юсанáьр* — «Юсуповы», *Мохьмадáьр* — «Магомедовы».

В склонении имен существительных чеберлоевского диалекта наблюдаются значительные расхождения с литературным языком. Различия эти, как уже указывалось, вызваны в основном тем, что в чеберлоевском гласная основа имен при склонении очень устойчива, в литературном же языке она сильно подвержена изменению. Например, в литературном языке почти все односложные имена существительные с корневым гласным *а*, которые оканчиваются на согласные, подвержены внутренней флексии, а в чеберлоевском гласная основа имен в указанных случаях не изменяется; об этом было сказано и выше. Но дело в том, что результаты чередования корневых гласных там и тут не совпадают.

Чеберлоевский диалект Литературный язык

Им.	<i>Гам</i>	<i>барз</i>	<i>Гам</i>	<i>барз</i> — озеро, холм
Род.	<i>Гаму^а</i>	<i>барзу^а</i>	<i>Гома^а</i>	<i>борза^а</i>
Дат.	<i>Гамуна</i>	<i>барзана</i>	<i>Гомана</i>	<i>борзана</i>
Эрг.	<i>Гамуо</i>	<i>барзуо</i>	<i>Гомуо</i>	<i>борзуо</i>
Ор.	<i>Гамуце</i>	<i>барзеце</i>	<i>Гомаца</i>	<i>борзаца</i>
Вещ.	<i>Гамух</i>	<i>барзех</i>	<i>Гомах</i>	<i>борзах</i>
Ср.	<i>Гамул</i>	<i>барзел</i>	<i>Гомал</i>	<i>борзал</i>
Мест.	<i>Гамие</i>	<i>барзие</i>	<i>Гомие</i>	<i>борзие</i>
Тр.	<i>Гамиехоло</i>	<i>барзиехоло</i>	<i>Гомиехула</i>	<i>борзиехула</i>

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

Им.	<i>кад</i>	<i>цоцо</i>	<i>кад</i>	<i>цаца</i> — чашка, сито
Род.	<i>кадеⁿ</i>	<i>цоциⁿ</i>	<i>кедаⁿ</i>	<i>цецаⁿ</i>
Дат.	<i>кадена</i>	<i>цоцна</i>	<i>кедана</i>	<i>цецана</i>
Эрг.	<i>кадуо</i>	<i>цоцуо</i>	<i>кедуо</i>	<i>цецуо</i>
Ор.	<i>кадеце</i>	<i>цоцице</i>	<i>кедаца</i>	<i>цецаца</i>
Вещ.	<i>кадех</i>	<i>цоцих</i>	<i>кедах</i>	<i>цецах</i>
Ср.	<i>кадел</i>	<i>цоцил</i>	<i>кедал</i>	<i>цецал</i>
Мест.	<i>кадие</i>	<i>цоцие</i>	<i>кедие</i>	<i>цецие</i>
Тр.	<i>кадиехоло</i>	<i>цоцихоло</i>	<i>кедиехула</i>	<i>цециехула</i>

Двусложные в чеберлоевском диалекте также либо вовсе не изменяют свою гласную основу, либо резко расходятся с литературным языком в результате чередования их корневых гласных:

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

Им.	<i>на́на</i>	<i>воша</i>	<i>нана</i>	<i>ваша</i> — мать, брат
Род.	<i>на́неⁿ</i>	<i>вашиⁿ</i>	<i>ненаⁿ</i>	<i>вешнⁿ</i>
Дат.	<i>на́нна</i>	<i>вашина</i>	<i>нанна</i>	<i>вешина</i>
Эрг.	<i>на́нас</i>	<i>вошас</i>	<i>нанас</i>	<i>вашас</i>
Ор.	<i>на́нице</i>	<i>вашице</i>	<i>ненаца</i>	<i>вешница</i>
Вещ.	<i>на́нех</i>	<i>ваших</i>	<i>ненах</i>	<i>веших</i>
Ср.	<i>на́нел</i>	<i>вашел</i>	<i>не́нал</i>	<i>вешил</i>
Мест.	<i>на́ние</i>	<i>вашие</i>	<i>не́ние</i>	<i>вешие</i>
Тр.	<i>на́ниехоло</i>	<i>вашиехоло</i>	<i>не́ниехула</i>	<i>вешиехула</i>

Как видно из вышеприведенных примеров, согласные элементы падежных флексий в чеберлоевском диалекте полностью совпадают с падежными флексиями литературного языка. Значительно расходятся гласные элементы падежных флексий. Так, например, постоянной флексией транзитива в чеберлоевском является комплекс **-холо** вместо литературного **-хула**: *Ахьмадиехоло* — «через Ахмеда», *вашиехоло* — «через брата», *колхозиехоло* — «через колхоз» (ср. лит.: *Ахьмадиехула*, *вешиехула*, *колхозиехула*).

В большинстве случаев согласный элемент флексии орудийно-совместного падежа в чеберлоевском диалекте с обеих сторон согласуется через фонему переднего ряда среднего подъема **е**: *на́нице* — «с матерью», *ка́деце* — «с чашкой», *субмеце* — «с рублем»; ср. лит.: *не́наца*, *ке́даца*, *сб́маца*.

В чеберлоевском имена существительные с гласной основой на **у** при склонении обычно меняют **у** на **о**:

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

Им.	<i>тум</i>	<i>глум</i>	<i>тум</i>	<i>глум</i> — кочан, песок
Род.	<i>томариⁿ</i>	<i>гломориⁿ</i>	<i>тамараⁿ</i>	<i>гларараⁿ</i>
Дат.	<i>томарна</i>	<i>гломарна</i>	<i>тамарна</i>	<i>гларарна</i>
Эрг.	<i>томоруо</i>	<i>гломоруо</i>	<i>тамаруо</i>	<i>глараруо</i>
Ор.	<i>томорце</i>	<i>гломорце</i>	<i>тамарца</i>	<i>гларарца</i>

Но иногда корневой гласный **у** при склонении имен существительных может переходить также в **а**:

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

Им.	<i>нус</i>	<i>нуц</i>	<i>нус</i>	<i>нуц</i> — сноха, зять
Род.	<i>насиⁿ</i>	<i>навциⁿ</i>	<i>несаⁿ</i>	<i>невцаⁿ</i>
Дат.	<i>нацина</i>	<i>навцина</i>	<i>несана</i>	<i>невцана</i>
Эрг.	<i>насуо</i>	<i>навцуо</i>	<i>несуо</i>	<i>невцуо</i>
Ор.	<i>насице</i>	<i>навцице</i>	<i>несица</i>	<i>невцаца</i>

В чеберлоевском диалекте отличаются от литературного также и падежные флексии локатива и направительного падежа:

	Чеберлоевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>на́ной/на́ни, клянти</i>	<i>на́ной, клянти</i> — мать, сын
Напр. I.	<i>на́ношке, клянтешке</i>	<i>на́ношка, клянташка</i>
Им.	<i>важайри, догарии</i>	<i>вежарий, дагари</i> — брат,
Напр. I.	<i>важайришке, догариишке</i>	топор
Лок.	<i>важайришкехь, догариишкехь</i>	<i>вежарикахь, дагарикахь</i>

Словообразовательные суффиксы имен существительных в чеберлоевском диалекте те же, что и в литературном языке, но некоторые из них фонетически отличаются. Например, суффикс *-алла*, посредством которого в литературном образуются отвлеченные имена существительные, в чеберлоевском звучит *-олло*: *стоголло, майролло, жомолло, воккхолло, диколло*; ср. лит.: *стагала* — «мужественность», *майрала* — «храбрость», *жималла* — «молодость», *воккхалла* — «старость», «старшинство», *дикалла* — «доброта».

При образовании имен существительных с помощью суффикса *-уо*, который указывает на место, откуда происходит человек, или на его занятие, или на степень родства, исходные гласные их чередуются по-разному в чеберлоевском диалекте и в литературном языке:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>юртехуо</i>	<i>юртахуо</i> — односельчанин
<i>судехуо</i>	<i>судахуо</i> — судья
<i>нанехуо</i>	<i>ненахуо</i> — родственник матери

Аналогичную же картину мы наблюдаем и при образовании отвлеченных имен существительных с суффиксом *-м*:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>кхиетом</i>	<i>кхиетам</i> — понятие
<i>биезом</i>	<i>биезам</i> — любовь
<i>хоом</i>	<i>хаам</i> — знание
<i>соцом</i>	<i>сацам</i> — решение
<i>кхиером</i>	<i>кхиерам</i> — опасность
<i>лоом</i>	<i>лаам</i> — желание
<i>дагибоом</i>	<i>дегабаам</i> — подозрение
<i>бахом</i>	<i>бахам</i> — хозяйство

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения в основном совпадают в чеберлоевском диалекте и в литературном языке. Отличаются они только гласными: *a//az* — «он», «она», «оно», *ови//ави* — «они»; в литературном звучат: *и, из, иза, уыш*.

В склонении личных местоимений в чеберлоевском диалекте имеются следующие характерные особенности.

Гласная основа не подвергается флексии, за исключением родительного падежа, если не считать удлинения корневых гласных:

Чеберлоевский диалект

Им.	<i>суо, хьуо</i>
Род.	<i>сен, хьен</i>
Дат.	<i>суона, хьуона</i>
Эрг.	<i>ас, ахь</i>
Ор.	<i>суоце, хьуоце</i>
Вещ.	<i>суох, хьуох</i>
Ср.	<i>суол, хьуол</i>
Напр. I.	<i>суоге, хьуоге</i>
Лок.	<i>субгехь, хьубгехь</i>
Исх.	<i>субгере, хьубгере</i>
Тр.	<i>субгехоло, хьубгехоло</i>

Литературный язык

<i>суо, хьуо</i> — я, ты
<i>сан, хьан</i>
<i>суна, хьуна</i>
<i>ас, ахь</i>
<i>собца, хьобца</i>
<i>суох, хьуох</i>
<i>суол, хьуол</i>
<i>собга, хьобга</i>
<i>сбьгахь, хьобьгахь</i>
<i>сбьгара, хьобьгара</i>
<i>сбьгахула, хьобьгахула</i>

Как видно из этих примеров, форманты некоторых падежей фонетически не совпадают с литературными.

Например, в чеберлоевском диалекте формант родительного падежа -еⁿ назальный, формант орудийного падежа -це, направительного -ге, локатива -ехь, исходного -гере, транзитива -холо; в литературном языке им соответствуют -а, -ца, -га, -ахь//ехь, -гара, -хула.

По этому же способу склоняются и другие личные местоимения.

Значительно различаются в чеберлоевском диалекте и субстантивированные местоимения как по своим исходным, так и по косвенным формам:

Чеберлоевский диалект

Им.	<i>сениг, хьениг</i>
Род.	<i>сенчоⁿ, хьенчоⁿ</i>
Дат.	<i>сенчонна, хьенчонна</i>
Эрг.	<i>сенчуо, хьенчуо</i>
Ор.	<i>сенчонце, хьенчонце</i>
Вещ.	<i>сенчих, хьенчих</i>
Ср.	<i>сенчол, хьенчол</i>
Напр. I.	<i>сенчонге, хьенчонге</i>
Тр.	<i>сенчонгехоло, хьенчонгехоло</i>

Литературный язык

<i>сайниг, хьайниг</i> — мой, твой
<i>сайнчуⁿ, хьайнчуⁿ</i>
<i>сайнчунна, хьайнчунна</i>
<i>сайнчуо, хьайнчуо</i>
<i>сайнчуьнца, хьайнчуьнца</i>
<i>сайнчих, хьайнчих</i>
<i>сайнчул, хьайнчул</i>
<i>сайнчуьнга, хьайнчуьнга</i>
<i>сайнчуьнгахула, хьайнчуьнгахула</i>

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное в чеберлоевском диалекте мало чем отличается от прилагательного в литературном языке, если не считать некоторых фонетических отклонений. Приведем примеры для наглядности:

Чеберлоевский диалект

<i>йарзене</i>
<i>йукъере</i>
<i>кагий</i>
<i>джамо</i>
<i>карли</i>
<i>комарши</i>
<i>качу</i>
<i>лакху</i>
<i>ладиру</i>
<i>лаху</i>
<i>лури</i>

Литературный язык

<i>ерзина</i> — голая
<i>йукъара</i> — общественный (ая, ое)
<i>кегий</i> — маленькне
<i>джима</i> — маленький (ая, ое)
<i>керла</i> — свежий (ая, ое)
<i>комаьрша</i> — щедрый (ая, ое)
<i>коча</i> — жидкий (ая, ое)
<i>лекха</i> — высокий (ая, ое)
<i>ледара</i> — слабый (ая, ое)
<i>лоха</i> — низкий (ая, ое)
<i>луьра</i> — строгий (ая, ое)

лусту
кѣахъи
кѣани
кѣару
клѣде
маци
марзи
дакѣели

луста — густой (ая, ое)
кѣахъа — горький (ая, ое)
кѣена — старый (ая, ое)
кѣора — глухой (ая, ое)
клѣда — мягкий (ая, ое)
меца — голодный (ая, ое)
мерза — вкусный (ая, ое)
декѣала — счастливый
(ая, ое)

Фонетически различаются также и субстантивированные формы прилагательных. Расхождение их заключается в основном в том, что словообразовательный суффикс *-верг* литературного языка в чеберлоевском звучит *-вариг*. Что касается словообразовательного суффикса *-ниг*, то он полностью совпадает с литературной формой, но предшествующий ему гласный (исходный гласный прилагательного), как правило, не совпадает с литературным:

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

воккхониг
воккховариг
джаманиг
джамавариг
дикиниг
дикивариг
ладирниг
ладирвариг
ламурениг
ламуревариг
дадаиниг
дадайвариг
кѣаруниг
кѣарувариг

воккханиг — старший
воккхаверг — старший
джиманиг — младший (ая, ое)
джимаверг — младший (ая, ое)
диканиг — добрый (ая, ое)
дикаверг — добрый
ледарниг — слабый (ая, ое)
ледарверг — слабый
ломарниг — кто из гор
ламарверг — кто из гор
дадийниг — папин
дадийверг — папин
кѣораниг — глухой (ая, ое)
кѣораверг — глухой

В склонении субстантивированных прилагательных наблюдаются некоторые различия, выражающиеся, во-первых, в несовпадении гласного элемента суффикса *-ч*, который вклинивается между основой и падежной флексией, и, во-вторых, в несовпадении огласовки некоторых падежных флексий:

Чеберлоевский диалект

Литературный язык

Им. *дикиниг*
Род. *дикичо^н*
Дат. *дикичонна*
Эрг. *дикичуо*
Ор. *дикичонце*
Вещ. *дикичох*
Ср. *дикичол*
Напр. I. *дикичонге*
Исх. *дикичонгере*
Тр. *дикичонгехоло*

диканиг — добрый
дикачу^н
дикачунна
дикачуо
дикачуьнца
дикачух
дикачул
дикачуьнга
дикачуьнгара
дикачуьнгахула

Склонения несубстантивированных прилагательных также различаются в чеберловском диалекте:

Чеберловский диалект		Литературный язык
Им.	<i>дикин стаг</i>	<i>дика стаг</i> — добрый человек
Род.	<i>дикичо стаги^н</i>	<i>дикачу стега^н</i>
Дат.	<i>дикичо стагана</i>	<i>дикачу стагана</i>
Эрг.	<i>дикичо стага</i>	<i>дикачу стага</i> и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные в чеберловском диалекте почти ничем не отличаются от количественных числительных в литературном языке, если не считать некоторых фонетических различий в оформлении отдельных числительных. Приведем несколько примеров того, что количественные числительные в какой-то степени расходятся по своему звуковому составу:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>вархI, вархIитте</i>	<i>ворхI, вуьрхIитта</i> — семь, семнадцать
<i>цхьайтте, шийтте</i>	<i>цхьайтта, шийтта</i> — одиннадцать, двенадцать
<i>кхойтте, дийтте</i>	<i>кхойтта, дейтта</i> — тринадцать, четырнадцать
<i>бархIитте, ткъаесни</i>	<i>берхIитта, ткъаесна</i> — восемнадцать, девятнадцать
<i>беIе, азир</i>	<i>бие, эзар</i> — сто, тысяча

В чеберловском диалекте по сравнению с литературным языком значительно расхождение по своему фонетическому составу имеют порядковые числительные:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>шолгIо, кхоолгIо</i>	<i>шолгIа, кхоалгIа</i> — второй, третий
<i>диолгIо, пхиолгIо</i>	<i>добалгIа, пхобалгIа</i> — четвертый, пятый
<i>ялхолгIо, ворхIолгIо</i>	<i>ялхалгIа, ворхIалгIа</i> — шестой, седьмой
<i>бархIиттелгIо</i>	<i>берхIитталгIа</i> — восемнадцатый

Расходятся также по своему звуковому составу и кратные числительные чеберловского диалекта с кратными числительными литературного языка:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>цкъе, шаззу</i>	<i>цкъа, шозза</i> — раз, дважды
<i>кхоззу, деэззу</i>	<i>кхузза, добазза</i> — трижды, четырежды
<i>ялхеззу, бархIеззу</i>	<i>ялхазза, бархIазза</i> — шесть раз, семь раз
<i>иттеззу, цхьайттеззу</i>	<i>уьттазза, цхьайттазза</i> — десять раз, одиннадцать раз

Расхождение фонетического порядка наблюдается и в склонении количественных числительных:

	Чеберлоевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>цхьаъ, шиъ</i>	<i>цхьаъ, шиъ</i> — один, два
Род.	<i>цхьанни^н, шинни^н</i>	<i>цхьанна^н, шинна^н</i>
Дат.	<i>цхьанна, шинна</i>	<i>цхьанна, шинна</i>
Эгр.	<i>цхьаммуо, шиммуо</i>	<i>цхьаммуо, шиммуо</i>
Ор.	<i>цхьанце, шинце</i>	<i>цхьанца, шинца</i>
Вещ.	<i>цхьанних, шинних</i>	<i>цхьаннах, шиннах</i>
Ср.	<i>цхьаннил, шиннил</i>	<i>цхьаннал, шиннал</i>
Напр. I.	<i>цхьанге, шинге</i>	<i>цхьаннга, шиннга</i>
Исх.	<i>цхьангере, шингере</i>	<i>цхьаннгара, шингара</i>
Тр.	<i>цхьангехоло, шингехоло</i>	<i>цхьаннгахула, шингахула</i>

ГЛАГОЛ

Н а с т о я щ е е в р е м я в чеберлоевском диалекте образуется в основном посредством суффикса **-о**, который занимает место инфинитивного суффикса **-а**, причем корневые гласные не подвергаются изменению; в литературном же языке, наоборот, в подавляющем большинстве случаев корневые гласные ассимилируются и показателем настоящего времени обычно выступает **-у**:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>баха, бахо</i>	<i>быху/быха</i> — говорить
<i>ара, аро</i>	<i>ору/ора</i> — молотить
<i>дийца, дийцо</i>	<i>дуйцу/дуйца</i> — рассказывает
<i>цеста, цесто</i>	<i>цобсту/цобста</i> — стругает

В чеберлоевском диалекте в отличие от литературного языка встречаются и нулевые окончания настоящего времени:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>висса, висс</i>	<i>виса, вьусу</i> — остается
<i>хила, хил</i>	<i>хуьлу</i> — бывает
<i>виела, виел</i>	<i>воьлу</i> — смеются
<i>дуоха, дуох</i>	<i>духу</i> — рушится

В чеберлоевском диалекте окончание **е** иногда выступает в качестве показателя настоящего времени, это окончание произносится очень слабо:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>ваха</i> <i>вахе</i>	<i>веха</i> — живет
<i>давза</i> <i>давзе</i>	<i>девза</i> — знает
<i>лиела</i> <i>лиеле</i>	<i>лиела</i> — ходит
<i>лелха</i> <i>лелхе</i>	<i>лелха</i> — прыгает
<i>хьийза</i> <i>хьийзе</i>	<i>хьийза</i> — вертится
<i>угла</i> <i>угле</i>	<i>углу</i> — воет

Б у д у щ е е в р е м я в чеберлоевском диалекте образуется в основном посредством суффикса **-ур** и вспомогательного глагола **ду** (в, й, б).

Суффикс **-ур** ставится на место показателя настоящего времени **-о**, иногда и на месте **-е**:

Чеберлоевский диалект

арур ду
дуоттур ду
вахур ву
вахьахаур ву
савцур ду
виссур ву
витур ву

Литературный язык

орур ду — вспашу
дуттур ду — налью
вэхар ву — поживу
охьахуур ву — сяду
совцур ду — остановимся
вуйсур ву — останусь
вуйтур ву — оставлю

Прошедшее время в чеберлоевском диалекте по форме, значению, а также по количеству разновидностей в основном совпадает с прошедшим временем литературного языка. Различие заключается, во-первых, в том, что в чеберлоевском диалекте корневые гласные при образовании прошедших времен не подвергаются изменению, как в литературном языке, и, во-вторых, суффикс **-на** прошедшего совершенного времени литературного языка в чеберлоевском диалекте звучит как **-не**:

	Чеберлоевский диалект	Литературный язык
Инфинитив	<i>ала, ара</i>	<i>ала, ара</i> — сказать, молотить
Только что прошедшее	<i>али, ари</i>	<i>эли, эри</i>
Очевидно-прошедшее	<i>алира, арира</i>	<i>элира//элара, эрира//эра</i>
Прошедшее совершенное	<i>алле, арине</i>	<i>аьлла, эрина</i>
Давнопрошедшее	<i>аллера, аринера</i>	<i>аьллера, эринера</i>
Прошедшее длительное	<i>алоро, ароро</i>	<i>олура, орура</i>

В чеберлоевском диалекте несколько своеобразно спрягаются глаголы *хааⁿ* — «знать», *вахьахааⁿ* — «есть», поэтому мы приводим их полную парадигму спряжения:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык
<i>хез, вахьахаэ</i>	<i>хаьа, охьахоу</i> — знаю, сажусь
<i>хаур ду, вахьахаур ву</i>	<i>хуур ду, охьахуур ву</i> — узнаю, сяду
<i>хаиⁿ, вахьахаиⁿ</i>	<i>хииⁿ, охьахииⁿ</i> (только что прошедшее время)
<i>хаира, вахьахаира</i>	<i>хиира, охьахиира</i> (очевидно-прошедшее время)
<i>хаэне, вахьахаэне</i>	<i>хиэна, охьахиэна</i> (прошедшее совершенное время)
<i>хаэнер, вахьахаэнера</i>	<i>хиэнера, охьахиэнера</i> (давно-прошедшее время)

Значительно отличается в чеберлоевском диалекте спряжение глаголов с гласной основой на лабиализованные **уо, у**. Данное отличие заключается в том, что в литературном языке корневые гласные ассимилируются, а в чеберлоевском диалекте гласная основа сохраняет свою исходную форму:

Чеберлоевский диалект

уолла
уолло
уоллур ду
уоллоро

уолли^н

уоллира

уоллинера

туоха^н
туохо
туохур ду
туохоро

туохи^н

туохира

туохне

туохнера

Литературный язык

уолла — повесить
уоллу (настоящее время)
уоллур ду (настоящее время)
уоллура (прошедшее длитель-
ное время)
ооллин^н (только что прошед-
шее время)
ооллира (очевидно-
прошедшее время)
ооллинера (давно-
прошедшее время)

туоха^н — ударить
туоху (настоящее время)
туохур ду (будущее время)
туохура (прошедшее длитель-
ное время)
туыйхи (только что про-
шедшее время)
туыйхира (очевиднопро-
шедшее время)
тоьхна (прошедшее совершен-
ное время)
тоьхнера (давнопрошедшее
время)

В чеберлоевском диалекте корневой лабиализованный долгий -у сохраняется во всех временных формах глагола:

Чеберлоевский диалект

духа
духо
духур ду
духоро

духи

духира

духне

духнера

Литературный язык

духа — надеть
духу (настоящее время)
духур ду (будущее время)
духура (прошедшее длитель-
ное время)
дуйьхи (только что прошедшее
время)
дуйьхира (очевиднопрошед-
шее время)
дуйьхина (прошедшее совер-
шенное время)
дуйьхнера (давнопрошедшее
время)

Наклонения в чеберлоевском диалекте те же, что и в литературном языке, но некоторые из них отличаются по звуковому составу суффиксов, а иногда и огласовкой самого корня или основы. Так, например, поручительно-повелительное наклонение, выражающее обычно такое действие-приказание, которое будет выполнено после ухода говорящего, приказывающего, в чеберлоевском оформляется в ед. ч. суффиксом -ехь, во мн. ч. суффиксом -еш, а в литературном языке им соответствуют суффиксы -ахь, -аш. Литературные формы с суффиксами -ахь, -аш можно считать более древними, так как суффиксы -ахь, -аш ближе стоят к своим источникам: они представляют собой формы эргативного падежа

от личных местоимений *хьо* — «ты», *шу* — «вы», которые звучат точно так же, как и суффиксы *-ахь*, *-аш*. Суффиксы эти присоединяются к повелительной форме *алал* — «скажи-ка», *алалехь*:

Чеберлоевский диалект

вадалехь
бовдалеш
лелхалехь
лалхалеш
вигалехь
бигалеш
дилалехь
дилалеш
дийцалехь
дийцалеш
хотталехь
хотталеш
дузалехь
дузалеш

Литературный язык

вадалахь — от «бежать»
довдалаш — то же мн. ч.
лелхалахь — от «прыгать»
лелхалаш — то же мн. ч.
вигалахь — от «вести»
бигалаш — то же мн. ч.
дилалахь — от «мыть»
дилалаш — то же мн. ч.
дийцалахь — от «рассказать»
дийцалаш — то же мн. ч.
хотталахь — от «соединить»
хотталаш — то же мн. ч.
дузалахь — от «наполнять»
дузалаш — то же мн. ч.

Просительно-повелительное наклонение, выражающее просьбу в мягкой, вежливой форме, в чеберлоевском диалекте образуется в ед. ч. посредством суффикса *-хьа*, как и в литературном, а во мн. ч. с помощью суффикса *-айшу* вместо литературного *-ийша*. Форма ед. ч. *-хьа* образовалась от *ахьа* — «ты» (эрг.), то есть *алахьа* ← *ала ахьа*; точно так же получилась и форма мн. ч. *-ийша* или *-айшу*: *алийша* ← *алайшу* ← *ала аша*. В аккинском диалекте форма мн. ч., как и форма ед. ч., образована более правильно, проще, то есть без стяжения гласных: *алаша* ← *ала аша*, и, далее, по аналогии от переходных глаголов: *довдаша* ← *довда шу*, *совцаша* ← *совца шу*. В чеберлоевском диалекте *-у* в слове *шу* сохранилось в исходе этого суффикса *-айшу* и по аналогии перенесено на переходные глаголы — *алайшу*.

Приведем примеры для наглядности:

Чеберлоевский диалект	Литературный язык	Аккинский диалект
<i>давдайшу</i>	<i>довдийша</i>	<i>довдаша</i> — от «бежать»
<i>лиелайшу</i>	<i>лиелийша</i>	<i>лиелаша</i> — от «ходить»
<i>лелхайшу</i>	<i>лелхийша</i>	<i>лелхаша</i> — от «прыгать»
<i>вигайшу</i>	<i>вигийша</i>	<i>вигаша</i> — от «вести»
<i>дийцайшу</i>	<i>дийцийша</i>	<i>дийцаша</i> — от «говорить»
<i>хоттайшу</i>	<i>хоттийша</i>	<i>хотташа</i> — от «соединить»
<i>дузайшу</i>	<i>дузийша</i>	<i>дузаша</i> — от «наполнить»
<i>духайшу</i>	<i>духийша</i>	<i>духаша</i> — от «надеть»
<i>маладайтийшу</i>	<i>маладайтийша</i>	<i>малойташа</i> — от «понть»
<i>алайтайшу</i>	<i>алийтийша</i>	<i>алийташа</i> — от «дать сказать»
<i>вадайтийшу</i>	<i>вадйтийша</i>	<i>вадйташа</i> — от «дать бежать»

Побудительное наклонение, выражающее побуждение, разрешение, в чеберлоевском диалекте образуется посредством суффикса *-айт*, которому в литературном соответствует суффикс *-ийт*. Суффикс *-айт//ийт*, по-видимому, образовался из глагола *ита* (в, й, б, д), который, слившись с семасиологически сочетавшимся с ним глаголом, потерял свою

лексическую значимость: *áлийта* ← *áлайта* ← *áла йита*. После их слияния классный показатель выпал, вследствие чего образовался дифтонг **-ай** — *áлайта*, а из **ай** → **ий** — *áлийта*.

Дадим примеры на образование побудительного наклонения:

Чеберлоевский диалект

вадайта
лиелайта
лелхайта
вигайта
дийцайта
хуоттайта
дузайта
малайта
áлайта

Литературный язык

вадийта — дай бежать
лиелийта — пусть ходит
лелхийта — пусть прыгает
вигийта — пусть ведет
дийцийта — пусть говорит
хуоттийта — пусть соединит
дузийта — пусть пополнит
малийта — пусть пьет
áлийта — пусть скажет

Вопросительное наклонение, как и в литературном языке, в чеберлоевском диалекте в основном образуется суффиксальным способом, но значительно отличается. Отличие это заключается в том, что исходные гласные образующих основ чередуются не одинаково: в литературном языке почти всегда исходный гласный **а** переходит в **и**, который предшествует вопросительному суффиксу **-ий** (*лата* — «бороться», *летий?* — «борется ли?»). В чеберлоевском диалекте исходный **а** может переходить в **о, у, е**; при этом корневые гласные, как правило, не чередуются, как это обычно происходит в литературном языке:

Чеберлоевский диалект

áла, áлой?
вада, вадуй?
лиела, лиелей?
вига, вигой?
дила, дилой?
дийца, дийцой?

Литературный язык

олий? — от «сказать»
водий? — от «бежать»
лиелий? — от «ходить»
вуйгий? — от «вести»
дуйлий? — от «мыть»
дуйций — от «рассказать»

Более сложную картину мы наблюдаем при образовании вопросительного наклонения от побудительных глаголов. Дело в том, что в литературном языке, кроме корневых гласных, при образовании вопросительного наклонения чередуется еще и гласный компонент побудительного суффикса **-ийт**:

Чеберлоевский диалект

áлайта, áлайтой?
вадайта, вадайтой?
лиелайта, лиелайтой?
вигайта, вигайтой?
дилайта, дилайтой?
сацайта, сацайтой?

Литературный язык

áлийта, блуйыйтий? — от «дать сказать»
вадийта, водуйыйтий? — от «дать бежать»
лиелийта, лоблуйыйтий? — от «дать ходить»
вигийта, вуйгуйыйтий? — от «дать вести»
дилийта, дуйлуйыйтий? — от «дать мыть»
сацийта, соцуыйыйтий? — от «дать остановить»

Условное наклонение прошедшего времени в чеберлоевском диалекте образуется, как и в литературном языке, посредством суффикса **-ехь**, но без флексии основы. А в литературном языке обычно еще чередуются корневые гласные:

Чеберлоевский диалект

аллехь
ваддехь
хуоттинехь
валлехь
арнехь
дагнехь

Литературный язык

аьллехь — сказать
веддехь — бежать
хобттинехь — соединить
веллехь — умереть
эринехь — молотить
даьгнехь — гореть

В литературном языке один из подвидов желательного наклонения образуется при помощи суффикса **-лда**, а в чеберлоевском диалекте суффикс этот огласуется через огубленное **о** с обеих сторон:

Чеберлоевский диалект

дузолдо
дахолдо
ахолдо
бовдолбо

Литературный язык

дузалда — да наполнится
дехалда — да здравствует
ахалда — да вспашет
довдалда — да побегут

ПРИЧАСТИЕ

Причастие настоящего времени в чеберлоевском диалекте образуется при помощи суффикса **-у** без перегласовки корневых гласных:

Чеберлоевский диалект

диешу стаг
ваду стаг
хьажу стаг
лиелу стаг
воглу стаг

Литературный язык

доьшу стаг — читающий человек
воду стаг — бегущий человек
хьожу стаг — наблюдающий человек
лиела стаг — бродящий человек
воглу стаг — идущий человек

Самостоятельная форма причастия в чеберлоевском диалекте образуется, как правило, суффиксом **-риг**, являющимся более древней формой; в литературном же языке — обычно суффиксом **-рг**:

Чеберлоевский диалект

диешуриг
вадуриг
хьажуриг
лиелуриг
ваглуриг

Литературный язык

доьшург — читающий
водург — бегущий
хьожург — наблюдающий
лиеларг — бродящий
воглург — идущий

Причастие прошедшего времени в чеберлоевском диалекте, как и в литературном языке, морфологически соответствует форме прошедшего совершенного времени:

Чеберлоевский диалект

валле стаг
дешне стаг
вадде стаг
хьажне стаг
лелле стаг

Литературный язык

велла стаг — умерший человек
дешна стаг — образованный человек
ведда стаг — убежавший человек
хьажна стаг — наблюдавший человек
лелла стаг — побывавший человек

Самостоятельная (субстантивированная) форма образуется от не-самостоятельной посредством суффикса **-риг**:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>валлериг</i>	<i>велларг</i> — умерший
<i>дешнериг</i>	<i>дешнарг</i> — образованный
<i>ваддериг</i>	<i>веддарг</i> — бежавший
<i>хьяжнериг</i>	<i>хьяжнарг</i> — наблюдавший
<i>леллериг</i>	<i>лелларг</i> — побывавший

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастная форма настоящего времени образуется от несамо-стоятельного причастия настоящего времени посредством суффикса **-ш**:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>диешуш</i>	<i>доьшуш</i> — читая
<i>вадуш</i>	<i>водуш</i> — бегая
<i>хьяжуш</i>	<i>хьожуш</i> — смотря
<i>лиелуш</i>	<i>лиелаш</i> — ходя
<i>ваглуш</i>	<i>боглуш</i> — идя

Деепричастие прошедшего времени полностью морфологически сов-падает с формой глагола прошедшего времени литературного языка.

НАРЕЧИЕ

Наречия почти те же самые, что и в литературном языке, если не считать звуковых особенностей некоторых из них.

Приведем наиболее характерные:

Чеберловский диалект	Литературный язык
<i>дики</i> ^н	<i>дика</i> ^н — хорошо
<i>чакки</i> ^н	<i>чехка</i> — быстро
<i>маса</i>	<i>маса</i> — быстро
<i>маллеше</i>	<i>меллаша</i> — осторожно
<i>иггур</i>	<i>уггар</i> — очень
<i>тахану</i>	<i>тахана</i> — сегодня
<i>хланци</i>	<i>хлинца</i> — теперь
<i>стамир</i>	<i>стóмар</i> — позавчера
<i>стахку</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>лурчох</i>	<i>лурчах</i> — два года назад
<i>тахур</i>	<i>тохар</i> — тогда
<i>сихи</i> ^н	<i>сиха</i> — живо
<i>хлатехь</i>	<i>хьетахь</i> — тогда
<i>туру</i>	<i>тура</i> — утром
<i>диенихь</i>	<i>дийнахь</i> — днем
<i>бусу</i>	<i>буса</i> — ночью

Частицы, союзы и послелогии в основном совпадают в чеберловском диалекте и литературном языке, но можно отметить некоторые имею-щиеся различия: *чухь* — «внутри», *чуре* — «изнутри», *улав* — «около». Ср. лит.: *чуохь*, *чубра*, *улло*.

Лексика чеберловского диалекта отличается от лексики литературного языка в основном своими звуковыми отклонениями, как например:

Чеберловский диалект

садулар
пIалиг
мокъо
мокъом
киура/кивра
хотал
чIаду
бáниг
саскил
джIали
дáхе
илбиз
йохь
хIуа
буохку
дáгIу
болдо
нахчуо
куйг
кIанат
сиуре/сивре
гуйре/гивре
Iууре/Iувре
савнигIа
áкхе
ондо
нарс
арше
беле
басние

Литературный язык

садалар — отдыхать
пIелг — палец
мокъа — свободный
мукъам — мелодия
куйра — маслобойка
хIутал — ботва
чIода — ножницы
бéниг — хлеб печеный
сискал — кукурузный хлеб
джIабла — собака
дéха — длинный
йилбаз — ведьма
йохь — кишка
хIоа — яйцо
бухк — веревка
догIа — замок
балда — губа
нохчуо — чеченец
куьг — рука
кIант — парень
суьйре — вечер
гуьйре — осень
Iуьйре — утро
совнаха — излишне
экха — зверь
онда — сильный
наьрс — огурец
аьрша — аршин
бIе — сто
бесне — щека

ДАЙСКИЙ (ДАЙСКИЙ) ГОВОР ЧЕБЕРЛОВСКОГО ДИАЛЕКТА

На дайском говоре говорят жители села Дай, расположенного в так называемом Нижнем Чеберлове. Речь жителей села Дай, как и речь других жителей сел Нижнего Чеберлова, отличается от речи жителей Верхнего Чеберлова относительным оканьем, возникшим в результате регрессивной ассимиляции гласных.

Инфинитив

бáха^п
áра^п
áха^п
áла^п
вада^п
вá^п

Дайский говор

бóху//бóхо
óру//óро
óху//óхо
óлу//óло
воду//водо
вóгIу//вóгIо

Макажевский говор

бáхо — говорю
áро — молочу
áхо — пашу
áла//áло — говорю
вадо//вад — беру
вáгIо — иду

Дайский говор значительно отличается и в области морфологии как от речи жителей Верхнего Чеберлова, так и от литературного языка рядом особенностей.

Образование мн. ч. Как в дайском говоре, так и в речи жителей Верхнего Чеберлоя, при образовании форм мн. ч. от ряда имен существительных с корневым гласным *у* происходит чередование *у* с *о*, а в литературном языке *у* чередуется с *а*. Но по суффиксам мн. ч. дайский говор в этом случае расходится с говором Верхнего Чеберлоя и совпадает с литературным языком:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>букъ</i> — <i>боккъаш</i>	<i>боккъеш</i>	<i>баккъаш</i> — спина
<i>дукъ</i> — <i>доккъаш</i>	<i>доккъорш</i>	<i>даккъаш</i> — ярмо
<i>бухъ</i> — <i>боххъаш</i>	<i>боххъеш</i>	<i>баххъаш</i> — вершина
<i>бух</i> — <i>боххаш</i>	<i>боххеш</i>	<i>баххаш</i> — дно

Кроме того, по суффиксам мн. ч. различаются и такие имена, как:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>барз</i> — <i>барзниш</i>	<i>барзеш</i>	<i>баързнаш</i> — холм
<i>клаг</i> — <i>клагниш</i>	<i>клагновш</i>	<i>клавгнаш</i> — яма
<i>буож</i> — <i>бажгаш</i>	<i>бажилой</i>	<i>бежалой</i> — козел
<i>лекъ</i> — <i>лекъниш</i>	<i>лекънавш</i>	<i>ликътарчий</i> — перепел
<i>каш</i> — <i>кашниш</i>	<i>кашнавш</i>	<i>кешнаш</i> — могила
<i>бат</i> — <i>батмаш</i>	<i>батуош</i>	<i>батуош</i> — морда
<i>маж</i> — <i>мажмаш</i>	<i>мажавш</i>	<i>мажуош</i> — борода
<i>воша</i> — <i>важар</i>	<i>важайри</i>	<i>вежарий</i> — брат
<i>йиша</i> — <i>йижар</i>	<i>йижайри</i>	<i>йижарий</i> — сестра
<i>варту</i> — <i>вартуниш</i>	<i>вартудуреш</i>	<i>вортанаш</i> — шея

Склонение. В склонении прежде всего обращает на себя внимание своеобразный формант эргатива *-ие*, который в дайском может присоединяться к именам, обозначающим разумные существа, то есть людей, например:

	Дайский говор	Литературный язык
Им.	<i>воша</i>	<i>ваша</i> — брат
Род.	<i>вашин</i>	<i>вашин</i>
Дат.	<i>вашина</i>	<i>вашина</i>
Эрг.	<i>вошие/вошас</i>	<i>вашас</i>
Им.	<i>нус</i>	<i>нус</i> — сноха
Род.	<i>насин</i>	<i>несан</i>
Дат.	<i>нарина</i>	<i>несана</i>
Эрг.	<i>насие</i>	<i>несуо</i>
Им.	<i>нўц</i>	<i>нўц</i> — зять
Род.	<i>навцин</i>	<i>невцан</i>
Дат.	<i>навцина</i>	<i>невцана</i>
Эрг.	<i>навцие</i>	<i>невцуо</i>

Корневые гласные в дайском говоре обычно не изменяются.

	Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
Им.	<i>кад</i>	<i>кад</i>	<i>кад</i> — чашка
Род.	<i>кадан</i>	<i>кадан</i>	<i>кэдан</i>
Дат.	<i>кадана</i>	<i>кадена</i>	<i>кэдана</i>
Эрг.	<i>кадуо</i>	<i>кадуо</i>	<i>кэдуо</i>
Ор.	<i>кадаца</i>	<i>кадеце</i>	<i>кэдаца</i>
Напр. I.	<i>кадие</i>	<i>кадие</i>	<i>кэдие</i>
Тр.	<i>кадиехула</i>	<i>кадиехоло</i>	<i>кэдиехула</i>

Им.	<i>Іам</i>	<i>Іам</i>	<i>Іам</i> — озеро
Род.	<i>Іамун</i>	<i>Іамун</i>	<i>Іоман</i>
Дат.	<i>Іамуна</i>	<i>Іамуна</i>	<i>Іомана</i>
Эрг.	<i>Іамуо</i>	<i>Іамуо</i>	<i>Іомуо</i>
Ор.	<i>Іамуца</i>	<i>Іамуце</i>	<i>Іомаца</i>
Напр. I.	<i>Іамие</i>	<i>Іамие</i>	<i>Іомие</i>
Тр.	<i>Іамиехула</i>	<i>Іамиехоло</i>	<i>Іомиехула</i>

Примеры склонения личных местоимений:

Дайский говор Макажевский говор Литературный язык

Им.	<i>суо</i>	<i>суо</i>	<i>суо</i> — я
Род.	<i>се^н</i>	<i>се^н</i>	<i>са^н</i>
Дат.	<i>суобна</i>	<i>суобна</i>	<i>суна</i>
Эрг.	<i>ас</i>	<i>ас</i>	<i>ас</i>
Ор.	<i>субца</i>	<i>субце</i>	<i>сбьца</i>
Напр. I.	<i>субга</i>	<i>субге</i>	<i>сбьга</i>
Тр.	<i>субгахула</i>	<i>субгехоло</i>	<i>сбьгахула</i>

Им.	<i>хьюо</i>	<i>хьюо</i>	<i>хьюо</i> — ты
Род.	<i>хье^н</i>	<i>хье^н</i>	<i>хья^н</i>
Дат.	<i>хьюобна</i>	<i>хьюобна</i>	<i>хьюна</i>
Эрг.	<i>ахь</i>	<i>ахь</i>	<i>ахь</i>
Ор.	<i>хьюбца</i>	<i>хьюбце</i>	<i>хьюбьца</i>
Напр. I.	<i>хьюбга</i>	<i>хьюбге</i>	<i>хьюбьга</i>
Тр.	<i>хьюбгахула</i>	<i>хьюбгехоло</i>	<i>хьюбьгахула</i>

Склонение субстантивированных местоимений также различается в дайском говоре как по чередованию корневых гласных, так и по аффиксам:

Дайский говор Макажевский говор Литературный язык

Им.	<i>сениг</i>	<i>сениг</i>	<i>сайниг</i> — мой (ое, ая)
Род.	<i>сенчо^н</i>	<i>сенчо^н</i>	<i>сайчу^н</i>
Дат.	<i>сенчонна</i>	<i>сенчонна</i>	<i>сайчунна</i>
Эрг.	<i>сенчуо</i>	<i>сенчуо</i>	<i>сайчуо</i>
Ор.	<i>сенчонца</i>	<i>сенчонце</i>	<i>сайчуьнца</i>
Напр. I.	<i>сенчонга</i>	<i>сенчонге</i>	<i>сайчуьнга</i>
Тр.	<i>сенчонгахула</i>	<i>сенчонгехола</i>	<i>сайчуьнгахула</i>

Им.	<i>хьениг</i>	<i>хьениг</i>	<i>хьайниг</i> — твой
Род.	<i>хьенчо</i>	<i>хьенчо</i>	<i>хьайчун</i>
Дат.	<i>хьенчонка</i>	<i>хьенченка</i>	<i>хьайчунна</i>
Эрг.	<i>хьенчуро</i>	<i>хьенчуро</i>	<i>хьайчуо</i>
Ор.	<i>хьенчонца</i>	<i>хьенчонце</i>	<i>хьайчуьнца</i>
Напр. I.	<i>хьенчонга</i>	<i>хьенчонге</i>	<i>хьайчуьнга</i>
Тр.	<i>хьенчонгахула</i>	<i>хьенчонгехоло</i>	<i>хьайчуьнгахула</i>

Многие прилагательные в дайском говоре, имея те же корни, что и в литературном языке, различаются звуковыми закономерностями, характерными для фонетики изучаемого говора:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>йарзана</i>	<i>йарзене</i>	<i>йерзана</i> — голая
<i>йукъаре</i>	<i>йукъере</i>	<i>йукъара</i> — общий
<i>качо</i>	<i>коча</i>	<i>коча</i> — жидкий
<i>лекхи</i>	<i>лакхо</i>	<i>лекха</i> — высокий
<i>ладира</i>	<i>ладиру</i>	<i>ледара</i> — слабый
<i>декъили</i>	<i>дакъили</i>	<i>декъала</i> — счастливый
<i>лури</i>	<i>лури</i>	<i>луьра</i> — строгий
<i>лаху</i>	<i>лаху</i>	<i>лоха</i> — низкий
<i>къахьи</i>	<i>къахьи</i>	<i>къахъа</i> — горький
<i>къани</i>	<i>къани</i>	<i>къена</i> — старый
<i>къару</i>	<i>къару</i>	<i>къора</i> — глухой
<i>маци</i>	<i>маци</i>	<i>меца</i> — голодный

Субстантивированные прилагательные в дайском говоре в значительной мере отличаются своими словообразовательными и формообразовательными аффиксами. Примеры:

	Дайский говор	Литературный язык
Им.	<i>воккхавариг</i>	<i>воккхаверг</i> — старший
Род.	<i>воккхочон</i>	<i>воккхачун</i>
Дат.	<i>воккхочонна</i>	<i>воккхачунна</i>
Эрг.	<i>воккхочуо</i>	<i>воккхачуо</i>
Ор.	<i>воккхочонца</i>	<i>воккхачуьнца</i>
Напр. I.	<i>воккхочонга</i>	<i>воккхачуьнга</i>
Тр.	<i>воккхочонгохула</i>	<i>воккхачуьнгахула</i>
Им.	<i>джомониг</i>	<i>джиманиг</i> — младший
Род.	<i>джомочон</i>	<i>джимчун</i>
Дат.	<i>джомочонна</i>	<i>джимчунна</i>
Эрг.	<i>джомочуо</i>	<i>джимчуо</i>
Ор.	<i>джомочонца</i>	<i>джимчуьнца</i>
Напр. I.	<i>джомочонга</i>	<i>джимчуьнга</i>
Тр.	<i>джомочонгахула</i>	<i>джимчуьнгахула</i>

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Краткие числительные в дайском говоре имеют несколько иной звуковой состав. Расходятся они по сравнению с литературным языком и верхнечеберловским говором. Примеры:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>ялхаззу</i>	<i>ялхеззу</i>	<i>ялхазза</i> — шестью
<i>бархлаззу</i>	<i>бархлеззу</i>	<i>борхлазза</i> — восемью
<i>иттаззу</i>	<i>иттеззу</i>	<i>иттазза</i> — десятию
<i>шаззу</i>	<i>шаззу</i>	<i>шозза</i> — дважды
<i>деаззу</i>	<i>деэззу</i>	<i>добазза</i> — четырежды

Аналогичные отклонения, обусловленные фонетическими законами дайского говора, наблюдаются и в порядковых числительных:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>шолгю</i>	<i>шолгю</i>	<i>шолгя</i> — второй
<i>кхаолгю</i>	<i>кхоолгю</i>	<i>кхоалгя</i> — третий
<i>деолгю</i>	<i>диолгю</i>	<i>добалгя</i> — четвертый
<i>пхеолгю</i>	<i>ворхлелгю</i>	<i>пхобалгя</i> — пятый
<i>вархлелгю</i>	<i>пхиэлгю</i>	<i>ворхлалгя</i> — седьмой

СПРЯЖЕНИЕ

Н а с т о я щ е е в р е м я. Форма настоящего времени в дайском говоре в отличие от верхнечеберловского у ряда глаголов с корневым гласным **-а** образуется, как и в литературном языке, посредством аффикса **-у** с чередованием корневого **-а** с **-о**:

Инфинитив	Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>ала</i>	<i>олу</i>	<i>ал/јало</i>	<i>олу</i> — сказать
<i>баха</i>	<i>боху</i>	<i>бахо</i>	<i>боху</i> — говорить
<i>ара</i>	<i>ору</i>	<i>аро</i>	<i>ору</i> — молотить
<i>вада</i>	<i>воду</i>	<i>вадо</i>	<i>воду</i> — бежать

При использовании форм настоящего времени в дайском говоре, как и в верхнечеберловском, корневой гласный может и не чередоваться:

Инфинитив	Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>дага</i>	<i>даг</i>	<i>даго/даг</i>	<i>догу</i> — гореть
<i>вита</i>	<i>вито</i>	<i>вито</i>	<i>вуйту</i> — оставить
<i>дийца</i>	<i>дийцо</i>	<i>дийцо</i>	<i>дуййцу</i> — рассказать
<i>цеста</i>	<i>цесто</i>	<i>цесто</i>	<i>цобсту</i> — стругать

В дайском говоре, как и в верхнечеберловском, форма настоящего времени образуется в отдельных случаях посредством нулевого аффикса:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>висса—висс</i>	<i>висс</i>	<i>вуйсу</i> — остаться
<i>хила—хил</i>	<i>хил</i>	<i>хуйлу</i> — быть
<i>виела—виел</i>	<i>виел</i>	<i>воблу</i> — смеяться
<i>дуоха—дуох</i>	<i>дуох</i>	<i>духу</i> — разбиться

Б у д у щ е е в р е м я. Известно, что в литературном языке и в верхнечеберловском говоре форма будущего времени образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса **-р**, в дайском говоре будущее образуется от основы инфинитива посредством суффиксов **-р**, **-г**:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>арург ду</i>	<i>арур ду</i>	<i>орур ду</i> — молотить
<i>арг ду</i>	<i>ар ду</i>	<i>эр ду</i> — сказать
<i>доттург ду</i>	<i>доттур ду</i>	<i>доттур ду</i> — жарить
<i>вахург ву</i>	<i>вахур ву</i>	<i>вехар ву</i> — жить
<i>охъахург ву</i>	<i>вахъахур ву</i>	<i>охъахуур ву</i> — сесть
<i>витург ву</i>	<i>витур ву</i>	<i>вуйтур ву</i> — оставить

П р о ш е д ш е е в р е м я. В дайском говоре представлены все пять разновидностей прошедшего времени, имеющиеся в литературном языке. Различия в том, что в литературном языке при образовании форм прошедших времен гласная основа изменяется, а в дайском же говоре, как и в верхнечеберловском, корневые гласные при образовании прошедших времен не изменяются:

Инфинитив	Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
Недавнепрошедшее время			
<i>ара</i>	<i>ари^и</i>	<i>ари^и</i>	<i>эри</i> — молотить
<i>дага</i>	<i>даги^и</i>	<i>даги^и</i>	<i>деги</i> — гореть
<i>ваха</i>	<i>вахи^и</i>	<i>вахи^и</i>	<i>вехи</i> — жить
<i>ала</i>	<i>али^и</i>	<i>али^и</i>	<i>эли</i> — сказать
<i>баха</i>	<i>бахи^и</i>	<i>бахи^и</i>	<i>бехи</i> — говорить

Очевиднопрошедшее время

<i>алира</i>	<i>алира</i>	<i>элира</i>
<i>арира</i>	<i>арира</i>	<i>эрира</i>
<i>дагира</i>	<i>дагира</i>	<i>дегира</i>
<i>вахира</i>	<i>вахира</i>	<i>вехира</i>

Прошедшее определенное

<i>алла</i>	<i>алле</i>	<i>аьлла</i>
<i>арина</i>	<i>арине</i>	<i>эрина</i>
<i>дагна</i>	<i>дагне</i>	<i>даьгна</i>
<i>вахна</i>	<i>вахне</i>	<i>ваьхна</i>
<i>бахна</i>	<i>бахне</i>	<i>баьхна</i>

Давнопрошедшее время

<i>аллера</i>	<i>аллера</i>	<i>аьллера</i>
<i>аринера</i>	<i>аринера</i>	<i>эринера</i>
<i>дагнера</i>	<i>дагнера</i>	<i>даьгнера</i>
<i>вахнера</i>	<i>вахнера</i>	<i>ваьхнера</i>
<i>бахнера</i>	<i>бахнера</i>	<i>баьхнера</i>

Прошедшее неопределенное

<i>олура</i>	<i>алоро</i>	<i>олура</i>
<i>орура</i>	<i>ароро</i>	<i>орура</i>
<i>догура</i>	<i>дагоро</i>	<i>догура</i>
<i>вахара</i>	<i>вахера</i>	<i>вехара</i>
<i>бохура</i>	<i>бахоро</i>	<i>бохура</i>

Корневой лабиализованный *у* в дайском говоре, как и в верхнечеберловском, сохраняется во всех формах времен:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>дúха</i>	<i>дúха</i>	<i>дúха</i> — одеть
<i>дúху</i>	<i>дúхо</i>	<i>дúху</i>
<i>дúхург ду</i>	<i>дúхур ду</i>	<i>дúхур ду</i>
<i>дúхура</i>	<i>дúхоро</i>	<i>дúхура</i>
<i>дúхи</i>	<i>дúхи</i>	<i>дúьйхи</i>
<i>дúхира</i>	<i>дúхира</i>	<i>дúьйхира</i>
<i>духна</i>	<i>духне</i>	<i>дúьйхина</i>
<i>духенера</i>	<i>духнера</i>	<i>дуьйхинера</i>

Аналогичную картину мы наблюдаем и у тех глаголов, которые имеют в корне *-уо*:

<i>туóха</i>	<i>туóха</i>	<i>туóха</i> — ударить
<i>туóху</i>	<i>туóхо</i>	<i>туóху</i>
<i>туóхург ду</i>	<i>туóхур ду</i>	<i>туóхур ду</i>
<i>туóхура</i>	<i>туóхоро</i>	<i>туóхура</i>
<i>туóхи</i>	<i>туóхи</i>	<i>туóьйхи</i>
<i>туóхира</i>	<i>туóхира</i>	<i>туóьйхира</i>
<i>туохна</i>	<i>туохне</i>	<i>туóхна</i>
<i>туохнера</i>	<i>туохнера</i>	<i>туóхнера</i>

Наклонения. Наклонения в дайском говоре те же, что и в литературном языке, но некоторые из них различаются как по звуковому составу аффиксов, так и по характеру чередования корневых гласных. В частности, одна из форм повелительного наклонения, которая выра-

жает просьбу в дайском говоре, образуется суффиксом **-авшу** вместо литературного **-ийша**:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>лиелавшу</i>	<i>лиелайшу</i>	<i>лиелийша</i> — ходить
<i>дийцавшу</i>	<i>дийцайшу</i>	<i>дийцийша</i> — говорить
<i>бавдавшу</i>	<i>бавдайшу</i>	<i>довдийша</i> — бежать
<i>алавшу</i>	<i>алайшу</i>	<i>алийша</i> — сказать
<i>лавзавшу</i>	<i>лавзайшу</i>	<i>ловзийша</i> — играть
<i>дузавшу</i>	<i>дузайшу</i>	<i>дузийша</i> — наполнить
<i>духавшу</i>	<i>духайшу</i>	<i>духийша</i> — одеть
<i>вигавшу</i>	<i>вигайшу</i>	<i>вигийша</i> — вести
<i>лелхавшу</i>	<i>лелхайшу</i>	<i>лелхийша</i> — прыгать

Из суффиксов **-авшу**, **-айшу**, **-ийша** с исторической точки зрения наиболее древним следует признать суффикс дайского говора **-авшу**, по-видимому, представляющий собой более древнюю форму эргатива, от которой получена нынешняя форма эргатива — **-аша** (**авшу—авш**, то есть **алийша** ← **ала аша** ← **ала авшу**). Данная форма, видимо, по закону аналогии распространилась и на непереходные глаголы.

В дайском говоре, как и в верхнечеберловском, побудительное наклонение образуется посредством суффикса **-айт** вместо литературного **-ийт**:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>алайта</i>	<i>алайта</i>	<i>алийта</i> — пусть скажет
<i>арайта</i>	<i>арайта</i>	<i>арийта</i> — пусть молотит
<i>вадайта</i>	<i>вадайта</i>	<i>вадийта</i> — пусть бежит
<i>вахайта</i>	<i>вахайта</i>	<i>вахийта</i> — пусть идет
<i>малайта</i>	<i>малайта</i>	<i>малийта</i> — пусть пьет
<i>хъажайта</i>	<i>хъажайта</i>	<i>хъажийта</i> — пусть смотрит
<i>дузайта</i>	<i>дузайта</i>	<i>дузийта</i> — пусть наполнит

В дайском говоре вопросительные наклонения тоже имеют свои отличительные особенности по сравнению с литературным языком, а также с верхнечеберловским:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>олой?</i>	<i>алой?</i>	<i>олий?</i> — сказать?
<i>водуй?</i>	<i>вадуй?</i>	<i>водий?</i> — бежать?
<i>лиелай?</i>	<i>лиелей?</i>	<i>лиелий?</i> — ходить?
<i>олайтой?</i>	<i>алайтой?</i>	<i>олуйтый?</i> — даст сказать?
<i>водайтой?</i>	<i>вадайтой?</i>	<i>водуйтый?</i> — даст бежать?
<i>вигой?</i>	<i>вигой?</i>	<i>вуйтый?</i> — вести?
<i>дийцой?</i>	<i>дийцой?</i>	<i>дуйций?</i> — рассказать?
<i>сацайтой?</i>	<i>сацайтой?</i>	<i>соцуйтый?</i> — остановить?

Некоторые отклонения от литературного языка обнаруживает в дайском говоре и условное наклонение:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>вадделахь</i>	<i>ваддехь</i>	<i>веддехь</i> — бежать
<i>дагналахь</i>	<i>дагнахь</i>	<i>дагнахь</i> — гореть
<i>аринехь</i>	<i>арнехь</i>	<i>эринехь</i> — молотить
<i>валлехь</i>	<i>валлехь</i>	<i>веллехь</i> — умирать

В дайском говоре, как и в верхнечеберлоевском, зависимая форма причастия образуется обычно без перегласовки корневых гласных; в литературном же языке почти всегда чередуются корневые гласные при образовании причастия:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>диешу стаг</i>	<i>диешу стаг</i>	<i>добшу стаг</i> — читающий человек
<i>ваду стаг</i>	<i>ваду стаг</i>	<i>воду стаг</i> — бегущий человек
<i>велху стаг</i>	<i>велху стаг</i>	<i>воблху стаг</i> — плачущий человек
<i>вобгу стаг</i>	<i>вобгу стаг</i>	<i>вобгу стаг</i> — идущий человек

Аналогичным же путем образуются и самостоятельные причастия:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>диешург</i>	<i>диешуриг</i>	<i>добшург</i> — читающий
<i>вадург</i>	<i>вадуриг</i>	<i>водург</i> — бегущий
<i>велхург</i>	<i>велхуриг</i>	<i>воблхург</i> — плачущий
<i>воблург</i>	<i>вобгуриг</i>	<i>воблург</i> — идущий

Причастные формы прошедшего времени почти совпадают в дайском говоре и в литературном языке:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>валла стаг</i>	<i>валле стаг</i>	<i>велла стаг</i> — умерший человек
<i>дешна стаг</i>	<i>дешне стаг</i>	<i>дешна стаг</i> — начитанный человек
<i>вадда стаг</i>	<i>вадде стаг</i>	<i>ведда стаг</i> — убежавший человек
<i>хьяжна стаг</i>	<i>хьяжне стаг</i>	<i>хьябжна стаг</i> — посмотревший человек
<i>лелла стаг</i>	<i>лелле стаг</i>	<i>лелла стаг</i> — бывший человек

Особого отклонения в дайском говоре не обнаруживают и самостоятельные формы причастий прошедшего времени:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>валлариг</i>	<i>валлериг</i>	<i>велларг</i> — умерший
<i>дешнарг</i>	<i>дешнериг</i>	<i>дешнарг</i> — прочитавший
<i>ваддарг</i>	<i>ваддериг</i>	<i>веддарг</i> — убежавший
<i>хьяжнарг</i>	<i>хьяжнериг</i>	<i>хьябжнарг</i> — смотревший
<i>лелларг</i>	<i>леллериг</i>	<i>лелларг</i> — ходивший

Деепричастия в дайском говоре мало чем отличаются от литературного языка.

Настоящее время

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>диешуш</i>	<i>диешуш</i>	<i>добшуш</i> — читая
<i>водуш</i>	<i>вадуш</i>	<i>водуш</i> — бегая
<i>хьяжуш</i>	<i>хьяжуш</i>	<i>хьожуш</i> — смотря
<i>лиелуш</i>	<i>лиелуш</i>	<i>лиелаш</i> — ходя, идя
<i>вобгуш</i>	<i>вобгуш</i>	<i>вобгуш</i> — идя

Прошедшее время

<i>валла</i>	<i>валле</i>	<i>велла</i> — умерев
<i>дешина</i>	<i>дешне</i>	<i>дешна</i> — прочитав
<i>вадда</i>	<i>вадде</i>	<i>ведда</i> — убежав
<i>хьяжна</i>	<i>хьяжне</i>	<i>хьяжна</i> — поглядев

Некоторые наречия в дайском говоре отличаются от литературного языка по своему звуковому составу, обусловленному фонетическими законами изучаемого говора:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>хлетехь</i>	<i>хлатехь</i>	<i>хлетяхь</i> — тогда
<i>диенахь</i>	<i>диенахь</i>	<i>дийнахь</i> — днем
<i>чура</i>	<i>чуре</i>	<i>чуьра</i> — изнутри
<i>улловхь</i>	<i>уллав</i>	<i>улло</i> — рядом
<i>дики</i>	<i>дики</i>	<i>дика</i> — хорошо
<i>маллеше</i>	<i>маллеше</i>	<i>меллаша</i> — тихо
<i>хланци</i>	<i>хланци</i>	<i>хлинца</i> — теперь

Лексика дайского говора отличается от лексики литературного языка в основном своими звуковыми особенностями:

Дайский говор	Макажевский говор	Литературный язык
<i>джала</i>	<i>джали</i>	<i>джабла</i> — собака
<i>деха</i>	<i>дахе</i>	<i>деха</i> — длинный
<i>акха</i>	<i>акхе</i>	<i>экса</i> — зверь
<i>арша</i>	<i>арше</i>	<i>арша</i> — аршин
<i>бапиг</i>	<i>бапиг</i>	<i>бепиг</i> — хлеб
<i>саскил</i>	<i>саскил</i>	<i>сискал</i> — кукурузный хлеб
<i>илбаз</i>	<i>илбаз</i>	<i>йилбаз</i> — дьявол
<i>йохь</i>	<i>йохь</i>	<i>йохь</i> — кишка
<i>дагIу</i>	<i>дагIу</i>	<i>догла</i> — замок
<i>болдо</i>	<i>болдо</i>	<i>балда</i> — губа
<i>куйг</i>	<i>куйг</i>	<i>куьг</i> — рука
<i>кланат</i>	<i>кланат</i>	<i>клант</i> — сын
<i>дара</i>	<i>дара</i>	<i>дари</i> — шелк
<i>Iуйре</i>	<i>Iуйре</i>	<i>Iуйре</i> — утро
<i>сивре</i>	<i>сивре/сиуре</i>	<i>суьре</i> — вечер

ШАРОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

Консонантизм шароевского диалекта как в количественном, так и в качественном отношении полностью совпадает с консонантизмом литературного языка¹. Что касается вокализма шароевского диалекта, то он отличается от вокализма литературного языка тем, что в нем нет лабиализованных фонем среднего подъема переднего ряда *оь*, переднего ряда верхнего подъема *уь*, а также нелабиализованной фонемы переднего ряда среднего подъема *аь*.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аффрикатизация. В шароевском диалекте наблюдаются случаи аффрикатизации спирантов в конце слова, то есть *с > ц*, *ш > ч*: шар. *урц* — «нож», *нарц* — «огурец», *глиц* — «материал», ср. лит.: *урс*, *наурс*, *глицс*; шар. *буорча* — «самец», *хуорча* — «малярия», *ларч* — «поднебесье», *хьарч* — «борозда», *марчуо* — «свобода», ср. лит.: *буорша*, *хуорша*, *ларш*, *харш*, *маршуо*.

Ассимиляция наблюдается в шароевском диалекте в тех же случаях, что в литературном языке, то есть носовой сонант *н*, входящий в состав суффикса прошедшего совершенного времени, в положении перед корневыми смычными *л*, *т*, *д* уподобляется последним: шар. *ала* — «сказать», *алла* (← *ална*) — «сказал», «сказано», *вада* — «бежать», *вадда* (← *вадна*) — «убежал», *лата* — «бороться», *латта* (← *латна*) — «боролся», ср. лит.: *ала* — *алла*, *вада* — *ведда*, *лата* — *летта*.

Кроме того, в шароевском диалекте, по имеющимся у нас материалам, очень редко встречается также долгий (закрытый) монофтонг переднего ряда верхнего подъема *е*, который широко распространен в литературном языке. Он часто замещается в шароевском диалекте дифтонгом *ай*: шар. *хьайла*, *гайзар*, *хьайша*, ср. лит.: *хьэлий* — «коровы», *гэзарий* — «козы», *хьэший* — «гости».

Исходным здесь следует считать *-ай*, который в свою очередь получен в результате эпентезы конечного *и*, то есть *гайзар* — *газари*, а *гэзари* — *гайзари*.

В шароевском диалекте при образовании мн. ч. от имен существительных корневой гласный *у* регулярно чередуется с *о*: *тум* — *томагриш* — «кочан», *тур* — *торраш* — «меч», *дукъ* — *доккъаш* — «ярмо», ср. лит.: *тум* — *тамариш*, *тур* — *тарраш*, *дукъ* — *даккъаш*. В литературном языке, как видно из примеров, *у* чередуется с *а*.

Кроме того, в приведенных примерах как в шароевском диалекте, так и в литературном языке наблюдается геминация конечных согласных при образовании мн. ч.

Шароевский диалект, как и некоторые другие диалекты чеченского языка, избегает стечения *ст* в начале слова: *су* — «бык», *саг* — «чело-

¹ Правда, в шароевском диалекте довольно часто встречается глухой сонант *р*.

век», *соха* — «в прошлом году», *сорогла* — «бычок», *сѡмара* — «позавчера», ср. лит.: *сту, стаг, стохка, старгла, стѡмара*.

В шароевском диалекте, как и в литературном языке, при образовании повелительного наклонения от классных глаголов *вах* — «идти», *дала* — «давать», *вала* — «умереть» выпадают начальные согласные, выражающие грамматический класс: *вах*—*глюо*, *дала*—*луо*, *вала*—*лие*. Кроме того, в слове *вах* происходит чередование глухого спиранта -х со звонким спирантом -гl.

Контактная прогрессивная ассимиляция происходит в шароевском диалекте, как и в литературном языке, при образовании дательного падежа от имени существительного: *дела* — «бог», *далла* ← *дална*.

Метатеза. Случаи перемещения звука не установлены в шароевском диалекте.

Инфиксация имеет место в шароевском диалекте при образовании мн. ч. от некоторых глаголов: *саца* — «остановись», *совца* — «остановитесь», *бада* — «беги», *бовда* — «бегите».

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В позиции после сонанта р в исходе слова литературному глухому спиранту с в шароевском диалекте регулярно соответствует глухая аффриката ц:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>урц</i>	<i>урс</i> — нож
<i>нарц</i>	<i>наьрс</i> — огурец
<i>глиц</i>	<i>глицс</i> — материал

В позиции после сонанта р чеченскому литературному глухому спиранту ш в шароевском диалекте соответствует глухая смычная аффриката ч:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>буорча</i>	<i>боьриша</i> — самец
<i>хуорча</i>	<i>хуорша</i> — малярия
<i>гари</i>	<i>гариш</i> — небеса
<i>харч</i>	<i>харш</i> — борозда
<i>марчуо</i>	<i>маршуо</i> — свобода

В середине слова литературному закрытому долгому *é* переднего ряда верхнего подъема в шароевском диалекте может соответствовать нисходящий дифтонг *ай* или долгий монофтонг *а*:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>гэйзар</i>	<i>гэзари(й)</i> — козы
<i>хьайла</i>	<i>хьэли(й)</i> — коровы
<i>хьайша</i>	<i>хьэши(й)</i> — гости
<i>гэжаш</i>	<i>гэжаш</i> — яблоки
<i>хьэкаш</i>	<i>хьэчаш</i> — сливы
<i>гэмаш</i>	<i>гэмаш</i> — крылья
<i>кэдаш</i>	<i>кэдаш</i> — чашки

В середине слова литературному *аь* переднего ряда среднего подъема в шароевском диалекте может соответствовать *а*, как долгий, так и краткий.

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>гэмаш</i>	<i>гэьмнаш</i> — озеро
<i>баллаш</i>	<i>баьллаш</i> — вишни
<i>балаш</i>	<i>баьлаш</i> — репейники
<i>ламаниш</i>	<i>лаьмнаш</i> — горы

Литературному лабиализованному переднего ряда верхнего подъема **уь** в шароевском диалекте в парадигме склонения может соответствовать лабиализованный заднего ряда верхнего подъема **у**, а в парадигме спряжения **и**:

Шароевский диалект		Литературный язык
	у	уь
Им.	<i>тур, сурт</i>	<i>тур, сурт</i> — меч, рисунок
Род.	<i>тура^н, сурта^н</i>	<i>туьра^н, суьрта^н</i>
Дат.	<i>турна, суртана</i>	<i>туьрана, суьртана</i>
Эрг.	<i>турие, суртие</i>	<i>туьруо, суьртуо</i>
	и	уь
	<i>висс, вит</i>	<i>вуьсу, вуьту</i> — остаюсь, оставляю
	<i>Гилл, хил</i>	<i>Гуьллу, хуьлу</i> — лежит, бывает

Литературному нисходящему дифтонгу **уьй** в шароевском диалекте обычно соответствует нисходящий дифтонг **уй**: *суьра* — «вечер», *Гуьра* — «утро», *гуьра* — «осень», *буйса* — «ночь»; ср. лит.: *суьйрие, Гуьйрие, гуьйрие, буйьса*.

Аналогичное соответствие мы наблюдаем и в парадигме спряжения:

Шароевский диалект	Литературный язык
уй	уьй
<i>дуйхи^н</i>	<i>дуьйхи</i> — надел
<i>дуйжи^н</i>	<i>дуьйжи</i> — упал
<i>туйхи^н</i>	<i>туьйхи</i> — ударил

Дифтонгу переднего ряда шароевского диалекта **ие** в литературном языке часто соответствует лабиализованный среднего ряда **оь**: *виелу//виело, диешу//диешо, диехо, хьихо*; ср. лит.: *воьлу* — «смеюсь», *доьшу* — «читаю», *доьху* — «прошу», *хьоху* — «учу».

В парадигме склонения шароевскому лабиализованному дифтонгу среднего подъема **уо** в литературном языке может соответствовать лабиализованный монофтонг **у** заднего ряда: *суьна* — «мне», *хуьна* — «тебе», *тхуьна* — «нам»; ср. лит.: *суьна, хуьна, тхуьна*.

В середине слова литературному долготому **-и (-ий)** переднего ряда верхнего подъема в шароевском диалекте может соответствовать дифтонг **-ай**, который следует считать исходным:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>лиелайра</i>	<i>лиелийра</i> — водил
<i>малайра</i>	<i>малийра</i> — поил
<i>сацайра</i>	<i>сацийра</i> — остановил
<i>латайра</i>	<i>латийра</i> — зажег
<i>магайра</i>	<i>магийра</i> — разрешил

В парадигме спряжения литературному **аь** переднего ряда среднего подъема в шароевском диалекте часто соответствует нелабиализованный нижнего подъема среднего ряда **а**:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>валла</i>	<i>ваьлла</i> — кончил
<i>хьяжна</i>	<i>хьяьжна</i> — смотрел
<i>ласна</i>	<i>лаьсна</i> — поймал

В середине слова в парадигме спряжения шароевскому дифтонгу ов (оу) в литературном языке иногда может соответствовать дифтонг ев (эу):

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>довзира//доузира</i>	<i>девзира//деузира</i> — узнал
<i>ловзира</i>	<i>левзира</i> — играл
<i>совцира</i>	<i>севцира</i> — остановились
<i>къовсира</i>	<i>къевсира</i> — спорил
<i>бовдира</i>	<i>девдира</i> — бежали

В середине слова литературному долготому дифтонгу среднего ряда уоь в шароевском диалекте может соответствовать долгий дифтонг заднего ряда среднего подъема уо:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>луобмаш</i>	<i>луобмаш</i> — львы
<i>субмаш</i>	<i>субмаш</i> — рубли
<i>тубнаш</i>	<i>тубнаш</i> — ружья
<i>субца</i>	<i>субца</i> — со мной
<i>хьубца</i>	<i>хьубца</i> — с тобой
<i>тхубца</i>	<i>тубца</i> — с нами

Литературному дифтонгу ев (эу) в шароевском диалекте соответствует дифтонг ов (оу):

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>ковнаш//коунаш</i>	<i>кевнаш//кэунаш</i> — ворота
<i>цловнаш</i>	<i>цлевнаш</i> — снопы
<i>тховнаш</i>	<i>тхевнаш</i> — крыши
<i>довнаш</i>	<i>девнаш</i> — дебош

В конце слова литературному долготому монофтонгу ий в шароевском диалекте соответствует нисходящий дифтонг ай, который следует считать исходным по отношению к ий, то есть ий ← ай: лит. *клай* восходит к шар. *клай*.

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>галай</i>	<i>гали(й)</i> — мешок
<i>иллай</i>	<i>илли(й)</i> — песня
<i>клай</i>	<i>клади(й)</i> — ткань

Аналогичное соответствие мы наблюдаем и в середине слова.

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>алайта</i>	<i>алийта</i> — пусть скажет
<i>вадайта</i>	<i>вадийта</i> — пусть бежит
<i>уоллайта</i>	<i>уоллийта</i> — пусть вешает
<i>кхаллайта</i>	<i>кхаллийта</i> — пусть откусит

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

При образовании мн. ч. наблюдается значительное различие в шароевском диалекте по сравнению с литературным языком, которое заключается в основном в том, что в литературном языке основа большинства имен существительных подвержена флексии, в шароевском же

редки случаи внутренней флексии. Так, например, в чеченском литературном языке почти все односложные имена существительные с корневым гласным *а*, оканчивающиеся на закрытый слог, меняют гласный основы, а в шароевском диалекте основа не изменяется:

Шароевский диалект

дакъа—*дакъий*
бад—*бадаш*
бал—*баллаш*
там—*тамаш*
газ—*газаш*
кад—*кадаш*
лам—*ламниш*
тал—*таллаш*

Литературный язык

дакъа—*декъий* — труп
бад—*бедаш* — утка
бал—*баьллаш* — вишня
там—*темаш* — крыло
газ—*ге́заш* — гусь
кад—*кедаш* — чашка
лам—*лаьмнаш* — гора
тал—*таьллаш* — верба

При образовании форм мн. ч. в шароевском диалекте корневой лабиализованный дифтонг *yo* может переходить в монофтонг нижнего подъема *а* (вместо литературного *е*):

Чеберлоевский диалект

дуог—*дагниш*
дуош—*дашниш*
муохк—*махкиш*

Литературный язык

дуог—*дегнаш* — сердце
дуош—*дешинаш* — слово
муохк—*мехкаш* — земля

В шароевском диалекте при образовании мн. ч. корневой лабиализованный верхнего подъема *у* переходит в лабиализованный среднего подъема *о*, а в литературном языке *у* — *а*. Кроме того, исходный согласный этих имен обычно подвергается геминации:

Шароевский диалект

дукъ—*доккъаш*
букъ—*боккъаш*
бух—*боххаш*
тур—*торраш*
тум—*тумараш*

мукъ—*мокъараш*

Литературный язык

дукъ—*даккъаш* — ярмо
букъ—*баккъаш* — спина
бух—*баххаш* — дно
тур—*тарраш* — меч
тум—*тумараш* — костный
 мозг
мукъ—*маккъараш* — рукоятка

В литературном языке двусложные имена существительные, оканчивающиеся на редуцированный гласный нижнего подъема *а*, образуют мн. ч. суффиксом *-ий* (при этом корневой гласный обычно чередуется); в шароевском диалекте мн. ч. от них образуется тоже посредством суффикса *-ий*, но иногда без чередования корневых гласных:

Шароевский диалект

дакъа—*дакъий*
дахка—*дахкий*
цоцо—*цоций*

Литературный язык

дакъа—*декъий* — труп
дахка—*дехкий* — мышь
цаца—*цеций* — сито

В склонении имен существительных шароевского диалекта наблюдаются значительные расхождения с литературным языком. Расхождения эти вызваны в основном тем, что в шароевском диалекте гласная основа при склонении не изменяется, а в литературном языке почти все односложные имена существительные с корневым гласным *а*, которые заканчиваются согласными, подвержены внутренней флексии:

Шароевский диалект Литературный язык

Им.	<i>барэ</i>	<i>барэ</i> — холм
Род.	<i>барзаⁿ</i>	<i>борзаⁿ</i>
Дат.	<i>барзана</i>	<i>борзана</i>
Эрг.	<i>барзие</i>	<i>борзуо</i>
Ор.	<i>барзаца</i>	<i>борзаца</i>
Вещ.	<i>барзах</i>	<i>борзах</i>
Ср.	<i>барзал</i>	<i>борзал</i>
Мест.	<i>барзие</i>	<i>борзие</i>
Им.	<i>кад, цоцо</i>	<i>кад, цаца</i> — чашка, сито
Род.	<i>кадаⁿ, цоцин</i>	<i>кедаⁿ, цецан</i>
Дат.	<i>кадана, цоцана</i>	<i>кедана, цецана</i>
Эрг.	<i>кадие, цоцие</i>	<i>кедуо, цецуо</i>
Ор.	<i>кадаца, цоцице</i>	<i>кедаца, цецаца</i>
Вещ.	<i>кадах, цоцих</i>	<i>кедах, цецах</i>
Ср.	<i>кадал, цоцил</i>	<i>кедал, цецал</i>
Мест.	<i>кадие, цоцие</i>	<i>кедие, цецие</i>

Как видно из примеров, согласные элементы падежных флексий в шароевском диалекте полностью совпадают с падежными флексиями литературного языка. Значительно расходятся гласные элементы падежных флексий. Так, например, постоянной флексией транзитива в шароевском диалекте является комплекс *-гюло* вместо литературного *-хула*: *Ахмадиегюло* — «через Ахмеда», *вашиегюло* — «через брата», *колхозиегюло* — «через колхоз», ср. лит.: *Ахмадиехула, вашиехула, колхозиехула*.

В шароевском диалекте имена существительные при склонении гласную основу у обычно меняют на о:

Шароевский диалект	Литературный язык	
Им.	<i>тум, глум</i>	<i>тум, глум</i> — кочан, песок
Род.	<i>томараⁿ, гломораⁿ</i>	<i>тамараⁿ, гламараⁿ</i>
Дат.	<i>томорна, гломарна</i>	<i>тамарна, гламарна</i>
Эрг.	<i>томорие, гломорие</i>	<i>тамаруо, гламаруо</i>
Ор.	<i>томорца, гломорца</i>	<i>тамарца, гламарца</i>

Иногда корневой гласный у при склонении имен существительных может переходить в а:

Шароевский диалект	Литературный язык	
Им.	<i>нус, новц</i>	<i>нус, нуц</i> — сноха, зять
Род.	<i>несаⁿ, новцаⁿ</i>	<i>несаⁿ, невцаⁿ</i>
Дат.	<i>несана, новцана</i>	<i>несана, невцана</i>
Эрг.	<i>насие, новцие</i>	<i>несуо, невцуо</i>
Ор.	<i>насица, новцаца</i>	<i>несица, невицаца</i>

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения в шароевском диалекте те же, что и в литературном языке. Отличается фонетически только местоимение *ови/оуи* — «они», в литературном языке — *уви*.

При склонении личных местоимений в шароевском диалекте гласная основа не подвергается флексии, за исключением родительного падежа, если не считать удлинения корневых гласных:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>суо, хьюо</i>	<i>суо, хьюо</i> — я, ты
Род.	<i>сан, хьан</i>	<i>сан, хьан</i>
Дат.	<i>субна, хьюона</i>	<i>сйна, хьюна</i>
Эрг.	<i>ас, ахь</i>	<i>ас, ахь</i>
Ор.	<i>субца, хьюоца</i>	<i>сбьца, хьюьца</i>
Вещ.	<i>субох, хьюох</i>	<i>суох, хьюох</i>
Ср.	<i>суол, хьюол</i>	<i>суол, хьюол</i>
Напр. I.	<i>субга, хьюога</i>	<i>сбьга, хьюьга</i>
Лок.	<i>суогахь, хьюогахь</i>	<i>сбьгахь, хьюьгахь</i>
Исх.	<i>субгара, хьюогара</i>	<i>сбьгара, хьюьгара</i>
Тр.	<i>субгаг'оло, хьюогаг'оло</i>	<i>сбьгахула, хьюьгахула</i>

Как видно из этих примеров, форманты некоторых падежей фонетически не совпадают с литературными.

По этому же способу склоняются и другие личные местоимения.

Значительно отличаются в шароевском диалекте и субстантивированные местоимения как в своих исходных, так и в косвенных формах:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>сайдар, хьайдар</i>	<i>сайниг, хьайниг</i> — мой, твой
Род.	<i>сайчо^н, хьайчо^н</i>	<i>сайчу^н, хьайчу^н</i>
Дат.	<i>сайчонна, хьайчонна</i>	<i>сайчунна, хьайчунна</i>
Эрг.	<i>сайчуо, хьайчуо</i>	<i>сейчуо, хьайчуо</i>
Ор.	<i>сайчонца, хьайчонца</i>	<i>сайчуьнца, хьайчуьнца</i>
Вещ.	<i>сайчох, хьайчох</i>	<i>сайчух, хьайчух</i>
Ср.	<i>сайчол, хьайчол</i>	<i>сайчул, хьайчул</i>
Напр. I.	<i>сайчонга, хьайчонга</i>	<i>сайчуьнга, хьайчуьнга</i>
Тр.	<i>сайчонгаг'оло, хьайчонгаг'оло</i>	<i>сайчуьнгахула, хьайчуьнгахула</i>

Мн. ч. от самостоятельных притяжательных местоимений образуется в шароевском диалекте посредством суффикса **-арш** (б, й, д), а в литературном при помощи суффикса **-наш**:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>сайбарш</i>	<i>сайнаш/сайберш</i> — мои
<i>хьайбарш</i>	<i>хьайнаш/хьайберш</i> — твои
<i>цунабарш</i>	<i>цуьннаш/цуьнаберш</i> — его
<i>тхайбарш</i>	<i>тхайнаш/тханберш</i> — наши
<i>вайбарш</i>	<i>вайнаш/вайберш</i> — наши
<i>шубарш</i>	<i>шуйнаш/шуберш</i> — ваши
<i>церабарш</i>	<i>церанаш/цераберш</i> — их

ВЫВОДЫ

Из суффиксов мн. ч. **-барш** в шароевском диалекте и **-берш** в литературном языке, с исторической точки зрения, наиболее древним следует признать **-барш** (← *баршш* ← *бариг* + *иш*). Последнее можно и дальше расчленить: *бар(а)* представляет собой форму прошедшего времени от неполного классного глагола *б-у* (← *б-а*) — «есть», который обычно выступает показателем мн. ч. имен мужского класса, **-иг/г** — суффикс субстантивации, **-иш** — суффикс мн. ч. имен, восходящий в свою очередь к личному местоимению 3-го лица мн. ч. *йш* (акк., лам-акк. диалекты) — «они».

Суффикс **-барш** в шароевском диалекте, как и **-берш** в литературном языке, может выступать как самостоятельное слово в функции при-

части настоящего времени: *Чуохь барш арабаха*. — «Внутри находящихся выведете» (вывод); суффикс *-барш* в шароевском диалекте, если он выражает мужской класс, в ед. ч. звучит *-вар* (*варг* ← *верг* ← *вериг* ← *вариг*).

В склонении притяжательных местоимений мн. ч. между шароевским диалектом и литературным языком наблюдается незначительное различие:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>сайбарш</i>	<i>сайнаш//санберш</i> — мой
Род.	<i>сайчара</i>	<i>сайчеран//сайчийн</i>
Дат.	<i>сайчарна</i>	<i>сайчарна//сайчушна</i>
Эрг.	<i>сайчара</i>	<i>сайчара//сайчуша</i>
Ор.	<i>сайчарца</i>	<i>сайчаьрца//сайчушца</i>
Напр. I.	<i>сайчарга</i>	<i>сайчаьрга//сайчушга</i>

Указательные местоимения и их образование. Вайнахские языки и их диалекты характеризуются обилием форм указательных местоимений.

Указательные местоимения в шароевском диалекте по значениям можно разбить на две подгруппы.

В первую подгруппу входит указательное местоимение *и*¹ — «этот», «эта», «это», которое указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости от говорящего. Его форма мн. ч. *авш*.

Во вторую подгруппу входит указательное местоимение *длуор(а)* — «тот», «та», «то», которое указывает на предмет, находящийся на значительном расстоянии от собеседников. Его форма мн. ч. *длуориш*.

Склонение указательных местоимений в шароевском диалекте по сравнению с литературным языком имеет некоторое отклонение в звуковом отношении, особенно местоимение *йара*. Приведем таблицу склонения в сравнении с литературным языком:

	Шароевский диалект	Литературный язык
		Ед. ч.
Им.	<i>йара, длуор</i>	<i>хлара, длараниг</i> — этот, тот
Род.	<i>окхуна^а, дларчона^а</i>	<i>хлокхуна^а, дларчу^а</i>
Дат.	<i>окхунна, дларчонна</i>	<i>хлокхунна, дларчунна</i>
Эрг.	<i>окхуо, дларчуо</i>	<i>хлокхуо, дларчуо</i>
Ор.	<i>окхунца, дларчонца</i>	<i>хлокхуьнца, дларчуьнца</i>
Напр. I.	<i>окхунга, дларчонга</i>	<i>хлокхуьнга, дларчуьнга</i>

Образование и склонение возвратных местоимений. Возвратные местоимения в шароевском диалекте, как и в литературном языке, имеют формы всех трех лиц в ед. ч., а во мн. ч. — две. Образуются они в основном от соответствующих форм личных местоимений, подвергаясь некоторым фонетическим изменениям. Например, в ед. ч. форма 1-го лица звучит: *сай* — «я» «сам», образована она от личного местоимения 1-го лица ед. ч. *суо* — «я»; форма 2-го лица *хьой* — «ты» «сам» образована от личного местоимения 2-го лица *хьюо* — «ты»; форма 1-го лица мн. ч. *тхаш* — «мы» «сами» образована от личного местоимения того же лица *тхуо* — «мы» путем присоединения суффикса множественности *-ш*; форма 2-го лица *шаш* — «вы» «сами», образована от 2-го лица личного местоимения *шу* — «вы» путем

¹ В переносном значении можно сказать: *И клант Москвахь ау*. — «Тот сын в Москве».

присоединения суффикса мн. ч. -ш. Эта же форма *шаш* обслуживает и 3-е лицо мн. ч.

3-е лицо ед. ч. возвратного местоимения образуется от другой основы, а не от ожидаемой *из* — «он». Оно звучит в шароевском диалекте, как и в литературном языке, *ша* — (он) «сам». Оно в материальном отношении то же самое, что и *шаш* во мн. ч.; эта форма, по-видимому, позже перешла в ед. ч.; но без показателя мн. ч. ш:

Шароевский диалект

Литературный язык

Ед. ч.

Им.	<i>сай, хьай, ша</i>
Род.	<i>сай", хьай", шие"</i>
Дат.	<i>сайна, хьайна, шиена</i>
Эрг.	<i>сай, хьай, ша</i>
Ор.	<i>сайца, хьайца, шица</i>
Напр. I.	<i>сайга, хьайга, шиега</i>

<i>суо, хьуо, ша</i> — сам
<i>сай", хьай", шие"</i>
<i>сайна, хьайна, шиена</i>
<i>айса, айхьа, ша</i>
<i>сайца, хьайца, шица</i>
<i>сайга, хьайга, шиега</i>

Мн. ч.

Им.	<i>тхаш, шаш</i>
Род.	<i>тхайн, шайн</i>
Дат.	<i>тхайна, шайна</i>
Эрг.	<i>тхаш, шаш</i>
Ор.	<i>тхайца, шайца</i>

<i>тхавш, шавш</i> — сами
<i>тхайна, шайна</i>
<i>тхайна, шайна</i>
<i>тхавш, шавш</i>
<i>тхайца, шайца</i>

— Определительные местоимения и их образование. Определительные местоимения в шароевском следующие: *дарриг* (б, й, в) — «весь», «все», *моссо* — «все», «всякий», *оккхал* — «столько», *оццул* — «столько».

Определительное местоимение *дарриг* отвечает на вопрос *мел?* — «сколько?» и образовано от субстантивированного (самостоятельного) причастия *дерг* (б, й, в) — «имеющийся», «наличный», «то, что есть», которое в свою очередь восходит к неполному классному глаголу *да* (лит. *ду* ← *да*) — «есть». Самостоятельное причастие *дерг* имеет широкое распространение в литературном языке и в его диалектах. Причастие *дерг* исторически, как об этом свидетельствует чеберлоевский диалект, восходит к *дариг* — «имеющийся». В чеберлоевском диалекте и само определительное местоимение «весь», «все» звучит *дарриг*. Здесь, как и в других диалектах, сонант *р* произносится усиленно, что и придает ему значение «все, что есть».

Определительное местоимение *массо* отвечает на вопрос *маса?* — «сколько?» и образовано от вопросительного местоимения *маса?* + *ва* — «есть», «имеется», то есть *массо* ← *маса* + *ва* — «сколько есть», «сколько имеется», где лабиальный элемент *в(а)*, слившись с предыдущим кратким гласным *а*, дал лабиализованный *о*, а усиленный спирант *с* придал ему (*массо*) значение «все, что есть», «все, что имеется».

Определительное местоимение *оккхул* — «столько», «с это» указывает на предмет, находящийся ближе к говорящему, чем *оццул* — «столько», «с то», и представляет собой форму сравнительного падежа от указательного местоимения *йара* — «этот», «эта», «это», образованную от другой основы.

Определительное местоимение *оццул* — «столько» тоже является формой сравнительного падежа от указательного местоимения *из* — «тот», «та», «то», косвенная форма которого образуется от другой основы.

Неопределенные местоимения. В шароевском диалекте представлены следующие неопределенные местоимения: *хьанех* — «некий», *милех* — «некто», *хьунех* — «нечто», *цал-м* — «кто-то», *цхьа-*

вар — «некоторый», *масайтта* — «несколько», *масех* — «сколько-то», *хлунехдинар* — «кто-то», «что-то», «некто», «нечто».

Некоторые из приведенных неопределенных местоимений поддаются этимологизации. Например, ясно, что *милех* — «некто» представляет собой форму вещественного падежа от вопросительного местоимения *мила?* — «кто?»; *хлунех* также является видоизмененной формой вещественного падежа от вопросительного местоимения *хлун?* — «что?»; *цаI-м* состоит из числительного *цаI* — «один» и из утвердительной частицы *-м* — «то»; *цхавар* — «некоторый» сложено из *цхьа* — косвенной формы от *цаI//цхьаъ* и субстантивированного причастия *вар* — «сущий», «имеющийся», образованного от неполного классного глагола *в-а* — «есть»; *масайтта* — «несколько» образовано из *масех* (— *маса*) — «несколько» и *итт* — «десять», «десяток»; *масех* — видоизмененная форма вещественного падежа от вопросительного местоимения *маса?* — «сколько?»; *хлунехдинар* получено из *хлунех* — «нечто» и субстантивированного причастия прошедшего времени *динар* — «сделанный», «сделавший», образованного от переходного классного глагола *д-ан* — «сделать».

Их склонение особого расхождения с литературным языком не имеет. Неопределенные местоимения *хьенех*, *милех* склоняются по типу существительных. *ЦаI-м//цхьаъ-м*, *масайтта* склоняются как числительные, а *цхавар*, *хлунехдинар* — по типу субстантивированных причастий.

Образование и склонение вопросительных местоимений. В шароевском диалекте представлены следующие вопросительные местоимения: *мила?* — «кто?», *хлун?* — «что?», *мел?* — «сколько?», *маса?* — «сколько?», *милох?* — «который?», *маслогло?* — «который?», *миха?* — «какой?», *хьэна?* — «чей?» (по отношению к разумным существам), *сийна?* — «чей?» (по отношению к неразумным существам). Вопросительные местоимения *мила?* — «кто?» *хлун?* — «что?» употребляются только в именительном падеже, а в косвенных падежах вместо них употребляются вопросительные местоимения *хьэна?* — «чей?», *сийна?* — «чей?». Вопрос *маса?* в отличие от *мел?* ставится обычно к предметам, которые поддаются поштучному подсчету. Вопрос *маслогло?* — «который?» задается, когда хотят узнать, «который по счету». Местоимение *маслогло* образовано из *маса* — «сколько?» и суффикса *-логло*.

В литературном языке вопросительные местоимения звучат так: *мила?* — «кто?», *хлун?* — «что?», *мел?* — «сколько?», *маса?* — «сколько?», *муьлха?* — «который?», *маслагла?* — «который?», *муха?* — «какой?», *хьэна?* — «чей?», *стиена?* — «чей?».

От вопросительных местоимений *милох?* — «который?», *маслогло?* — «который?», *муха?* — «какой?», *хьэна?* — «чей?», *сийна?* — «чей?» образуются и субстантивированные формы при помощи словообразовательного суффикса (в, й, б, д) *-ар*: *милохвар?* — «который?», *маслоглвар?* — «который?», *михавар?* — «какой?», *хьэнавар?* — «чей?». В литературном языке субстантивированные формы от этих вопросительных местоимений образуются посредством суффикса *-ниг* и редко (в, й, б, д) *-ерг*: *мослагланиг?*, *муьлханиг?*, *муханиг?*, *хьэнаниг?*, *стиенаниг?*. Допустимы и *мослаглверг?*, *муьлхаверг?*, *мухаверг?*, *стиенадерг?*.

Склонение вопросительных местоимений в шароевском диалекте не имеет существенных отличий от литературного языка.

Отрицательные местоимения и их образование. В шароевском диалекте в значении отрицательных местоимений употребляется числительное *цхьаъ* — «один» с утвердительной частицей *а* — «даже», то есть *цхьаъ а*, которое можно перевести на русский язык: «ни

один», «никто», «ничто». В значении «ничто» употребляется также существительное *хлума* — «вещь», «предмет», снабженное той же частицей *а* — «даже», в котором удваивается сонант м: *хлумма а* — «ничто», «ничего».

Слово *цхьаъ а* склоняется в шароевском по типу количественных числительных, а *хлумма а* — по образцу имен существительных. Склонение слов *цхьаъ а* — «никто», *хлумма а* — «ничего» особого отклонения от норм литературного языка не имеет. Обратимся к примерам:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>цхьаъ а, хлумма а</i>	<i>цхьаъ а, хлумма а</i>
Род.	<i>цхьаннен а, хлумманан а</i>	<i>цхьаннан а, хлумманан а</i>
Дат.	<i>цхьанниена а, хлуммана а</i>	<i>цхьенна а, хлумманна а</i>
Эрг.	<i>цхьанние а, хлуммание а</i>	<i>цхьаммуо а, хлумманнуо а</i>
Ор.	<i>цхьанниеча а, хлумманца а</i>	<i>цхьабница а, хлумманца а</i>
Напр. I.	<i>цхьанниеча а, хлуммание а*</i>	<i>цхьабница а, хлумманние а</i>

ГЛАГОЛ

Общая характеристика глагола. Глагол в шароевском диалекте, как и в литературном языке, не изменяется ни по лицам (за редким исключением), ни по числам, но зато изменяется по грамматическим классам, обладает категориями времени, наклонения, каузатива, вида и потенциалиса; в глаголе имеются также вопросительные, отрицательные и обстоятельственные формы. От глагола образуются масдар (отглагольное имя) и инфинитив.

Категория грамматических классов в глаголе. Как и в других вайнахских языках, некоторые глаголы в шароевском диалекте включают в себя (обычно в анлауте) классные показатели *в, й, б, д*, через посредство которых данные глаголы устанавливают синтаксическую связь с объектом или субъектом.

Инфинитив. Инфинитив в шароевском диалекте, как и вообще в вайнахских языках, — самая простая производящая основа глагола, отвечающая на вопрос *хлун да^н?* — «что делать?».

Инфинитив в шароевском диалекте, как и в литературном языке, образуется от непронизводных основ при помощи суффикса *-а* и редко *-ие* с незначительной назализацией: *ал-а^н* — «сказать», *лат-а^н* — «бороться», *да^н* — «делать», *лue^н* — «находиться» и т. п.

От производных основ инфинитив образуется посредством суффикса *-уон*, с помощью которого от непереходных глаголов образуются переходные глаголы: *сатта* — *саттуон* — «гнуться», «гнуть», *лата* — *латуон* — «зажечься», «зажечь».

Суффикс *-уон* образовался в результате слияния исходного гласного *а* образующей основы и вспомогательного классного глагола *д-а^н* — «делать», то есть *саттуо* ← *сатта+да^н*. Форма *саттада^н||саттадие* и на сегодняшний день не чужда вайнахским языкам. Кроме того, в форме настоящего времени восстанавливается утерянный классный показатель: *саттуо^н* — «гнуть», *ас саттадо* — «я гну».

Образование каузатива. Каузатив в шароевском диалекте образуется при помощи суффикса *-айт*: *йадайта* — «пустить бежит», *йахайта* — «пустить идет».

Суффикс *-айт*, видимо, восходит к глаголу *йита* — «оставить», «оставь», который, слившись с предыдущим глаголом, лишился своей семантики, то есть *йахайта* ← *йаха йита* — «пустить идет».

Образование производных глаголов и потенциалиса. В шароевском, как и в литературном языке, от одной и той же основы с помощью различных суффиксов можно образовать как пе-

реходные, так и непереходные глаголы. Так, например, посредством суффикса *-уон* от непереходных глаголов можно образовать переходные глаголы: *такха* — «ползти», *такхуон* — «волочить», *верза* — «повернуться», *верзуон* — «повернуть», *саца* — «остановить» и т. п. При помощи же суффикса *-вала* (й, д, б) от переходных глаголов можно образовать непереходные: *тубха* — «ударить», *тубхавала* — «попытаться», *кхосса* — «бросить», *кхоссавала* — «подпрыгнуть», *Ютта* — «ткнуть», *Юттавала* — «коснуться» и т. д.

При помощи суффикса *-вала* можно образовать непереходные глаголы от качественных прилагательных: *меца* — «голодный», «голодно», *мацвала* — «проголодаться», *сиха*, *сиха* — «быстрый», «быстро», *сихвала* — «поторопиться», *вохва* — «горячий», *вохвала* — «согреться» и т. д.

Широко распространен в шароевском диалекте также суффикс *-ва́ла*, имеющий немного другой оттенок, чем *-вала*. С помощью суффикса *-ва́ла* можно образовать от непереходного глагола производный глагол с другим оттенком значения: *ловза* — «играться», *ловзавáла* — «разыграться», *вада* — «бежать», *вадавáла* — «разбежаться», *велха* — «плакать», *велхавáла* — «разрыдаться».

Суффикс *-ва́ла* в сочетании с качественными прилагательными также образует непереходный глагол: *майра* — «храбрый», *майравáла* — «расхрабриться», *камерча* — «щедрый», *камерчавáла* — «расщедриться», *ирча* — «безобразный», *ирчавáла* — «обезобразиться».

Потенциалис в шароевском диалекте образуется также посредством суффикса *-вала*, который присоединяется к глаголу: *вахвала* — «суметь идти», *йаайала* — «суметь кушать», *вадавала* — «суметь бежать».

Как видно из примеров, к суффиксу *-вала* (й, б, д) присоединяется инфинитивная форма глагола.

В настоящее время потенциальный суффикс *-вала* (й, б, д) теряет классный показатель и приобретает форму *-ло*: *вахвала* — *вахало* — «могу идти», *йаайала* — *йаало* — «могу кушать», *вадавала* — *вадало* — «могу бежать» и т. д.

Спряжение. Как мы уже сказали выше, спряжение чеченского глагола характеризуется тем, что глагол в чеченском языке, как и во многих других иберийско-кавказских языках, не изменяется по лицам и, за редким исключением, по числам. Другой отличительной чертой чеченского глагола можно считать обилие времен.

Времена и их образование. В шароевском диалекте представлены следующие времена: настоящее конкретное, настоящее будущее, будущее определенное, недавнопрошедшее, очевиднопрошедшее, прошедшее определенное, прошедшее длительное.

Настоящее конкретное время обычно выражает действие, совершающееся в момент речи, и образуется от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного классного глагола (в, й, б, д) *-а*.

В литературном языке эта форма образуется точно так же, как и в шароевском диалекте, различаясь только тем, что в литературном обычно изменяется корневая гласная, а в диалекте очень редко происходит перегиб гласных:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>иецушву</i>	<i>оьцуш ву</i> — покупает
<i>хьиецушву</i>	<i>хьоьшуш ву</i> — топчет
<i>лехкушву</i>	<i>лоьхкуш ву</i> — гонит
<i>лиехушву</i>	<i>лоьхуш ву</i> — ищет
<i>диецушву</i>	<i>доьшуш ву</i> — читает

Чередование корневых гласных может и совпасть:

Шароевский диалект

лоллушву
текхашду
соцушйу
лиешташву
лиешташву
локхушву

Литературный язык

лоллуш ву — гонит
текхаш ду — ползет
соцуш йу — останавливается
лиешташ ву — качается
лиешташ ву — борется
локхуш ву — играет

Настоящее время общее в шароевском диалекте образуется в основном посредством суффиксов **-о**, **-у**, которые возникают на месте инфинитивного суффикса **-а**, при этом корневые гласные могут подвергаться изменению, как и в литературном языке:

Шароевский диалект

баха—боху
ара—ору
дага—догу
аха—оху
вита—вито
дийца—дийцо

Литературный язык

боху/боха — говорит
ору/ора — молотит
догу/дога — горит
оху/оха — пашет
вуйту/вуйта — оставляет
дуйцу/дуйца — рассказы-
вает

Будущее время в шароевском диалекте образуется в основном посредством суффикса **-ур** и вспомогательного глагола **ду** (**в**, **й**, **б**). Суффикс **-ур** занимает место показателя настоящего времени **-о**, **-у**:

Шароевский диалект

орур ду
диттур ду
вехар ву
лаховр ву
совцур ду
виссур ву
витуру ву

Литературный язык

орур ду — вспашу
дуттур ду — налью
вехар ву — поживу
схьахуур ву — сяду
совцур ду — остановимся
вуйсур ву — останусь
вуйтур ву — оставлю

Прошедшее длительное время выражает действие, которое длилось долго или неоднократно повторялось в плане прошлого. Образуется оно от основы настоящего времени с прибавлением к нему суффикса **-ра**:

Шароевский диалект

Настоящее

воду
соцу
хьихохо
литто
дийцо
олло

Прошедшее

водура
соцура
хьихохора
литтора
дийцора
оллора

Литературный язык

Настоящее

воду
соцу
хьоху
луйту
дуйцу
улуу

Прошедшее

бодура — бегал
соцура — останавливался
хьохура — бывало, учил
луйтура — бывало, цедил
дуйцура — бывало, рассказы-
зывал
улуура — бывало, вешал

Очевидно прошедшее время выражает законченное действие, очевидцем которого был говорящий, и образуется от основы прошедшего времени путем присоединения к нему суффикса **-ра**:

Инфинитив	Шароевский диалект	Ингушский язык	Литературный язык
<i>вада</i>	<i>ведира</i>	<i>ведар</i>	<i>ведира</i> — бежал
<i>саца</i>	<i>сецира</i>	<i>сецар</i>	<i>сецира</i> — остано- вился
<i>хьиеха</i>	<i>хьийхира</i>	<i>хьийхар</i>	<i>хьийхира</i> — учил
<i>хьиежа</i>	<i>хьийжира</i>	<i>хьийжар</i>	<i>хьийжира</i> — смотрел
<i>литта</i>	<i>литтира</i>	<i>литтар</i>	<i>литтира</i> — выцедил
<i>дийца</i>	<i>дийцира</i>	<i>дийцар</i>	<i>дийцира</i> — расска- зал
<i>уолла</i>	<i>уллира</i>	<i>эллар</i>	<i>обллира</i> — повесил
<i>кхуосса</i>	<i>кхуссира</i>	<i>кхессар</i>	<i>кхобссира</i> — бросил
<i>вуожа</i>	<i>вужира</i>	<i>виежар</i>	<i>вуйжира</i> — упал
<i>духа</i>	<i>дуйхира</i>	<i>дуйхар</i>	<i>дуйхира</i> — надел

Прошедшее определенное время в шароевском диалекте образуется, как и в литературном языке, суффиксом *-на*, но чередование корневых гласных не всегда совпадает.

Поэтому приводим примеры на образование прошедшего определенного времени в сравнении с другими диалектами:

Шароевский диалект	Ингушский язык	Аккинский диалект	Литературный язык
<i>текхина</i>	<i>текхад</i>	<i>текханд</i>	<i>текхна</i> — сползло
<i>сасна</i>	<i>сецад</i>	<i>сецанд</i>	<i>сецна</i> — стало
<i>тийгина</i>	<i>тийгад</i>	<i>тийганд</i>	<i>тегна</i> — сшито
<i>кхийрина</i>	<i>кхийрав</i>	<i>кхийранув</i>	<i>кхийрина</i> — испугался
<i>уллина</i>	<i>эллад</i>	<i>обланд</i>	<i>обллина</i> — вывешено
<i>дуйсина</i>	<i>дийсад</i>	<i>дуйсанд</i>	<i>дуйссина</i> — надули
<i>дуйхина</i>	<i>дуйхад</i>	<i>дуйханд</i>	<i>дуйхина</i> — надет
<i>соттайна</i>	<i>соттадаьд</i>	<i>саттийнд</i>	<i>саттийна</i> — погнули
<i>лостайна</i>	<i>лостадаьд</i>	<i>ластийнд</i>	<i>ластийна</i> — потрусил
<i>хьовзайна</i>	<i>хьовзаваьв</i>	<i>хьовзийнув</i>	<i>хьовзийна</i> — смутили
<i>яздина</i>	<i>яздаьд</i>	<i>яздийнд</i>	<i>яздина</i> — написали
<i>алла</i>	<i>аьннад</i>	<i>аьланд</i>	<i>аьлла</i> — сказано
<i>хеттина</i>	<i>хьаттад</i>	<i>хьаттанд</i>	<i>хьаттина</i> — спросил

Давнопрошедшее время выражает незаконченное действие, которое предшествовало другому действию в прошлом, и образуется от прошедшего времени и суффикса *-ра*: *Со цла ваханара*. — «Я домой ездил». *Хьо валие бепиг дианара ас*. — «До твоего прихода я хлеб ел». *Ас селхана дечиг деккханара*. — «Я вчера дрова колол».

Наклонения в шароевском диалекте, как и в литературном языке, в основном образуются одинаково. Но иногда наблюдается незначительное расхождение в оформлении некоторых суффиксов. Так, например, в шароевском один из вариантов повелительного наклонения, выражающий просьбу, образуется при помощи суффикса *-ашу*, а в литературном языке — посредством суффикса *-ийша*:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>а́лашу</i>	<i>а́лийша</i> — скажите, пожа- луйста
<i>ле́лашу</i>	<i>ле́лхийша</i> — прыгайте, пожа- луйста
<i>ви́лашу</i>	<i>ви́гийша</i> — ведите, пожа- луйста

дилашу
дийцашу
туохашу
дузашу

дилишша — мойте, пожа-
луйста
дийцийшша — говорите, пожа-
луйста
туохийшша — ударьте, пожа-
луйста
дузийшша — наполняйте, по-
жалуйста

Вопросительные формы настоящего времени в литературном языке отличаются в шароевском диалекте в побудительных глаголах; что касается конечных аффиксов этих вопросительных форм, то они полностью совпадают:

Шароевский диалект

алайтой?
вадайтой?
лиелайтой?
лелхайтой?

вигайтой?
дилайтой?
дийцайтой?

хуотгайтой?

туохайтой?
вуоссайтой?
дузайтой?

Литературный язык

олубыйтий? — дает сказать?
водуыйтий? — дает бежать?
лолубыйтий? — дает ходить?
лобхуыйтий? — дает пры-
гать?

вугуыйтий? — дает вести?
дублийтий? — дает мыть?
дубйцуыйтий? — дает гово-
рить?

хутгубыйтий? — дает соеди-
нить?

тухубыйтий? — дает ударить
вуоссуыйтий? — дает слезть?
дузубыйтий? — дает запол-
нить?

Как свидетельствуют приведенные примеры, данные вопросительные формы образованы от основ настоящего времени как в шароевском диалекте, так и в литературном языке. Различия между ними объясняются тем, что в литературном языке суффиксальный *-ий*, являющийся компонентом каузативного суффикса *-ийт*, под воздействием лабиализованного гласного предыдущего слога огубляется, то есть происходит прогрессивная ассимиляция гласных, а в шароевском диалекте он не подвержен ассимиляции.

ПРИЧАСТИЕ

Причастие в шароевском диалекте, как и в литературном языке, имеет самостоятельную и несамостоятельную формы. Причастие настоящего времени в шароевском диалекте отличается от литературного языка тем, что в литературном языке происходит чередование *и (ий) — уь/уый, не — оь*.

1. Несамостоятельная форма

Шароевский диалект
диеша—диешу саг
кхиера — кхиеру саг
дитта—дитту йовлакх
виса—вису саг
велха—вилху клант

Литературный язык
диеша—добшу стаг — чита-
ющий человек
кхиера—кхьеру стаг — боя-
щийся человек
дитта—дубтту йовлакх — сти-
раемый платок
виса вусу стаг — остающийся
человек
велха—вольху клант — пла-
чущий мальчик

2. Самостоятельная форма

<i>диешушвар</i>	<i>дбьшург</i> — читающий
<i>кхиерушвар</i>	<i>кхбьрург</i> — боящийся
<i>диттушвар</i>	<i>дубьтург</i> — стираемый (сти- рающий)
<i>висушвар</i>	<i>вубьсург</i> — остающийся
<i>вилхушвар</i>	<i>вобьхург</i> — плачущий

Как свидетельствуют приведенные примеры, в литературном языке по закону сингармонизма корневой согласный гармонирует с суффиксальным гласным, в результате чего мы имеем в литературном языке суффиксы *-у* (несамостоятельная форма), *-ург* (самостоятельная форма) вместо диалектных *-а*, *-ар*.

Некоторые различия наблюдаются как в образовании, так и в склонении самостоятельного причастия. Отличие это в основном заключается в том, что литературному суффиксу *-нарг* в шароевском диалекте в прошедшем времени соответствует суффикс *-нар*; помимо этого, расходятся гласные основы:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>дийшнар</i>	<i>дешнарг</i> — прочитавший
Род.	<i>дийшанчо^а</i>	<i>дешначу^а</i>
Дат.	<i>дийшанчонна</i>	<i>дешначунна</i>
Эрг.	<i>дийшанчуо</i>	<i>дешначуо</i>
Ор.	<i>дийшанчонца</i>	<i>дешначуьнца</i>
Ср.	<i>дийшанчол</i>	<i>дешначул</i>
Вещ.	<i>дийшанчох</i>	<i>дешначух</i>
Напр. I.	<i>дийшанчонга</i>	<i>дешначуьнга</i>
Тр.	<i>дийшанчонгаг^{оло}</i>	<i>дешначуьнгахула</i> и т. д.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

При образовании деепричастия не всегда совпадают гласные основы в диалекте и литературном языке. Это объясняется тем, что в литературном языке при образовании настоящего времени корневые гласные *-ие*, *-и//ий* обычно чередуются с *-оь*, *-уь//уйь*:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>диеша—диешуш</i>	<i>диеша—дбьшуш</i> — читать
<i>виела—вилуш</i>	<i>виела—вобьлуш</i> — смеяться
<i>велха—вилхуш</i>	<i>велха—вобьхуш</i> — плакать
<i>дийца—дийцуш</i>	<i>дийца—дубьцуш</i> — говорить
<i>вита—витуш</i>	<i>вита—вубьтуш</i> — оставить
<i>литта—литтуш</i>	<i>литта—лубьтуш</i> — цедить

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В шароевском диалекте субстантивированные прилагательные образуются при помощи словообразовательного суффикса *-вар* (й, б, д), а в литературном языке — посредством суффиксов *-ниг*, *-верг* (й, б, д):

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>воккхавар</i>	<i>воккханиг</i> — старший
<i>дикавар</i>	<i>диканиг</i> — хороший
<i>майравар</i>	<i>майраниг</i> — храбрый
<i>цлиенидар</i>	<i>цлиениг</i> — красный

В чеченском литературном языке возможно также словообразование типа *воккхаверг, дикаверг, майраверг, аьггаберг, цӀиедерг*.

В шароевском диалекте при склонении субстантивированных прилагательных в некоторых падежных формах между корнем и окончанием наращивается комплекс **-чо** вместо **-чу** и **-чуь** в литературном языке:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>дикавар</i>	<i>диканиг</i> — хороший
Род.	<i>дикачон</i>	<i>дикачун</i>
Дат.	<i>дикачонна</i>	<i>дикачунна</i>
Эрг.	<i>дикачуо</i>	<i>дикачуо</i>
Ор.	<i>дикачонца</i>	<i>дикачуьнца</i>
Вещ.	<i>дикачох</i>	<i>дикачух</i>
Ср.	<i>дикачол</i>	<i>дикачул</i>
Напр. I.	<i>дикачонга</i>	<i>дикачуьнга</i>
Тр.	<i>дикачонгагӀоло</i>	<i>дикачуьнгахула</i> и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные в шароевском диалекте почти ничем не отличаются от количественных числительных в литературном языке, если не считать некоторые фонетические различия в оформлении отдельных числительных. Приведем несколько примеров количественных числительных, которые в какой-то степени расходятся в своем звуковом составе с литературным языком:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>ворхӀ, ворхӀайтта</i>	<i>ворхӀ, вуьрхӀитта</i> — семь, семнадцать
<i>цхьайтта, шитта</i>	<i>цхьайтта, шийтта</i> — одиннадцать, двенадцать
<i>ткьо, дийтта</i>	<i>ткьа, дейтта</i> — двадцать, четырнадцать
<i>бархӀайтта, ткьаесна</i>	<i>берхӀитта, ткьаесна</i> — восемнадцать, девятнадцать
<i>баӀа, эзар</i>	<i>бие, эзар</i> — сто, тысяча

В шароевском диалекте по сравнению с литературным языком значительное расхождение по своему фонетическому составу имеют порядковые числительные:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>шолгӀо, кхоолгӀо</i>	<i>шолгӀа, кхоалгӀа</i> — второй, третий
<i>диолгӀо, пхиолгӀо</i>	<i>довалгӀа, пхьовалгӀа</i> — четвертый, пятый
<i>ялхолгӀо, ворхӀолгӀо</i>	<i>ялхалгӀа, ворхӀалгӀа</i> — шестой, седьмой
<i>бархӀолгӀо</i>	<i>борхӀалгӀа</i> — восьмой

Расходятся также по своему звуковому составу и кратные числительные шароевского диалекта с кратными числительными литературного языка:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>иссоза</i>	<i>уьссаза</i> — девять раз
<i>кхозза, диозза</i>	<i>кхузза, добыза</i> — трижды, четырежды
<i>ялхозза, блархозза</i>	<i>ялхазза, борхазза</i> — шесть раз, семь раз
<i>иттоза, цхайттоза</i>	<i>уьттаза, цхайттаза</i> — десять раз, одиннадцать раз

Расхождения фонетического порядка наблюдаются и в склонении количественных числительных:

	Шароевский диалект	Литературный язык
Им.	<i>цхаъ, шиъ</i>	<i>цхаъ, шиъ</i> — один, два
Род.	<i>цханнен, шиннен</i>	<i>цханна^н, шинна^н</i>
Дат.	<i>цханна, шинна</i>	<i>цханна, шинна</i>
Эрг.	<i>цхаво^н, шиво^н</i>	<i>цхаммуо, шиммуо</i>
Ор.	<i>цханца, шинца</i>	<i>цхаьнца, шинца</i>
Вещ.	<i>цханнах, шиннах</i>	<i>цханнах, шиннах</i>
Ср.	<i>цханнал, шиннал</i>	<i>цханнал, шиннал</i>
Напр. I.	<i>цханга, шинга</i>	<i>цхаьнга, шинга</i>
Исх.	<i>цхангара, шингара</i>	<i>цхаьнгара, шингара</i>
Тр.	<i>цхангагло, шинга-гло</i>	<i>цхаьнгахула, шингахула</i>

НАРЕЧИЕ

Наречия в шароевском диалекте в основном совпадают с литературным языком. Но есть случаи, когда они расходятся. Расхождения эти объясняются фонетическими законами изучаемого диалекта. Для наглядного представления приведем примеры:

Шароевский диалект	Литературный язык
<i>этахь</i>	<i>х'етахь</i> — тогда
<i>оггар</i>	<i>уггар</i> — очень
<i>сбмара</i>	<i>стбмара</i> — позавчера
<i>сохка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>х'унза</i>	<i>х'инца</i> — теперь
<i>х'унзалие</i>	<i>х'инцалие</i> — до этих пор
<i>маллиша</i>	<i>меллаша</i> — тихо

СОЮЗЫ

Союзы также совпадают в диалекте с литературным языком, за исключением союза *х'етте а* — «несмотря», который в шароевском звучит *этта а* с тем же значением.

Из частиц, имеющих в нашем распоряжении, только одна *мие* — «лишь» не совпадает с литературным.

МЕЖДОМЕТИЕ

Междометия также в основном совпадают с литературным языком. В лексике шароевского диалекта очень много слов, произношение которых не совпадает с литературным языком:

Шароевский
диалект

куртилар
илбиз
суйра
борча
саг
Iáca
воша
су
новиц
баIа
куйг
хьáга
соргIа
Iахá
Iавала
тIехиг
хьавбIа
болда
дирку
нарц
иллай
тухи
Iáчиг
áлачи
бIбда

Ингушский
язык

кортали
йилбиз
сайра
маIа
саг
Iасилг
воша
уст
нейц
бIа
кульг
хьажюкь
сиргIалг
Iохá
Iовала
тIехк
хьавбIа
борд
тIехкар
нарс
илли
тух
аьшк
аьлча
боáда

Литературный язык

кортали — шаль
йилбаз — ведьма, бес
суйре — вечер
боьриша — самец
стаг — человек
эса — теленок
ваша — брат
сту — бык
нуц — зять
бен — гнездо
куьг — рука
хьаж — лоб
старгIа — бычок
охьахаа — сесть
охьавала — слезать
даьIахк — кость
схьавбIа — иди сюда
балда — губа
доьхка — пояс
наьрс — огурец
илли — песня
туьха — соль
эчиг — железо
алаша — упряжная лошадь
боáда — тьма

ИТУМ-КАЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

На итум-калинском диалекте говорят жители селений Итон-Кхаьлла (Итум-Кале), Дишни, Бевла, Гучен-Кхаьлла, Нихала, Вашандара, Пхьамат и др., ранее входивших в бывшие Итум-Калинский и Шатоевский районы, а ныне в Советский район.

Территориально итум-калинский диалект тесно соприкасается на востоке с чеберловским диалектом, на юге с грузинским языком, на западе с галанчожским диалектом, а на севере с плоскостным чеченским, легшим в основу чеченского литературного языка. В основу наших записей положена речь Гухаевой Сабилы, 1907 года рождения, уроженки села Итум-Кале.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуки, как гласные, так и согласные, в итум-калинском диалекте и литературном языке полностью совпадают в количественном и качественном отношении. Различия наблюдаются в фонетическом процессе, особенно в чередовании корневых гласных при образовании временных форм и в частоте употребления глухого -р. Корневые гласные в итум-калинском диалекте менее подвержены изменениям, чем в литературном языке.

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ассимиляция в итум-калинском диалекте представлена, как и в литературном языке, в глагольных формах прошедшего совершенного времени, в которых суффиксальный -н под влиянием предшествующего корневого согласного уподобляется последнему: *вала* — «умереть», *велла* (*велна*) — «умер», *вада* — «бежать», *ведда* (*ведна*) — «убежал», *лата* — «бороться», *летта* (*летна*) — «поборолся», «склеился», «подрался».

В итум-калинском диалекте в отличие от литературного языка, а также от диалектов отмечены случаи деаффрикатизации, которой подвергаются глухие аффрикаты -ц, -ч, если они стоят непосредственно после сонанта -р:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>буорс</i>	<i>буорц</i> — просо
<i>дарс</i>	<i>дарц</i> — буря
<i>харс</i>	<i>харц</i> — ложный
<i>марса</i>	<i>марца</i> — опалить
<i>харса</i>	<i>харца</i> — перевернуть
<i>хьаршуо^а</i>	<i>хьарчуо</i> — завернуть
<i>карчуо^а</i>	<i>карчуо</i> — покатить
<i>маршуо</i>	<i>марчуо</i> — саван
<i>барш</i>	<i>барч</i> — почетное место
<i>буриш</i>	<i>бурч</i> — перец
<i>ирша</i>	<i>ирча</i> — некрасивый

Регрессивная ассимиляция гласных представлена в итум-калинском теми же случаями, что и в литературном языке.

В словах *эса* — «теленок», *бад* — «утка» в литературном языке выпал фарингальный I (айн); ср.: в итум-калинском диалекте *labca* — «теленок», *бад* — «утка», в ингушском языке и аккинском диалекте *labca* — «теленок».

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Восходящему лабиализованному долговому дифтонгу среднего подъема **оь** (уоь) литературного языка в середине слова в итум-калинском диалекте соответствует долгий нелабиализованный дифтонг среднего подъема **ие**:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас лиеха</i>	<i>ас лобху</i> — я ищу
<i>ас хъиеха</i>	<i>ас хьобху</i> — я учу
<i>ас диеха</i>	<i>ас доьху</i> — я прошу
<i>ас диеша</i>	<i>ас доьшу</i> — я читаю
<i>суо хъиеж</i>	<i>суо хьобжу</i> — я смотрю

Лабиализованному краткому монофтонгу среднего подъема **оь** литературного языка в середине слова в закрытом слоге соответствует краткий дифтонг среднего подъема **е**:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас хьеста</i>	<i>ас хьобсту</i> — я ласкаю
<i>ас хьерка</i>	<i>ас хьобхку</i> — я скачу
<i>ас делла</i>	<i>ас доьллу</i> — я открываю
<i>ас хетта</i>	<i>ас хьобтту</i> — я спрашиваю
<i>ас лехка</i>	<i>ас лобхку</i> — я гоняю

С исторической точки зрения, **оь** в литературном языке представляет собой явление более позднее, чем **ие/е**: **оь** результат вторичного чередования, происшедшего под влиянием конечного лабиализованного **у**.

Лабиализованному монофтонгу среднего подъема **о** литературного языка в парадигме спряжения соответствует монофтонг нижнего подъема **а**:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас ала</i>	<i>ас блу</i> — я говорю
<i>ас баха</i>	<i>ас боху</i> — я говорю
<i>ас таса</i>	<i>ас тосу</i> — я бросаю
<i>суо саца</i>	<i>суо соцу</i> — я останавливаюсь
<i>суо вада</i>	<i>суо воду</i> — я бегу
<i>суо глатта</i>	<i>суо глотту</i> — я встаю

Здесь также, с исторической точки зрения, **о** в литературном языке представляет собой явление вторичное, которое вызвано законом губной гармонии. Этот закон действует в чеченском литературном языке и поныне. Формы *блу*, *боху*, *тосу* современного чеченского литературного языка исторически получены из *ало*, *бахо*, *тасо* путем перестановки конечного **о** внутрь. Подтверждение этому мы находим в чеберлоевском диалекте, где литературные формы настоящего времени *блу*, *боху*, *тосу* звучат: *ало*¹, *бахо*, *тасо*. Что же касается исходного **у** этих форм, то в

¹ Наряду с *ало* довольно часто встречается и *ал*.

разговорной речи этот звук выступает как редуцированный о: *о́л̄о̄, б́о́х̄о̄, тосо́.*

Долгому монофтонгу верхнего подъема *уѣй* литературного языка в итум-калинском диалекте соответствует долгий лабиализованный монофтонг верхнего подъема *ий*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>а́с дийца</i>	<i>ас дуѣйцу</i> — я рассказываю
<i>а́с мийла</i>	<i>ас муѣйлу</i> — я выпиваю
<i>а́с кѣйла</i>	<i>ас кѣуѣйлу</i> — я сжимаю
<i>а́с хийца</i>	<i>ас хуѣйцу</i> — я меняю
<i>а́с ийза</i>	<i>ас уѣйзу</i> — я тяну

Лабиализованному долгому монофтонгу верхнего подъема *у* литературного языка соответствует лабиализованный дифтонг *уо* в парадигме спряжения:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>а́с тѣоха</i>	<i>ас тѣуху</i> — я бью
<i>а́с уѣза</i>	<i>ас ѣзу</i> — я тяну
<i>а́с дѣза</i>	<i>ас дѣзу</i> — я цепляю
<i>а́с бѣѣжа</i>	<i>ас бѣѣжу</i> — я запрягаю
<i>суо вуѣжа</i>	<i>суо вуѣжу</i> — я ложусь

Лабиализованному краткому монофтонгу верхнего подъема *у* литературного языка в итум-калинском диалекте соответствует краткий дифтонг среднего подъема *уо*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>а́с уо́лла</i>	<i>ас уо́ллу</i> — я вешаю
<i>а́с кхуо́сса</i>	<i>ас кхуо́ссу</i> — я бросаю
<i>а́с дуо́тта</i>	<i>ас дуо́тту</i> — я лью
<i>а́с хуо́тта</i>	<i>ас хуо́тту</i> — я соединяю
<i>а́с луо́тта</i>	<i>ас луо́тту</i> — я втыкаю

Комплексу *хк* литературного языка в итум-калинском диалекте соответствует сочетание *рк*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>муорк</i>	<i>муохк</i> — земля
<i>дуорк</i>	<i>дохк</i> — туман
<i>бурка</i>	<i>бухка</i> — подпруга
<i>ларка</i>	<i>лахка</i> — гнать
<i>дарка</i>	<i>дахка</i> — мышь
<i>сорка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>тарка</i> ¹	<i>тахка</i> — качаться
<i>ерк</i>	<i>ехк</i> — расческа

Сочетанию *рч* литературного языка в итум-калинском соответствует комплекс *рш*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>х̄ьаршуро</i> ²	<i>х̄ьарчуо</i> — завернуть
<i>каршуро</i> ²	<i>карчуо</i> — вкатать
<i>маршуро</i>	<i>марчуо</i> — саван
<i>барш</i>	<i>барч</i> — почетное место
<i>буриш</i>	<i>бурч</i> — перец
<i>ирша</i>	<i>ирча</i> — некрасивый

¹ В аккинском диалекте тоже слово *тахка* произносят *тарка* — «качаться».

Комплексу согласных рц литературного языка в итум-калинском диалекте соответствует сочетание рс:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>буорс</i>	<i>буорц</i> — просо
<i>дарс</i>	<i>дарц</i> — метель
<i>харс</i>	<i>харц</i> — ложный
<i>марса</i>	<i>марца</i> — опалить

Лабializedанному краткому монофтонгу верхнего подъема уь в итум-калинском диалекте в парадигме спряжения соответствует нелабиализованный краткий монофтонг и:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас вига</i>	<i>ас вуьгу</i> — я веду
<i>ас вита</i>	<i>ас вуьту</i> — я оставляю
<i>ас дитта</i>	<i>ас дуьтту</i> — я стираю
<i>ас литта</i>	<i>ас луьтту</i> — я цежу
<i>ас лутта</i>	<i>ас луьтту</i> — я вонзаю

Нисходящему дифтонгу ой литературного языка в парадигме спряжения каузативных глаголов в итум-калинском диалекте соответствует дифтонг ай:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас вадавайта</i>	<i>ас вадавойту</i> — даю умчать
<i>ас саттайайта</i>	<i>ас саттайойту</i> — даю гнуть
<i>ас кхиеравайта</i>	<i>ас кхиеравойту</i> — даю пугать
<i>ас кагйайта</i>	<i>ас кагойту</i> — даю ломать
<i>ас набйайта</i>	<i>ас набйойту</i> — даю спать

Комплексу ст литературного языка в итум-калинском диалекте в начале слова соответствует глухой спирант с:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>саг/саьг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сч</i>	<i>сту</i> — бык
<i>саргла</i>	<i>старгла</i> — бычок
<i>сбмара</i>	<i>стбмара</i> — позавчера
<i>сигал</i>	<i>стигал</i> — небо
<i>сорка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Образование мн. ч. в итум-калинском диалекте в основном совпадает с литературным языком. Исключение составляют следующие случаи.

В чеченском литературном языке мн. ч. от *сту* — «бык», *хьакха* — «свинья» образуется посредством наращенного суффикса *-рчий* (*сту* — *стерчий*, *хьакха* — *хьакхарчий*), а в итум-калинском — с помощью наращенного суффикса *-рший* (*-рш*): *су* — *серший*, *хьакха* — *хьакхарш*.

В словах *стерчий*, *хьакхарчий*, равно и в *серший*, *хьакхарш*, *-р* является окаменевшим суффиксом мн. ч., а *-ч* в литературном языке тот же самый *-ш*, что и в диалекте, но только аффрикатизованный. После аффрикатизации он (*ч*) утратил значение суффикса мн. ч., в качестве же суффикса мн. ч. выступил суффикс *-ий* по аналогии с *серий* — «прутья», *гезарий* — «козы», *хьелий* — «коровы» и т. д. То же самое

произошло и со словом *серший* — «быки» в диалекте. Слово *серший* когда-то, должно быть, звучало *серш/сарш* (ср.: *сарга* — «бычок»), как и *хьакхарш* ныне. Но почему-то суффикс мн. ч. -ш в слове *серший* омертвел в итум-калинском, передав свою функцию другому показателю мн. ч. -ий, а в слове *хьакхарш* суффикс -ш сохранил свое значение.

В чеченском литературном языке имена существительные с наращенной основой и образуют формы мн. ч. посредством суффикса -аш, в итум-калинском диалекте ему соответствует суффикс -иш:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>суй</i> — <i>суйниш</i>	<i>суй</i> — <i>суйнаш</i> — искра
<i>дуй</i> — <i>дуйниш</i>	<i>дуй</i> — <i>дуйнаш</i> — клятва
<i>цлов</i> — <i>цлавниш</i>	<i>цлов</i> — <i>цлевнаш</i> — сноп
<i>тхов</i> — <i>тхавниш</i>	<i>тхов</i> — <i>тхевнаш</i> — крыша
<i>хуорша</i> — <i>хуоршаниш</i>	<i>хуорша</i> — <i>хуоршанаш</i> — лихорадка

Если в чеченском литературном языке при образовании мн. ч. от имен существительных *цлов*—«сноп», *дов*—«дебош», *жлов*—«молоток», *тхов*—«крыша» и др. корневой гласный *yo* → *e*, то в итум-калинском *o* → *oь*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>цлов</i> — <i>цлавниш</i>	<i>цлов</i> — <i>цлевнаш</i> — сноп
<i>дов</i> — <i>давниш</i>	<i>дов</i> — <i>девнаш</i> — deboш
<i>жлов</i> — <i>жлавниш</i>	<i>жлов</i> — <i>жлавнаш</i> — молоток
<i>тхов</i> — <i>тхавниш</i>	<i>тхов</i> — <i>тхевнаш</i> — крыша

При образовании форм мн. ч. от ряда существительных наблюдается разноречие в чередовании корневых гласных:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>дегI</i> — <i>дегIмаш</i>	<i>дегI</i> — <i>догIмаш</i> — тело
<i>глаж</i> — <i>глажмаш</i>	<i>глаж</i> — <i>гложмаш</i> — палка
<i>нуй</i> — <i>нараш</i>	<i>нуй</i> — <i>нораш</i> — метла
<i>гIуй</i> — <i>гIараш</i>	<i>гIуй</i> — <i>гIораш</i> — запорка
<i>сай</i> — <i>саьй</i>	<i>сай</i> — <i>сеш</i> — олень
<i>лай</i> — <i>лаьй</i>	<i>лай</i> — <i>леш</i> — раб
<i>бIбгIа</i> — <i>бIбгIанаш</i>	<i>бIбгIа</i> — <i>бIбгIий</i> — столб

От имени существительного *буож* — «козел» форма мн. ч. звучит *бежарий*; ср.: лит. *бежалой*, нашх. *буожмаш*, акк. *бечак*—*бечкаш*, кист. *буож*—*бежнаш*.

В итум-калинском диалекте 3-е лицо мн. ч. личных местоимений *авш* — «они», а в литературном языке ему соответствует *уьш* — «они»; ср.: инг. *уьж*, бацб. *оби*, акк. *иш*, чеб., кист. *авш*.

В итум-калинском диалекте мн. ч. от вопросительного местоимения *мила?* — «кто?» звучит *мили?*, а в литературном языке ему соответствует *муьли?*

Слово *нохчуо* — «чеченец» в итум-калинском диалекте звучит *нахчуо*, отсюда и мн. ч. *нахчий*.

Склонение имен существительных. Различия сравнительно с чеченским литературным языком не наблюдаются. Падежные аффиксы в основном все совпадают как в количественном, так и в фонетическом отношении. Исключение составляет аффикс транзитивно-

го падежа, который в итум-калинском диалекте звучит **-гюла**, а в литературном **-хула**:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>нениегюла</i>	<i>нениехула</i> — через мать
<i>клантиегюла</i>	<i>клантиехула</i> — через парня
<i>вешиегюла</i>	<i>вешиехула</i> — через брата
<i>сагиегюла</i>	<i>стагиехула</i> — через человека
<i>коьртиегюла</i>	<i>коьртиехула</i> — через голову
<i>дагиегюла</i>	<i>дагиехула</i> — через сердце

При склонении существительного *барз* — «холм» в итум-калинском диалекте корневой гласный **а** не изменяется, а в литературном языке **а** переходит в **о**:

	Итум-калинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>барз</i>	<i>барз</i> — холм
Род.	<i>барзан</i>	<i>борзан</i>
Дат.	<i>барзана</i>	<i>борзана</i>
Эрг.	<i>барзуо</i>	<i>борзуо</i>
Ор.	<i>барзаца</i>	<i>борзаца</i>

МЕСТОИМЕНИЕ

В склонении личных местоимений наблюдаются расхождения с литературным языком в перегласовке корневых гласных:

	Итум-калинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>суо, хьуо, тхуо</i>	<i>суо, хьуо, тхуо</i> — я, ты, мы
Дат.	<i>суона, хьуона, тхуона</i>	<i>суна, хьуна, тхуна</i>

В итум-калинском диалекте, как и в литературном языке, формы косвенных падежей от личного местоимения *авиш* образуются от другой основы, перед которой в итум-калинском диалекте возникает протетический **а**:

	Итум-калинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>авиш</i>	<i>увиш</i> — они
Род.	<i>ацерап</i>	<i>церап</i>
Дат.	<i>ацарна</i>	<i>царна</i>
Эрг.	<i>ацара</i>	<i>цара</i>
Ор.	<i>ацаьрца</i>	<i>цаьрца</i>

Местоимение *и/ица* — «он», «она», «оно», «тот», «та», «то» литературного языка в диалекте передается через редуцированный **а**: *А мила ву?* — «Кто он?»

Вместо литературного *х/ара* — «этот», «эта», «это» в итум-калинском диалекте употребляют *йара*.

	Итум-калинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>йара</i>	<i>х/ара</i> — этот, эта, это
Род.	<i>охкунан</i>	<i>х/окхунан</i>
Дат.	<i>окхунна</i>	<i>х/окхунна</i>
Эрг.	<i>окхуо</i>	<i>х/окхуо</i>
Ор.	<i>окхуьнца</i>	<i>х/окхуьнца</i>

В итум-калинском диалекте почти заканчивается процесс унификации направительного I и локативного падежей. Аффикс локатива -хь можно встретить очень редко, а в литературном языке он обязателен: *Ахмад тхьога вац.* — «Ахмеда у нас нет»; *А ца вац.* — «Его дома нет». Ср. лит.: *Ахмад тхьогахь вац. Иза цахь вац.*

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательные итум-калинского диалекта в отличие от литературного языка образуют субстантивированные формы только с помощью суффикса -верг (й, д, б) (в лит. — суффикс -ниг):

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>дикаверг</i>	<i>диканиг</i> — добрый
<i>воккхаверг</i>	<i>воккханиг</i> — старший
<i>майраверг</i>	<i>майраниг</i> — храбрый
<i>ледарверг</i>	<i>ледарниг</i> — слабый
<i>клайдерг</i>	<i>клайниг</i> — белый
<i>хазаверг</i>	<i>хазаниг</i> — красивый
<i>иршайерг</i>	<i>ирчаниг</i> — некрасивый

Формы косвенных падежей их почти совпадают:

Им.	<i>дикаверг</i>	<i>диканиг</i> — добрый
Род.	<i>дикачон</i>	<i>дикачун</i>
Дат.	<i>дикачонна</i>	<i>дикачунна</i>
Эрг.	<i>дикачо</i>	<i>дикачуо</i>
Ор.	<i>дикачобьнца</i>	<i>дикачуьнца</i>

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные в своей исходной форме особого расхождения не обнаруживают, особенно количественные, за исключением нескольких: *ворхлитта, бархлитта, ткъо, блаъь*, которые в литературном языке звучат: *вуьрхлитта, берхлитта, ткъа, бле.*

От литературных форм фонетически отличаются также и кратные числительные:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>деудза</i>	<i>добазза</i> — четырежды
<i>пхеудза</i>	<i>пхобазза</i> — пять раз
<i>ялхудза</i>	<i>ялхазза</i> — шесть раз
<i>бархладза</i>	<i>борхлазза</i> — восемь раз
<i>иссудза</i>	<i>уьссазза</i> — девять раз
<i>иттудза</i>	<i>уьттазза</i> — десять раз

Незначительные фонетические расхождения наблюдаются и при образовании порядковых числительных:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>деологла</i>	<i>добалгла</i> — четвертый ¹
<i>пхеологла</i>	<i>пхобалгла</i> — пятый
<i>ялхологла</i>	<i>ялхалгла</i> — шестой
<i>бархллогла</i>	<i>борхлалгла</i> — восьмой
<i>исслогла</i>	<i>уьссалгла</i> — девятый

¹ Порядковые числительные чеченского языка (за исключением *добалгла*) можно перевести на русский язык в любом роде.

В склонении количественных числительных в итум-калинском выделяется своим формантом *е* вместо литературного *а* в форме родительного падежа:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>цхъанне^н</i>	<i>цхъанна^н</i> — один
<i>ишнне^н</i>	<i>ишна^н</i> — два
<i>кхаанне^н</i>	<i>кханна^н</i> — три
<i>деанне^н</i>	<i>деанна^н</i> — четыре

Следует отметить также и числительное *цхъаъ* — «один», которое не меняет при склонении своей гласной основы, тогда как в литературном языке в формах орудийного и местного падежей корневой гласный *а* переходит в *аь*: в итум-калинском: *цхъаъ* — *цхъанга* и т. д., в литературном *цхъаъ* — *цхъанца* — *цхъанга* и т. д.

ГЛАГОЛ

При образовании форм настоящего времени в литературном языке гласная основа глаголов обычно подвергается изменениям, а в итум-калинском диалекте — очень редко.

1. Глаголы с корневым гласным *а* в инфинитиве:

Инфинитив	Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ала</i>	<i>ас ала</i>	<i>ас олу</i> — сказать
<i>вада</i>	<i>суо вада</i>	<i>суо воду</i> — бежать
<i>саца</i>	<i>суо саца</i>	<i>суо соцу</i> — остановиться
<i>мала</i>	<i>ас мала</i>	<i>ас молу</i> — пить
<i>хъажа</i>	<i>суо хъажа</i>	<i>суо хъожу</i> — смотреть
<i>хатта</i>	<i>ас хатта</i>	<i>ас хотту</i> — спросить

В литературном языке *а* → *о*.

2. Глаголы с кратким корневым гласным *и* в инфинитиве:

Инфинитив	Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>вига</i>	<i>ас вига</i>	<i>ас вуьгу</i> — вести
<i>вита</i>	<i>ас вита</i>	<i>ас вуьту</i> — оставить
<i>литта</i>	<i>ас литта</i>	<i>ас луьтту</i> — цедить
<i>лутта</i>	<i>ас лутта</i>	<i>ас луьтту</i> — втыкать
<i>дитта</i>	<i>ас дитта</i>	<i>ас дуьтту</i> — стирать
<i>кхисса</i>	<i>ас кхисса</i>	<i>ас кхуьссу</i> — бросать

3. Глаголы с долгим корневым гласным *ий* (*й*) в инфинитиве:

Инфинитив	Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>дийца</i>	<i>ас дийца</i>	<i>ас дуьйцу</i> — говорить
<i>хийца</i>	<i>ас хийца</i>	<i>ас хуьйцу</i> — менять
<i>лийса</i>	<i>ас лийса</i>	<i>ас луьйсу</i> — сбивать масло
<i>хьийса</i>	<i>тхуо хьийса</i>	<i>тхуо хьуьйсу</i> — наблюдать
<i>дийша</i>	<i>тхуо дийша</i>	<i>тхуо дуьйшу</i> — ложиться

В литературном языке *ий* → *уй*.

4. Глаголы с корневым гласным *ие* в инфинитиве:

Инфинитив	Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>диеша</i>	<i>ас диеша</i>	<i>ас доьшу</i> — читать
<i>хьиеха</i>	<i>ас хьиеха</i>	<i>ас хьовху</i> — учить
<i>хьиежа</i>	<i>суо хьиежа</i>	<i>суо хьовжу</i> — смотреть
<i>кхиехьа</i>	<i>ас кхиехьа</i>	<i>ас кховхьу</i> — нести
<i>кхиера</i>	<i>суо кхиера</i>	<i>суо кховру</i> — бояться
<i>лиеха</i>	<i>ас лиеха</i>	<i>ас ловху</i> — искать

Как видно из приведенных примеров, в литературном языке дифтонг *ие* → *оь* (*уоь*).

Аналогичным же образом, то есть без флексии основы, образуют формы настоящего времени и производные глаголы как в итум-калинском диалекте, так и в литературном языке, но суффиксы их расходятся:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас латайа</i>	<i>ас латайо</i> — я зажигаю
<i>ас хадайа</i>	<i>ас хадайо</i> — я режу
<i>ас сацайа</i>	<i>ас сацайо</i> — я останавливаю

Подобное же явление мы наблюдаем в итум-калинском диалекте и при образовании форм будущего времени. Помимо этого, будущее время в итум-калинском диалекте отличается и формообразующим суффиксом: в литературном языке будущее определенное время образуется от основы настоящего времени суффиксом *-р*, в итум-калинском его обычно замещает суффикс *-рг*.

<i>ас аьрг ду//ар ду</i>	<i>ас аьр ду</i> — я скажу
<i>суо водарг ву//водаг ву</i>	<i>суо водур ву</i> — я побегу
<i>суо соцарг ву//соцаг ву</i>	<i>суо соцур ву</i> — я остановлюсь
<i>ас хоттар ду//хоттог ду</i>	<i>ас хоттур ду</i> — я спрошу
<i>ас вигург ву//вигуг ву</i>	<i>ас вуьгур ву</i> — я проведу
<i>ас витург ву//витуг ву</i>	<i>ас вуьтур ву</i> — я оставлю

Отличаются также формы будущего времени и каузативных (побудительных) глаголов, образующихся суффиксом *-айт*. Различие их заключается, во-первых, в том, что в литературном языке при образовании будущего времени гласный элемент этого суффикса *-ай* переходит в *-ой*. В итум-калинском же диалекте он (дифтонг *ай*) не изменяется, и, во-вторых, значение будущего времени вносится различными показателями: в литературном языке суффиксом *-р*, в итум-калинском диалекте суффиксом *-г//-рг*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас сацайайтург йу</i>	<i>ас сацайойтур йу</i> — заставлю его остановиться
<i>ас хьовзайайтург йу</i>	<i>ас хьовзайойтур йу</i> — заставлю его повернуть
<i>ас саттайайтург йу</i>	<i>ас саттайойтур йу</i> — заставлю его погнуть
<i>ас латайатург йу</i>	<i>ас латайойтур йу</i> — заставлю его зажечь
<i>ас яздайтург ду</i>	<i>ас яздойтур ду</i> — заставлю его писать

В итум-калинском диалекте при образовании будущего определенного времени от побудительных глаголов при помощи суффикса **-ийт** глагольный элемент **-ий** этого суффикса не подвергается флексии, а в литературном **ий** → **уй**:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>ас вадийтург ву</i>	<i>ас водуйтур ву</i> — заставляю бежать
<i>ас алийтург ду</i>	<i>ас олуйтур ду</i> — заставляю сказать
<i>ас дийцийтург ду</i>	<i>ас дуйцууртур ду</i> — заставляю рассказать
<i>ас вахийтург ву</i>	<i>ас вохуйтур ву</i> — заставляю пойти
<i>ас сацийтург йу</i>	<i>ас соцууйтур йу</i> — заставляю остановиться
<i>ас хьажийтург ву</i>	<i>ас хьожуйтур ву</i> — заставляю посмотреть

Особо спрягается в итум-калинском диалекте глагол *хаан* — «знать», который в устах шатоевцев звучит *хав*:

Итум-калинский диалект	Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>хав</i>	<i>хие</i>	<i>хаба</i> — знаю
<i>ховрг ду</i>	<i>ховрг ду</i>	<i>хуур ду</i> — узнаю
<i>хавра</i>	<i>хиера</i>	<i>хавара//хуура</i> — знавали
<i>хай^н</i>	—	<i>хии^н</i> — сейчас узнали
<i>хайра</i>	<i>хайра</i> (очевидно-прошедшее)	<i>хиира</i> — давно узнали
<i>хайна</i>	<i>хайна</i>	<i>хиъна</i> — узнали
<i>хайниера</i>	<i>хайниера</i>	<i>хиъниера</i> (давнопрошедшее) — давно узнавали

Аналогичную же картину представляет собой глагол *охахаа^н*, который звучит в итум-калинском диалекте *лоха*:

Итум-калинский диалект	Литературный язык
<i>лохов</i>	<i>охахуу</i> — сажусь
<i>лоховрг ву</i>	<i>охахуур ву</i> — сядет
<i>лоховра</i>	<i>охахуура</i> — сажусь
<i>лохай^н</i>	<i>охахии^н</i> — присел
<i>лохайра</i>	<i>охахиира</i> (очевиднопрошедшее) — давно уселся
<i>лохайна</i>	<i>охахиъна</i> — уселся

Расхождения с литературным языком обнаруживают при спряжении и глаголы *ва^н* — «прийти», *уолла* — «повесить».

ГАЛАНЧОЖСКИЙ ДИАЛЕКТ

Галанчо́жский диалект является одним из западных диалектов чеченского языка. На нем говорят жители бывшего Галанчо́жского района. Территориально галанчо́жский диалект на западе соприкасается непосредственно с нагорной Ингушетией. Этим и объясняется то обстоятельство, что галанчо́жский диалект занимает как бы промежуточное положение между чеченским и ингушским языками.

В галанчо́жский диалект входят четыре говора, отличающихся друг от друга некоторыми фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями, но в то же время обладающих многим общим, что и дает нам основание объединить их в один диалект. Перечислим эти говоры с указанием территории распространения.

1. Нашхоевский говор. Нашхоевцы до 1944 года жили в населенных пунктах Моцлара, Хийла, Чармаха, Хьайбаха, Тиста, Зерха, Моґласта, Хотташкоча, КӀайгаюхе, ДийхьакӀотар и КӀийлахбасо. Все эти села были расположены в урочище Нашах.

2. Ламаккинский говор. Ламаккинцы ранее проживали в селе Аккха и в хуторах Иттар-Кхаьлла, Ловге, Ткьисте, Орзаме-Кхаьлла, Гозуне, Зенгиле и Бьича. В основу наших записей положена речь жителей селения Аккха.

3. Терлоевский говор. Локализовался до 1944 года в селах Ошне, Никаре и Барай, а в данное время терлоевцы, как и другие представители галанчо́жского диалекта, живут на плоскости.

4. Мелхинский говор. Мелхинцы ранее жили в селах Джиаре, Кертие, Меша и др., а теперь они живут в селах Бамут, Эршти и др.

НАШХОЕВСКИЙ ГОВОР

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ассимиляция представлена следующими случаями.

В нашхоевском говоре, как и в чеченском литературном языке, прогрессивная ассимиляция наблюдается в аффиксах глаголов прошедшего совершенного времени. Форматив этого времени *н*, огласованный посредством *а*, придя в соприкосновение главным образом с предыдущими переднеязычными смычными, теряет свой носовой оттенок (а иногда даже и звонкость) и уподобляется предыдущему корневому согласному: *вала—велла* (← *велна*¹) — «умереть», *вада—ведда* (← *ведна*) — «бежать», *лата—летта* (← *летна*) — «бороться».

¹ В аккинском диалекте формант *н* не подвергается ассимиляции, и данные формы звучат: *велну* — «умер», *ведану* — «бежал», *летану* — «боролся».

В настоящее время данный процесс начинает (видимо, по аналогии) распространяться и на спиранты: *деиша* — «читал», *хьехха*¹ — «учил».

В нашхоевском говоре отмечены также случаи регрессивной ассимиляции гласных при образовании форм мн. ч. от имен существительных с корневым гласным *у*; эта ассимиляция, между прочим, в литературном языке проводится более последовательно, чем в нашхоевском говоре:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>тур—тарраш</i>	<i>тур—тарраш</i> — меч
<i>тлум—тламарш</i>	<i>тлум—тламарш</i> — костный мозг
<i>тум—тамариш</i>	<i>тхьум—тхьамариш</i> — кочан
<i>глум—гламарш</i>	<i>глум—гламарш</i> — песок

Конечный слог в сложных числительных *шовзтIкъа* — «сорок», *кхузтIкъа* — «шестьдесят», *диезтIкъа* — «восемьдесят» чеченского литературного языка в нашхоевском говоре выпадает: *шовзтI(a)*, *кхузтI(a)*, *добзтI(a)*, *шовзтI*.

В нашхоевском говоре, как и в литературном чеченском языке, из слов *йукъ* — «зола», *йув* — «шило», *йахк* — «расческа», *йис* — «иней», *йетт* — «корова» при образовании косвенных форм сонант *й* выпадает, а следующий за ним гласный чередуется:

Им.	<i>йукъ, йув, йахк, йис, йетт</i>
Род.	<i>йовкъара^н, эра^н, аьхкара^н, эсара^н, Iатта^н</i>
Дат.	<i>йовкъарна, эрна, аьхкарна, эсарна, Iаттана</i>

В нашхоевском говоре, как и в итум-калинском диалекте, мы имеем случай деаффрикатизации глухой аффрикаты *ц* в положении перед сонантом *р*, то есть *ц* → *с*:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>орса</i>	<i>орца</i> — тревога
<i>буорс</i>	<i>буорц</i> — просо
<i>дарс</i>	<i>дарц</i> — метель
<i>харса</i>	<i>харца</i> — перекинуться
<i>марса</i>	<i>марца</i> — опалить

Процесс спирантизации аффрикаты *ц* мы наблюдаем в нашхоевском говоре и в парадигме спряжения, а именно перед суффиксом прошедшего совершенного времени **-на**:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>сесна</i>	<i>сецна</i> — стал
<i>лаьсна</i>	<i>лаьцна</i> — поймал
<i>эсна</i>	<i>эцна</i> — купил
<i>хесна</i>	<i>хецна</i> — отпустил
<i>хаьрсна</i>	<i>хаьрцина</i> — опрокинулся

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В нашхоевском говоре и в литературном языке отмечены следующие случаи звукосоответствия:

¹ Краткий дифтонг *ие* мы обозначаем буквой *е*.

Нашхоевский говор

ий

ас водийта
ас блийта
ас дийцыйта
ас уллийта
ас цестийта

ие

ас цiesta
ас хьiesta
суо кхиера
ас лиера
ас хьиеха

и

ас вига
суо висса
суо вижа
суо ида
ас литта
ас дитта

é/ie

хьерхуо
ч'і́ера
вера (й, б, д)
охиехь

и

т'и
микх
ти
никъ

уь

муьхь
муьхь
муьхь

уьй

суьй
дуьй
куьй

а

хала
Іалла
харг ву

Литературный язык

уьй

водуьйту — даю бежать
олуьйту — даю сказать
дуьйцуьйту — даю говорить
уллуьйту — даю вешать
цобстуьйту — даю резать

оь

цобсту — режу
хьобсту — ласкаю
кхобру — боюсь
лобру — уважаю
хьобху — учу

уь

вуьгу — веду
вуьсу — остаюсь
вуьжу — ложусь
уьду — бегаю
луьтту — цежу
дуьтту — стираю

а

хьархуо — мельник
ч'і́ара — рыба
вара (й, б, д) — был
ахяхь — если вспашешь

е/ие

те — на
мекх — ус
тие — ли
некъ — дорога

уо

муохь — сало
муохь — крик
муохь — груз

уй

суй/су — искра
дуй — клятва
куй — шапка

и

хила — быть, созреть
Іилла — лежать, валяться
хир ву — буду, будет

Установлен также единственный случай деаффрикатизации, то есть перехода *ч* → *ш*: в диалекте *дешк*, в лит. *дечиг* — «дрова».

Обнаружен случай, когда литературному сочетанию *ea* в нашхоевском соответствует дифтонг *ие*: лит. *веана*, нашх. *виена* — «пришел».

Иногда дифтонгу *ие* нашхоевского говора в литературном языке может соответствовать дифтонг *уо*: нашх. *д'алие*, лит. *д'алуо* — «отдай».

Литературному *о* в нашхоевском говоре может соответствовать

также а: лит. *мацло, сихло, шелло*, нашх. *мацла* — «голодаю», *сихла* — «спешу», *шелла* — «мерзну». В одном только слове мы встретили случай выпадения согласного: лит. *йуткъайа*, нашх. *йутляа* — «утончить».

Выявлен также случай монофтонгизации дифтонга: лит. *лайг*, нашх. *лаг* — «ложка».

В двух словах нашхоевского говора долгому *á* в литературном языке соответствует краткий *а*:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>цá</i>	<i>ц/а</i> — дом
<i>кá</i>	<i>к/а</i> — пшеница

В числительных встречаются случаи, когда дифтонгу *ий* нашхоевского говора в литературном языке соответствует дифтонг *ей* или монофтонг *и*:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>дайтта</i>	<i>дейтта</i> — четырнадцать
<i>ворхлийтта</i>	<i>вурхлитта</i> — семнадцать
<i>бархлийтта</i>	<i>берхлитта</i> — восемнадцать

В парадигме склонения также наблюдаются звукосоответствия:

Нашхоевский говор	Литературный язык
о	у
<i>сайчонна</i>	<i>сайчунна</i> — своему
<i>майрачонна</i>	<i>майрачунна</i> — храброму
<i>воккхачонна</i>	<i>вуоккхачунна</i> — старшему
<i>глазакхичонна</i>	<i>глазакхичунна</i> — русскому
оь	уь
<i>сайчоьнца</i>	<i>сайчуьнца</i> — со своим
<i>майрачоьнца</i>	<i>майрачуьнца</i> — с храбрым
<i>воккхачоьнца</i>	<i>вуокхачуьнца</i> — со старшим
<i>глазакхичоьнца</i>	<i>глазакхичуьнца</i> — с русским
е	а
<i>берзана</i>	<i>барзана</i> — волку
<i>темана</i>	<i>тамана</i> — войне
<i>меттана</i>	<i>маттана</i> — языку
<i>беттана</i>	<i>баттана</i> — луне
а	о
<i>ламана</i>	<i>ломана</i> — горе
<i>глажна</i>	<i>гложна</i> — палке
<i>гладна</i>	<i>глодана</i> — стеблю
уо	у
<i>суона</i>	<i>суна</i> — мне
<i>хьуона</i>	<i>хьйна</i> — тебе
<i>тхуона</i>	<i>тхуна</i> — нам

В нашхоевском говоре слово *гуттар* — «всегда» звучит: *гоьттар*, то есть корневой гласный передвинут вперед.

Установлен случай, когда вместо литературного сонанта *й* в нашхоевском выступает латеральный сонант *л*: лит. *йовх* — «кишка», «колбаса», нашх. *луьх* с тем же значением.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Деление имен существительных на грамматические классы в нашхоевском диалекте ничем не отличается от литературного языка. В нашхоевском диалекте, как и в литературном языке, существительные, обозначающие людей (разумные существа, как выражался П. К. Услар), принадлежат к 1-му классу — классу человека, который в свою очередь делится на мужской и женский классы. Мужской класс включает в себя имена существительные, обозначающие людей мужского пола; морфологическим показателем его является сонант **в**, который представлен не в самом существительном, а в составе глагола (обычно в начале), согласующегося с данным существительным. Женский класс включает имена существительные, обозначающие людей женского пола; морфологическим показателем его является сонант **й**, входящий в состав того глагола, который согласуется с данным именем. Во мн. ч. 1 и 2-й классы имеют общий, единый морфологический показатель **б**, входящий также в состав глагола.

Остальные имена существительные распределяются так: часть из них — названия животных, вещей и др. — относятся к классу **й**, а другая часть — тоже названия животных, частей тела, фрукты и т. д. — к классу **б**; все остальные имена относятся к классу **д**. Так в ед. ч. Во мн. ч. мужской и женский классы обслуживает классный показатель **б**. Что же касается классов вещей **й**, **д**, приведенных выше, то у них классные показатели унифицированы в ед. и мн. ч., то есть не различаются по числам.

Классные показатели во мн. ч. в нашхоевском говоре, как и в литературном языке, различаются по лицам, вернее 1 и 2-е лица имеют общий классный показатель **д**, а 3-е лицо — **б**:

Ед. ч.

суо в-у, й-у
хьуо в-у, й-у
аз в-у, й-у

Мн. ч.

вай/тхуо д-у — я, мы есть
шу д-у — ты, вы есть
авш б-у — он, они есть

Классные показатели в нашхоевском говоре обычно выступают в анялуте, но могут выступать также и в инляуте глагола: *Клант ца вахар*. — «Мальчик пошел домой». *Нанас бер дакхадю*. — «Мать ребенка кормит». Они, кроме того, пережиточно сохранились в абляуте некоторых имен существительных: *в-аша* — «брат», *й-иша* — «сестра», *дуог* — «сердце», *букъ* — «спина». Эти и другие окаменелые классные показатели в свое время, должно быть, функционировали в именах существительных как один из типов префиксального словообразования, но впоследствии лишились своих грамматических функций и омертвели.

Грамматические классы в нашхоевском говоре, как и в других диалектах чеченского языка, функционируют и в некоторых именах прилагательных (качественных) в анялуте: *воккха* (*й, д, б*) — «большой (ая, ое)», *д-еза* (*й, д, б*) — «тяжелый (ая, ое)», *д-айн* (*в, й, б*) — «легкий (ая, ое)», *д-еха* (*й, в, б*) — «длинный (ая, ое)», *д-оца* (*в, й, б*) — «короткий (ая, ое)», *д-екъа* (*в, й, б*) — «сухой (ая, ое)», *д-авъха* (*в, й, б*) — «гнилой (ая, ое)» и т. д.

Категория грамматических классов в нашхоевском говоре, как и в литературном языке, находит свое материальное выражение и в именах числительных: *д-и* — «четыре», *д-айтта* — «четырнадцать», *д-овьтла* — «восемьдесят».

Классные показатели в переходных глаголах выражают грамматический класс объекта, а в непереходных глаголах — субъекта, стоящего в именительном падеже: *Ас дешк* (объект) *д-оккха*. — «Я дрова колю». *Клант* (субъект) *цла в-огла*. — «Мальчик домой идет».

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Образование мн. ч. В нашхоевском говоре при образовании мн. ч. наблюдаются следующие случаи расхождения с литературным языком.

В чеченском литературном языке при образовании форм мн. ч. от *муш* — «веревка», *букъ* — «спина», *дукъ* — «ярмо», *бухъ* — «вершина» корневой лабиализованный *у* уподобляется аффиксальному *а*: *муш* — *мушшаш*, *букъ* — *баккъаш*, *дукъ* — *даккъаш*, *бухъ* — *бахъаш*; в нашхоевском же говоре в указанных словах корневой гласный *у* не изменяется: *муш* — *мушшаш*, *букъ* — *буккъаш*, *дукъ* — *дуккъаш*, *бухъ* — *бухъаш*.

В нашхоевском говоре при образовании мн. ч. от *лам* — «гора», *лам* — «озеро», «лужа» гласная основа не подвергается изменению: *лам* — *ламнаш*, *лам* — *ламнаш*, тогда как в чеченском литературном языке корневой *а* переходит в *аь*: *лам* — *лаьмнаш*, *лам* — *лаьмнаш*.

Как известно, в чеченском литературном языке при образовании мн. ч. от имен *жлов* — «молоток», *дов* — «дебош», *ков* — «ворота», *цлов* — «сноп», *тхов* — «крыша» дифтонг *ов* подвергается изменению (*жлов* — *жлаьвнаш*, *дов* — *деьвнаш*, *ков* — *кеьвнаш*, *цлов* — *цлеьвнаш*, *тхов* — *тхеьвнаш*); в нашхоевском говоре дифтонг *ов* (*ау*) не подвергается изменению: *жлов* — *жловнаш*, *дов* — *довнаш*, *ков* — *ковнаш*, *цлов* — *цловнаш*, *тхов* — *тховнаш*.

В нашхоевском говоре при образовании форм мн. ч. не подвержена изменению гласная основа таких слов, как *дегл* — «тело», *глаж* — «палка», *беш* — «сад», которые во мн. ч. приобретают суффикс *-маш*: *дегл* — *деглмаш*, *глаж* — *глажмаш*, *беш* — *бешмаш*; в чеченском же литературном языке корневой гласный обычно изменяется в *о*: *дегл* — *доглмаш*, *глаж* — *гложмаш*, *беш* — *бошмаш* и т. д.

Примеров, в которых не совпадают чередующиеся гласные корни, можно привести много:

Нашхоевский говор

нуй — *нараш*
буож — *бежмаш*
цаца — *цаций*
йахк — *аьхкариш*
сай — *саьши*
лай — *лаьши*

Литературный язык

нуй — *нораш* — веник
буож — *бежалой* — козел
цаца — *цеций* — сито
йахк — *ахкариш* — гребень
сай — *сеиш* — олень
лай — *леш* — раб

Что касается конечных показателей мн. ч., то они в основном совпадают с суффиксами мн. ч. литературного языка. Разнобой, как мы видим из приведенных выше примеров, наблюдается только в чередовании гласных.

Склонение имен существительных. В склонении имен существительных как в ед., так и во мн. ч. нашхоевский говор не имеет отличий в формах основных падежей. Отличия мы наблюдаем только в транзитивном падеже как в ед., так и во мн. ч.

Формативом транзитивного падежа в нашхоевском говоре служит *-Гола* вместо литературного *-хула*:

Нашхоевский говор

нениеглола
клантиеглола
вашиеглола

нелуошхаглола
кленташхаглола
вежарашхаглола

Литературный язык

Ед. ч.

нениехула — через мать
клантиехула — через парня
вешиехула — через брата

Мн. ч.

нелуошкахула — через матерей
кленташкахула — через ребят
вежаршкахула — через братьев

В литературном языке форманты сравнительного и инессивного падежей мн. ч. допускают огласовку через *ие*, в нашхоевском же говоре это невозможно:

Нашхоевский говор

Ср. *вежарийл*
 Вещ. *вежарийх*
 Ср. *клентийл*
 Вещ. *клентийх*

Литературный язык

вежариел — чем братья
вежариех — о братьях
клентиел — чем ребята
клентиех — о ребятах

В нашхоевском говоре формы этих двух падежей образуются последовательно от именительного падежа мн. ч. (им. п. *вежарий*, ср. п. *вежарийл*, вещ. п. *вежарийл* и т. д.).

В нашхоевском говоре вообще значительно меньше наблюдается чередование корневых гласных при склонении имен существительных:

Нашхоевский говор

Им. *тур*
 Род. *тура^н*
 Дат. *турна*
 Эрг. *туруо*
 Ор. *турца*

Литературный язык

тур — меч
туьра^н
турна
туьруо
туьрца

В нашхоевском говоре весьма редко встречается аффикс *-хь* в локативе. Локатив в нашхоевском говоре, как и в ингушском языке, морфологически почти совпал с направительным I падежом:

Нашхоевский говор

цла вац
чу вац
юьрта вац
колхозе ву
йижарика дац

Литературный язык

цлахь вац — дома нет
чохь вац — дома нет
юьртахь вац — в селе нет
колхозехь ву — в колхозе
йижарикахь дац — у сестер нет

В нашхоевском говоре, как и в литературном языке, у ряда имен существительных среднеязычный сонорный *й* в косвенных падежах как ед., так и мн. ч. в начале слова выпадает:

Нашхоевский говор

Им. *йукъ*
 Род. *ювкъара^н*
 Эрг. *ювкъарна*

Литературный язык

йукъ — зола
овкъара^н
овкъарна

Им. *йетт*
 Род. *латта^н*

етт — корова
абтта^н

Дат.	<i>Гаттана</i>	<i>аттана</i>
Им.	<i>йахк</i>	<i>ехк</i> — гребешок
Род.	<i>аьхкара^н</i>	<i>ахкаран</i>
Дат.	<i>аьхкарна</i>	<i>ахкарна</i>
Им.	<i>йув</i>	<i>йу</i> — шило
Род.	<i>эра^н</i>	<i>йуна^н</i>
Дат.	<i>эрана</i>	<i>йуна</i> и т. д.

В литературном языке в односложных словах с закрытым слогом иногда корневой *а* чередуется с *о*, а в нашхоевском говоре он либо вообще не чередуется, либо чередуется с *е*:

Нашхоевский говор		Литературный язык
Им.	<i>глаж</i>	<i>глаж</i> — палка
Род.	<i>глажа^н</i>	<i>гложа^н</i>
Дат.	<i>глажана</i>	<i>гложана</i> и т. д.
Им.	<i>глад</i>	<i>глад</i> — стебель
Род.	<i>гледа^н</i>	<i>глода^н</i>
Дат.	<i>гледна</i>	<i>глодана</i> и т. д.
Им.	<i>кхаж</i>	<i>кхаж</i> — рукоятка
Род.	<i>кхажа^н</i>	<i>кхожа^н</i>
Дат.	<i>кхажана</i>	<i>кхожана</i> и т. д.

Такую же картину мы наблюдаем и при склонении имен существительных с корневым гласным *уо*: *уо* → *е*, *уо* → *е/а*:

Нашхоевский говор		Литературный язык
Им.	<i>буорз</i>	<i>буорз</i> — волк
Род.	<i>берза^н</i>	<i>берза^н</i>
Дат.	<i>берзана</i>	<i>барзана</i>
Эрг.	<i>берзуо</i>	<i>барзуо</i>
Им.	<i>муоз</i>	<i>муоз</i> — мед
Род.	<i>меза^н</i>	<i>меза^н</i>
Дат.	<i>мезана</i>	<i>мазана</i>
Эрг.	<i>мезуо</i>	<i>мазуо</i>
Им.	<i>муотт</i>	<i>муотт</i> — язык, постель
Род.	<i>метта^н</i>	<i>метта^н</i>
Дат.	<i>меттана</i>	<i>маттана</i>
Эрг.	<i>меттуо</i>	<i>маттуо</i>
Им.	<i>дуош</i>	<i>дуош</i> — слово
Род.	<i>деша^н</i>	<i>деша^н</i>
Дат.	<i>дешна</i>	<i>дашна</i>
Эрг.	<i>дешуо</i>	<i>дашуо</i>
Им.	<i>т/уом</i>	<i>т/уом</i> — война
Род.	<i>т/ема^н</i>	<i>т/ема^н</i>
Дат.	<i>т/емна</i>	<i>т/амна</i>
Эрг.	<i>т/емуо</i>	<i>т/амуо</i>

Склонение местоимений. В нашхоевском говоре отличаются своим звучанием от чеченского литературного языка следующие местоимения:

Нашхоевский говор

аз
йш
ера
тхаверг
суо сай
хьюо хьай
аз ша
масайтта
милха
шунверг
хьанверг

Литературный язык

иза — оно, он, она
уьш — они, те
х'ара — этот, это, эта
тхайниг — наш
суо суо — я сам
хьюо хьюо — ты сам
иза ша — он сам, она сама
маситта — несколько
муьлха — какой, какая
шуйьниг — ваш
хьайниг — твой

Также отличаются формы дательного и транзитного падежей личных местоимений:

	Нашхоевский говор	Литературный язык
Им.	суо	суо — я
Дат.	суона	суна
Тр.	собгаглола	собгахула
Им.	хьюо	хьюо — ты
Дат.	хьюона	хьюна
Тр.	хьюьгаглола	хьюьгахула

Сильно расходятся и субстантивированные формы притяжательных местоимений как в именительном, так и в косвенных падежах. Различия их главным образом заключаются в несовпадении как словообразовательных, так и формообразовательных аффиксов:

	Нашхоевский говор	Литературный язык
Им.	саверг	сайниг — мой, моя, мое
Род.	сайчо	сайчун
Дат.	сайчонна	сайчунна
Эрг.	сайчуо	сайчуо
Ор.	сайчовнца	сайчуьнца
Вещ.	сайчох	сайчух
Ср.	сайчол	сайчул
Напр. I.	сайчовнга	сайчуьнга
Тр.	сайчовнгаглола	сайчуьнгахула

Таким же образом склоняются и другие субстантивированные притяжательные местоимения.

Как видно из вышеприведенных примеров, суффиксу (наращению) *-чо//чюь* нашхоевского говора в литературном языке соответствует *-чу//чуь*.

Кроме того, в нашхоевском говоре субстантивированные притяжательные местоимения образуются при помощи словообразовательного суффикса *-верг* (й, б, д), а в литературном языке аналогичные местоимения образуются посредством словообразовательного суффикса *-ниг*:

Нашхоевский говор	Литературный язык
саверг	сайниг — мой
хьаверг	хьайниг — твой
цуйьверг	цуйьниг — его
тхаверг	тхайниг — наш
шувверг	шуйьниг — ваша
церверг	цераниг — их

Правда, и в литературном языке тоже допускаются *саверг, хъаверг, тхаверг* и др., но они менее употребительны, чем первые. Косвенные формы обоих этих вариантов и в литературном языке почти идентичны.

Мн. ч. от вышеприведенных примеров в нашхоевском образуется при помощи суффикса **-берш**, а в чеченском литературном — посредством суффикса **-наш**:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>саберш</i>	<i>сайнаш</i> — мой
<i>хъабериш</i>	<i>хъайнаш</i> — твой
<i>тхабериш</i>	<i>тхайнаш</i> — наши
<i>шубериш</i>	<i>шуйнаш</i> — ваши

В нашхоевском говоре при образовании формы эргативного падежа от возвратного местоимения *хьуо хъай* фарингальный **хь** переходит в ларингальный **Г** (им. п. *хьуо хъай*, эрг. п. *Га Гайхьа*; ср. лит.: им. п. *хьуо*, эрг. п. *ахь айхьа* — «ты сам»).

В литературном языке и нашхоевском говоре указательные местоимения *ера, хлара* — «это» отличаются не только в именительном, но и в косвенных падежах:

	Нашхоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>ера</i>	<i>хлара</i> — этот, это, эта
Род.	<i>окхана^н</i>	<i>хлокхуьна^н</i>
Дат.	<i>окханна</i>	<i>хлокхунна</i>
Эрг.	<i>окхуо</i>	<i>хлокхуо</i>
Ор.	<i>окхьонца</i>	<i>хлокхуьнца</i>
Тр.	<i>окхангаГола</i>	<i>хлокхуьнгахула</i>

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В нашхоевском говоре субстантивированные прилагательные образуются при помощи словообразовательного суффикса **-верг** (й, б, д), а в чеченском литературном — посредством суффикса **-ниг**:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>воккхаверг</i>	<i>воккханиг</i> — старший
<i>дикаверг</i>	<i>диканиг</i> — хороший
<i>майраверг</i>	<i>майраниг</i> — храбрый
<i>аьшкаберг</i>	<i>аьчканиг</i> — железный
<i>цIиедерг</i>	<i>цIиениг</i> — красный

И в литературном языке тоже возможно словообразование типа *воккхаверг, дикаверг, майраверг, аьчгаберг, цIиедерг*.

В нашхоевском говоре при склонении субстантивированных прилагательных в одних падежах между корнем и окончанием наращивается комплекс **чо**, а в других — **чъ** вместо **чу** и **чуй** в литературном языке:

	Нашхоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>дикаверг</i>	<i>диканиг</i> — хороший
Род.	<i>дикачо^н</i>	<i>дикачу^н</i>
Дат.	<i>дикачонна</i>	<i>дикачунна</i>
Эрг.	<i>дикачуо</i>	<i>дикачуо</i>
Ор.	<i>дикачъонца</i>	<i>дикачуьнца</i>

Вещ.	<i>дикачох</i>	<i>дикачух</i>
Ср.	<i>дикачол</i>	<i>дикачул</i>
Напр. I.	<i>дикачовнга</i>	<i>дикачуьнга</i>
Тр.	<i>дикачовнгаглола</i>	<i>дикачуьнгахула</i> и т. д.

Несубстантивированные (по Яковлеву, несамостоятельные) прилагательные отличаются тем, что они в косвенных падежах приобретают флексию *-ча* вместо литературного *-чу*:

	Нашхоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>дика саг</i>	<i>дика стаг</i> — хороший человек
Род.	<i>дикача сега^н</i>	<i>дикачу стега^н</i>
Дат.	<i>дикача сагна</i>	<i>дикачу стагана</i>
Эрг.	<i>дикача сагуо</i>	<i>дикачу стагуо</i>
Ор.	<i>дикача сагца</i>	<i>дикачу стагца</i> и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительное в нашхоевском говоре почти не отличается от числительного в литературном языке, если не считать некоторых фонетических особенностей, изменивших звуковой состав в соответствии с фонетическим законом нашхоевского диалекта. Приведем эти количественные числительные в сравнении с литературным языком:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>дайтта</i>	<i>дейтта</i> — четырнадцать
<i>ворийтта</i>	<i>вурхлитта</i> — семнадцать
<i>барийтта</i>	<i>берхлитта</i> — восемнадцать
<i>ткьо</i>	<i>ткъя</i> — двадцать
<i>шовзтгIа</i>	<i>шовзткъя</i> — сорок
<i>кхузтгIа</i>	<i>кхузткъя</i> — шестьдесят
<i>добзтгIа</i>	<i>дизткъя</i> — семьдесят

Незначительные расхождения наблюдаются и в склонении некоторых числительных. Расхождения эти в основном заключаются в том, что в нашхоевском говоре в орудийном и местном падежах корневой гласный числительного *цхъаъ* — «один» не меняется, а в литературном *а* → *аь*: *цхъанца*, *цхъанга* и т. д.

Следует отметить также отдельные порядковые и кратные числительные, которые обнаруживают некоторые фонетические расхождения:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>цаIагIа</i>	<i>цхьолгIа</i> — первый
<i>кхоълагIа</i>	<i>кхоалгIа</i> — третий
<i>диълагIа</i>	<i>добалгIа</i> — четвертый
<i>пхиълагIа</i>	<i>пхобалгIа</i> — пятый
<i>диацца</i>	<i>добазца</i> — четырежды
<i>пхиазца</i>	<i>пхобазца</i> — пятью
<i>иссацца</i>	<i>уьссацца</i> — девятью
<i>иттацца</i>	<i>уьттацца</i> — десятью
<i>итталгIа</i>	<i>уьтталгIа</i> — десятый
<i>иссалгIа</i>	<i>уьссалгIа</i> — девятый

Интересно также отметить, что в нашхоевском говоре числительные *диъ* — «четыре», *пхиъ* — «пять» при склонении не меняют гласной основы, а в литературном корневой и → *е*:

Нашхоевский говор Литературный язык

Им.	<i>пхиъ, диъ</i>	<i>пхиъ, диъ</i> — пять, четыре
Род.	<i>пхиъна^н, диъна^н</i>	<i>пхеанна^н, деанна^н</i>
Дат.	<i>пхиъна, диъна</i>	<i>пхеанна, деанна</i>
Эрг.	<i>пхиъмуо, диъмуо</i>	<i>пхеаммуо, деаммуо</i>

ГЛАГОЛ

Настоящее время в нашхоевском говоре может выражаться не окончаниями, а чередованием корневых гласных:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>áла—òла</i>	<i>áла—òлу</i> — сказать ¹
<i>саца—соца</i>	<i>саца—соцу</i> — остановиться
<i>áра—òра</i>	<i>áра—òру</i> — молотить
<i>дáга—дòга</i>	<i>дáга—дòгу</i> — гореть
<i>датта—дотта</i>	<i>датта—дотту</i> — жарить
<i>хъажа—хъожа</i>	<i>хъажа—хъожу</i> — смотреть
<i>дуòжа—дужа</i>	<i>дуòжа—дужу</i> — упасть
<i>вада—вода</i>	<i>вада—воду</i> — бежать

В нашхоевском говоре есть и такие глаголы, у которых категория настоящего времени выражается не морфологически, а контекстом:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>висса—со висса</i>	<i>виса—со вьусу</i> — остаться
<i>цеста—ас цеста</i>	<i>цеста—ас цььсту</i> — резать
<i>вита—ас вита</i>	<i>вита—ас вььту</i> — оставить
<i>диеша—ас диеша</i>	<i>диеша—ас доьшу</i> — читать
<i>вига—ас вига</i>	<i>вига—ас вььгу</i> — вести
<i>дила—ас дила</i>	<i>дила—ас дуьлу</i> — мыть
<i>дийца—ас дийца</i>	<i>дийца—ас дуьйцу</i> — говорить
<i>лийча—со лийча</i>	<i>лийча—со луйчу</i> — купаться

Аналогичное явление, когда настоящее время выражается не морфологически, а контекстом, мы наблюдаем и в чеченском литературном:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>лиела^н</i>	<i>лиела^н</i> — ходить
<i>суо лиела</i>	<i>суо лиела</i>
<i>лелха^н</i>	<i>лелха^н</i> — прыгать
<i>суо лелха</i>	<i>суо лелха</i>
<i>лиета^н</i>	<i>лиета^н</i> — бороться
<i>суо лиета</i>	<i>суо лиета</i>
<i>леста^н</i>	<i>леста^н</i> — укачаться
<i>суо леста</i>	<i>суо леста</i>
<i>диека^н</i>	<i>диека^н</i> — петь, кричать
<i>и диека</i>	<i>и диека</i> — он чиркает

При образовании настоящего времени от побудительных глаголов побудительный суффикс **-ийт** в нашхоевском говоре не подвергается изменению, тогда как в литературном языке побудительный суффикс **-ийт** переходит в **-уйт**:

¹ Перевод дан в формах инфинитива, так как форма настоящего времени не всегда соответствует русскому языку.

Нашхоевский говор

*вадийта — водийта**лиелийта — лиелийта**лелхийта — лелхийта**вигийта — вигийта**дилийта — дилийта**дицийта — дицийта*

Литературный язык

*вадийта — водуйту — пусть бежит**лиелийта — лоблуйту — пусть ходит**лиелхийта — лоблхуйту — пусть прыгает**вигийта — вугуйту — пусть уводит**дилийта — дублуйту — пусть моет**дицийта — дубцуйту — пусть говорит*

В нашхоевском говоре весьма своеобразно образуются формы настоящего времени от нижеследующих глаголов:

Нашхоевский говор

*йалла — йолла**вала — ле**хле — хие**хила — хола**йохá — йохов**йха — йха*

Литературный язык

*йилла — йуьллу — лежать**вала — ле — умереть**хаа — хаьа — знать**хила — хуьлу — бывать**охьахаа — охьахоу — сесть**баьа — ббху — говорить*

Прошедшее время от литературного отличается прежде всего тем, что в нашхоевском говоре, как и в ингушском языке, отсутствует так называемое недавнопрошедшее время, которое возмещается в нашхоевском говоре сочетанием наречия *х'унцц* — «только что» с глагольной формой очевиднопрошедшего времени:

Нашхоевский говор

*х'унцц вахар**х'унцц ведар**х'унцц сецар**х'унцц делар**х'унцц висар**х'унцц дийхар*

Литературный язык

*вахаⁿ — только что пошел**ведиⁿ — только что побегал**сециⁿ — только что стал**делиⁿ — только что дал**висиⁿ — только что остался**дийхиⁿ — только что просил*

Очевиднопрошедшее время в нашхоевском говоре образуется при помощи суффикса *-ар*, а в литературном языке — посредством суффикса *-ира*:

Нашхоевский говор

*цистар**дийхар**ийзар**ведар*

Литературный язык

*цистира — резал**дийхира — просил**ийзира — тянул**ведира — побегал*

Прошедшее определенное время в основном совпадает с литературным языком, если не считать огласовку формата этого времени. Для наглядности приведем примеры:

Нашхоевский говор

*ала — аьлла**аьра — аьрна**даьга — даьгна*

Литературный язык

*аьла — аьлла — сказать**аьра — аьрина — молотить**даьга — даьгна — гореть*

Юхá—Юхайна
саца—сецна
вита—витна
хала—халла
Галла—Галлна
лелха—лилхна
ван—виена

охъахаа—охъахиъна — сесть
саца—сецна — стать
вита—витина — оставить
хила—хилла — случиться
Гилла—Гиллина — лежать
лелха—лилхина — прыгать
ван—веъна — прийти

Как видно из приведенных выше примеров, показателем прошедшего совершенного времени в литературном языке служит форматив **-ина, -на**, которому в нашхоевском говоре соответствует **-ана, -на**.

Будущее время в нашхоевском говоре образуется в основном от основы настоящего времени при помощи суффикса **-рг** плюс **-ду (в, й, б)**, которому в литературном языке соответствует суффикс **-р:**

Нашхоевский говор

Литературный язык

ваъха—ваъхарг ву
висса—виссарг ву
вита—витарг ву
Галла—Галларг ву
лиела—лиеларг ву
виела—виеларг ву
ийза—ийзарг ду
улла—уллерг ду
туха—тухарг ду

веха—вехар ву — жить
вуйсу—вуйсур ву — остаться
вуйту—вуйтур ву — оставить
Гуьллу—Гуллур ву — лежать
лиела—лиелар ву — ходить
воьлу—воьлур ву — смеяться
уйьзу—уйьзур ду — повесить
уьллу—уьллур ду — ударить

Как видно из примеров, чередования корневых гласных не везде совпадают.

Наклонения в нашхоевском говоре и в литературном языке в основном образуются одинаково. Однако имеется и незначительное расхождение в оформлении некоторых суффиксов. Так, например, в нашхоевском говоре один из вариантов повелительного наклонения, выражающий просьбу, образуется при помощи суффикса **-аша**, а в литературном языке — посредством суффикса **-ийша**, являющегося фонетическим вариантом первого:

Нашхоевский говор

Литературный язык

алаша
лелхаша
вигаша
дилаша
дийцаша
туохаша
дузаша

алийша — скажите, пожалуйста
лелхийша — прыгайте, пожалуйста
вигийша — ведите, пожалуйста
дилийша — мойте, пожалуйста
дийцийша — говорите, пожалуйста
туохийша — ударьте, пожалуйста
дузийша — наполняйте, пожалуйста

Подобного же рода различия наблюдаются и при образовании настоящего-будущего времени условного наклонения. В нашхоевском говоре в качестве суффикса условного наклонения выступает обычно **-ехъ** вместо **-ахъ** в литературном языке:

Нашхоевский говор

лиелехь
водехь
олехь
вигехь
дилехь
хотгехь
тухехь

Литературный язык

лиелахь — если походит
вадахь — если побежит
алахь — если скажет
вигахь — если поведет
дилахь — если поможет
хаттахь — если спросит
туогахь — если ударит

Как показывают примеры, условное наклонение настоящего-будущего времени в нашхоевском говоре образовано от основы настоящего времени, а в литературном языке — от основы инфинитива.

Вопросительные формы настоящего времени литературного языка отличаются от нашхоевского говора чередованием суффиксальных гласных в побудительных глаголах, что касается конечных аффиксов этих вопросительных форм, то они полностью совпадают:

Нашхоевский говор

олийтий?
водийтий?
лиелийтий?
лелхийтий?
вигийтий?
дилийтий
дийцийтий?
хуттийтий?
тухийтий?
вуоссийтий?
дузийтий?

Литературный язык

олуьйтий? — дает ли сказать?
водуьйтий? — дает ли бежать?
лоьлуьйтий? — дает ли ходить?
лоьлхуьйтий? — дает ли прыгать?
вуйгуьйтий? — дает ли вести?
дуьлуьйтий? — дает ли мыть?
дуьйцуьйтий? — дает ли говорить?
хуттуьйтий? — дает ли соединить?
тухуьйтий? — дает ли ударить?
вуоссуьйтий? — дает ли слезать?
дузуьйтий? — дает ли заполнить?

Как свидетельствуют приведенные примеры, данные вопросительные формы образованы от основы настоящего времени как в нашхоевском говоре, так и в литературном языке. Различия между ними объясняются тем, что в литературном языке суффиксальный *-ий*, являющийся компонентом каузативного суффикса *-ийт*, под воздействием лабиализованного гласного предыдущего слога огубляется, то есть происходит прогрессивная ассимиляция гласных, тогда как в нашхоевском говоре он не подвержен ассимиляции.

Следует отметить также, что в нашхоевском говоре и от вспомогательных классных глаголов *ву*, *йу*, *бу*, *ду* тоже образуется вопросительная форма посредством суффикса *-ий* вместо литературного *-уй*: *вий?* *йий?*, *бий?*, *дий?* — «есть ли?» (ср. лит.: *вуй?*, *йуй?*, *буй?*, *дуй?*).

Отглагольные существительные, выражающие возможность совершения действия, в нашхоевском говоре образуются, как и в литературном языке, от основы настоящего времени при помощи словообразовательного суффикса *-ийла*, но обычно без чередования корневых гласных (если корень огласован гласным переднего ряда):

Нашхоевский говор

вига — *вигийла*
дила — *дилила*
дийца — *дийцийла*
цеста — *цестийла*
диеша — *диешийла*
лийца — *лийцийла*

Литературный язык

вига — *вуйгийла* — вести
дила — *дуьлийла* — мыть
дийца — *дуьйцийла* — говорить
цеста — *цоьбийла* — резать
диеша — *доьшийла* — читать
лиеца — *лоьбийла* — ловить

Если корень инфинитива огласован либо лабиализованными гласными, либо посредством гласного нижнего ряда **а**, то, как и в литературном языке, в нашхоевском говоре указанные корневые гласные чередуются: **yo** → **y**, **a** → **o**.

Нашхоевский говор

тjоха — тjухийла
кхуосса — кхуссийла
уолла — уллийла
вада — водийла
ала — олийла
дуза — дузийла
дjуха — дjухийла

Литературный язык

тjоха — тjухийла — ударить
кхуосса — кхуссийла — бросить
уолла — уллийла — повесить
вада — водийла — бежать
ала — олийла — сказать
дуза — дузийла — запомнить
дjуха — дjухийла — одеть

ПРИЧАСТИЕ

Причастие в нашхоевском говоре, как и в литературном языке, имеет самостоятельную (независимую) и несамостоятельную (зависимую) формы. В форме причастия настоящего времени в литературном языке происходит чередование¹ корневых гласных: **и/ий** → **уь/уьй**, **е** → **оь**, чего не наблюдается в диалектных формах причастий.

Несамостоятельная форма

Нашхоевский говор

диеша — диеша саг
кхиера — кхиера саг
дитта — дитта йовлакх
висса — висса саг
велха — велха кlаьнк

Литературный язык

диеша — доьшу стаг — читающий человек
кхиера — кхоьру стаг — боящийся человек
дитта — дуйтту йовлакх — стираемый платок
виса — вуйсу стаг — остающийся человек
велха — воьлху кlант — плачущий мальчик

Самостоятельная форма

диешарг
кхиерарг
диттарг
виссарг
велхарг

доьшург — читающий
кхоьрург — боящийся
дуйттург — стираемый, стирающий
вуйсург — остающийся
воьлхург — плачущий

Как свидетельствуют приведенные примеры, в литературном языке по закону сингармонизма корневому согласному гармонирует суффиксальный гласный, в результате чего мы имеем в литературном языке суффиксы **-у** (несамостоятельная форма), **-ург** (самостоятельная форма) вместо диалектных **-а**, **-арг**.

Причастие прошедшего времени одинаково в нашхоевском говоре и в литературном языке: *дешна кlант* — «прочитавший мальчик», *дешнарг* — «прочитавший».

Некоторое различие наблюдается в склонении самостоятельного причастия: суффикс **-ч**, который наращивается перед окончанием, огласуется по-разному:

¹ Чередование происходит в глаголах с корневыми гласными переднего ряда.

Нашхоевский говор

Литературный язык

Им.	<i>дешнарг</i>	<i>дешнарг</i> — прочитавший
Род.	<i>дешначо^н</i>	<i>дешначу^н</i>
Дат.	<i>дешначонна</i>	<i>дешначунна</i>
Эрг.	<i>дешначуо</i>	<i>дешначуо</i>
Ор.	<i>дешначоьнца</i>	<i>дешначуьнца</i>
Ср.	<i>дешначол</i>	<i>дешначул</i>
Вещ.	<i>дешначох</i>	<i>дешначух</i>
Напр. I	<i>дешначоьнга</i>	<i>дешначуьнга</i>
Тр.	<i>дешначоьнгаг^лол</i>	<i>дешначуьнгахула</i>

ДЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие настоящего времени отличается от литературного языка тем, что в нашхоевском говоре оно образуется посредством суффикса *-аш*, который присоединяется к глагольной основе настоящего времени, в литературном же ему соответствует суффикс *-уш* (за редким исключением):

Нашхоевский говор

Литературный язык

<i>вада</i> — <i>водаш</i>	<i>вада</i> — <i>водуш</i> — бежать
<i>ала</i> — <i>олаш</i>	<i>ала</i> — <i>олуш</i> — сказать
<i>тjоха</i> — <i>тухаш</i>	<i>тjоха</i> — <i>тухуш</i> — ударить
<i>уолла</i> — <i>уллаш</i>	<i>уолла</i> — <i>уллуш</i> — повесить
<i>лиета</i> — <i>лиеташ</i>	<i>лиета</i> — <i>лиеташ</i> — бороться
<i>лиела</i> — <i>лиелаш</i>	<i>лиела</i> — <i>лиелаш</i> — ходить

Кроме того, иногда не совпадают гласные основы. Это объясняется тем, что в литературном языке при образовании настоящего времени корневые гласные *ие*, *и*/*ий* обычно чередуются с *оь*, *уь*/*уьй*, а в говоре они не чередуются:

Нашхоевский говор

Литературный язык

<i>диеша</i> — <i>диешаш</i>	<i>диеша</i> — <i>доьшуш</i> — читать
<i>виела</i> — <i>виелаш</i>	<i>виела</i> — <i>воьлуш</i> — смеяться
<i>велха</i> — <i>велхаш</i>	<i>велха</i> — <i>воьлхуш</i> — плакать
<i>цеста</i> — <i>цесташ</i>	<i>цеста</i> — <i>цоьстуш</i> — резать
<i>дийца</i> — <i>дийцаш</i>	<i>дийца</i> — <i>дуьйцуш</i> — говорить
<i>вита</i> — <i>виташ</i>	<i>вита</i> — <i>вуьтуш</i> — оставить
<i>литта</i> — <i>литташ</i>	<i>литта</i> — <i>луьттуш</i> — цедить

Деепричастие прошедшего времени почти полностью совпадает в нашхоевском говоре и литературном языке. Оно образуется от основы прошедшего времени посредством суффикса *-на*; иначе говоря, оно морфологически совпадает с глагольной формой прошедшего совершенного времени: *дешна* — «прочитал», «прочитав», *тоьхна* — «ударил», «ударив», *хеьна* — «пустили», «пустив».

Исключение составляет ряд глаголов, которые в литературном языке в формах прошедшего времени оформляются с помощью суффикса *-ина*, а в нашхоевском говоре — *-ана*:

Нашхоевский говор

Литературный язык

<i>дийцана</i>	<i>дийцина</i> — рассказав
<i>литтана</i>	<i>литтина</i> — процедив
<i>хьйизана</i>	<i>хьйизина</i> — покрутив
<i>хийцана</i>	<i>хийцина</i> — изменив
<i>хьйижана</i>	<i>хьйижина</i> — посмотрев

Наречия в основном совпадают в нашхоевском говоре и литературном языке. Расхождения объясняются фонетическими законами изучаемого говора. Для убедительности приведем примеры:

Нашхоевский говор	Литературный язык
<i>сомара</i>	<i>стомара</i> — позавчера
<i>сохка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>хӀунца</i>	<i>хӀинца</i> — теперь
<i>хӀунцалие</i>	<i>хӀинцалие</i> — до этих пор
<i>эццехь</i>	<i>цигахь/эцицахь</i> — там именно
<i>сийхьа</i>	<i>сиехьа/сийхьа</i> — на эту сторону
<i>чу</i>	<i>чуохь</i> — внутри
<i>тӀийхьа</i>	<i>тӀиехьа/тӀийхьа</i> — за, сзади

Союзы также совпадают в диалекте и литературном языке.

Из частиц, имеющихя в нашем распоряжении, только одна *мие* — «лишь» не совпадает (в литературном языке она звучит *биен*, а значение такое же) (ср. бацб.: *беде^н*).

ЛЕКСИКА

В лексике нашхоевского говора очень много слов, произношение которых не совпадает с литературным:

Нашхоевский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>гӀург</i>	<i>гударг</i>	<i>губӀриг</i> — пень
<i>чӀург</i>	<i>чӀург</i>	<i>чкӀург</i> — колесо
<i>аьшк</i>	<i>аьшк</i>	<i>эциг</i> — железо
<i>саргӀа</i>	<i>саргӀа</i>	<i>старгӀа</i> — бычок
<i>саг</i>	<i>саг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>Ӏаьса</i>	<i>Ӏаьса</i>	<i>Ӏса</i> — теленок
<i>устал/су</i>	<i>уст</i>	<i>сту</i> — бык
<i>новц</i>	<i>найц</i>	<i>нуц</i> — зять
<i>аз</i>	<i>аз</i>	<i>иза</i> — он
<i>Ӏиш</i>	<i>уж</i>	<i>уьш</i> — они
<i>ера</i>	<i>ер</i>	<i>Ӏара</i> — это
<i>Ӏаха</i>	<i>Ӏаха</i>	<i>баӀа</i> — говорить
<i>ха^н</i>	<i>ха^н</i>	<i>хаа^н</i> — знать
<i>Ӏоха</i>	<i>Ӏоха</i>	<i>охахаа</i> — сесть
<i>ӀовӀала</i>	<i>ӀовӀала</i>	<i>охавуосса</i> — слезать
<i>хала</i>	<i>хила</i>	<i>хила</i> — быть
<i>Ӏалла</i>	<i>алла</i>	<i>Ӏилла</i> — лежать
<i>хадала</i>	<i>хадала</i>	<i>хаадала</i> — заметить
<i>хьавӀола</i>	<i>хьавӀола</i>	<i>схьавӀола</i> — иди сюда

ТЕРЛОЕВСКИЙ ГОВОР

Терлоевцы (*терлой*) до 1944 года жили в небольших селах Никарне, Барай и Ошние, которые были расположены в 8—9 километрах от тогдашнего райцентра Галанчож (ГаланчОж). В настоящее время они смешались с представителями других горных диалектов и живут в селах Самашки (СемаГашка), Дешничу, Алхан-Юрт, Шалажа и др.

Речь терлоевцев, как и речь мелхинцев, занимает как бы промежуточное положение между плоскостным чеченским и ингушским языками, то сближается с одним из них, то резко расходится. Но все же речь терлоевцев больше тяготеет к плоскостному чеченскому языку, чем к ингушскому. Обратимся к примерам.

В области фонетики прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в терлоевском говоре стечения *ст* в начале слова, как и в ингушском языке:

Терлоевский говор	Ингушский язык	Чеченский литературный язык
<i>саг</i>	<i>саг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сим</i>	<i>сим</i>	<i>стим</i> — желчь
<i>сигла</i>	<i>сиглие</i>	<i>стигал</i> — небо
<i>сома</i>	<i>сома</i>	<i>стомма</i> — толстый
<i>уст</i>	<i>уст</i>	<i>сту</i> — бык

С другой стороны, терлоевский говор по некоторым фонетическим явлениям может быть резко противопоставлен ингушскому языку. Так, например, в ингушском языке в некоторых глагольных формах прошедшего определенного времени происходит регрессивная контактная ассимиляция, то есть исходный согласный корня *л* под влиянием аффиксального согласного *н* переходит в *н*; формант *н* в ингушском всегда сопровождается соответствующим классным показателем, а в терлоевском говоре, как и в литературном языке, наоборот, в означенных глагольных формах происходит контактная прогрессивная ассимиляция, то есть аффиксальный *н* уподобляется исходному корневому согласному спрягаемого глагола и формант данного времени классным показателем не снабжается:

Инфинитив	Терлоевский говор	Ингушский язык	Чеченский литературный язык
<i>а́ла</i>	<i>аьлла</i>	<i>аьннад</i>	<i>аьлла</i> — сказать
<i>да́ла</i>	<i>делла</i>	<i>деннад</i>	<i>делла</i> — дать
<i>ма́ла</i>	<i>мелла</i>	<i>мелнад</i>	<i>мелла</i> — пить
<i>ва́ла</i>	<i>велла</i>	<i>веннав</i>	<i>велла</i> — умереть
<i>ва́ла</i>	<i>ваьлла</i>	<i>ваьннав</i>	<i>ваьлла</i> — кончить
<i>хи́ла</i>	<i>хилла</i>	<i>хиннад</i>	<i>хилла</i> — был

В терлоевском говоре у к а з а т е л ь н о е местоимение *йара* — «этот», «эта», «это» в косвенных падежах сохраняет *й* в начале, а в литературном и ингушском языках он отсутствует в косвенных падежах: *йар* (им. п.), *йакхуо* (эрг. п.), *йокхунна* (дат. п.). Ср.: инг. *йер* — *окхуо* — *окхана*, чеч. плоск. *хларал/йара* — *хлокхуо/кхуо* — *хлокхунна/кхунна*.

Оглушение в терлоевском говоре, как и в ингушском языке, наблюдается в слове *тлехк* — «кость», которое в литературном языке звучит *длаькк*.

Слово *йохь* — «кишка», «колбаса» в терлоевском говоре звучит *дотьхь*. Ср.: акк. *лухь/ловьхь*, чеб. *лохь*, бацб. *ахьуй*.

В чеченском литературном языке при образовании форм мн. ч. от имен существительных *букъ* — «спина», *дукъ* — «ярмо», *бухь* — «вершина» корневой *у* переходит в *а* и удваивается исходный согласный, а в терлоевском говоре *у* переходит в *а*, но исходный согласный не удваивается:

Терлоевский говор	Ингушский язык	Чеченский литературный язык
<i>букъ</i> — <i>бакъаш</i>	<i>бовкъаш</i>	<i>бакъаш</i> — спина
<i>дукъ</i> — <i>дакъаш</i>	<i>давкъаш</i>	<i>дакъаш</i> — ярмо
<i>бухь</i> — <i>бахъаш</i>	<i>бовхъаш</i>	<i>бахъаш</i> — вершина

Что касается падежных флексий, то они в основном совпадают с падежными флексиями чеченского литературного языка. Некоторые звуковые различия наблюдаются в флексиях орудийно-совместного и местного падежей в склонении существительных с наращенной косвенной основой на **-чун**:

Терлоевский говор		Литературный язык
Им.	<i>ламаруо</i>	<i>ламаруо</i> — горец
Ор.	<i>ламаруочоьнца</i>	<i>ламаруочуьнца</i>
Напр. I.	<i>ламаруочоьнга</i>	<i>ламаруочуьнга</i>
Тр.	<i>ламаруочоьнгагъола</i>	<i>ламаруочуьнгахула</i>

В склонении личных местоимений также наблюдаются некоторые различия фонетического порядка:

Терлоевский говор		Литературный язык
Им.	<i>суо, хьуо</i>	<i>суо, хьуо</i> — я, ты
Дат.	<i>суона, хьуона</i>	<i>суна, хьуна</i>
Эрг.	<i>ас, Ia</i>	<i>ас, ахь</i>
Напр. I.	<i>совга, хьовьга</i>	<i>совгахь, хьовьгахь</i>
Тр.	<i>совгагъола, хьовьгагъола</i>	<i>совгахула, хьовьгахула</i>

В терлоевском говоре субстантивированные притяжательные местоимения, которые склоняются по типу существительных, образуются посредством суффикса **-ерг** (**в, й, б, д**), а в литературном языке — при помощи суффикса **-ниг** и редко **-ерг**:

Терлоевский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>саверг</i>	<i>савар</i>	<i>сайниг</i> — мой
<i>хъаверг</i>	<i>хъавар</i>	<i>хъайниг</i> — твой
<i>цунавверг</i>	<i>цунвар</i>	<i>цуьнниг</i> — его
<i>шувверг</i>	<i>шувар</i>	<i>шуйьниг</i> — ваш

Возвратные местоимения терлоевского говора отличаются от литературного языка по своему звуковому составу: *суо соь* — «я сам», *хьуо хьов* — «ты сам», *иза ша* — «он сам», *тхуо тхаш*, *вай ваи* — «мы сами», *шу шаш* — «вы сами», *уьш шаш* — «они сами»; ср. лит.: *суо суо*, *хьуо хьуо*, *иза ша*, *тхуо тхаш*, *вай ваи*, *уьш шаш*.

Вопросительные местоимения *муьлха?* *масалгла?* *мел?* в терлоевском говоре звучат *милох?* — «какой?», «который?», *маслагл?* — «который?» (по порядку), *мал?* — «сколько?».

Некоторое отклонение от литературного языка имеет и склонение вопросительных местоимений в терлоевском говоре:

	Терлоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>маса, хлу^н</i>	<i>маса, хлу^н</i> — сколько, что
Род.	<i>масне^н, сийна^н</i>	<i>масана^н, стиена^н</i>
Дат.	<i>масанна, сенна</i>	<i>масанна, стенна</i>
Эрг.	<i>масание, сие</i>	<i>масаннуо, стие</i>
Ор.	<i>масанца, сенца</i>	<i>масанца, стенца</i>
Напр. I.	<i>масанга, сенга</i>	<i>масанга, стенга</i>

В спряжении глаголов также наблюдаются различия. Они обусловлены прежде всего тем, что в терлоевском говоре корневые гласные спрягаемых глаголов чередуются значительно меньше, чем в литературном языке. Особенно ярко это наблюдается при образовании формы настоящего времени от глаголов с корневым гласным и/ий:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>вита—виту</i>	<i>вита—вуйту</i> — оставить
<i>литта—литту</i>	<i>литта—луйту</i> — цедить
<i>хила—хилу</i>	<i>хила—хуйлу</i> — быть
<i>дийца—дийцу</i>	<i>дийца—дуйцу</i> — рассказывать
<i>хийца—хийцу</i>	<i>хийца—хуйцу</i> — менять
<i>мийла—мийлу</i>	<i>мийла—муйлу</i> — пить
<i>вада—ваду//вода</i>	<i>вада—воду</i> — бежать
Но: <i>ала—олу//бла</i>	<i>ала—олу</i> — сказать
<i>мала—молу//мола</i>	<i>мала—молу</i> — пить
<i>саца—соцу//соцо</i>	<i>саца—соцу</i> — остановиться

Форма будущего определенного времени в терлоевском говоре образуется при помощи суффикса *-рг*, а в литературном языке посредством суффикса *-р*:

Терлоевский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>ас дьбшург ду</i>	<i>ас дешаг да</i>	<i>ас дьбшур ду</i> — я буду читать
<i>суо хьожург ву</i>	<i>суо хьожаг ва</i>	<i>суо хьожур ву</i> — я посмотрю
<i>ас дийцург ду</i>	<i>ас дувцаг да</i>	<i>ас дуйцур ду</i> — я буду говорить
<i>суо соцург ву</i>	<i>суо соцаг ва</i>	<i>суо соцур ву</i> — я остановлюсь
<i>ас хоттург ду</i>	<i>ас хоттаг да</i>	<i>ас хоттур ду</i> — я спрошу
<i>ас вигург ву</i>	<i>ас вигаг ва</i>	<i>ас вуйгур ву</i> — я поведу

В терлоевском говоре формы прошедшего времени от классных вспомогательных глаголов *ву*, *йу*, *бу*, *ду* — «есть» звучат: *вера*, *йера*, *бера*, *дера*, а в литературном языке в прошедшем времени они звучат: *вара*, *йара*, *бара*, *дара*.

В терлоевском говоре и в литературном языке формы наклонений образуются в основном одинаково. Лишь иногда наблюдаются незначи-

тельные расхождения в оформлении некоторых суффиксов. Так, например, в терлоевском говоре один из вариантов повелительного наклонения, выражающий просьбу, образуется при помощи суффикса *-айша*, а в литературном языке — посредством суффикса *-ийша*:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>алайша</i>	<i>алийша</i> — скажите, пожалуйста
<i>лелхайша</i>	<i>лелхийша</i> — прыгайте, пожалуйста
<i>вигайша</i>	<i>вигийша</i> — ведите, пожалуйста
<i>дилайша</i>	<i>дилийша</i> — мойте, пожалуйста
<i>туохайша</i>	<i>туохийша</i> — ударьте, пожалуйста
<i>дийцайша</i>	<i>дийцийша</i> — расскажите, пожалуйста
<i>дузайша</i>	<i>дузийша</i> — наполняйте, пожалуйста

Вопросительные формы настоящего времени от побудительных глаголов в терлоевском говоре образуются без чередования суффиксальных гласных, а в литературном языке эти гласные чередуются:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>вигийтий?</i>	<i>вугуыйтий?</i> — дает ли вести?
<i>дилийтий?</i>	<i>дублуйтий?</i> — дает ли мыть?
<i>дийцийтий?</i>	<i>дуйцуйтий?</i> — дает ли рассказать?
<i>олийтий?</i>	<i>олуйтий?</i> — дает ли сказать?
<i>водийтий?</i>	<i>водуйтий?</i> — дает ли бежать?
<i>лиелийтий?</i>	<i>лолуйтий?</i> — дает ли ходить?
<i>хуттийтий?</i>	<i>хуттуйтий?</i> — дает ли соединить?
<i>туохийтий?</i>	<i>тухуйтий?</i> — дает ли ударить?
<i>дузийтий?</i>	<i>дузуйтий?</i> — дает ли наполнить?

В терлоевском говоре субстантивированные прилагательные образуются посредством словообразовательного суффикса (*в, й, б, д*) *-ерг*, а в плоскостном чеченском — при помощи суффикса *-ниг* и изредка *-ерг*:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>воккхаверг</i>	<i>воккханиг</i> — старший
<i>ц/иедерг</i>	<i>ц/иениг</i> — красный
<i>дикайерг</i>	<i>диканиг</i> — хороший
<i>аьшкадерг</i>	<i>аьшканиг</i> — железный
<i>хазаверг</i>	<i>хазаниг</i> — красивый
<i>майраверг</i>	<i>майраниг</i> — храбрый

При склонении субстантивированных прилагательных в терлоевском говоре между корнем и окончанием наращивается комплекс *чо//чюь*, которому в литературном языке соответствует комплекс *чу//чюь*:

	Терлоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>воккхавере</i>	<i>воккханиг</i> — старший
Род.	<i>воккхачо^н</i>	<i>воккхачу^н</i>
Дат.	<i>воккхачонна</i>	<i>воккхачунна</i>
Эрг.	<i>воккхачуо</i>	<i>воккхачуо</i>
Ор.	<i>воккхачовница</i>	<i>воккхачуьница</i>
Вещ.	<i>воккхачох</i>	<i>воккхачух</i>
Ср.	<i>воккхачол</i>	<i>воккхачул</i>
Напр. I.	<i>воккхачовнга</i>	<i>воккхачуьнга</i>
Тр.	<i>воккхачовнгагола</i>	<i>воккхачуьнгахула</i>

Несубстантивированные прилагательные отличаются в терлоевском говоре тем, что они в косвенных падежах приобретают флексию *-ча* вместо *-чу* в литературном языке:

	Терлоевский говор	Литературный язык
Им.	<i>воккха саг</i>	<i>воккха стаг</i> — старший человек
Род.	<i>воккхача сега^н</i>	<i>воккхачу стега^н</i>
Дат.	<i>воккхача сагана</i>	<i>воккхачу стагана</i>
Эрг.	<i>воккхача сагуо</i>	<i>воккхачу стага/стагуо</i>
Ор.	<i>воккхача сагаца</i>	<i>воккхачу стагаца</i>
Ср.	<i>воккхача сагал</i>	<i>воккхачу стагал</i>
Напр. I.	<i>воккхача сагие</i>	<i>воккхачу стагие</i>
Тр.	<i>воккхача сагиегола</i>	<i>воккхачу стагиехула</i>

Числительные в терлоевском говоре обнаруживают некоторые отклонения от литературного языка:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>цхьаллогло</i>	<i>цхьолгла</i> — первый
<i>кхоаллогло</i>	<i>кхоалгла</i> — третий
<i>деаллогло</i>	<i>добалгла</i> — четвертый
<i>пхеаллогло</i>	<i>пховалгла</i> — пятый
<i>итталлогло</i>	<i>уьтталгла</i> — десятый
<i>деазза</i>	<i>добазза</i> — четырежды
<i>пхеазза</i>	<i>пховазза</i> — пять раз

Наречия в терлоевском говоре и в литературном языке в основном совпадают. Но есть случаи, когда они расходятся. Расхождения эти обусловлены фонетическими законами терлоевского говора:

Терлоевский говор	Литературный язык
<i>згар</i>	<i>уггар</i> — самый
<i>хлунца</i>	<i>хлинца</i> — теперь
<i>кхуза</i>	<i>кхузахь</i> — здесь
<i>сбмара</i>	<i>стбмара</i> — позавчера
<i>сохка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>хлунцалие</i>	<i>хлинцалие</i> — уже
<i>дла</i>	<i>цигахь/ддогахь</i> — там
<i>чу</i>	<i>чуохь</i> — внутри
<i>тлийхьа</i>	<i>тлехьа</i> — рядом, около

Из частиц, имеющих в нашем распоряжении, можно отметить ограниченительную частицу *мие* — «лишь», «только», которая в плоскостном чеченском звучит *бие^н* (ср.: инг. *мар*, баиб. *беде^н*).

В лексике терлоевского говора очень много слов, произношение которых не совпадает с литературным языком:

Терлоевский
говор

аьшк
саг
сигла
гүре
Iáьса
наиц
хьáга
саргла
Iохá
Iовáла
хáдала
хьавóла

Ингушский
язык

аьшк
саг
сиглие
гударг
Iáсилг
наиц
хьажъюкъ
сирглаьлг
Iохá
Iовáла
хáдала
хьавóла

Литературный язык

эциг — железо
стаг — человек
стигал — небо
гуйриг — пень
эса — теленок
нуц — зять
хьаж — лоб
старгла — бычок
охьахаа — присесть
охьавуосса — слезать
хаадала — заметить
схьавóла — иди сюда

ЛАМАККИНСКИЙ ГОВОР

Ламаккинцы сами себя называют *абккхи*, а плоскостные аккинцы (ауховцы), живущие в Хасавюртовском районе ДАССР, называют их ламаккинцами (*лам-абккхи*) и считают своими близкими соплеменниками. Ламаккинцы до 1944 года жили в селе Аккха и хуторах Иттар-Кхаьлла, Лповгие, Орзаме-Кхаьлла, Позуние, Зенгилие, Бойнча, Гуча, Кей-Маьхка, Кхиерста, расположенных в урочище Галанчож и входивших в бывший Галанчожский район.

В данное время ламаккинцы живут в селениях Самашки (*Сема-Гашка*), Рошничу, Шалажа.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ассимиляция в ламаккинском говоре наблюдается в суффиксах прошедшего совершенного времени при встрече сонантов *л* и *н*:

Ас аблла (← *аблна* ← *алине*). — «Я сказал».

Ас делла (← *делна* ← *далине*). — «Я дал».

Ас мелла (← *мелна* ← *малине*). — «Япил».

Из велла (← *велна* ← *валине*). — «Он умер».

Аналогичный же случай ассимиляции мы имеем и в аффиксе дательного падежа от слова *дела*: (им. п.) *дела*, (род. п.) *делан*, (дат. п.) *далла* (← *дална*) — «богу».

В ламаккинском говоре, как и в ингушском языке, мы находим случаи ассимиляции *н* с *т* в комплексе *шн*, являющемся аффиксом дательного падежа мн. ч.

берашта (← *берашна*) — детям

говрашта (← *говрашна*) — лошадям

адамашта (← *адамашна*) — людям

Ламаккинский говор, как и ингушский язык, не терпит стечения *ст* в начале слова:

Ламаккинский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>саг</i>	<i>саг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сим</i>	<i>сим</i>	<i>стим</i> — желчь
<i>сигал</i>	<i>сиглие</i>	<i>стигал</i> — небо
<i>соакха</i>	<i>соакха</i>	<i>стоакха</i> — в прошлом году
<i>сома</i>	<i>сома</i>	<i>стомма</i> — толстый
<i>уст</i>	<i>уст</i>	<i>сту</i> — бык

Ламаккинскому говору свойственна тенденция смягчения переднеязычного сонанта *л* перед смывными согласными и в конце слова: *кбульг* «маслобойка», *обльг* — «лепешка», *табльцаи* — «переметные сумы», *хутал* — «ботва», *зайл* — «сковородка» и т. д.

Выпадение согласных в ламаккинском наблюдается в словах *уотта* — «становиться», *окхуо* — «этот» (эрг. п. от *яра*), *цлацлам* — «бровь», ср. лит.: *хуотта* — «становиться», *хлокхуо* — «этот», *цлоцкхам* — «бровь».

В словах *тлоьхкар* — «пояс», *цленъюкь* — «полы», «пол», *чуокхи* — «черкеска», «шинель», наоборот, выпадение произошло в литературном языке, ср. лит.: *добьха* — «пояс», *цленкьа* — «полы», «пол», *чоа* — «черкеска», «шинель».

Ламаккинское слово *тлоьхкар* исторически восходит к *добьха* (*добькар* — *добькург* — *дехкуриг*), а литературное *цленкьа*, наоборот, восходит к ламаккинскому *цленьюкь* ← (*цлуйна*^н *йукь* — досл. середина комнаты).

Случай оглушения в ламаккинском отмечен в слове *тлоьхкар* (*добькар*).

Чередование гласных почти не свойственно ламаккинскому говору по сравнению с литературным языком. Но все же оно имеет место в ламаккинском говоре, особенно в парадигме спряжения. Например, при образовании форм настоящего времени от глаголов с корневым *а* наблюдается переход *а* в *о*: *ала* — *ола* — «сказать», *таса* — *тоса* — «бросить», *хатта* — *хотта* — «спросить» и т. п. Кроме того, при образовании форм прошедших времен корневой *а* переходит то в *аь*, то в *е*: *ала* — *аьлар* — «сказал», *хатта* — *хавттар* — «спросил», *таса* — *тесар* — «бросил», *саца* — *сецар* — «остановился», *лата* — *летар* — «боролся».

Случаи чередования гласных имеются также и в парадигме склонения: например, при склонении имен существительных с корневым гласным *уо* последний может чередоваться с *е*, а в литературном языке с *а* (исключение составляет род. п.):

Ламаккинский говор		Литературный язык
Им.	<i>буорз, дуог</i>	<i>буорз, дуог</i> — волк, сердце
Род.	<i>берза^н, деган</i>	<i>берза^н, деган</i>
Дат.	<i>берзана, дегана</i>	<i>барзана, дагана</i>
Эрг.	<i>берзую, дегую</i>	<i>барзую, дагую</i>
Ор.	<i>берзаца, дегаци</i>	<i>барзаца, дагаци</i>
Напр. I.	<i>берзие, дегие</i>	<i>барзие, дагие</i>

И, наконец, в ламаккинском говоре, как и в литературном языке, отмечены случаи чередования *у* с *а* в парадигме склонения: *глум* — «песок», *гламарна* (дат. п.).

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Соответствия между согласными звуками. Случаев, когда расходятся согласные ламаккинского говора с согласными литературного языка, очень мало. Но все-таки можно отметить следующие случаи соответствия сбгласных:

1. Ламакк. *тл*/лит. *д*: *тлоьхкар* (ламакк.), *добьха* (лит.) — «пояс», *тлехк* (ламакк.), *даьлахк* (лит.) — «кость»; ср.: инг. *тлоьхкар*, *тлехк*, акк. *тлоьхкар*, *тлехк*.

Здесь в первом примере соответствия исходным следует считать *д*, так как *тлоьхкар* ← *добьха* ← *добькарг* (то, чем опоясывают) ← *дехка* — «опоясывать».

2. Ламакк. *ф*/лит. *в*: *фарта* (ламакк.), *ворта* (лит.) — «шея», *фота* (ламакк.), *вота* (лит.) — «барабан».

В данном соответствии исходным следует считать губно-губной спирант *в*, поскольку глухой губно-губной спирант, можно полагать, не существовал в общевайнахском языке, а заимствован из других языков (скорее всего из осетинского).

3. Ламакк. тI//лит. пI: *таьг* (ламакк.), *пелг* (лит.) — «палец»; ср.: инг. *пелг*, акк. *павг*, бацб. *таркI*.

4. Ламакк. ш//лит. ч: *деик* (ламакк.), *дечиг* (лит.) — «дрова»; ср.: инг. *дахча*, акк. *дечак*.

5. Ламакк. хI//лит. в: *хлоттана*, *фоттана* (ламакк.), *воттана* (лит.) — «рубанок»; ср. инг. *фаттана*.

6. Ламакк. г//лит. ж: *хьага* (ламакк.), *хьаж* (лит.) — «лоб»; ср.: инг. *хьажа*, бацб. *хьакI*, акк. *хьаж*.

7. Ламакк. л//лит. й: *лоьхь* (ламакк.), *йохь* (лит.) — «кишка», «колбаса»; ср.: бацб. *ахуй*, акк. *лухь* (лоьхь), чеб. *йохь*, инг. *шерг*.

8. Ламакк. ж//лит. з: *глаж* (ламакк.), *глаз* (лит.) — «гусь», ср.: инг. *глаж*, акк. *глаз*.

Соответствия между гласными звуками. Из соответствий гласных можно отметить следующие случаи:

1. Ламакк. у//лит. уй//уь: *ур* (ламакк.), *уйр* (лит.) — «связь», ср.: акк. *ивар*, инг. *бувзам*; *гург* (ламакк.), *гуйриг* (лит.) — «пенек», ср.: инг. *гударг*, акк. *клотарг*; *нур* (ламакк.), *нуьр* (лит.) — «седло», ср.: инг. *нувр*, акк. *нивар*, чеб. *ниур* (нивр).

2. Ламакк. о//лит. а: *клод* (ламакк.), *клатд* (лит.) — «творог», ср.: инг. *клод*, бацб. *клатд*; *хотта* (ламакк.), *хатт* (лит.) — «грязь», «слякоть», ср.: инг. *хотта*, акк. *хотта*.

3. Ламакк. оь//лит. уо: *коьртали* (ламакк.), *куортали* (лит.) — «шаль»; ср.: инг. *куртали*, акк. *туркал*, кист. *туркель*. Все они восходят к чеберлюевскому *куортилар*, которое получено из *куорта* — «голова» и *тилар* — «надеть», то есть *куортали* — *куорта тилар* — «то, чем накрывают голову», «головной убор»; *моьхь* (ламакк.), *муохь* (лит.) — «сало»; ср.: инг. *мухь*, акк. *мухь*, наш. *мухь*.

4. Ламакк. а//лит. и: *мала?* (ламакк.), *мила?* (лит.) — «кто?»; ср.: инг. *мала?*, акк. *мала?*

5. Ламакк. а//лит. а: *цла* (ламакк.), *цла* (лит.) — «дом», «комната»; *кла* (ламакк.), *кла* (лит.) — «пшеница»; ср.: инг. *цла*, *кла*, акк. *цла*, *кла*.

6. Ламакк. у//лит. уй: *ну* (ламакк.), *нуь* (лит.) — «метла», ср.: инг. *нув*, акк. *нив*; *ду* (ламакк.), *дуй* (лит.) — «клятва», ср.: инг. *дув*, акк. *див*; *глу* (ламакк.), *глуй* (лит.) — «запор», ср.: инг. *глу*, акк. *глив*.

7. Ламакк. а//лит. у: *хлама* (ламакк.), *хлума* (лит.) — «вещь», «предмет», ср.: инг. *хлама*, акк. *хлама*; *лалхуо* (ламакк.), *лулахуо* (лит.) — «сосед», ср.: инг. *лалахуо*, акк. *лавлахуо*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Категории грамматических классов. Деление имен существительных на грамматические классы почти ничем не отличается в ламаккинском говоре от литературного языка.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Образование мн. ч. В ламаккинском говоре при образовании мн. ч. наблюдаются случаи расхождения с литературным языком.

В литературном языке при образовании мн. ч. от имен существительных *муш* — «веревка», *букь* — «спина», *дукь* — «ярмо», *бухь* — «вершина» корневой лабиализованный у уподобляется аффиксальному а: *муш* — *мушаш*, *букь* — *букьаш*, *дукь* — *дакьаш*, *бухь* — *бахьаш*, а в ламаккинском говоре в указанных словах корневой гласный у переходит в ов//ау//о: *муш* — *мошаш*, *букь* — *бокьаш*, *дукь* — *довьаш*, *бухь* — *бовьаш*.

В ламаккинском говоре при образовании мн. ч. от *лам* — «гора»,

Іам — «озеро», «лужа» и многих других с корневым *а* гласная основа не изменяется: *лам*—*ламнаш*, *Іам*—*Іамнаш*, а в литературном языке корневой *а* переходит в *аь*: *лаьм*—*лаьмнаш*, *Іаьм*—*Іаьмнаш*.

Если в литературном языке при образовании мн. ч. от имен *жлов*—«молоток», *дов*—«дебош», *ков*—«ворота», *цлов*—«сноп», *тхов*—«крыша» дифтонг *ов* изменяется: *жлов*—*жлаьвнаш*, *дов*—*деьвнаш*, *ков*—*кеьвнаш*, *цлов*—*цеьвнаш*, *тхов*—*тхеьвнаш*, то в ламаккинском говоре дифтонг *ов* (*уо*) не подвергается изменению: *жлов*—*жловнаш*, *дов*—*довнаш*, *ков*—*ковнаш*, *цлов*—*цловнаш*, *тхов*—*тховнаш*.

В ламаккинском говоре при образовании мн. ч. гласный основы не изменяется в таких словах, как *дег* — «тело», *глаж* — «палка», *беш* — «сад», которые во мн. ч. приобретают суффикс *-маш*: *дег*—*дегламаш*, *глаж*—*глажамаш*, *беш*—*бешмаш*. В литературном языке корневой гласный обычно переходит в *о*: *дег*—*догламаш*, *глаж*—*гложмаш*, *беш*—*бошмаш* и т. д.

Примеров, в которых не совпадают чередующиеся гласные корня, можно привести много:

Ламаккинский говор

нў—*нараш*
цаца—*цаций*
гў—*гўараш*
сай—*сáьш*
лай—*лáьш*

Литературный язык

нуь—*но́раш* — веник
цаца—*цеций* — сито
гуй—*гўо́раш* — запорка
сай—*се́ш* — олень
лай—*ле́ш* — раб

Что касается конечных показателей мн. ч., то они в основном совпадают с суффиксами мн. ч. литературного языка. Разнобой, как мы видим из приведенных выше примеров, наблюдается только в чередовании корневых гласных.

Склонение имен существительных. Склонение в ламаккинском говоре, как и в литературном языке, носит флективно-аглютинативный характер, так как основа склоняемого имени, с одной стороны, меняет свой корневой гласный, а с другой стороны, присоединяет к концу стандартный суффикс, имеющий только одно формальное значение.

Склонение в ламаккинском говоре отличается от литературного языка тем, что корневые гласные мало подвержены чередованию. Так, например, в ламаккинском говоре в противоположность литературному языку односложные имена с корневым гласным *а*, которые оканчиваются на закрытый слог, почти не меняют свою гласную основу:

	Ламаккинский говор	Литературный язык
Им.	<i>гладмуо</i>	<i>глад</i> — стебель
Род.	<i>глад//гладам</i>	<i>глода</i> ^н
Дат.	<i>гладаман</i> ^н	<i>глодана</i>
Эрг.	<i>гладамна</i>	<i>глодуо</i>
Им.	<i>Іам</i>	<i>Іам</i> — озеро
Род.	<i>Іама</i> ^н	<i>Іома</i> ^н
Дат.	<i>Іамна</i>	<i>Іомана</i>
Эрг.	<i>Іамуо</i>	<i>Іомуо</i>
Им.	<i>лам</i>	<i>лам</i> — гора
Род.	<i>лама</i> ^н	<i>лома</i> ^н
Дат.	<i>ламана</i>	<i>ломана</i>
Эрг.	<i>ламуо</i>	<i>ломуо</i>
Им.	<i>Іад</i>	<i>Іад</i> — лук
Род.	<i>Іада</i> ^н	<i>Іода</i> ^н
Дат.	<i>Іадана</i>	<i>Іодана</i>
Эрг.	<i>Іадуо</i>	<i>Іодуо</i>

Как видно из вышеприведенных примеров, в литературном языке корневой гласный *а* переходит в лабиализованный *о*.

При склонении ряда имен существительных в литературном языке корневой лабиализованный дифтонг *уо* обычно (за исключением род. п.) изменяется в гласный нижнего подъема среднего ряда *а*, а в ламаккинском говоре корневой дифтонг *уо* переходит в краткий монофтонг переднего ряда *е*:

Ламаккинский говор		Литературный язык
Им.	<i>буорз</i>	<i>буорз</i> — волк
Род.	<i>берза^а</i>	<i>берза^а</i>
Дат.	<i>берзана</i>	<i>барзана</i>
Эрг.	<i>берзуо</i>	<i>барзуо</i>
Им.	<i>дуог</i>	<i>дуог</i> — сердце
Род.	<i>дега^а</i>	<i>дега^а</i>
Дат.	<i>дегана</i>	<i>дагна</i>
Эрг.	<i>дегуо</i>	<i>дагуо</i>
Им.	<i>муотт</i>	<i>муотт</i> — язык
Род.	<i>метта^а</i>	<i>метта^а</i>
Дат.	<i>меттана</i>	<i>маттана</i>
Эрг.	<i>меттуо</i>	<i>маттуо</i>

В литературном языке при склонении ряда имен существительных наблюдается чередование корневого лабиализованного дифтонга *уо* с лабиализованным дифтонгом среднего подъема *оь*, тогда как в ламаккинском говоре гласная основа здесь не изменяется:

Ламаккинский говор		Литературный язык
Им.	<i>суом</i>	<i>суом</i> — рубль
Род.	<i>суома^а</i>	<i>соьма^а</i>
Дат.	<i>суомана</i>	<i>соьмана</i>
Эрг.	<i>суомуо</i>	<i>соьмуо</i>
Им.	<i>луом</i>	<i>луом</i> — лев
Род.	<i>луома^а</i>	<i>лоьма^а</i>
Дат.	<i>луомана</i>	<i>лоьмана</i>
Эрг.	<i>луомуо</i>	<i>лоьмуо</i>
Им.	<i>луор</i>	<i>луор</i> — врач
Род.	<i>луора^а</i>	<i>лоьра^а</i>
Дат.	<i>луорана</i>	<i>лоьрана</i>
Эрг.	<i>луоруо</i>	<i>лоьруо</i>

В литературном языке имена существительные с гласной основой на *у* при склонении часто меняют *у* на лабиализованный гласный *уь*, в ламаккинском говоре *у* не подвергается изменению:

Ламаккинский говор		Литературный язык
Им.	<i>муш</i>	<i>муш</i> — веревка
Род.	<i>муша^а</i>	<i>муьша^а</i>
Дат.	<i>мушана</i>	<i>муьшана</i>
Эрг.	<i>мушуо</i>	<i>муьшуо</i>
Им.	<i>дух</i>	<i>дух</i> — основание
Род.	<i>духа^а</i>	<i>дуьха^а</i>
Дат.	<i>духана</i>	<i>дуьхана</i>
Эрг.	<i>духуо</i>	<i>дуьхуо</i>

Что касается падежных флексий, то они в основном совпадают с падежными флексиями литературного языка. Некоторые звуковые различия наблюдаются в флексиях орудийно-совместного и местного падежей в склонении производных существительных с наращенной косвенной основой на -чуи:

	Ламаккинский говор	Литературный язык
Им.	<i>ламаруо</i>	<i>ламаруо</i> — горец
Ор.	<i>ламаруочонца</i>	<i>ламаруочуьнца</i>
Напр. I.	<i>ламаруочонга</i>	<i>ламаруочуьнга</i>
Тр.	<i>ламаруочонгаглола</i>	<i>ламаруочуьнгахула</i>
Им.	<i>бацуо</i>	<i>бацуо</i> — бацбиец
Ор.	<i>бацуочонца</i>	<i>бацуочуьнца</i>
Напр. I.	<i>бацуочонга</i>	<i>бацуочуьнга</i>
Тр.	<i>бацуочонгаглола</i>	<i>бацуочуьнгахула</i>

Как видно из примеров, основное расхождение здесь между ламаккинским говором и литературным языком заключается в том, что гласный элемент вставочной основы -чу в орудийном и местном падежах в литературном языке подвергается палатализации: у — уь.

Склонение имен существительных во мн. ч. почти ничем не отличается в ламаккинском говоре от норм литературного языка. Основное отличие составляет то, что в ламаккинском говоре согласный элемент аффикса дательного падежа и ассимилируется предшествующему глухому спиранту ш, то есть н → т или комплекс шн → шт:

	Ламаккинский говор	Литературный язык
Им.	<i>говраш</i>	<i>говраш</i> — лошади
Род.	<i>говрийн</i>	<i>говрийн</i>
Дат.	<i>говрашта</i>	<i>говрашна</i>
Эрг.	<i>говраша</i>	<i>говраша</i>
Ор.	<i>говрашца</i>	<i>говрашца</i>
Напр. I.	<i>говрашка</i>	<i>говрашка</i>
Тр.	<i>говрашкаглола</i>	<i>говрашкахула</i>

МЕСТОИМЕНИЕ

В ламаккинском говоре представлены местоимения: личные, лично-притяжательные, возвратные, возвратно-притяжательные, указательные, определительные, отрицательные и вопросительные.

Личные местоимения в ламаккинском говоре:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо <i>суо</i> — я	<i>вай</i> (инл.), <i>тхуо</i> (экскл.) — мы
2-е лицо <i>хьуо</i> — ты	<i>шу</i> — вы
3-е лицо <i>аз</i> — он	<i>изаиш/иш</i> — они

С литературным языком расходятся только формы третьего лица ед. и мн. ч. В литературном языке звучат они в ед. ч. и//иза, во мн. ч. уьш.

Склонение личных местоимений отличается от литературного языка тем, что в ламаккинском говоре корневые гласные чередуются в очень незначительной степени. Покажем это на примерах:

	Ламаккинский говор		Литературный язык	
Им.	<i>суо</i>	<i>хьуо</i>	<i>суо</i>	<i>хьуо</i> — я, ты
Род.	<i>са^а</i>	<i>хьа^а</i>	<i>сан</i>	<i>хьан</i>
Дат.	<i>суона</i>	<i>хьуона</i>	<i>суна</i>	<i>хьуна</i>
Эрг.	<i>ас</i>	<i>Ia</i>	<i>асIаса</i>	<i>ахьIахьа</i>
Ор.	<i>суоца</i>	<i>хьуоца</i>	<i>соьца</i>	<i>хьобьца</i>
Ср.	<i>суол</i>	<i>хьуол</i>	<i>суол</i>	<i>хьуол</i>

ГЛАГОЛ

Общая характеристика глагола. Глагол в ламаккинском говоре, как и в литературном языке, не изменяется ни по лицам и (за редким исключением) ни по числам, но зато изменяется по грамматическим классам, обладает категориями времени, наклонения, каузатива, вида и потенциалиса. Кроме того, в системе глагола имеются также вопросительные, отрицательные и обстоятельственные формы.

Категория грамматических классов глагола. Как и в других вайнахских языках, некоторые глаголы в ламаккинском говоре включают в себя (обычно в анляуте) классные показатели **в, й, б, д**, посредством которых данные глаголы устанавливают синтаксическую связь с объектом или с субъектом. С объектом — если глагол переходный, с субъектом — если глагол непереходный: *Со чу в-ода*. — «Я домой иду». *Ас дешк д-оккха*. — «Я дрова колю».

Инфинитив. Инфинитив в ламаккинском говоре, как вообще в вайнахских языках, — самая простая производящая основа глагола, отвечающая на вопрос *хIу дие?* — «что делать?»

Инфинитив в ламаккинском говоре, как и в литературном языке, от непронизводных основ образуется при помощи суффикса **-а**: *ал-а* — «сказать», *лат-а* — «бороться».

Инфинитив от производных основ образуется посредством суффикса **-уо^а**: *сатта* — *саттуо^а* — «гнуться», «гнуть», *лата* — *латуо^а* — «зажечься», «зажечь».

Суффикс **-уо^а** образовался в результате слияния исходного гласного **а** образующей основы и вспомогательного классного глагола *д-а^а* — «делать», то есть *саттуо* ← *сатта + да^а*. Форма *саттада^а*, *саттадие* и на сегодняшний день не чужда вайнахским языкам. Кроме того, в настоящем времени утерянный классный показатель восстанавливается: *саттуо* — «гнуть», *ас саттадо* — «я гну».

Образование каузатива. Каузатив в ламаккинском говоре образуется при помощи суффиксов **-ийт, -айт**: *йадиийта* — «пустить бежит», *йахийта* — «пустить идет», *саттадайта* — «пустить гнет», *латадайта* — «пустить зажигает», «заставь зажечь».

Суффикс **-ийт**, видимо, восходит к глаголу *йита* — «оставить», «оставь», который, слившись с предыдущим глаголом, лишился своей семантики, то есть *йахийта* ← *йахайта* ← *йаха йита* — «пустить идет (она)». *Йахайта* мы находим и сейчас в чеберлоевском диалекте в значении «пустить идет». А выражение *йаха йита* — «пустить идет (она)» не чуждо и литературному языку. Что касается суффикса **-айт**, то он полу-

чило, по-видимому, в результате слияния двух глаголов — производного и вспомогательного; например: *саттайа* — «гнуть», *йита* — «оставь», то есть *саттойта* ← *саттайайта* ← *саттайа йита*. Форма *саттайайта*, *саттайа йита* употребляется в литературном языке и сейчас.

Образование производных глаголов и потенциалиса. В ламаккинском говоре, как и в литературном языке, от одной и той же основы с помощью различных суффиксов можно образовать как переходные, так и непереходные глаголы. Так, например, посредством суффикса **-уон** от непереходных глаголов можно образовать переходные глаголы: *такха* — «ползти», *такхуо*^н — «волочить», *верза* — «вернуться», *верзуо*^н — «вернуть», *саца* — «остановиться», *сацуо*^н — «остановить» и т. д. При помощи же суффикса **-вала** (**й, д, б**) от переходных глаголов можно образовать непереходные: *туоха* — «ударить», *туохавала* — «попытаться», *кхосса* — «бросить», *кхоссавала* — «подпрыгнуть», *Ютта* — «ткнуть», *Юттавала* — «коснуться» и т. д.

При помощи суффикса **-вала** можно образовать непереходные глаголы от качественных прилагательных и наречий: *меца* — «голодный», «голодно», *мацвала* — «проголодаться», *сиха* — «быстрый», «быстро», *сихвала* — «поторопиться», *вовха* — «горячий», *вохва* — «согреться» и т. д.

Широко распространен в ламаккинском говоре также суффикс **-ва́ла**, имеющий несколько другой оттенок, чем **-вала**. С помощью суффикса **-ва́ла** можно образовать от непереходного глагола производный глагол с другим оттенком значения: *ловза* — «играться», *ловзавала* — «разыграться», *вада* — «бежать», *вадавала* — «разбежаться», *велха* — «плакать», *велхавала* — «разрыдаться».

Суффикс **-ва́ла** в сочетании с качественными прилагательными также образует непереходный глагол: *майра* — «храбрый», *майравала* — «расхрабриться», *комаьриша* — «щедрый», *комаьришавала* — «расщедриться», *ириша* — «безобразный», *иришавала* — «обезобразиться».

Потенциалис в ламаккинском говоре образуется также посредством суффикса **-вала** (**й, б, д**), который присоединяется к глаголу: *вахавала* — «суметь идти», *йаайала* — «суметь кушать», *вадавала* — «суметь бежать».

Как видно из примеров, к суффиксу **-вала** (**й, б, д**) присоединяется инфинитивная форма глагола.

В настоящем времени потенциальный суффикс **-вала** (**й, б, д**) теряет классный показатель и приобретает форму **-ло**: *вахавала* — *вахало* — «могу идти», *йаайала* — *йаало* — «могу кушать», *вадавала* — *вадало* — «могу бежать».

Спряжение. Как мы уже сказали выше, спряжение чеченского глагола характеризуется тем, что глагол в чеченском языке, как и во многих других иберийско-кавказских языках, не изменяется по лицам и (за редким исключением) по числам. Следующей отличительной чертой чеченского глагола можно считать обилие времен. Ламаккинский говор в этом отношении, правда, отличается от литературного языка тем, что в нем, как и в ингушском языке, отсутствует только что прошедшее время. Кроме того, по имеющимся у нас материалам, в ламаккинском говоре не встречается также будущее простое и будущее неопределенное время.

Спряжения глагола ламаккинского говора можно исследовать исходя из принципа трех основ. Дело в том, что подавляющее большинство глаголов как в ламаккинском говоре, так и в литературном языке меняет свою гласную основу соответственно временам, то есть инфини-

тив и повелительное наклонение обычно имеют одну основу, настоящее, будущее и прошедшее длительное времена имеют вторую основу и прошедшие другие имеют третью основу. Например, глагол *вада* — «бежать» в инфинитиве и во всех разновидностях повелительного наклонения сохраняет свою первоначальную гласную основу: *вада* — «беги», *вадал* — «беги-ка», *вадахьа* — «беги, пожалуйста», *вадалахь* — «беги (потом)». В настоящем, будущем и прошедшем длительном корневой *а* → *о*: *вода* — «бегу», *водарг ва* — «побегу», *водара* — «бывало, бежал», в прошедшем очевидном, прошедшем совершенном и давнопрошедшем временах *а* → *е*: *ведар*, *веда*, *ведавара* — «бежал», «побежал».

Как видно из приведенных примеров, в основу этого принципа положено чередование корневых гласных при образовании временных форм, обусловленное законом регрессивной ассимиляции (подробно об этом см. раздел «Фонетические процессы»).

В литературном языке принцип трех основ проводится более последовательно, чем в ламаккинском говоре. Например, в литературном языке при образовании форм настоящего и будущего времен корневой согласный *ие//е* обычно переходит в лабиализованный дифтонг среднего подъема *ь//оь*; в ламаккинском говоре *ие//е* не чередуется:

Ламаккинский говор Литературный язык

Настоящее время

<i>диеша</i>	<i>диеша</i>	<i>доьшу</i> — читать
<i>иеца</i>	<i>иеца</i>	<i>оьцу</i> — купить, взять
<i>хьиеша</i>	<i>хьиеша</i>	<i>хьоьшу</i> — топтать
<i>лехка</i>	<i>лехка</i>	<i>лоьхку</i> — гнать
<i>лиеха</i>	<i>лиеха</i>	<i>лоьху</i> — искать

Будущее время

<i>диешаргда</i>	<i>доьшур ду</i> — читать
<i>иецаргда</i>	<i>оьцур ду</i> — взять
<i>хьиешаргда</i>	<i>хьоьшур ду</i> — топтать
<i>лехкаргда</i>	<i>лоьхкур ду</i> — гнать
<i>лиехаргда</i>	<i>лоьхур ду</i> — искать

Времена и их образование. В ламаккинском говоре представлены следующие времена: настоящее конкретное, настоящее общее, будущее определенное, будущее сложное, прошедшее очевидное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее и прошедшее длительное.

В отличие от чеченского литературного языка в ламаккинском говоре отсутствуют недавнопрошедшее и будущее простое времена. Как известно, недавнопрошедшее время отсутствует также и в ингушском языке. Это говорит о том, что ламаккинский говор по некоторым признакам тяготеет к ингушскому языку. О других признаках, сближающих ламаккинский говор с ингушским языком, будет сказано ниже.

Настоящее конкретное время обычно выражает действие, совершающееся в момент речи, и образуется от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола (*в, й, б, д*) *в-а*.

В литературном языке эта форма образуется точно так же, как и в ламаккинском говоре, различаясь только тем, что вспомогательный глагол звучит *ду*, а в говоре *да*. Кроме того, расхождение может быть и в чередовании корневых гласных спрягаемых глаголов:

Ламаккинский говор

ицашва
хьицашва
лехкашва
лиехашва
диешашва

Литературный язык

оьцуш ву — покупает
хьоьшуш ву — топчет
лоьхкуш ву — гонит
лоьхуш ву — ищет
доьшуш ву — читает

Чередование корневых гласных может и совпадать:

хьожашва
лоллашва
текхашда
соцашйа
морцашда
лиешашва
лиешашва
локхашва
молашва

хьожуш ву — смотрит
лоллиш ву — гонит
текхаш ду — ползет
соцуш йу — останавливается
морцуш ду — палит
лиешаш ву — качается
лиешаш ву — борется
локхуш ву — играет
молуш ву — пьет

Настоящее общее время выражает действие, которое не указывает на конкретное время и совершается безотносительно к моменту речи и в основном образуется посредством внутренней флексии и без окончания, а в литературном языке, кроме флексии основы, может быть и окончание.

Ас хи мола. — «Я пью воду» (вообще), ср.: настоящее конкретное время: *Со хи молашва.* — «Я пью воду» (в момент речи, в данный момент). *Оха буса набйо.* — «Мы ночью спим». *Иш набйиешба.* — «Они спят».

Приведем примеры в сравнении с литературным языком с указанием на различие в чередовании корневых гласных:

Ламаккинский говор

а → о

мала—мола
вада—вода
ала—ола
саца—соца
хатта—хотта

ие/е → ие/е

циеста—циеста
хьиеста—хьиеста
хьиеха—хьиеха
хьиежа—хьиежа
диеша—диеша

Литературный язык

а → о

молу¹ — пить
воду — бежать
оьлу — сказать
соцу — остановиться
хотту — спросить

ие/е → оь/оь

цоьсту — резать
хьоьсту — ласкать
хьоьху — учить
хьоьжу — смотреть
доьшу — читать

¹ Следуя орфографии, мы здесь пишем у как показатель настоящего времени, хотя в народном произношении больше слышно а, о, чем у.

и → и

вига—вига
вита—вита
литта—литта
дилла—дилла
хила—хила

ий → ий

дийца—дийца
дийша—дийша
хийца—хийца
мийла—мийла
дийла—дийла
кгийла—кгийла

yo//yc → yo//y

уолла—уолла
кхуосса—кхуосса
дуохка—дуохка
уохка—уохка
Iуотта—Iуотта
түоха—түоха
вүожа—вүожа

и → уь

вуйгу—вести
вуйту—оставить
луйтту—цедить
дуйлуу—класть
хуйлу—быть

ий → уьй

дуййцу—рассказывать
дуййшу—ложиться
хуййцу—менять
муййлу—выпить
дуййлу—пробираться
кзуййлу—закреплять, запи-
рать

yo → у

улуу—повесить
кхуссу—бросить
духку—продать
ухку—вешать
Iутту—уколоть
түху—ударить
вүжу—упасть

Будущее определенное время выражает действие, которое определено произойдет либо сразу после момента речи, либо в отдаленном будущем, и образуется обычно от основы настоящего времени посредством суффикса -рг с прибавлением к нему изменяемого по грамматическим классам глагола-связки (в, й, б, д) в-а:

Ас дигешаргда.—«Я буду учиться».

Со хьожаргда.—«Я посмотрю».

Ас дийцаргда.—«Я расскажу, я буду рассказывать».

В литературном языке форма будущего определенного времени образуется также от основы настоящего времени, но суффикс его, а также глагол-связка, с прибавлением которой образуется это время, не совпадают по звуковому составу с формами, бытующими в говоре, так как суффиксу -р литературного языка соответствует в говоре суффикс -рг, а глагольной связке д-у (в, й, б) в литературном соответствует в говоре глагольная связка д-а (в, й, б).

Кроме того, несоответствие между литературным языком и ламаккинским говором наблюдается также и в чередовании гласной основы:

Ламаккинский говор

Литературный язык

Настоящее

Будущее

Настоящее

Будущее

хьожа

хьожаргда

хьожу

хьожур ву

вода

водаргда

воду

водур ву

соца

соцаргда

соцу

соцур ду

хотта

хоттаргда

хотту

хоттур ду

цеста

цестаргда

цөьсту

цөьстур ду

хьиеха

хьиехаргда

хььоху

хььохур ду

вуга

вугаргда

вуйгу

вуйгур ву

литта

литтаргда

луйтту

луйттур ду

дийца

дийцаргда

дуййцу

дуййцур ду

мийла

мийларгда

муййлу

муййлур ду

уолла

уолларгда

улуур

улуур ду

уохка

уохкаргда

ухкур

ухкур ду

Прошедшее время, как мы выше сказали, в ламаккинском диалекте подразделяется на четыре разновидности: очевиднопрошедшее, прошедшее определенное (по Яковлеву, прошедшее совершенное), давнопрошедшее и прошедшее длительное. Таким образом, в ламаккинском говоре, как и в ингушском языке, не представлено так называемое недавнопрошедшее время, значение которого в ламаккинском передается описательно, то есть с помощью наречия; *xlanцц* — «сейчас» в сочетании с очевиднопрошедшим временем: *xlanцц вахар* вместо лит. *вах* — «только что ушел».

Прошедшее длительное время выражает действие, которое длилось долго или неоднократно повторялось в прошлом, и образуется от основы настоящего времени с прибавлением к нему суффикса *-ра*:

Ламаккинский говор		Литературный язык	
Настоящее	Прошедшее	Настоящее	Прошедшее
<i>вода</i>	<i>водара</i>	<i>воду</i>	<i>водура</i> — бегал
<i>соца</i>	<i>соцара</i>	<i>соцу</i>	<i>соцура</i> — останавливался
<i>хьиха</i>	<i>хьихара</i>	<i>хьоху</i>	<i>хьохура</i> — бывало, учил
<i>литта</i>	<i>литтара</i>	<i>луйтту</i>	<i>луйттура</i> — бывало, цедил
<i>дийца</i>	<i>дийцара</i>	<i>дуййцу</i>	<i>дуййцура</i> — бывало, рассказывал
<i>уолла</i>	<i>уоллара</i>	<i>уллу</i>	<i>уллура</i> — бывало, вешал

Очевиднопрошедшее время выражает законченное действие, очевидцем которого был говорящий, и образуется обычно от третьей основы, то есть от основы прошедшего времени, путем присоединения к нему суффикса *-р*, как и в ингушском языке. В литературном же языке суффикс *-р* звучит как *-ира/ара*:

Ламаккинский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>вада—ведар</i>	<i>ведар</i>	<i>ведира</i> — бежал
<i>саца—сецар</i>	<i>сецар</i>	<i>сецира</i> — остановился
<i>хьиха—хьийхар</i>	<i>хьийхар</i>	<i>хьийхира</i> — учил
<i>хьиежа—хьийжар</i>	<i>хьийжар</i>	<i>хьийжира</i> — смотрел
<i>литта—литтар</i>	<i>литтар</i>	<i>литтира</i> — выцедил
<i>дийца—дийцар</i>	<i>дийцар</i>	<i>дийцира</i> — рассказал
<i>леста—лестар</i>	<i>лестар</i>	<i>лестира</i> — покачалась
<i>уолла—уоллар</i>	<i>эллар</i>	<i>обллира</i> — повесил
<i>кхуосса—кхуоссар</i>	<i>кхессар</i>	<i>кхоссира</i> — бросил
<i>духа—дуйхар</i>	<i>дийхар</i>	<i>дуйхира</i> — надел

Прошедшее определенное время выражает законченное в прошлом действие и образуется обычно путем удлинения исходного гласного инфинитива. Удлинение гласного обычно сопровождается изменением рефлексии основы. Аналогичным же способом образуется дееспричастие прошедшего времени в ингушском языке.

Конечный гласный иногда может и палатализоваться, переходя в гласный переднего ряда, как и в ингушском языке. Палатализация исходного гласного наблюдается, как правило, в производных глаголах.

ВЫВОДЫ

Прошедшее совершенное время, как известно, в литературном языке образуется суффиксом *-на* (*сецна*), которому в ингушском соответствует *а* долгий с классным показателем (*сецад* — «остановилось»), а в ак-

кинском диалекте ему соответствует суффикс **-н** в сочетании с классным показателем (*сецанд* ← *сецан да* — «стоячий есть»).

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В современном литературном языке выпал классный экспонент, существовавший в общевайнахском языке-основе, то есть *сецана* ← *сецан да*.

2. В современном ингушском языке сохранился классный экспонент, но зато временной суффикс **-н** исчез, оставив свой след в предшествующем ему **а** в виде долготы, то есть *сеца́д* ← *сецан да*.

3. В аккинском диалекте, наоборот, сохранились все согласные элементы исходной формы этого слова или сочетания слов, то есть *сецанд* — *сецан да*.

4. В ламаккинском говоре форма прошедшего времени разрушилась еще больше: *сеца́ь* — «остановилось». Таким образом, ламаккинский говор утратил в этом слове и классный экспонент, и суффикс **-н**: *сеца́ь* ← *сецан* ← *сецан да*. Долгота **-а́ь** здесь является возмездительной.

Приводим примеры образования прошедшего совершенного времени в ламаккинском говоре в сравнении с другими диалектами:

Ламаккинский говор	Ингушский язык	Аккинский говор	Литературный язык
<i>текха́ь</i>	<i>текхад</i>	<i>текханд</i>	<i>текхна</i> — сползло
<i>сеца́ь</i>	<i>сецад</i>	<i>сецанд</i>	<i>сецна</i> — стало
<i>тийга́ь</i>	<i>тийгад</i>	<i>тийганд</i>	<i>тегна</i> — сшито
<i>Iенáь</i>	<i>Ioенхад</i>	<i>Iаьнанд</i>	<i>Iаьнна</i> — разлилось
<i>дисáь</i>	<i>дийсад</i>	<i>дуьйсанд</i>	<i>дуьйсина</i> — надули
<i>дуьйха́ь</i>	<i>дийхад</i>	<i>дуьйханд</i>	<i>дуьйхина</i> — надел
<i>саттада́ь</i>	<i>саттадаьд</i>	<i>саттийнд</i>	<i>саттийна</i> — погнули
<i>ластада́ь</i>	<i>ластадаьд</i>	<i>ластийнд</i>	<i>ластийна</i> — потрусиди
<i>хьовзава́ь</i>	<i>хьовзаваьв</i>	<i>хьовзийнд</i>	<i>хьовзийна</i> — смутили
<i>язда́ь</i>	<i>яздаьд</i>	<i>яздийнд</i>	<i>яздина</i> — написали
<i>а́ьлла</i>	<i>аьннад</i>	<i>аьланд</i>	<i>аьлла</i> — сказано
<i>хаьтта́ь</i>	<i>хаьттад</i>	<i>хаьттанд</i>	<i>хаьттина</i> — спросил

Давнопрошедшее время выражает незаконченное действие, которое предшествовало другому действию в прошлом, и образуется от дееспричастия прошедшего времени плюс вспомогательный глагол прошедшего времени:

Со ца ваха́вар (← *вахá вар*). — «Я ездил домой».

Хьо валие маькх ийáьар ас. — «До твоего прихода я хлеб ел».

Ас сельхан дешк даьккха́ьдар. — «Я вчера дрова колот».

Аналогичным способом образуется форма этого времени и в ингушском языке, и в аккинском диалекте, а в литературном языке эти компоненты настолько срослись, что вспомогательный глагол **-ар** (**в, й, б, д**), совершенно потеряв свой прежний облик, слился с суффиксом основного глагола: *йахан йара* ← *йаханйара* ← *йаханиера*; иначе говоря, в литературном языке вспомогательный глагол **йар** (**в, б, д**) окончательно грамматикализовался.

ПРИЧАСТИЕ

Некоторые различия наблюдаются как в образовании, так и в склонении самостоятельного причастия. Отличия эти в основном заключа-

ются в том, что суффиксу **-нарг** литературного языка в ламаккинском говоре в формах прошедшего времени соответствует суффикс **-аьр**, а также расходятся гласные основы:

	Ламаккинский говор	Литературный язык
Им.	<i>дийшаьр</i>	<i>дешнарг</i> — прочитавший
Род.	<i>дийшаьчо^н</i>	<i>дешначу^н</i>
Дат.	<i>дийшаьчонна</i>	<i>дешначунна</i>
Эрг.	<i>дийшаьчуо</i>	<i>дешначуо</i>
Ор.	<i>дийшаьчонца</i>	<i>дешначуьнца</i>
Ср.	<i>дийшаьчол</i>	<i>дешначул</i>
Вещ.	<i>дийшаьчох</i>	<i>дешначух</i>
Напр. I.	<i>дийшаьчонга</i>	<i>дешначуьнга</i>
Тр.	<i>дийшаьчонгагаГола</i>	<i>дешначуьнгахула</i>

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие настоящего времени в ламаккинском говоре отличается от литературного языка тем, что оно образуется посредством суффикса **-аш**, который присоединяется к глагольной основе настоящего времени, тогда как в литературном языке, за редким исключением, ему соответствует суффикс **-уш**:

Ламаккинский говор	Литературный язык
<i>вада—вадаш</i>	<i>вада—вадуш</i> — бежать
<i>ала—олаш</i>	<i>ала—олуш</i> — сказать
<i>туьха—туьхаш</i>	<i>туьха—туьхуш</i> — ударить
<i>уолла—уоллаш</i>	<i>уолла—уоллуш</i> — повесить
<i>лиета—лиеташ</i>	<i>лиета—лиеташ</i> — бороться
<i>лела—лиелаш</i>	<i>лиела—лиелаш</i> — ходить

Кроме того, в некоторых глагольных формах возможны различные гласные в говоре и в литературном языке. В литературном при образовании настоящего времени корневые гласные **ие**, **и**/**ий** обычно чередуются с **оь**, **уь**/**уьй**, а в диалекте они не чередуются:

Ламаккинский говор	Литературный язык
<i>диеша—диешаш</i>	<i>диеша—доьшуш</i> — читать
<i>виела—виелаш</i>	<i>виела—воьлуш</i> — смеяться
<i>велха—велхаш</i>	<i>велха—воьлхуш</i> — плакать
<i>цеста—цесташ</i>	<i>цеста—цоьстуш</i> — резать
<i>дийца—дийцаш</i>	<i>дийца—дуьйцуш</i> — говорить
<i>вита—вуташ</i>	<i>вита—вуьтуш</i> — оставить
<i>литта—литташ</i>	<i>литта—луьттуш</i> — цедить

Деепричастие прошедшего времени не совпадает в говоре и в литературном языке. В говоре оно образуется от основы прошедшего времени посредством суффикса **-аь**, иначе говоря, оно морфологически совпадает с глагольной формой прошедшего определенного времени: *дийшаь* — «прочитал», «прочитав», а в литературном языке оно образуется суффиксом **-на**: *дешна* — «прочитал», «прочитав», *тоьхна* — «ударил», «ударив», *хеьна* — «пустил», «пустив».

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В ламаккинском говоре субстантивированные прилагательные образуются при помощи словообразовательного суффикса *-вар* (й, б, д), а в литературном языке — посредством суффиксов *-ниг*, *-верг* (й, б, д):

Ламаккинский говор

воккхавар
дикавар
майравар
аьшкабар
цӀиедар

Литературный язык

воккханиг — старший
диканиг — хороший
майраниг — храбрый
аьчканиг — железный
цӀиениг — красный

В литературном языке возможно словообразование типа *воккхаверг*, *дикаверг*, *майраверг*, *аьчгаберг*, *цӀиедерг*.

В ламаккинском говоре при склонении субстантивированных прилагательных между корнем и окончанием наращивается *-чо*, а в литературном языке *-чу*:

Ламаккинский говор

Им.	<i>дикавар</i>
Род.	<i>дикачо^н</i>
Дат.	<i>дикачонна</i>
Эрг.	<i>дикачуо</i>
Ор.	<i>дикачонца</i>
Вещ.	<i>дикачох</i>
Ср.	<i>дикачол</i>
Напр. I.	<i>дикачонга</i>
Тр.	<i>дикачонгагӀола</i>

Литературный язык

<i>диканиг</i> — хороший
<i>дикачу^н</i>
<i>дикачунна</i>
<i>дикачуо</i>
<i>дикачуьнца</i>
<i>дикачух</i>
<i>дикачул</i>
<i>дикачуьнга</i>
<i>дикачуьнгахула</i>

Несубстантивированные прилагательные отличаются тем, что они в косвенных падежах приобретают флексию *-ча*:

Ламаккинский говор

Им.	<i>дика саг</i>
Род.	<i>дикача сага^н</i>
Дат.	<i>дикача сагана</i>
Эрг.	<i>дикача сагуо</i>
Ор.	<i>дикача сагаца</i>

Литературный язык

<i>дика стаг</i> — хороший человек
<i>дикачун стега^н</i>
<i>дикачу стагана</i>
<i>дикачу стагуо</i>
<i>дикачу стагаца</i>

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в ламаккинском говоре почти ничем не отличается от числительного в литературном языке, если не считать некоторых фонетических особенностей, изменивших звуковой состав в соответствии с фонетическим законом ламаккинского говора. Убедиться в этом мы можем, сравнив формы количественных числительных:

Ламаккинский говор

варайтта
ялхайтта
барайтта
ткӀо
бӀаь

Литературный язык

вуьрхӀитта — семнадцать
ялхитта — шестнадцать
берхӀитта — восемнадцать
ткӀа — двадцать
бӀе — сто

Незначительные расхождения наблюдаются в склонении некоторых числительных. Заключаются они в том, что в ламаккинском говоре в орудийном и местном падежах корневой гласный числительного *цхьаъ* — «один» не меняется (*цхьанца*, *цхьанга* и т. д.), тогда как в литературном языке *а* → *аь*. Следует отметить также порядковые и кратные числительные, которые обнаруживают некоторое фонетическое расхождение:

Ламаккинский говор	Литературный язык
<i>цхьалгла</i>	<i>цхьолгла</i> — первый
<i>кхолгла</i>	<i>кхоалгла</i> — третий
<i>диалгла</i>	<i>добалгла</i> — четвертый
<i>пхиалгла</i>	<i>пхьовалгла</i> — пятый
<i>диацца</i>	<i>добацца</i> — четырежды
<i>пхиацца</i>	<i>пхьовацца</i> — пятью
<i>иссацца</i>	<i>уьссацца</i> — девятью
<i>иттацца</i>	<i>уьттацца</i> — десятью
<i>итталгла</i>	<i>уьтталгла</i> — десятый
<i>иссалгла</i>	<i>уьссалгла</i> — девятый

НАРЕЧИЕ

Н а р е ч и я в основном совпадают в говоре и литературном языке. Но есть случаи, когда они расходятся, что объясняется фонетическими законами говора:

Ламаккинский говор	Литературный язык
<i>кхуза</i>	<i>кхузахь</i> — здесь
<i>эггар</i>	<i>уггар</i> — очень
<i>соамара</i>	<i>стомара</i> — позавчера
<i>соахка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>хланца</i>	<i>хлинца</i> — теперь
<i>хланцалие</i>	<i>хлинцалие</i> — до этих пор
<i>дла</i>	<i>цигахь</i> — там
<i>чу</i>	<i>чуохь</i> — внутри
<i>тлийхьа</i>	<i>тлийхьа/тлийхьа</i> — за, сзади

С о ю з ы также совпадают в говоре и литературном языке, за исключением нескольких:

Ламаккинский говор	Литературный язык
<i>далехь</i>	<i>делахь</i> — если
<i>е</i>	<i>я</i> — или
<i>хлана аьлча</i>	<i>хлунда аьлча</i> — так как
<i>дацехь</i>	<i>дацахь</i> — если нет

Из ч а с т и ц, имеющих в нашем распоряжении, только одна *мара* — «лишь» не совпадает с литературным языком. В литературном языке она звучит *биен*.

В лексике ламаккинского говора очень много слов, произношение которых не совпадает с литературным языком:

Ламаккинский говор	Литературный язык	Литературный язык
<i>ур</i>	<i>уьрам</i>	<i>уьйр</i> — связь
<i>гударг</i>	<i>гударг</i>	<i>гуьйриг</i> — пень
<i>форта</i>	<i>фоарт</i>	<i>ворта</i> — шея
<i>аьшк</i>	<i>аьшк</i>	<i>эчиг</i> — железо

саг
Iáьса
новц
уст
кегаш
хьáга
ера
яха
сиргIа
Iохá
Iовáла
тIехк
хáдала
хьавóла
хIоттана
тIохкар

саг
Iáсилг
нейц
уст
кагаш
хьажюкъ
ера
яха
сиргIалг
Iохá
Iовáла
тIехк
хáдала
хьавóла
фаттана
тIехкар

стаг — человек
эса — теленок
нуц — зять
сту — бык
кегаш — мякина
хьаж — лоб
хIара — это
бáха — говорить
старгIа — бычок
охьахаа — сесть
охьавуосса — слезать
даьIахк — кость
хаадала — заметить
схьавóла — иди сюда
ваттана — рубанок
доьхка — пояс

МЕЛХИНСКИЙ ГОВОР

Мелхинцы сами себя называют *мелхи* и живут в селах Бамут, Пеза-Юрт Ачхой-Мартановского района, Аршти Сунженского района. До 1944 года мелхинцы жили в Мелхасте, в 45 километрах к югу от озера Галанчож. Административно Мелхасте входило в бывший Галанчожский район. Мелхинцы жили в селах ДжГар-Кертие, Меша, Хъайхъа и др. Было их всего около 250 хозяйств.

В основу наших записей положена речь жителей села Аршти Ферзаули Султана Газиловича (28 лет) и села Пеза-Юрт Дарчиева Моъти (26 лет).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковые процессы. Ассимиляция в мелхинском говоре наблюдается в суффиксах прошедшего совершенного времени при встрече сонанта и с корневыми согласными *д, т, л*:

Ас делла (← *делна* ← *далине*). — «Я дал».

Ас аблла (← *аблна* ← *алине*). — «Я сказал».

Ас мелла (← *мелна* ← *малине*). — «Япил».

Аналогичный случай ассимиляции мы имеем и в аффиксе дательного падежа от слова *дела*: им. п. — *дела*, дат. п. — *далла* (← *дална*) — «богу».

Мелхинский говор, как и ингушский язык, не терпит стечения *с* и *т* в начале слова:

Мелхинский говор	Ингушский язык	Литературный язык
<i>саг</i>	<i>саг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сим</i>	<i>сим</i>	<i>стим</i> — желчь
<i>сигал</i>	<i>сиглие</i>	<i>стигал</i> — небо

Мелхинскому говору свойственна тенденция смягчения переднеязычного сонанта *л* перед смычными согласными и в конце слова: *кзульг* — «маслобойка», *ольг* — «лепешка», *табльцаш* — «переметные сумы», *хутольг* — «ботва», *цфальг* — «домик», *кульг* — «рука». Смягчается также и *г*.

Выпадение согласных в мелхинском говоре наблюдается в словах *уотта* — «становиться», *окхуо* — «это» (эрг. п. от *яра*), в литературном *хлотта* — «становиться», *хлокхуо* — «это».

Случаи чередования гласных мы находим в парадигме склонения. Так, при склонении имен существительных с корневыми гласными *уо* последний может чередоваться с *е*, а в литературном языке *уо* чередуется с *а* (исключение составляет родительный падеж):

Им.	<i>буорз, дуог</i>	<i>буорз, дуог</i> —«волк», «сердце»
Род.	<i>берзаⁿ, дегаⁿ</i>	<i>берзаⁿ, дегаⁿ</i>
Дат.	<i>берзана, дегана</i>	<i>барзана, дагана</i>
Эрг.	<i>берзуо, дегуо</i>	<i>барзуо, дагуо</i>
Ор.	<i>берзаца, дегаца</i>	<i>барзаца, дагаца</i>
Напр. I.	<i>берзие, дегие</i>	<i>барзие, дагие</i>

И, наконец, в мелхинском говоре, как и в литературном языке, отмечены случаи чередования *у* с *а* в парадигме склонения: *глум* — «песок», *гламарна* (дат. п.), *мухь* — «сало», *махьарна* (дат. п.) и т. д. А в словах *тлоьхкар* — «пояс», *цленъюкь* — «полы», «пол», *чокхи* — «черкеска», «шинель», наоборот, выпадение произошло в литературном языке; ср. лит.: *добька* — «пояс», *цленкьа* — «полы», «пол», *чоа* — «черкеска», «шинель».

Мелхинское слово *тлоьхкар* исторически восходит к *дехка* (*добькар* ← *добькур* ← *дехькуриг*), а литературное *цленкьа*, наоборот, восходит к мелхинскому *цленкь* (*цлийнан йукь* — досл. середина комнаты).

Случай оглушения в мелхинском отмечен в слове *тлоьхкар* (*дехкар*).

Чередование гласных очень слабо представлено в мелхинском говоре, оно имеет место в парадигме спряжения. Так, при образовании форм настоящего времени от глаголов с корневым *а* наблюдается переход *а* в *о*: *ала* — *ола* — «сказать», *таса* — *тоса* — «бросить», *хатта* — *хотта* — «спросить» и т. д. А при образовании форм прошедших времен корневым *а* переходит в *аь*, *е*: *ала* — *аьлла*, *вада* — *ведда* и т. д.

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Соответствия между согласными звуками. Случаев соответствия согласных мелхинского говора с согласными литературного языка очень мало, но все-таки можно отметить следующие из них:

Мелх. *тI*, лит. д: мелх. *тлоьхкар*, лит. *добька* — «пояс», мелх. *тлехк*, лит. *даьлахк* — «кость»; ср.: инг. *тлехкар*, *тлехк* и акк. *тлоьхкар*, *тлехк*.

Здесь в первом примере соответствия исходным следует считать *д*, так как *тлоьхкар* — *добька* — *добькар* — то, чем опоясывают (*дехка* — «опоясывать»).

Мелх. *тI*, лит. *пI*: мелх. *таьльг*, лит. *пIелг*; ср.: инг. *пIелг*, акк.: *пIаьльг*, бацб. *тIаркI* — «палец».

Мелх. *а*, лит. *и*: мелх. *мала?* — «кто?»; ср.: инг. и акк. *мала?* Мелх. *микх*, лит. *мекх* — «ус»; ср.: инг. и акк. *микх*.

Мелх. *а*, лит. *а*: мелх. *цIа*, лит. *цIа* — «дом», «комната», мелх. *кIа*, лит. *кIа* — «пшеница»; ср.: инг. и акк. *цIа*, *кIа*.

Мелх. *у*, лит. *уй*: мелх. *ну*, лит. *нуй* — «метла»; ср.: инг. *нув*, акк. *нив*. Мелх. *ду*, лит. *дуй* — «клятва»; ср.: инг. *дув*, акк. *див*. Мелх. *глу*, лит. *глуй* — «запор»; ср.: инг. *глу*, акк. *глив*.

Мелх. *а*, лит. *у*: мелх. *хлама*, лит. *хлума* — «вещь», «предмет»; ср.: инг. и акк. *хлама*. Мелх. *лаьхуо*, лит. *лулахуо* — «сосед»; ср.: инг. *лалахуо*, акк. *лаваьхуо*. В этом соответствии первичным следует считать *а*: *лулахуо* ← *лалахуо* ← *лаулахуо*.

В глагольных формах прошедшего времени сочетанию *ци* литературного языка в мелхинском говоре соответствует сочетание *ст*:

Мелхинский говор

сеста
лаьста
эста
хеста

Литературный язык

сецна — стал
лаьцна — поймал
эцна — купил
хецна — отпустил

Можно отметить еще и следующие случаи звукосоответствия в мелхинском говоре:

Мелхинский говор

ий

ас водийта
ас олийта
ас дийцийта
ас олийта

е

ас хьеста
со кхиера
ас хьиеха

у

ас вуг
суо вус
суо вуж
ас дуг

с

саг
сохка
сбмара
сигал
сим

и

ти
микх
ти
никъ

у

сй
дй
гй

а

хала
алла

у

сайчонца
мейрачонца
глазакхичонца

е

барзана
тлемана

Литературный язык

уй

вудуйту — даю бежать
облуйту — даю сказать
облуйту — даю сказать
уллуйту — даю вешать

оь

хьобсту — ласкаю
кхобру — боюсь
хьобху — учу

уь

вуйгу — веду
вуйсу — остаюсь
вуйжу — ложусь
дуйтту — стираю

ст

стаг — человек
стуохка — в прошлом году
стбмара — позавчера
стигал — небо
стим — желчь

е//ие

те — на
мекх — ус
тие — ли
некъ — дорога

уй

суй//су — искра
дуй — клятва
гуй — засов

и

хила — быть, созреть
лилла — лежать, валяться

уь

сайчуьнца — со своим
майрачуьнца — с храбрым
глазакхичуьнца — с русским

а

барзана — волку
тламана — войне

меттана
беттана

а

ламана
гамана
гадамана

уо

суона
хьуона
тхуона

маттана — языку
баттана — луна

о

ломана — горе
гомана — озеру
ггодана — стеблю

у

суна — мне
хьуна — тебе
тхуна — нам

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Категория грамматических классов. Деление имен существительных на грамматические классы почти не отличается в мелхинском говоре от литературного языка. В мелхинском говоре, как и в литературном языке, существительные, обозначающие людей, принадлежат к 1-му классу — классу человека, который в свою очередь делится на мужской и женский классы. Мужской класс включает в себя имена существительные, обозначающие людей мужского пола; морфологическим показателем мужского класса является сонант **в**, который представлен в глаголе.

Женский класс включает имена существительные, обозначающие людей женского пола. Морфологическим выразителем женского класса является сонант **й**, входящий в состав глагола, который согласуется с данным именем. Во мн. ч. 1 и 2-й классы имеют общий, единый морфологический показатель **б**, входящий также в состав глагола.

Остальные имена существительные распределяются так: часть из них — наименования животных, вещей и др. — относится к классу **й**, а другая часть — тоже названия животных, частей тела, фруктов и т. д. — к классу **б**; все остальные имена существительные относятся к классу **д**. Это в ед. ч. Во мн. ч. мужской и женский классы обелуживаются классным показателем **б**. Что касается классов вещей **й**, **д**, приведенных выше, то у них классные показатели унифицированы в ед. и мн. ч., то есть не различаются по числам.

Классные показатели во мн. ч. в мелхинском говоре, как и в литературном языке, различаются по лицам, точнее, 1 и 2-е лица имеют общий классный показатель — **д**, а 3-е лицо — **б**; эти показатели в мелхинском говоре как в ед., так и во мн. ч. огласуются через **а**:

Ед. ч.

суо ва, й-а
хьуо в-а, й-а
аз в-а, й-а

Мн. ч.

вай/тхуо д-а — я, мы есть
шу д-а — ты, вы есть
ийш/изаш б-а — он, они есть

Грамматические классы в исследуемом говоре, как и в других диалектах чеченского языка, функционируют и в некоторых именах прилагательных: *воккха* (**й, д, б**) — «большой» (-ая, -ое), *д-еза* (**й, д, б**) — «тяжелый» (-ая, -ое), *д-айн* (**в, й, б**) — «легкий» (-ая, -ое), *даьха* (**й, в, б**) — «длинный» (-ая, -ое), *д-екъа* (**в, й, б**) — «сухой» (-ая, -ое).

Категория грамматических классов в мелхинском говоре, как и в литературном языке, находит свое материальное выражение и в именах числительных *д-иъ* — «четыре», *дийтта* — «четырнадцать», *д-иезткъа* — «восемьдесят».

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Образование мн. ч. В мелхинском говоре при образовании мн. ч. отмечены следующие случаи расхождения с чеченским литературным языком.

В чеченском литературном языке при образовании мн. ч. от имен существительных *дов* — «дебош», *ков* — «ворота», *цлов* — «сноп», *тхов* — «крыша» дифтонг **ов** изменяется в зависимости от флексии (*дов* — *девнаш*, *ков* — *кевнаш*, *цлов* — *цлевнаш*, *тхов* — *тхевнаш*); в мелхинском говоре дифтонг **ов** (**оу**) не подвергается изменению: *дов* — *довнаш*, *ков* — *ковнаш*, *цлов* — *цловнаш*, *тхов* — *тховнаш*.

В мелхинском говоре при образовании мн. ч. гласный основы не подвергается изменению в таких словах, как *дегI* — «тело», *глаж* — «палка», *беш* — «сад», которые во мн. ч. приобретают аффикс **-маш**: *дегI* — *дегIмаш*, *глаж* — *глажмаш*, *беш* — *бешмаш*, а в чеченском литературном языке корневой гласный обычно переходит в **о**: *дегI* — *догIмаш*, *глаж* — *гложмаш*, *беш* — *бошмаш* и т. д.

Склонение имен существительных. Как в ед., так и во мн. ч. мелхинский говор не имеет отличий в формах основных падежей. Отличия мы наблюдаем только в транзитивном падеже как в ед., так и во мн. ч.

Формативом транзитивного падежа в мелхинском говоре служит **-гола** вместо литературного **-хула**:

Мелхинский говор

Литературный язык

Ед. ч.

нениегIола
вешиегIола

нениехула — через мать
вешиехула — через брата

Мн. ч.

нануошкагIола
вежарикагIола

нануошкахула — через мате-
рей
вежарикахула — через брать-
ев

В чеченском литературном языке форманты сравнительного и вещественного падежей мн. ч. допускают огласовку через **ие**, а в мелхинском говоре это невозможно:

Мелхинский говор

Литературный язык

Ср. *вежарийл*
Вещ. *вежарийх*
Вещ. *кIентийх*

вежариел — чем братья
вежариех — о братьях
кIентиех — о ребятах

В мелхинском говоре вообще значительно реже наблюдается чередование корневых гласных при склонении имен существительных:

Мелхинский говор

Литературный язык

Им. *тур*
Род. *тура^а*
Дат. *турна*
Эрг. *туруо*
Ор. *турца*

тур — меч
туьра^а
турна
туьруо
туьрца

В мелхинском говоре весьма редко встречается аффикс **-хь** в локативе. Локатив в мелхинском говоре, как и в ингушском языке, морфологически почти совпал с направительным I:

Мелхинский говор

ц/а вац
чу вац
юрта вац
колхозе вац
йижаршка дац

Литературный язык

ц/ахь вац — дома нет
чохь вац — дома нет
юьртахь вац — в селе нет
колхозехь вац — в колхозе нет
йижаршкахь дац — у сестер нет

В мелхинском говоре, как и в чеченском литературном языке, у ряда имен существительных начальный среднеязычный сонорный й в косвенных падежах как ед., так и мн. ч. иногда переходит в фарингальный I (айн):

Мелхинский говор

Им. *йокъ*
 Род. *йовкъара^н*
 Дат. *йовкъарна*

Литературный язык

йукъ — зола
овкъара^н
овкъарна

При склонении имен существительных с корневым гласным уо последний в мелхинском говоре всегда чередуется с е:

уо → е

Им. *буорз*
 Род. *берза^н*
 Дат. *берзана*
 Эрг. *берзуо*

Им. *муоз*
 Род. *меза^н*
 Дат. *мезана*
 Эрг. *мезуо*

Им. *муотт*
 Род. *метта^н*
 Дат. *меттана*
 Эрг. *меттуо*

Им. *дуош*
 Род. *деша^н*
 Дат. *дашина*
 Эрг. *дешуо*

уо → е/а

буорз — волк
берза^н
барзана
барзуо

муоз — мед
меза^н
мазана
мазуо

муотт — язык, постель
метта^н
маттана
маттуо

дуош — слово
деша^н
дашина
дашуо

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения в основном совпадают в мелхинском говоре и в литературном языке. Отличаются только фонетически местоимения аз — «он», *вей* — «мы», *изаш* — «они»; в литературном языке они звучат: *иза*, *уьш*, *вай*.

При склонении личных местоимений в мелхинском говоре гласный основы не подвергается изменению, за исключением родительного падежа, если не считать удлинения корневых гласных:

Мелхинский говор

Им. *суо, хьуо*
 Род. *сан, хьан*
 Дат. *сѳона, хьѳона*
 Эрг. *ас, Ia*

Литературный язык

суо, хьуо — я, ты
сан, хьан
сѳна, хьѳна
ас, ахь

Ор.	<i>сѳоца, хьѳоца</i>	<i>сѳьца, хьѳьца</i>
Вещ.	<i>суох, хьуох</i>	<i>суох, хьуох</i>
Ср.	<i>суол, хьуол</i>	<i>суол, хьуол</i>
Напр. I.	<i>сѳога, хьѳога</i>	<i>сѳьга, хьѳьга</i>
Лок.	<i>сѳога, хьѳога</i>	<i>сѳьгахь, хьѳьгахь</i>
Исх.	<i>сѳогара, хьѳогара</i>	<i>сѳьгара, хьѳьгара</i>
Тр.	<i>сѳогагѳола, хьѳогагѳола</i>	<i>сѳьгахула, хьѳьгахула</i>

Как видно из этих примеров, форманты некоторых падежей фонетически не совпадают с литературным языком.

Например, в мелхинском транзитивный падеж имеет формант **-гѳола** вместо литературного **-хула**.

По этому же способу склоняются и другие личные местоимения.

Значительно отличаются в мелхинском говоре субстантивированные местоимения как по своим исходным, так и по косвенным формам:

Мелхинский говор

Литературный язык

Ед. ч.

Им.	<i>сайдар, хьайдар</i>	<i>сайниг, хьайниг</i> — мой, твой
Род.	<i>сайчона^н, хьайчона^н</i>	<i>сайчу^н, хьайчу^н</i>
Дат.	<i>сайчонна, хьайчонна</i>	<i>сайчунна, хьайчунна</i>
Эрг.	<i>сайчуо, хьайчуо</i>	<i>сайчуо, хьайчуо</i>
Ор.	<i>сайчонца, хьайчонца</i>	<i>сайчуьнца, хьайчуьнца</i>
Вещ.	<i>сайчох, хьайчох</i>	<i>сайчух, хьайчух</i>
Ср.	<i>сайчол, хьайчол</i>	<i>сайчул, хьайчул</i>
Напр. I.	<i>сайчонга, хьайчонга</i>	<i>сайчуьнга, хьайчуьнга</i>
Тр.	<i>сайчонгагѳола, хьайчонгагѳола</i>	<i>сайчуьнгахула, хьайчуьнгахула</i>

Мн. ч. от самостоятельных притяжательных местоимений образуется в мелхинском говоре посредством суффикса **-арш** (б, й, д), а в литературном языке при помощи суффикса **-наш**:

Мелхинский говор

Литературный язык

<i>сайбарш</i>	<i>сайнаш//санберш</i> — мой
<i>хьайбарш</i>	<i>хьайнаш//хьанберш</i> — твой
<i>цунабарш</i>	<i>цуьннаш//цуьнаберш</i> — его
<i>тхайбарш</i>	<i>тхайнаш//тханберш</i> — наши
<i>вейбарш</i> (инклюзив)	<i>вайнаш//вайберш</i> — наши
<i>шубарш</i>	<i>шуйннаш//шуберш</i> — ваши
<i>церабарш</i>	<i>церанаш//цераберш</i> — их

ГЛАГОЛ

Характеристика глагола. Глагол в мелхинском говоре, как и в литературном языке, изменяется по грамматическим классам, обладает категориями времени, каузатива, вида и потенциалиса; в системе глагола имеются также вопросительные, отрицательные и обстоятельственные формы.

Категория грамматических классов в глаголе. Как и в вайнахских языках, многие глаголы в мелхинском говоре включают в себя классные показатели **в, й, б, д**, посредством которых устанавливается синтаксическая связь глагола с объектом или с субъектом.

Инфинитив в мелхинском говоре, как и в литературном языке, образуется при помощи суффикса **-а^н** (*а^л-а^н* — «сказать», *ла^т-а^н* — «бороться», *да^н* — «делать») от непроемных основ.

От производных основ инфинитив образуется посредством суффикса -yo¹: *сатта*—*саттуо*¹—«гнутья», «гнуть», *лата*—*латуо*¹—«зажечься», «зажечь». Утерянный классный показатель *саттуон*¹—«гнуть», *ас саттадо*—«я гну» восстанавливается в форме настоящего времени.

Образование каузатива. Каузатив в мелхинском говоре, как и в литературном языке, образуется при помощи суффикса -ийт: *йа-дийта*—«пустить бежит», *йахийта*—«пустить идет».

Настоящее время в мелхинском говоре образуется посредством форманта а, которому в литературном языке часто соответствует формант у:

Мелхинский говор

а → а

мала—*мола*
вада—*вода*
йла—*ола*
саца—*соца*
хатта—*хотта*
йаха—*йах*¹

Литературный язык

а → у

молу—пить
воду—бежать
олу—сказать
соцу—остановиться
хотту—спросить
ббху—говорить

Кроме того, могут расходиться и корневые гласные:

ие/е → ие/е

хьiesta *хьiesta*
хьиеха *хьиеха*
хьиежа *хьиежа*
диеша *диеша*

и → у

вига—*вуг*
вита—*вут*
литта—*лут*
дилла—*дул*
хила—*хул*

ий → ий

дийца—*дийца*
хийца—*хийца*
мийла—*мийла*
дийла—*дийла*
кбийла—*кбийла*

уо → о

уолла—*уолла*
кхуосса—*кхуосса*
дуохка—*дуохка*
уохка—*уохка*
лутта—*лутта*
вуожа—*вуожа*

ие/е → оь/оь

хьобсту—ласкать
хьобху—учить
хьобжу—смотреть
дбьшу—читать

и → уь

вуйгу—вести
вуйту—оставить
луйтту—цедить
дуйллу—класть
хуйлу—быть

ий → уьй

дуййцу—рассказывать
хуййцу—менять
муййлу—выпить
дуййлу—пробираться
кбуййлу—закреплять

о → у

уллу—повесить
кхуссу—бросить
духку—продать
ухку—вешать
лутту—уколоть
вужу—упасть

Будущее определенное время в мелхинском говоре выражает действие, которое определенно произойдет либо сразу после момента речи, либо в отдаленном будущем, и образуется обычно от ос-

¹ Интересно отметить, что в мелхинском говоре глагол *йаха* в 3-м лице как ед., так и мн. ч. звучит *йох*.

новы настоящего времени посредством суффикса -г//д с прибавлением к нему связки а (в, й, б, д):

Ас диешад да. — «Я буду учиться».

Суо хьожаг ва. — «Я посмотрю».

Ас дийцад да. — «Я расскажу», «Я буду рассказывать».

В литературном языке будущее определенное время образуется также и от основы настоящего времени, но суффикс его и глагол-связка, с прибавлением которой образуется это время, не совпадают по звуковому составу, то есть диалектному суффиксу говора -г//д в литературном языке соответствует суффикс -р, а глагольной связке -а соответствует -у (в, й, б, д):

Мелхинский говор

ас дуттад да
ас дийцад да
тхуо дийшад да
ас диешад да
ас хьиехад да
суо кхиераг ва
ас латор йа
ас хадог йа
ас сацог йа
ас кхуоссаг йа
ас дуоттад да

Литературный язык

ас дуйттур ду — я постираю
ас дуйцур ду — я расскажу
тхуо дуйшур ду — мы ляжем
ас доьшур ду — я прочту
ас хьоьхур ду — я научу
суо кхоьрур ву — я испугаюсь
ас латор йу — я зажгу
ас хадор йу — я отрежу
ас сацор йу — я остановлю
ас кхуссур йу — я брошу
ас дуттур ду — я налью

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в мелхинском говоре мало чем отличается от числительного в литературном языке, если не считать некоторых фонетических особенностей, изменивших звуковой состав в соответствии с фонетическим законом мелхинского диалекта. Приводим эти случаи в сравнении со счетом в литературном языке:

Мелхинский говор

варейтта
ялхейтта
барейтта
ткьо
блаб

Литературный язык

вурхитта — семнадцать
ялхитта — шестнадцать
берхитта — восемнадцать
ткба — двадцать
бле — сто

Кроме того, следует отметить некоторые порядковые и кратные числительные, которые в мелхинском говоре по сравнению с литературным языком имеют расхождение по своему фонетическому составу:

Мелхинский говор

шологла, кхоалагла
деалагла, пхеалагла
ялхалагла, ворхлалагла
барейтталалагла

Литературный язык

шолгла, кхоалгла — второй, третий
доьалгла, пхьоьалгла — четвертый, пятый
ялхалгла, ворхлалгла — шестой, седьмой
беритталгла — восемнадцатый

Расходятся также по своему звуковому составу и кратные числительные мелхинского говора с кратными числительными в литературном языке:

Мелхинский говор

иссазза
кхоз, деаз

ялхаз, борхIаз

иттаз, цхьайттаз

Литературный язык

уьссазза — девять раз
кхузза, доьазза — трижды, че-
тырежды

ялхазза, борхIазза — шесть
раз, семь раз

уьттазза, цхьайттазза — десять
раз, одиннадцать раз

НАРЕЧИЕ

Наречия не всегда совпадают в говоре и литературном языке. Расхождения эти объясняются фонетическими законами изучаемого говора:

Мелхинский говор

эта
эггар
сбмара
соахка
хIунз
хIунзалие
цига//дIа

Литературный язык

хIетахь — тогда
уггар — очень
сбмара — позавчера
стохка — в прошлом году
хIинца — теперь
хIинцалие — до этих пор
цигахь//дIагахь — там

Лексика мелхинского говора имеет свои особенности, обусловленные фонетическими законами и морфологическим строем слов. Так, например:

Мелхинский говор

гударг
Iаьшк
муьхь
Iаьса
сú
дú
диезал
новц
дейтта
варейтта
барейтта
деаз
пхеалгIа
хIунз
цига
уст
саргIа
саг
соахка

Литературный язык

гуьйриг — пень
эчиг — железо
муохь — груз
эса — теленок
суй//сú — искра
дуй — клятва
дбьзал — семья
нúц — зять
дейтта — четырнадцать
вуьрхIитта — семнадцать
берхIитта — восемнадцать
доьазза — четырежды
пховаалгIа — пятый
хIинца — теперь
цигахь — там
сту — бык
старгIа — бычок
стаг — человек
стохка — в прошлом году

Отличие последних четырех слов от форм литературного языка вызвано тем, что в мелхинском говоре в начале слова не допускается стечения согласных ст, как это имеет место в литературном языке.

ВЕДЕНСКИЙ ГОВОР

Веденский говор — один из крупнейших говоров чеченского плоскогорного диалекта. Веденский говор представлен на территории Веденского района и отличается от литературного языка по ряду признаков.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковой состав. Звуки, как гласные, так и согласные, в веденском говоре и в литературном языке совпадают по количеству и качеству. Расхождения наблюдаются в фонетических процессах, особенно в чередовании корневых гласных в парадигме спряжения.

Глагольные и именные основы в веденском говоре находятся в меньшей зависимости от флексий, чем в литературном языке.

Ассимиляция. В веденском говоре, как и в литературном языке, при встрече корневого сонанта *л* с последующим аффиксальным сонантом *н*, выражающим прошедшее время, происходит прогрессивная контактная ассимиляция: *ала* — «сказать», *аьлла* (← *аьлна* ← *аьлина* ← *алине*) — «сказал», *вала* — «умереть», *велла* (← *велна* ← *велина* ← *валине*) — «умер».

Такая же ассимиляция может происходить и при встрече *н* с переднеязычными смычными *д*, *т*: *вада* — «бежать», *ведда* (← *ведина* ← *вадине*) — «бежал», *лата* — «бороться», *летта* (← *летина* ← *латине*) — «боролся».

Деаффрикатизация. Процесс деаффрикатизации наблюдается при встрече аффрикаты *ч* с заднеязычным глухим *к* в слове *дешкан* (← *дечикан* ← *дечиган*) — «деревянный», а также при встрече *ч* и *ц* с аффиксальным *н* при образовании формы прошедшего времени от глаголов *лаца* — «держать», *саца* — «остановиться», *кха́ча* — «достичь», «прибыть»; *кха́ча* — «прибыть», *кхаьшна* (← *кхаьчна*) — «прибыл», *лаца* — «держать», *лаьсна* — «держал», *саца* — *сеьсна* (← *сеьсна*) — «остановился».

Звуковые соответствия. В парадигме спряжения литературному *о* в веденском говоре может соответствовать *а*:

Веденский говор

Литературный язык

ас ал

ас олу — я скажу, я говорю

ас бах

ас бо́ху — я говорю

суо вад

суо воду — я бегу

При образовании формы настоящего времени от глаголов с корневым гласным *е* литературному *оь* в веденском говоре соответствует *ие*:

Веденский говор

Литературный язык

ас циест

ас цоьсту — я стругаю

ас хьиест

ас хьоьсту — я ласкаю

ас диех

ас доьху — я прошу

В парадигме спряжения литературному *у* в веденском говоре иногда соответствует *уо*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>ас туох</i>	<i>ас тўху</i> — я бью
<i>ас цола</i>	<i>ас улуу</i> — я вешаю
<i>ас дуож</i>	<i>ас дўжу</i> ¹ — я запрягаю

В системе склонения в сравнительном и вещественном падежах литературному *уо* в веденском говоре может соответствовать *обь*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>собл, собх</i>	<i>суол, суох</i> — я
<i>хьобл, хьобх</i>	<i>хьуол, хьуох</i> — ты
<i>тхобл, тхобх</i>	<i>тхуол, тхуох</i> — мы

При образовании форм настоящего времени литературному *уь* в веденском говоре обычно соответствует *и*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>ас виг</i>	<i>ас вуьгу</i> — я веду
<i>ас вит</i>	<i>ас вуьту</i> — я оставляю
<i>суо Iулл</i>	<i>суо Iуьллу</i> — я лежу
<i>суо висс</i>	<i>суо вуьсу</i> — я остаюсь

В веденском говоре литературные слова *ховша, хийша* — «садиться» произносятся через *ж*: *ховжа, хийжа*.

В конце имен существительных литературному *ий* в веденском говоре соответствует дифтонг *ай*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>дарай</i>	<i>дарий</i> — шелк
<i>галай</i>	<i>галий</i> — мешок
<i>кIуорнай</i>	<i>кIуорний</i> — питомец
<i>кIадай</i>	<i>кIадий</i> — ткань
<i>иллай</i>	<i>иллий</i> — песня

Литературные слова *муохь* — «сало», «груз», *муогла* — «ряд», *чуохь* — «внутри», *йохь* — «кишка» в веденском говоре звучат: *мухь, мугл, чухь, йохь*.

Дифтонгу *уьй* литературного языка в веденском говоре соответствует дифтонг *ий*:

<i>ас дийц</i>	<i>ас дуьйцу</i> — я говорю
<i>ас хийц</i>	<i>ас хуьйцу</i> — я меняю
<i>ас кьийл</i>	<i>ас кьуьйлу</i> — я жму

Литературные слова *милла* — «пить», *нилха* — «редкий», *варие* — «берегись», *андий* — «могучие», *абхка* — «летом», *блогламаш* — «столбы» в веденском говоре звучат: *миела, нелха, верие, андай, абхки, блогла-маш*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Если в литературном языке при образовании мн. ч. от имен существительных *дегл* — «тело», *беш* — «сад», *глад* — «стебель», *шад* — «плеть» корневые гласные чередуются с губным *о* (*догламаш, бошмаш*).

¹ Ср. акк.: *Ас дул*. — «Я запрягаю».

гладмаш, шодмаш), то в веденском говоре корневые гласные не изменяются: *деглаш, беиш, гладмаш, шадмаш*.

Формы мн. ч. от имен существительных *йуол* — «дочь», *кач* — «воротник», *пхид* — «лягушка» звучат: *йуобларий, каьчнаш, пхьадаш*. Ср. лит.: *йуобларий, кочмаш, пхьидарчий*.

Некоторые имена существительные в веденском говоре образуют мн. ч. посредством суффикса *-ниш//иш* вместо литературного *-наш//аш*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>догланниш</i>	<i>догланаш</i> — замки
<i>тоьпиш</i>	<i>тоьнаш</i> — ружья
<i>кешиш</i>	<i>кешинаш</i> — могилы

В литературном языке в вещественном и сравнительном падежах преимущественно употребляются аффиксы *-ех, -ел* (*кентех, кентел* — «сыновья», *вежарех, вежарел* — «братья»), тогда как в веденском говоре употребляются аффиксы *-ийх, -ийл*: *кентийх, кентийл, вежарийх, вежарийл*.

В веденском говоре количественные и собирательные числительные в эргативном падеже приобретают формант *у* вместо *уо* в литературном языке:

Веденский говор	Литературный язык
<i>цхамму</i>	<i>цхаммуо</i> — один
<i>шимму</i>	<i>шиммуо</i> — два, двое
<i>кхамму</i>	<i>кхаммуо</i> — три, трое
<i>деамму</i>	<i>деаммуо</i> — четыре, четверо
<i>пхамму</i>	<i>пхаммуо</i> — пять, пятеро
<i>ялхамму</i>	<i>ялхаммуо</i> — шесть, шестеро
<i>вуорхамму</i>	<i>вуорхаммуо</i> — семь, семеро

В веденском говоре кратные и порядковые числительные оканчиваются на *у*, а в литературном языке на *а*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>шоззу</i>	<i>шозза</i> — дважды
<i>кхуззу</i>	<i>кхузза</i> — трижды
<i>деаззу</i>	<i>добазза</i> — четырежды
<i>пхьаззу</i>	<i>пхьобазза</i> — пять раз
<i>иссаззу</i>	<i>уьссазза</i> — девять раз
<i>цхьаалгьу</i>	<i>цхьолгьа</i> — первый
<i>шоллгьу</i>	<i>шолгьа</i> — второй
<i>кхоалгьу</i>	<i>кхоалгьа</i> — третий
<i>деалгьу</i>	<i>добалгьа</i> — четвертый
<i>иссалгьу</i>	<i>уьссалгьа</i> — девятый

Субстантивированные местоимения в веденском говоре отличаются только суффиксом *-чу* в формах косвенных падежей:

	Веденский говор	Литературный язык
Им.	<i>сайниг</i>	<i>сайниг</i> — мой
Род.	<i>сай^нча^н</i>	<i>сайчу^н</i>
Дат.	<i>сай^нчанна</i>	<i>сайчунна</i>
Ор.	<i>сай^нчанца</i>	<i>сайчуьнца</i>
Вещ.	<i>сай^нчах</i>	<i>сайчух</i>
Ср.	<i>сай^нчал</i>	<i>сайчул</i>

В веденском говоре субстантивированные притяжательные прилагательные *дадийниг* — «папина», *бабийниг* — «мамина» произносятся с дифтонгом *ай* вместо литературного *ий*: *дадаийниг*, *бабайниг*.

В веденском говоре форма настоящего времени от двусложных глаголов с открытым слогом образуется нулевым окончанием и без чередования корневых гласных, если не считать некоторого сокращения их долготы:

Веденский говор	Литературный язык
<i>ала</i> — <i>ал</i>	<i>олу</i> — сказать
<i>ба́ха</i> — <i>бах</i>	<i>бо́ху</i> — говорить
<i>вада</i> — <i>вад</i>	<i>воду</i> — бежать
<i>вита</i> — <i>вит</i>	<i>вутьу</i> — оставить
<i>хила</i> — <i>хил</i>	<i>хуьлу</i> — быть
<i>уолла</i> — <i>уолл</i>	<i>уллу</i> — повесить
<i>ту́бха</i> — <i>туох</i>	<i>тү́ху</i> — ударить
<i>дү́ха</i> — <i>дух</i>	<i>дү́ху</i> — одеть
<i>цеста</i> — <i>цест</i>	<i>цосьту</i> — резать
<i>ди́еха</i> — <i>дех</i>	<i>дбьху</i> — просить

В веденском говоре от вышеприведенных глаголов формы прошедшего длительного времени также образуются без чередования корневых гласных, но долгота гласных сокращается:

Веденский говор	Литературный язык
<i>алара</i>	<i>олура</i> — говоривал
<i>бахара</i>	<i>бохура</i> — говорил
<i>вадара</i>	<i>вбдура</i> — бежал
<i>витара</i>	<i>вутьура</i> — оставлял
<i>хилара</i>	<i>хуьлура</i> — бывало
<i>уоллара</i>	<i>уллура</i> — вешал
<i>туохара</i>	<i>тухура</i> — бил
<i>цестара</i>	<i>цосьтура</i> — резал
<i>ди́ехара</i>	<i>дбьхура</i> — просил

Форма будущего времени также отличается в веденском говоре от литературного языка по флексии основы:

Веденский говор	Литературный язык
<i>ба́хур ду</i>	<i>бо́хур ду</i> — буду говорить
<i>ва́дур ву</i>	<i>во́дур ву</i> — буду бежать
<i>ви́тур ву</i>	<i>вуйтур ву</i> — буду оставлять
<i>ди́йцур ду</i>	<i>дуйцур ду</i> — буду рассказывать

Побудительные глаголы в веденском говоре образуются при помощи суффикса *-айт*, а в литературном языке *-ийт*:

Веденский говор	Литературный язык
<i>алайта</i>	<i>алийта</i> — пусть скажет
<i>вадайта</i>	<i>вадийта</i> — пусть бежит
<i>дийцайта</i>	<i>дийцийта</i> — пусть расскажет
<i>велхайта</i>	<i>велхийта</i> — пусть плачет
<i>уоллайта</i>	<i>уоллийта</i> — пусть вешает
<i>дузайта</i>	<i>дузийта</i> — пусть наполнит

В веденском говоре форма настоящего времени от побудительных глаголов образуется посредством суффикса *-о* без флексии основы, а в литературном языке — с помощью суффикса *-у*:

Веденский говор

алайто
вадайто
дийцайто

велхайто
уоллайто

Литературный язык

олубьйту — дает сказать
водубьйту — дает бежать
дубьйцуьйту — дает рассказы-
вать

волахубьйту — дает плакать
уллубьйту — дает вешать

В веденском говоре отличаются от литературного языка также формы настоящего времени побудительных глаголов, образованных от производных глаголов:

Веденский говор

дуохдайто
яздайто
шелдайто
кладдайто
сихдайто
цландайто

Литературный язык

дуохдойту — дает согреть
яздойту — дает писать
шелдойту — дает охлаждать
кладдойту — дает смягчать
сихдойту — дает ускорить
цландойту — дает чистить

Различаются также и вопросительные формы побудительных глаголов по своим аффиксам:

Веденский говор

дуохдайтой?
яздайтой?
шелдайтой?
кладдайтой?
сихдайтой?
цландайтой?

Литературный язык

дуохдойтий?
яздойтий?
шелдойтий?
кладдойтий?
сихдойтий?
цландойтий?

В веденском говоре литературное слово *охлахаа*^н — «сесть» звучит *ваххахаа*^н и имеет некоторые различия в спряжении. Поэтому мы приводим полное его спряжение в сравнении с литературным языком. *Вахлахаа*^н состоит из преверба *вахха* и *хаа*^н — «сесть»:

Веденский говор

ваххахаа^н
ваххахоу
ваххахуур ву
ваххахи
ваххахира
ваххахигна
ваххахигнара
ваххахуура

Литературный язык

охлахаа^н — сесть
охлахуул *охлахоу* — сажусь
охлахуур ву — сяду
охлахи — присел
охлахира — сел
охлахигна — уселся
охлахигнара — сидел
охлахуура — сядился

В веденском говоре несколько отличаются формы настоящего и будущего времени от глагола *ва*^н — «прийти»:

Веденский говор

са^н
вагла
ваглар ву

Литературный язык

за^н — прийти
вагла — иду
ваглар ву — придет

Некоторое различие в своеобразном спряжении в веденском говоре обнаруживают и производные глаголы типа *сацуо*^н — «остановить», *ластуо*^н — «трясти», *глаттуо*^н — «поднять»:

Веденский говор

саттуо^н
саттай^н
саттайра
саттайна
саттайнера
сацуо^н
сацай^н
сацайра
сацайна
сацайнаера
малуо^н
малай^н
малайра
малайна
малайнаера

Литературный язык

саттуо^н — гнуть
саттий^н
саттийра
саттийна
саттийнера
сацуо^н — остановить
сацийн
сацийра
сацийна
сацийнера
малуо^н — поить
малий^н
малийра
малийна
малийнаера

Одна из форм повелительно-просительного наклонения в веденском говоре образуется при помощи суффикса **-айшу**, а в литературном языке ему соответствует суффикс **-ийша**:

Веденский говор

алайшу
довдайшу
совцайшу
гловтайшу
вахъаховжайшу
дийшайшу

Литературный язык

алийша — скажите, пожа-
луйста
довдийша — бегите, пожалуй-
ста
совцийша — остановитесь, по-
жалуйста
гловттийша — встаньте, пожа-
луйста
охъаховшийша — садитесь,
пожалуйста
дийшийша — ложитесь, пожа-
луйста

Несколько своеобразно оформляются и вопросительные формы некоторых глаголов в веденском говоре:

Веденский говор

дилуй?
дийцуй?
алуй?
вадуй?

Литературный язык

дублий? — моет?
дубыйций? — рассказывает?
олий? — говорит?
водий? — бежит?

Некоторые отличия обнаруживает и лексика веденского говора:

Веденский говор

борша
нуьйди
лилха
баьла
сагат
эрча
стомура
вахъа
аьхки

Литературный язык

боьрша — самец
нуьйда — пуговица
нилха — редкий
бе — сто
сахът — часы
ирча — некрасивый
стомара — позавчера
охъа — вниз
аьхка — летом

чухь
вуйшти
верие
мугI
куорталай
джIали
йохь
дарай
нахчуо
иллай
зурманчи
пондурчи
хабарчи
оьрсе
суййле
вахъахаа
вериелахь
галай

чуохь — внутри
вуйшта — иначе
варие — берегись
муогIа — ряд
куорталай — шаль
джIаьла — собака
йохь — кишка
дарий — шелк
нохчи — чеченец
иллий — песня
зурманча — зурнист
пондарча — гармонист
хабарча — собеседник
оьрси — русский
суййли — аварец
охъахаа — сесть
вариелахь — берегись
галий — мешок

КИСТИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Кистинский диалект представлен в Ахметовском районе Грузинской ССР. На кистинском диалекте говорят жители селений Дуиси (около 5 тысяч человек), Джоколо (около 400 человек), Омоло (около 500 человек), Биркиани (свыше 200 человек), Забакхи (15 семейств), Халаццани (35 семейств). Все эти села расположены на берегу реки Алазани, в живописном Панкийском ущелье.

Первые сведения о кистинском диалекте мы находим в работе профессора А. Н. Генко¹, а также у Д. С. Имнайшвили², который посвятил ряд статей кистинскому диалекту.

Кистинскому диалекту посвящена также кандидатская диссертация И. Ю. Алироева «Кистинский диалект чеченского языка».

Так называемый кистинский диалект чрезвычайно разнороден в языковом отношении. Речь жителей каждого села имеет свои специфические черты. Достаточно сказать, что в вышеназванных селах можно встретить представителей и итум-калинского, и галанчужского, и аккинского диалектов. Поэтому в основу своих записей мы положили речь жителей Дуиси, условно сохранив название — кистинский диалект. Хилдихароевский говор кистинского диалекта исследован также Д. С. Имнайшвили.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

Звуки, как гласные, так и согласные, в кистинском диалекте и литературном языке совпадают в количественном и качественном отношении. Различия наблюдаются в фонетических процессах, особенно в чередовании корневых гласных при образовании временных форм. Корневые гласные в кистинском диалекте менее подвержены изменениям, чем в литературном языке.

¹ См.: А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. — Записки коллегии востоковедов при азиатском музее Академии наук СССР. Т. 5. Л., 1930.

² См.: Д. С. Имнайшвили. К закономерности заимствования слов в кистинском говоре чеченского языка из грузинского языка. — ИКЯ. Т. 11. Тбилиси, 1959; его же. Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы. — ИКЯ. Т. 13. Тбилиси, 1962; его же. Заочные формы глагола в языках кистинской группы. — ИКЯ. Т. 6. Тбилиси, 1957; его же. К закономерности заимствования слов в кистинском говоре чеченского языка. (Тезисы научной сессии института языкознания АН Груз. ССР). Тбилиси, 1958; ИКЯ. Т. 11, Тбилиси, 1959. Некоторые особенности чебердоевского диалекта в сравнении с фактами других диалектов чечено-ингушского языка. Рецензия на работу Ю. Д. Дешериева «Современный чеченский литературный язык». Ч. 1. Фонетика. Грозный, 1962.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ассимиляция в кистинском диалекте представлена, как и в литературном языке, в глагольных суффиксах прошедшего совершенного времени, где суффиксальный и при встрече с предшествующим корневым согласным л уподобляется последнему: *вала* — «умереть», *велл* (← *велна*) — «умер», *ала* — «сказать», *аблл* (← *аблна*) — «сказал», *хила* — «быть», *хилл* (← *хилна*) — «был».

Деаффрикатизация наблюдается в кистинском диалекте при встрече корневого ч с суффиксальным ч в особых глагольных формах прошедшего времени: *кхача* — «достать», «дотянуться», «прибыть», *кхавшч/кхавшта* — «когда прибуду, прибудет», ср. лит.: *кхача* — *кхавчч/кхавчна*.

Случай деаффрикатизации мы имеем и в словах *хлунзу* — «теперь», ср. лит.: *хлинца*, то есть ц → з; *лавста* — «пойман», ср. лит.: *лавица*, то есть ц → с.

Метатеза. Случай перемещения звуков наблюдаются в словах *мечх* — «троюродный брат», *нечх* — «брызга», «сыр», *чачхуон* — «жарить», «палить», *чачхам* — «хрящ»; ср. лит.: *мабхча*, *нехча*, *чачхуон*, *чачхам*.

Аффрикатизация. В кистинском диалекте в отличие от литературного языка отмечены случаи аффрикатизации. Аффрикатизации в кистинском диалекте подвергается фриктивный глухой спирант с, если он стоит непосредственно после сонанта р:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>буьрц</i>	<i>буьрса</i> — суровый
<i>урц</i>	<i>урс</i> — нож
<i>морц</i>	<i>морса</i> — грубый
<i>тарц</i>	<i>тарса</i> — ржать
<i>пхьарц</i>	<i>пхьарс</i> — рука

Выпадение согласных отмечено в кистинском диалекте в следующих словах:

Кистицкий диалект	Литературный язык
<i>саг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сом</i>	<i>стомма</i> — толстый
<i>сим</i>	<i>стим</i> — желчь
<i>сохк</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году
<i>сигил</i>	<i>стигал</i> — небо

В словах *йса* — «теленок», *бад* — «утка», напротив, в литературном языке в первом примере выпал, а во втором отсутствует фарингальный I (айн); ср. кист.: *йабса* — «теленок», *бад* — «утка».

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ¹

Восходящему лабиализованному долговому дифтонгу среднего подъема **оь** (уоь) литературного языка в середине слова соответствует краткий нелабиализованный дифтонг среднего подъема **е** в кистинском:

¹ Многие положения, представленные здесь, изложены и в диссертационной работе И. Ю. Алироева «Кистинский диалект чеченского языка». Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3, вып. 2. Языкознание, Грозный, 1962.

Кистинский диалект

ас лех
ас хьех
ас дех
ас деш

Литературный язык

ас лобху — я ищу
ас хьобху — я учу
ас добху — я прошу
ас добху — я читаю

Лабнализированному краткому дифтонгу среднего подъема **оь** литературного языка в середине слова в закрытом слоге в кистинском соответствует краткий дифтонг среднего подъема **е** или монофтонг **аь**:

Кистинский диалект

ас хьест
ас хьых
ас дел
ас хьат
ас лехк

Литературный язык

ас хьобсту — я ласкаю
ас хьохку — я скачу
ас доьллу — я открываю
ас хьотту — я спрашиваю
ас лобхку — я гоняю

С исторической точки зрения, **оь** в литературном языке представляет собой явление более позднее, чем **ие/е**, **оь** — результат регрессивной ассимиляции, происшедшей под влиянием конечного лабнализированного **у**.

Лабнализированному монофтонгу среднего подъема **о** литературного языка в парадигме спряжения в 1 и 2-м лицах в кистинском диалекте соответствует краткий монофтонг среднего подъема **аь**:

Кистинский диалект

ас аьл
ас маьл/мел
ас таьсс
ас аьт
ас аьхк

Литературный язык

ас блу — я говорю
ас молу — я пью
ас тосу — я бросаю
ас бту — я крошу
ас охку — я копаю

Здесь также, с исторической точки зрения, **о** в литературном языке представляет собой явление вторичное, которое было вызвано законом регрессивной ассимиляции, действующим в чеченском литературном языке и поныне. Формы *блү, молу, тосу* современного литературного языка исторически получены из *ало, мало, тасо* под воздействием аффиксального **о**. Подтверждение этого мы находим в чеберловском диалекте, где литературные формы настоящего времени *блү, ббху, тосу* звучат: *ало, мало, тасо*. Что касается исходного **у** этих форм, то оно в разговорной речи часто слышится как редуцированный **о**: *оло, моло, тосо*.

Долгому монофтонгу верхнего подъема **уь** литературного языка в кистинском диалекте закономерно соответствует нелабнализированный гласный верхнего подъема **ий** (**й**):

Кистинский диалект

ас дийц
ас мийл
ас кийл

Литературный язык

ас дуйцу — я рассказываю
ас муьйлу — я выпиваю
ас куйьлу — я закрываю

Лабнализированному долгому монофтонгу верхнего подъема **у** литературного языка в кистинском диалекте соответствует лабнализированный краткий монофтонг **у** в парадигме спряжения (3-е лицо):

Кистинский диалект

ас тух
ас дудз
ас будж

Литературный язык

ас туху — я бью
ас дузу — я цепляю
ас бужу — я запрягаю

Лабializedанному краткому монофтонгу верхнего подъема у литературного языка в кистинском диалекте в 1, 2-м лицах соответствует краткий дифтонг среднего подъема **оь**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>ас оьл</i>	<i>ас уллу</i> — я вешаю
<i>ас кховсс</i>	<i>ас кхуссу</i> — я бросаю
<i>ас доьтт</i>	<i>ас дутту</i> — я лью
<i>ас ховтт</i>	<i>ас хутту</i> — я соединяю
<i>ас ловтт</i>	<i>ас лутту</i> — я втыкаю

Литературному дифтонгу **уй**¹ в кистинском диалекте может соответствовать палатализованный дифтонг **уьй**¹: *нуьй*¹ — «метла», *гуьй*¹ — «кормушка», *куьй*¹ — «шапка», *дуьй* — «клятва», ср. лит.: *нуй*, *гуй*¹, *куй*¹, *дуй*¹.

Литературному дрожащему сонанту **р** в кистинском диалекте может соответствовать глухой сонант **р**, который близок к сочетанию **рх**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>муарх</i>	<i>мара</i> — нос
<i>боьрх</i>	<i>биерам</i> — рассол
<i>ларх</i>	<i>лара</i> — считать
<i>кхиерх</i>	<i>кхиера</i> — бояться
<i>клуорх</i>	<i>клуорни</i> — цыпленок
<i>эрх</i>	<i>аьрру</i> — левый

В середине и конце слова звонкому спиранту **з** литературного языка в кистинском диалекте соответствует звонкая аффриката **дз**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>олхудзур</i>	<i>олхазар</i> — птица
<i>буордз</i>	<i>буорз</i> — волк
<i>гердз</i>	<i>герз</i> — оружие
<i>хьодзилз</i>	<i>хьоза</i> — воробей
<i>дудз</i>	<i>дуза</i> — наполнить
<i>кледз</i>	<i>клеза</i> — шенок

В середине и конце слова звонкому спиранту **ж** литературного языка в кистинском диалекте закономерно соответствует звонкая аффриката **дж**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>Ганджург</i>	<i>Гонжар</i> — селезенка
<i>хардж</i>	<i>харжа</i> — выбирать
<i>гуьрдже</i>	<i>гуьрге</i> — грузин
<i>мадж</i>	<i>маж</i> — борода

Лабializedанному краткому монофтонгу верхнего подъема **уь** в кистинском диалекте в парадигме спряжения в 1, 2-м лицах соответствует нелабиализованный краткий монофтонг **и**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>ас виг</i>	<i>ас вуьгу</i> — я веду
<i>ас вит</i>	<i>ас вуьту</i> — я оставляю
<i>ас дитт</i>	<i>ас дуьтту</i> — я стираю
<i>ас литт</i>	<i>ас луьтту</i> — я цежу
<i>ас литт</i>	<i>ас луьтту</i> — я вонзаю

¹ Слово *дуй* в чеченском языке и *дуьй* в кистинском диалекте произносится без назализации дифтонга.

Нисходящему дифтонгу ой литературного языка в парадигме спряжения каузативных глаголов в кистинском диалекте соответствует дифтонг ей:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>ас водавейт</i>	<i>ас вадавойту</i> — я даю умчать
<i>ас соттайейт</i>	<i>ас саттайойту</i> — я даю гнуть
<i>ас кхоьрхвейт</i>	<i>ас кхиеравойту</i> — я даю пугать
<i>ас кагйейт</i>	<i>ас кагйойту</i> — я даю ломать
<i>ас набийейт</i>	<i>ас набйойту</i> — я даю спать

Комплексу ст литературного языка в кистинском в начале слова соответствует глухой спирант с:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>саг/саьг</i>	<i>стаг</i> — человек
<i>сом</i>	<i>стомма</i> — толстый
<i>саргла</i>	<i>старгла</i> — бычок
<i>сомура</i>	<i>стомара</i> — позавчера
<i>сигил</i>	<i>стигал</i> — небо
<i>сохка</i>	<i>стохка</i> — в прошлом году

Нисходящему дифтонгу ей кистинского диалекта в литературном языке соответствует дифтонг ай: *вей* — «мы», *йей* — «котел», *дей* — «отцы», *бей* — «целина», *эйра* — «подошва», *пейда* — «польза»; ср. лит.: *вай*, *йай*, *дай*, *бай*, *айра*, *пайда*.

Лабializedанному долготу верхнего подъема у литературного языка в парадигме склонения личных местоимений в кистинском диалекте может соответствовать лабиализованный долгий дифтонг уа.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Склонения имен существительных. При склонении имен существительных в кистинском диалекте существенные различия сравнительно с литературным языком не наблюдаются. Падежные аффиксы в основном все совпадают. Исключение составляют аффиксы транзитивного падежа и некоторых других. Аффикс транзитива в кистинском диалекте *-гюл*, а в литературном *-хула*:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>нениегюл</i>	<i>нениехула</i> — через мать
<i>клантиегюл</i>	<i>клантиехула</i> — через парня
<i>вешиегюл</i>	<i>вешиехула</i> — через брата
<i>сагиегюл</i>	<i>стагиехула</i> — через человека
<i>коьртиегюл</i>	<i>коьртиехула</i> — через голову
<i>дагиегюл</i>	<i>дагиехула</i> — через сердце

Интересно отметить, что в кистинском, как и в аккинском, в формах косвенных падежей существительного *ка* — «баран» не наращивается сонант *м*, как это имеет место в чеченском и ингушском литературном языках и в некоторых диалектах:

Кистинский диалект	Чеченский литературный язык	Ингушский литературный язык
Им.	<i>ка</i>	<i>ка</i> — баран
Род.	<i>кей^м</i>	<i>коьман</i>
Дат.	<i>кейна</i>	<i>коьмана</i>
Эрг.	<i>кев</i>	<i>коьмуо</i>
Ор.	<i>кейц</i>	<i>коьмаца</i>

Имя существительное *цаца* — «сито» не меняет своей гласной основы при склонении в кистинском диалекте:

Кистинский диалект		Литературный язык
Им.	<i>цоца</i>	<i>цаца</i> — сито
Род.	<i>цоци</i> ^н	<i>цеца</i> ^н
Дат.	<i>цоцан</i>	<i>цецана</i>
Эрг.	<i>цоцание</i>	<i>цецуо</i>
Ор.	<i>цоцанц</i>	<i>цеица</i>

Кроме того, в литературном языке в ряде имен существительных корневой *a* может переходить в долгий монофтонг переднего ряда *e*; в кистинском диалекте гласный основы в этом случае переходит в *аь*:

Кистинский диалект		Литературный язык
Им.	<i>кад.</i>	<i>кад</i> — чашка
Род.	<i>каьда</i> ^н	<i>кеда</i> ^н
Дат.	<i>каьдан</i>	<i>кедана</i>
Эрг.	<i>каьдуо</i>	<i>кедуо</i>
Им.	<i>глаз</i>	<i>глаз</i> — гусь
Род.	<i>глаьза</i> ^н	<i>глеза</i> ^н
Дат.	<i>глаьзан</i>	<i>глезана</i>
Эрг.	<i>глаьзуо</i>	<i>глезуо</i>
Им.	<i>таз</i>	<i>тас</i> — таз
Род.	<i>таьза</i> ^н	<i>теса</i> ^н
Дат.	<i>таьзан</i>	<i>тесана</i>
Эрг.	<i>таьзуо</i>	<i>тесуо</i>

В литературном языке имена существительные с гласной основой на *y* при склонении часто меняют *y* на лабиализованный гласный *уь*, тогда как в кистинском диалекте не подвергается изменению:

Кистинский диалект		Литературный язык
Им.	<i>муш</i>	<i>муш</i> — веревка
Род.	<i>муша</i> ^н	<i>муьша</i> ^н
Дат.	<i>мушан</i>	<i>муьшана</i>
Эрг.	<i>муше</i>	<i>муьшуо</i>
Им.	<i>дух</i>	<i>дух</i> — основание
Род.	<i>духа</i> ^н	<i>дуьха</i> ^н
Дат.	<i>духан</i>	<i>дуьхана</i>
Эрг.	<i>духе</i>	<i>дуьхуо</i>

Что касается падежных флексий кистинского диалекта, то они в основном совпадают с падежными флексиями литературного языка. Некоторые звуковые различия наблюдаются в флексиях орудийно-совместного, транзитива и местного падежей в склонении производных существительных с наращенной основой на *-чу* в косвенных падежах:

Кистинский диалект		Литературный язык
Им.	<i>ломурхо</i>	<i>ламаруо</i> — горец
Ор.	<i>ломурхочоьц</i>	<i>ламаруочуьнца</i>
Напр. I.	<i>ломурхочоьг</i>	<i>ламаруочуьнга</i>
Тр.	<i>ломурхочоьггьол</i>	<i>ламаруочуьнгахула</i>
Им.	<i>баца</i>	<i>бацуо</i> — бацбнец
Ор.	<i>бацачоьц</i>	<i>бацуочуьнца</i>
Напр. I.	<i>бацачоьг</i>	<i>бацуочуьнга</i>
Тр.	<i>бацачоьггьол</i>	<i>бацуочуьнгахула</i>

Склонение имен существительных во мн. ч. в кистинском диалекте мало чем отличается от норм литературного языка. Основное отличие составляет то, что согласный элемент аффикса дательного падежа и ассимилируется предшествующему глухому спиранту ш, то есть и - т или комплекс ши - шт и выпадает исходный гласный падежных флексий:

	Кистинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>говриш</i>	<i>говраш</i> — лошади
Род.	<i>говрий^н</i>	<i>говрий^н</i>
Дат.	<i>говришт</i>	<i>говрашна</i>
Эрг.	<i>говриша</i>	<i>говраша</i>
Ор.	<i>говришц</i>	<i>говрашца</i>
Напр. I.	<i>говришк</i>	<i>говрашка</i>
Тр.	<i>говришкгол</i>	<i>говрашкахула</i>

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В кистинском диалекте субстантивированные прилагательные образуются при помощи словообразовательного суффикса -ваьрг (в, й, б, д), а в литературном языке — посредством суффиксов -ниг//верг (й, б, д):

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>воккхавьрг</i>	<i>воккханиг</i> — старший
<i>дикохвьрг</i>	<i>диканиг</i> — хороший
<i>мейравьрг</i>	<i>майраниг</i> — храбрый
<i>цлиедвьрг</i>	<i>цлиениг</i> — красный

В кистинском диалекте при склонении субстантивированных прилагательных в некоторых падежах наращивается между корнем и окончанием комплексе -чю//чуа вместо -чу и -чю в литературном языке:

	Кистинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>дикаваьрг</i>	<i>диканиг</i> — хороший
Род.	<i>дикачю^н</i>	<i>дикачу^н</i>
Дат.	<i>дикачуан</i>	<i>дикачунна</i>
Эрг.	<i>дикачуо</i>	<i>дикачуо</i>
Ор.	<i>дикачуоьц</i>	<i>дикачуьнца</i>
Вещ.	<i>дикачуах</i>	<i>дикачух</i>
Ср.	<i>дикачуал</i>	<i>дикачул</i>
Напр. I.	<i>дикачюьг(а)</i>	<i>дикачуьнга</i>
Тр.	<i>дикачюьггол</i>	<i>дикачуьнгахула</i>

Несубстантивированные прилагательные отличаются тем, что они в косвенных падежах приобретают флексию ч вместо чу в литературном языке:

Кистинский диалект	Литературный язык	
Им.	<i>дика саг</i>	<i>дика стаг</i> — хороший человек
Род.	<i>дикич сага^н</i>	<i>дикачу стега^н</i>
Дат.	<i>дикач саган</i>	<i>дикачу стагана</i>
Эрг.	<i>дикич согу</i>	<i>дикачу стагуо</i>
Ор.	<i>дикич сагац</i>	<i>дикачу стагаца</i> и т. д.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в кистинском диалекте мало чем отличается от числительного в литературном языке, если не считать некоторых фонетических особенностей, изменивших звуковой состав количе-

ственных числительных в соответствии с фонетическим законом кистинского диалекта. Приводим эти случаи в сравнении с формами литературного языка:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>вуархI</i>	<i>вуорхI</i> — семь
<i>дейтта</i>	<i>дейтта</i> — четырнадцать
<i>вуарайтт</i>	<i>вуьрхIитта</i> — семнадцать
<i>барейтт</i>	<i>берхIитта</i> — восемнадцать
<i>ткэо</i>	<i>ткэа</i> — двадцать
<i>баьI</i>	<i>бие</i> — сто
<i>эзир</i>	<i>эзар</i> — тысяча

Некоторые расхождения наблюдаются и при склонении отдельных числительных. Расхождения эти в основном заключаются в том, что в кистинском диалекте в формах орудийного и местного падежей корневой гласный числительного *цхьаэ* — «один» не меняется, а в литературном *а* → *аь*: *цхьаьнца*, *цхьанга* и т. д. Следует отметить также ряд порядковых и кратных числительных, обнаруживающих некоторые фонетические расхождения:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>цхьологI</i>	<i>цхьолгIа</i> — первый
<i>кхоологI</i>	<i>кхоалгIа</i> — третий
<i>диологI</i>	<i>доьалгIа</i> — четвертый
<i>пхиологI</i>	<i>пхьалгIа</i> — пятый
<i>диодз</i>	<i>доьазза</i> — четырежды
<i>пхиодз</i>	<i>пхьазза</i> — пятью
<i>иссодз</i>	<i>уьссазза</i> — девятью
<i>иттодз</i>	<i>уьттазза</i> — десятью
<i>иттологI</i>	<i>уьтталгIа</i> — десятый
<i>иссолгI</i>	<i>уьссалгIа</i> — девятый

МЕСТОИМЕНИЕ

В кистинском диалекте представлены следующие местоимения: личные, лично-притяжательные, возвратные, возвратно-притяжательные, указательные, определительные, отрицательные и вопросительные.

Личные местоимения в кистинском следующие:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо <i>суа</i> — я	<i>вай</i> (инл.), <i>тхуо</i> (экскл.) — мы
2-е лицо <i>хьуа</i> — ты	<i>шу</i> — вы
3-е лицо <i>аз</i> — он	<i>ави</i> — они

С литературным языком расходится только 3-е лицо ед. и мн. ч.: *и* в ед. ч., *уьи* во мн. ч.

Склонение личных местоимений отличается тем, что корневые гласные неодинаково чередуются в кистинском диалекте и в литературном языке:

	Кистинский диалект	Литературный язык
Им.	<i>суа, хьуа</i>	<i>суо, хьуо</i> — я, ты
Род.	<i>са^н, хьа^н</i>	<i>са^н, хьа^н</i>
Дат.	<i>суан, хьуан</i>	<i>суна, хьуна</i>
Эрг.	<i>ас. Ia</i>	<i>асIаса, ахьIахьа</i>

Ор.	<i>соьц, хьовьц</i>	<i>соьца, хьовьца</i>
Ср.	<i>суал, хьуал</i>	<i>суол, хьуол</i>
Напр. I.	<i>соьг, хьовьг</i>	<i>соьга, хьовьга</i>
Лок.	<i>соьг, хьовьг,</i>	<i>соьгахь, хьовьгахь</i>
Тр.	<i>соьггIол, хьовьг- гIол</i>	<i>соьгахула, хьовьгахула</i>

Лично-притяжательные местоимения в кистинском диалекте, как и в литературном языке, делятся на самостоятельные и несамостоятельные. Несамостоятельное местоимение употребляется с каким-нибудь именем в качестве определения и представляет собой форму родительного падежа личного местоимения: *саⁿ гавр*—«моя лошадь», *цуйн гавр*—«его лошадь» и т. д. Самостоятельное местоимение—это не что иное, как субстантивированное местоимение, которое склоняется по типу существительного. В кистинском диалекте самостоятельная форма образуется посредством суффикса *-аьрг* (в, й, д, б), а в литературном языке—при помощи суффикса *-ниг* и редко *-ерг* (в, й, б, д):

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>саваьрг</i>	<i>сайниг//саⁿверг</i> — мой
<i>хьаваьрг</i>	<i>хьайниг//хьаⁿверг</i> — твой
<i>цуйнаваьрг</i>	<i>цуйнаниг//цуйнаверг</i> — его
<i>тхаваьрг</i>	<i>тхайниг//тхаⁿверг</i> — наш
<i>шуваяьрг</i>	<i>шуйнниг//шуⁿверг</i> — ваш
<i>церваьрг</i>	<i>цераниг//церверг</i> — их

Склонение самостоятельных притяжательных местоимений в кистинском диалекте и в литературном языке существенных расхождений не обнаруживает; наоборот, косвенные формы ближе стоят, чем формы именительного падежа, как это видно из следующих примеров:

Кистинский диалект	Литературный язык	
Им.	<i>цуйнваьрг</i>	<i>цуйнниг</i> — его
Род.	<i>цуйнч</i>	<i>цуйнчун</i>
Дат.	<i>цуйнчуан</i>	<i>цуйнчунна</i>
Эрг.	<i>цуйнчуо</i>	<i>цуйнчуо</i>
Ор.	<i>цуйнчовьц</i>	<i>цуйнчуйнца</i>

Сильно расходятся субстантивированные формы притяжательных местоимений как в именительном, так и в косвенных падежах. Различия их главным образом заключаются в несовпадении как словообразовательных, так и формообразовательных аффиксов:

Кистинский диалект	Литературный язык	
Им.	<i>сейваьрг</i>	<i>сайниг</i> — мой, моя, мое
Род.	<i>сейчовьн</i>	<i>сайчун</i>
Дат.	<i>сейчуан</i>	<i>сайчунна</i>
Эрг.	<i>сейчуо</i>	<i>сайчуо</i>

ГЛАГОЛ

Н а с т о я щ е е в р е м я. В кистинском диалекте настоящее время выражается не окончаниями, а чередованием корневых гласных, а также суффикса инфинитива:

Кистинский диалект	Литературный язык	
1—2-е лица	3-е лицо	1, 2, 3-е лица
<i>авл — ала</i>	<i>ол</i>	<i>ала—олу</i> — сказать
<i>лаьц — лаца</i>	<i>лоц</i>	<i>лаца—лоцу</i> — держать
<i>авт — ата</i>	<i>от</i>	<i>ата—оту</i> — крошить

<i>даьх</i> — <i>даха</i>	<i>дох</i>	<i>даха—доху</i> — извлекать
<i>дет</i> — <i>датта</i>	<i>дотт</i>	<i>датта—дотту</i> — жарить
<i>хет</i> — <i>хатта</i>	<i>хатт</i>	<i>хатта—хотту</i> — спросить
<i>мел</i> — <i>мала</i>	<i>мол</i>	<i>мала—молу</i> — пить

В кистинском диалекте есть и такие глаголы, у которых форма настоящего времени образуется просто усечением суффикса инфинитива:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>виса—со вис</i>	<i>со вьусу</i> — остаться
<i>цеста—ас цест</i>	<i>ас цобьсту</i> — резать
<i>вита—ас вит</i>	<i>ас вьуту</i> — оставить
<i>диеша—ас диеш</i>	<i>ас доьшу</i> — читать
<i>вига—ас виг</i>	<i>ас вьугу</i> — вести
<i>дила—ас дил</i>	<i>ас дуьлу</i> — мыть
<i>дийца—ас дийц</i>	<i>ас дуьйцу</i> — говорить
<i>лийча—со лийч</i>	<i>со луьйчу</i> — купаться

Случаи, когда настоящее время выражается не морфологически, а контекстом, мы наблюдаем и в литературном языке:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>лиела—со лиел</i>	<i>лиела—со лиела</i> — ходить
<i>лелха—со лелх</i>	<i>лелха—со лелха</i> — прыгать
<i>лиета — со лиет</i>	<i>лиета—со лиета</i> — бороться
<i>леста—со лест</i>	<i>леста—со леста</i> — качаться
<i>диека—аз диек</i>	<i>диека — иза диека</i> — петь, кричать

При образовании формы настоящего времени от побудительных глаголов побудительный суффикс **-ейт** в кистинском диалекте не подвергается изменению, а в литературном языке **-ийт** переходит в **-уйт**:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>вадейта—водейт</i>	<i>вадийта—водуьйту</i> — пусть бежит
<i>лиелейта—лиелейт</i>	<i>лиелията—лоьлубьйту</i> — пусть ходит
<i>лелхейта—лелхейт</i>	<i>лиелхийта—лоьлхуьйту</i> — пусть прыгает
<i>вигейта—вигейт</i>	<i>вигийта—вьугуйту</i> — пусть уводит
<i>дилейта—дилейт</i>	<i>дилията—дуьлубьйту</i> — пусть моет
<i>дийцейта—дийцейт</i>	<i>дийцийта—дуьйцуьйту</i> — пусть говорит

Будущее время образуется от настоящего времени при помощи суффикса **-ург** и вспомогательного классного глагола (**в, й, б, д**):

Кистинский диалект		Литературный язык	
Настоящее	Будущее	Настоящее	Будущее
<i>хьодж</i>	<i>хьоджургва</i>	<i>хьожу</i>	<i>хьожур ву</i>
<i>вод(а)</i>	<i>водургва</i>	<i>воду</i>	<i>водур ву</i>
<i>соц</i>	<i>соцургда</i>	<i>соцу</i>	<i>соцур ду</i>
<i>хотт</i>	<i>хоттургда</i>	<i>хотту</i>	<i>хоттур ду</i>

<i>цест</i>	<i>цестургда</i>	<i>цобсту</i>	<i>цобстур ду</i>
<i>хьиех</i>	<i>хьиехургда</i>	<i>хьобху</i>	<i>хьобхур ду</i>
<i>виг</i>	<i>вигургда</i>	<i>вубгу</i>	<i>вубгур ву</i>
<i>литт</i>	<i>литтургда</i>	<i>лубту</i>	<i>лубтур ду</i>
<i>дийц</i>	<i>дийцургда</i>	<i>дубйцу</i>	<i>дубйцур ду</i>
<i>мийл</i>	<i>мийлургда</i>	<i>мубйлу</i>	<i>мубйлур ду</i>
<i>олл</i>	<i>уллургда</i>	<i>уллу</i>	<i>уллур ду</i>
<i>охк</i>	<i>охкургда</i>	<i>ухку</i>	<i>ухкур ду</i>

Прошедшее длительное время выражает действие, которое длилось долго или повторялось неоднократно в прошлом, и образуется от формы настоящего времени прибавлением к ней суффикса **-ура**:

Кистинский диалект		Литературный язык	
Настоящее	Прошедшее	Настоящее	Прошедшее
<i>вод</i>	<i>водура</i>	<i>воду</i>	<i>водура</i> — бегал
<i>соц</i>	<i>соцура</i>	<i>соцу</i>	<i>соцура</i> — останав- ливался
<i>хьабх</i>	<i>хьобхура</i>	<i>хьобху</i>	<i>хьобхура</i> — бывало, учил
<i>лубтт</i>	<i>лубттुरа</i>	<i>лубтту</i>	<i>лубттुरа</i> — бывало, цедил
<i>дубьц</i>	<i>дубьцура</i>	<i>дубйцу</i>	<i>дубйцура</i> — бывало, рас- сказывал

Очевидно прошедшее время¹ выражает законченное действие, очевидцем которого был говорящий, и образуется от формы только что прошедшего времени путем присоединения суффикса **-р**:

Кистинский диалект	Ингушский язык	Литературный язык
<i>вада—ведир</i>	<i>ведар</i>	<i>ведира</i> — бежал
<i>саца—сецир</i>	<i>сецар</i>	<i>сецира</i> — остановился
<i>хьиеха—хьийхир</i>	<i>хьийхар</i>	<i>хьийхира</i> — учил
<i>хьеджа—хьийджир</i>	<i>хьийжар</i>	<i>хьийжира</i> — смотрел
<i>литта—литтир</i>	<i>литтар</i>	<i>литтира</i> — выцедил
<i>дийца—дийцир</i>	<i>дийцар</i>	<i>дийцира</i> — рассказал
<i>леста—лестир</i>	<i>лестар</i>	<i>лестира</i> — покачалось
<i>уалла—уьллир</i>	<i>элар</i>	<i>оьллира</i> — повесил
<i>кхуасса—кхуьссир</i>	<i>кхессар</i>	<i>кхьессира</i> — бросил
<i>вуажа—вубжир</i>	<i>виежар</i>	<i>вубйжира</i> — упал
<i>духа—дубйхир</i>	<i>дийхар</i>	<i>дубйхира</i> — надел

Прошедшее определенное время в основном совпадает с литературным языком, если не считать огласовки формата этого времени. Для убедительности приводим примеры:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>ала—авлл</i>	<i>ала</i> — <i>авлла</i> — сказать
<i>ара—аврхлан</i>	<i>ара</i> — <i>эрина</i> — молотить
<i>дага—даьгна</i>	<i>дага</i> — <i>даьгна</i> — гореть
<i>лоха—лохайн</i>	<i>оьхахаа</i> — <i>оьхахиьна</i> — сесть
<i>саца—сецин</i>	<i>саца</i> — <i>сецина</i> — стать
<i>вита—витин</i>	<i>вита</i> — <i>витина</i> — оставить

¹ Только что прошедшее время мы здесь не приводим, так как оно полностью совпадает с нормой литературного языка.

Лексика. Значительное расхождение сравнительно с литературным языком обнаруживает и лексика кистинского диалекта. Особенности ее в основном обусловлены фонетическими законами и лексико-семантической структурой слов.

Приводим примеры лексических расхождений, вызванных закономерными звуковыми соответствиями:

Кистинский диалект	Литературный язык
<i>этт</i>	<i>аьтту</i> — удача
<i>эрч</i>	<i>аьрша</i> — аршин
<i>Iаьшкал</i>	<i>аьшкал</i> — совок
<i>эйп</i>	<i>айп</i> — дефект
<i>бей</i>	<i>бай</i> — целина
<i>сей</i>	<i>сай</i> — олень
<i>малейта</i>	<i>малийта</i> — дай пить
<i>валейта</i>	<i>валийта</i> — дай умереть
<i>буарч</i>	<i>буорш</i> — бычок
<i>буардз</i> х	<i>буорз</i> — волк
<i>фуард</i>	<i>хIуорд</i> — море
<i>мадж</i>	<i>маж</i> — борода
<i>фусам/xIусам</i>	<i>хIусам</i> — помещение
<i>тей</i>	<i>тай</i> — нитка
<i>нуьй</i>	<i>нуй</i> — метла
<i>гуьй</i>	<i>гуй</i> — кормушка
<i>эггир</i>	<i>уггар</i> — самый
<i>нIаб</i>	<i>наб</i> — сон
<i>нечх</i>	<i>нехча</i> — сыр
<i>мечх</i>	<i>маьхча</i> — двоюродный брат
<i>иллей</i>	<i>илли</i> — песня
<i>бIаь</i>	<i>бен</i> — гнездо
<i>урц</i>	<i>урс</i> — нож
<i>пхьарц</i>	<i>пхьарс</i> — рука
<i>маьрч</i>	<i>маьрша</i> — свободный

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели выше диалектные особенности в сравнении с плоскостным диалектом, легшим в основу чеченского литературного языка. Нами использованы факты семи диалектов (плоскостного, чеберлоевского, шароевского, итум-калинского, галанчожского, аккинского и кистинского) и семи говоров (дайского, мелхинского, ламаккинского, нашхоевского, терлоевского, пхьарчхоевского, веденского), которые впервые рассмотрены в нашей работе.

Обобщая вышележащие факты, хочется прежде всего остановиться на сравнении тех главных особенностей, которые объединяют или разъединяют рассмотренные нами диалекты и говоры. Данному вопросу, разумеется, должна быть посвящена специальная работа сравнительно-исторического характера, поэтому он не может быть исчерпан в данной монографии. Такая работа крайне необходима для сравнительно-исторического изучения нахских языков, составления и разработки этимологических словарей, научной и нормативной грамматики и т. д.

Сравнительную характеристику диалектов и говоров во избежание возможных повторений мы даем по явлениям, так как одни и те же особенности часто встречаются в различных говорах и даже диалектах.

Ассимиляция гласных. Явление ассимиляции гласных дав-

но привлекало к себе внимание исследователей нахских языков. Так, еще во второй половине XIX столетия один из первых исследователей чеченского языка П. К. Услар писал: «...я полагаю, что все вышеприведенные примеры обнаруживают, хотя с отступлениями, в чеченском языке законы конкордации гласных, т. е. согласование гласной окончания с гласной корня. Можно думать, что это навеяно соседством ку-мыкского языка и едва ли было свойственно коренному чеченскому».

Вслед за П. К. Усларом языковед А. А. Шифнер, современник и друг Услара, пишет по этому поводу: «Изменение гласной корня большей частью зависит от окончания, последующее и или е изменяет гласную корня в е или о».

Данному вопросу много внимания уделяли и советские ученые. Известный языковед нашего времени проф. Н. Ф. Яковлев во вступительной части к «Чеченской морфологии», которая была написана в 1939 году и издана в 1960 году, называя данный фонетический процесс «вторичным чередованием», пишет: «Первоначальная неизменяемость корневого гласного в именной основе сохраняется, как мы видим, в чеберлоиском диалекте чеченского языка и в бацбийском языке. Изменение этого гласного в чеченском языке происходит под влиянием наличия переднего гласного в падежном окончании, например, родительного падежа».

Более подробно данный вопрос рассмотрен в отдельных исследованиях докторов филологических наук Ю. Д. Дешериева и Д. С. Имнайшвили. Ю. Д. Дешериев рассматривает данное явление под названием гармония¹, а Д. С. Имнайшвили — под названием ассимиляция, подразделяя ее на лабиализацию, палатализацию и сужение.

Такой повышенный интерес к этому явлению объясняется тем, что оно обладает большой разрушительной силой: под влиянием данного фонетического процесса рушится старая, общенахская структура основ, особенно в парадигме склонения и спряжения.

Сущность данного фонетического процесса заключается в том, что при формообразовании корневые гласные ассимилируются аффиксальным гласным, то есть происходит регрессивная дистанционная ассимиляция гласных. Например, формы родительного падежа плоскостного диалекта от *бад* — «утка», *лам* — «гора», *тур* — «меч» получены от соответствующих чеберлоевских форм следующим образом: *бе́да* < <бе́ди» <ба́ди»; *ла́ма* < <ла́му» <ла́му»; *ту́ра* < <ту́ри» <ту́ри». Формы настоящего времени плоскостного диалекта от *ба́ха* — «говорить», *а́ла* — «сказать», *а́ра* — «молотить» получены от соответствующих чеберлоевских: *ба́ха* < <ба́ху» <ба́хо; *ла́ла* < <ла́лу» <ла́ло; *бра́* < <бра́ру» <бра́ру».

Данный вид ассимиляции совершенно не свойствен речи жителей так называемого Верхнего Чеберлоя. Речь жителей Нижнего Чеберлоя, которую мы назвали дайским говором чеберлоевского диалекта, частично подвержена этой ассимиляции, то есть происходит лабиализация корневых гласных под влиянием аффиксальных гласных (*ба́ху* < <ба́хо, *о́лу* < <а́ло, *со́цу* < <са́цо). Это только начало данного фонетического процесса.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в шароевском диалекте (*бо́ху* — «говорю», *о́лу* — «скажу», *со́цу* — «останавливаюсь»).

Что касается других диалектов чеченского языка, то в них данная ассимиляция реализуется в разной степени. Больше всего она распространена в плоскостном и аккинском (ауховском) диалектах.

С явлением регрессивной ассимиляции тесно связано в чеченском языке и возникновение узких лабиализованных *о́ь*, *у́ь*, *о́ь*, *у́ь*, которые

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Современный чеченский язык. Ч. 1. Фонетика. Грозный, 1960, стр. 109—111.

развились в плоскостном диалекте под воздействием аффиксальных гласных. Развитие их шло по двум направлениям: по линии палатализации и по линии лабиализации:

а) *дуйхи*¹ (плоск.) < *дъхи*¹ (акк.) < *дуохи*¹ (чеб.) — «разбился»; *туйли*¹ (плоск.) < *тобли*¹ (акк.) < *туоли*¹ (чеб.) — «победил»;

б) *дъха* (акк.) < *дъху* (плоск.) < *диехо//диеху* (чеб.) — «прошу»; *дурха* (акк.) < *дълху* (плоск.) < *диелху//диелхо* (чеб.) — «плачет»¹.

Данный фонетический процесс (возникновение *оь*, *уь*) постепенно начинает распространяться и на другие диалекты чеченского языка. Пока в стороне от этого процесса остаются чеберловский и шароевский диалекты.

В диалектах чеченского языка (за исключением аккинского) в прошлом определенном времени при встрече суффиксального и с предшествующим смычным происходит полная контактная прогрессивная ассимиляция: *ала* — «сказать», *вада* — «бежать», *вала* — «умереть», *лата* — «бороться»:

Чиб.	<i>алле</i>	<i>вадде</i>	<i>валле</i>	<i>латте</i>
Шар.	<i>алла</i>	<i>вадда</i>	<i>валла</i>	<i>латта</i>
Итум-кал.	<i>аьлла</i>	<i>ведда</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Дайск.	<i>алла</i>	<i>вадда</i>	<i>валла</i>	<i>латта</i>
Мелх.	<i>аьлла</i>	<i>ведда</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Ламакк.	<i>аьлла</i>	<i>ведá</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Нашх.	<i>аьлла</i>	<i>ведда</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Терл.	<i>аьлла</i>	<i>ведда</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Веден.	<i>аьлла</i>	<i>ведда</i>	<i>велла</i>	<i>летта</i>
Кист.	<i>аьлл</i>	<i>ведд</i>	<i>велл</i>	<i>летт</i>
Акк.	<i>аьлд</i>	<i>веднув</i>	<i>велнув</i>	<i>летанув</i>
Инг.	<i>аьннад</i>	<i>ведáв</i>	<i>веннав</i>	<i>летáв</i>

Как видно из примеров, в ингушском языке наблюдается обратное явление, то есть регрессивная ассимиляция, а в аккинском сохранилось исходное положение.

В ламаккинском говоре, наоборот, ассимиляция наблюдается только при встрече суффиксального и с корневым *л*, а в остальных случаях и исчезает, вызвав удлинение предыдущего гласного.

Говоры галанчожского диалекта (нашхоевский, мелхинский, ламаккинский)² объединены рядом общих черт.

Приводим эти общие черты:

а) отсутствие формы только что прошедшего времени, как и в ингушском языке;

б) вместо плоскостного глагола *баха* — «говорить» в них представлен глагол *яха* — «говорить», как и в ингушском языке;

в) употребление ограничительной частицы *мие* вместо *бие*¹ — «только», «лишь» литературного языка;

г) употребление, как и в ингушском, приставки *ю* вместо плоскостной *оха* (*юха*—*охахаа*—«сестра»);

д) употребление, как и в ингушском языке, суффикса местного падежа *-гюла* вместо плоскостного *-хула* (*колхозиегюла* — *колхуо-зиехула* — «через колхоз»);

е) отсутствие, как и в ингушском языке, суффикса субстантивации *-ниг*, вместо которого в указанных говорах представлен суффикс *вар//верг* (*воккханиг*—*воккхавар//воккхаверг* — «старший»);

¹ См.: Д. С. Иминайшвили. Некоторые особенности чеберловского диалекта в сравнении с фактами других диалектов чечено-ингушского языка. — Иберийско-кавказское языкознание. Т. II. Тбилиси, 1959.

² Терлоевский говор составляет исключение.

ж) отсутствие, как и в ингушском языке, комплекса *ст* в начале слова (*саг* — «человек», *уст* — «бык», *сохка* — «прошлый год»; ср. *плоск. стаг, сту, стохка*);

з) употребление, как и в ингушском языке, аффикса дательного падежа *-шта* вместо плоскостного *-шна* (*говрашта*—*говрашна* — «лошадям»).

В то же время указанные говоры отличаются и друг от друга:

Нашхоевский	Ламаккинский	Мелхинский	Терлоевский
<i>йаха</i>	<i>йаха</i>	<i>йаха</i>	<i>баха</i> — говорить
<i>т'юьхкар</i>	<i>т'юьхкар</i>	<i>т'лехкар</i>	<i>добьха</i> — пояс
<i>суо сай</i>	<i>суо соь</i>	<i>суо соь</i>	<i>суо соь</i> — я сам
<i>х'лунца</i>	<i>х'ланца</i>	<i>х'ланца</i>	<i>х'лунца</i> — теперь
<i>окхуо</i>	<i>окхуо</i>	<i>окхуо</i>	<i>йокхуо</i> (эрг. п.) — это
<i>ловь</i>	<i>ловь</i>	<i>ловь</i>	<i>довь</i> — кишка
<i>ву</i>	<i>ва</i>	<i>ва</i>	<i>ву</i> — есть
<i>дэха</i>	<i>д'аьха</i>	<i>д'аьха</i>	<i>дэха</i> — длинный
<i>авиш</i>	<i>изаш</i>	<i>изаш</i>	<i>уьш</i> — они
<i>саверг</i>	<i>савар</i>	<i>савар</i>	<i>саверг</i> — мой
<i>сецана</i>	<i>сец'а</i>	<i>сеста</i>	<i>сецна</i> — стал
<i>веданера</i>	<i>вед'авар</i>	<i>веддера</i>	<i>вединера</i> — убежал
<i>вита</i>	<i>вита</i>	<i>еут</i>	<i>виту</i> — оставлять
<i>дайтта</i>	<i>дейтта</i>	<i>д'йтта</i>	<i>дейтта</i> — четырнадцать
<i>дарс</i>	<i>дарц</i>	<i>дарц</i>	<i>дарц</i> — метель

Как видно из примеров, особого внимания заслуживает тут ламаккинский говор, в котором весьма своеобразно образуются прошедшее определенное и давнопрошедшее времена: *вед'а* — «убежал», *вед'авар* — «бежал»; ср.: *плоск. ведда, веддера*, *инг. ведав, вед'авар*. Ламаккинское *веда* получено из *ведав* — *ведин ва*, где после утери классного показателя *в* и суффикса прошедшего времени и произошло удлинение конечного гласного. Такого явления мы не наблюдаем ни в одном из диалектов чеченского языка.

В мелхинском говоре обращают на себя внимание случаи, когда прошедшее определенное время в отличие от других говоров галанчоожского диалекта образуется посредством суффикса *-та* вместо суффикса *-на* в других говорах. Это имеет место, когда суффиксу *-на* предшествует глухой спирант *с*, под влиянием которого *н* изменяется в глухой *т*: *сеста* < *сесна*¹ < *сецна* — «остановился», *лаьста* < *лаьсна* < *лаьцна* — «поймал».

Нашхоевский говор отличается от других говоров галанчоожского диалекта в первую очередь явлением деаффрикатизации: *буорс* — «просо», *дарс* — «метель», *марса* — «палить» и т. п., которое реализуется только в соседстве с вибрантом *р*; ср.: *буорц, дарц, марца* и т. д.

Если ламаккинцы говорят *лаьцна*, а мелхинцы *лаьста*, то нашхоевцы говорят *лаьсна* — «пойман», «поймал», где последнее (*лаьсна*) является переходной ступенью между *лаьцна* и *лаьста*.

Далее, в нашхоевском говоре вспомогательный неполный классный глагол «есть» оканчивается на *у*, как и в плоскостном (*ву, йу, бу, ду* — «есть»), а в мелхинском и ламаккинском он оканчивается на *а*, как и в ингушском (*ва, йа, ба, да* — «есть»).

Нашхоевский говор отличается от мелхинского, ламаккинского и по суффиксу субстантивации. В нашхоевском говоре субстантивированные прилагательные, местоимения и порядковые числительные образуются посредством суффикса *-ерг* (*в, й, б, д*) (*воккхаверг* — «старший», *сан-*

¹ Ср. с нашхоевским *сесна, лаьсна*.

верг — «мой», *шологIверг* — «второй»), а в мелхинском и ламаккинском — посредством суффикса *-ар* (в, й, б, д): *воккхавар, санвар, шолагIвар*.

Терлоевский говор отличается от других говоров галанчоожского диалекта следующими чертами:

1. В говоре отсутствует явление спонантизации аффрикаты *ц* (ср.: терл. *буорц*, нашх. *буорс* — «просо»).

2. В терлоевском говоре будущее определенное время образуется с помощью суффикса *-р* и вспомогательного глагола (в, й, б, д) *-у* (*ар ду* — «скажу», *водур ву* — «побегу»), а в мелхинском и ламаккинском — при помощи суффикса *-рг* и вспомогательного глагола (в, й, б, д) *-а* (*арг да, водарг ва*). Надо полагать, что *ар* < *арг* < *ариг алур* (*ду*) < *алург* (*ду*) < *алуриг* (*ду*) — «скажу»; *водур* (*ву*) < *вадур* (*ву*) < *вадург* (*ву*) < *вадуриг* (*ву*) — «побегу».

3. Терлоевцы, как и плоскогорные чеченцы, употребляют глагол *бах* — «говорить» вместо *йаха*. Последнее присуще также и ингушскому языку.

4. Если в терлоевском представлено только что прошедшее время (*веди^н* — «только что побежал»), то в других говорах галанчоожского диалекта данное время отсутствует, как и в ингушском языке.

5. В терлоевском, как и в нашхоевском, субстантивированные прилагательные, местоимения и порядковые числительные оформляются суффиксом (в, й, б, д) *-ерг* (*дикаверг* — «хороший», *хьа^нверг* — «твой», *шологIверг* — «второй»), а в мелхинском и ламаккинском — посредством суффикса (в, й, б, д) *-ар* (*дикавар, хьа^нвар, шологIвар*), как и в ингушском языке.

Суффикс *-вар* восходит к *варг* < *вариг* — «сущий». Суффикс *-вариг* получен в свою очередь из *вар* — «был», который восходит к *ва* — «есть», и *-иг* — суффикса субстантивации.

От соседнего итум-калинского диалекта галанчоожский диалект отличается:

1) отсутствием явления *рш* и *рс*, то есть спонантизацией, аффрикат *ч*, *ц* в положении перед вибрантом *р* (*барш* < *барч* — «почетный угол»; *буорс* < *буорц* — «просо») ¹;

2) наличием в итум-калинском только что прошедшего времени;

3) отсутствием явления *рк* (*дуорк* — «туман», *муорк* — «земля»);

4) в итум-калинском 1, 2 и 3-е лица личных местоимений *тхуо* — «мы», *шу* — «вы», *авш* — «они» не различаются по грамматическим классам (*тхуо бу, шу бу, авш бу*), а в галанчоожском они различаются (*тхуо да* (*ду*), *шу да* (*ду*), *изаш ба* (*бу*));

5) вместо итум-калинского каузативного суффикса *-айт* (*вадайт* — «пусть бежит») в галанчоожском мы имеем суффикс *-ийт* (*вадийта*);

6) ассимиляционное явление *-шт* в итум-калинском отсутствует (*говрашна* — «лошадям»); ср. галанчоож.: *говрашта* < *говрашна*.

Дайский говор отличается от собственно чеберлоевского диалекта, или макажевского говора, в основном отсутствием в макажевском явления регрессивной ассимиляции гласных при спряжении глаголов с корневым гласным *а* (*ала* — «сказать», *ало* — «говорю», *баха* — «говорить», *бахо* — «говорю», *аха* — «пахать», *ахо* — «пашу»; ср. дайск.: *блу* — «говорю», *ббху* — «говорю», *бху* — «пашу» и т. д.). Кроме того, имеются незначительные различия в словообразовательных и формообразовательных суффиксах. Например, макажевский суффикс *-вариг* (*дикивариг* — «хороший») в дайском звучит *-варг* (*дикиварг*), суффикс транзитива *-холо* в дайском звучит *-хула* (*колхузиехоло* — *кол-*

¹ Исключение составляет нашхоевский говор галанчоожского диалекта.

хуозиехула—«через колхоз»). Макажевский преверб *вахьа* в дайском звучит *охьа* (*вахьахаа* — *охьахаа* — «садиться»).

Аккинский диалект отличается от всех диалектов чеченского языка следующими особенностями:

1) наличием в глагольных и именных основах комплекса *рх* (*марх* — «солнце», *лерха* — «прыгать»), которому в других диалектах соответствует комплекс *лх* (*малх*, *лелха*), а в бацбийском — *тх* (*матх*, *летха*).

Здесь исходным, по-видимому, следует считать бацбийское *тх*, где смык *т* под влиянием следующего за ним спиранта *х* ослабел и *т* изменился в глухой спирант *лъ*, а потом *лъ* > *л* > *р*, как это имеет место и в аварских диалектах¹;

2) отсутствием прогрессивной ассимиляции в сочетаниях *лн*, *дн*, *тн* (*аьлна* — «сказав», *ведана* — «бегом», *летана* — «боровшись»; ср. др. диалекты: *аьлла*, *ведда*, *летта*);

3) в аккинском, как и в ингушском языке, прошедшее определенное время всегда имеет в исходе классный показатель (*аьлд* — «сказал», *сецанд* — «стал»; ср.: др. диалекты *аьлла*, *сецна*; инг. *аьннад*, *сецад*);

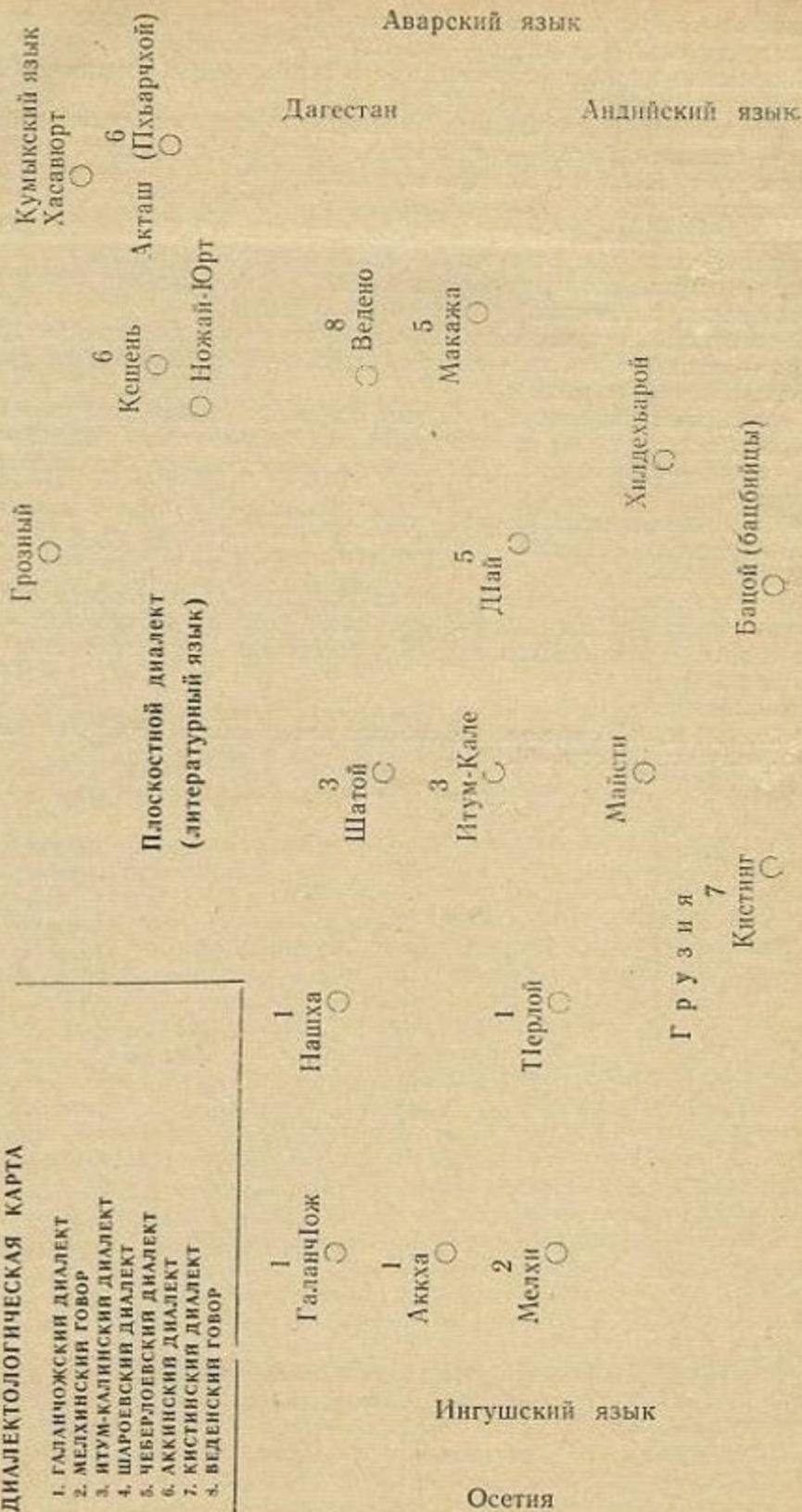
4) в аккинском совершенно отсутствует суффикс мн. ч. *-маш* (*бешаниш* — «сады», *гъажаш* — «палки»; ср. др. диалекты: *бошмаш*, *гложмаш*);

5) в диалектах чеченского языка довольно часто встречается глухой *ръ* (*вуоръ* — «семь», *баръ* — «восемь», *ларъа* — «считать», «почитать» и др.), а в аккинском глухой *р* совершенно не встречается (*вар*, *бар*, *лар*).

¹ См.: Ш. И. Михайлов. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958, стр. 151.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА

1. ГАЛАНЧОЖСКИЙ ДИАЛЕКТ
2. МЕЛХИНСКИЙ ГОВОР
3. ИТУМ-КАЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ
4. ШАРОВСКИЙ ДИАЛЕКТ
5. ЧЕБЕРЛОВСКИЙ ДИАЛЕКТ
6. АККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ
7. КИСТИНСКИЙ ДИАЛЕКТ
8. ВЕДЕНСКИЙ ГОВОР

ТЕКСТЫ

АККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ ЧЕНЛЕРГ

Цхьа сйесак хаьлни хьуьнчахала бонча гIашлой" невкьахала шийн кIаьтак ийцана ден" цIа гIош. Цхьа ча дуьхьар йаьлни цуна.

— ДIаьахийтахьара ахь суо! — аьлд сйесака чане.

— Йохийтарг йац ас! — аьлд ченуо, куорта а лестош.

ТIекхийтана, схьалаьцана, гитуьйхана, варшашкахала, кIуондаш тIехала бигана цхьана хари" чу тийсамб ченуо ийш. КIаьткана «Ченлерг» аьлна цIе тилни чено. ХIар денна багахь джигиг кхуьйхьаш, кхобаш хаьлнаб ченуо нана а, кIаьтак а.

— И вайна джигиг кхуьйхьаш биеа куоге, дакхийн лергаш донаш, вай" цIагIа эхарг хIун йа? — аьлна хаьттанд Ченлерга шийн наьне, ша куогавоьлна, муот а Iаьмана воккха хаьлча.

— Хьаь" да ва иза, — аьлна, забар йини нана.

— Да хола биь куог а бонаш, дакхийн лергаш а донаш? Вац и сен да, — аьлд Ченлерга.

— Суо де" цIа гIош йонаш, ницкьах гитуьйхана, йалийни цу ченуо хьуо а карахь. ХIетахь дуьне цхьана даьхаш да вай у чуохь, — аьлд нана.

— Ас и ча йийча, цIа йаха хеарг дарий хьубна? — аьлна, хаьттанд Ченлерга.

— Хеарг дара суона, — нана аьлча, ча йагIа йонча дуьхьар а вахана, куолла тIийхьа дIалечIкьана Iаьш хаьлнув кIаьтак.

Йиена схьакхаьчани ча, багахь джигиг донаш. Куолла тIийхьара схьаэккхана, диг туьйхана охьайилни Ченлерга ча. ТIаккха шийн нана а ийцана, цIа а виена, цIахь ваьхаш Iаьш хаьлнув кIаьтак. Биераша «Ченлерг» охаш тIехбеттамаш беш хаьлмб цуна.

— Нагахь суо дарлахь, ас йар йуьрт йерриг хIеллакхийрг йа. Шуна боухам ба" лац субна. Суо Iац шуна йуккьехь. Суо дIагIо. Шу маршаIайла! — юьрта" тхьамданашка а аьлна, цхьана йоккхача хьуьна чухала дIаваханув Ченлерг.

ДIаэхаш, эхаш дуккха а гаьна вььлча, цхьана хьалдонча элана тIе кхььчанув кIаьтак.

— Берхалуо уьйций ахь? — аьлна, хаьттанд цунга Ченлерга.

— Ял мел йоккха ахь? — аьлд элуо.

— Яа" хIискал а, тIейуха бедар а хаьлчахьана тоарг да суона-м, — аьлна, джуоп делид Ченлерга.

— Схьавуола, — аьлна, карта вигнув цуо кIаьтак.

Дукха ха" йалале элуо аьлд:

— Ченлерг, дечак кхачаделид вайн, вайна дечке гIахьара хьуо. ДIуо бедан чуохь серчи а, арахь ворда а йа хьубна.

— Даьра гIуьрг ва-кх. Ахь аьлнарг данза ваьрг вий суо? — аьлна, дечке ваханув Ченлерг.

Йоккхача хьуьнах дIакхаьчана, пепанш йухдохаш, тIекIел дуьхкаш, боккха мухь а бийна, бса а тесана, ийш схьатакхийнд цуо. Ша

юрта юккѣ кхаьчча, цхъанне^н карт-кав Іоташ, вукхана^н бедана мІаьк харцош, эла^н карта уьизанд Ченлерга дечак.

— Ва, эла, — аьлна, кхийкханув Ченлерг.

— Ва-вай! — аьлна, куорнехала арахъаьжнув эла.

— Ас диен хьуона дечак, ахь хІинца даккха хьайна, — аьлнд кІаьтака.

Эла чІогІа цецваьлнув, Ченлерг иштта ницкьал саг вий а хайна-кхиеравелнув. «Ма ницкьал саг ва йара, угІуо-м, ша дарлахь, ша йонна юрт а хІеллакхийрг йа», аьлна, йара вива^н дарманш лаха араваьлнув эла.

Ша говрана тІе а хайна, шийн шед мел кхоччала нахе хиттирач, цхъанниена а хайна дац Ченлерг вива^н вона дарма. ТІеххъара, эвла йистехь йаьхаш йонча цхъана Джийра-Бабас аьлнд элие:

— ДІуо гуча ламан тІийхъахь цхъа серамк ба хьуона, цу серамкехь хьайн ши шай диекхар да але, и диеха вахийта Ченлерг. Цу серамкуо юхавойтарг вац, хьуона, иза.

ТІаккха элуо, цІа а виена, Ченлерге аьлнд:

— Ченлерг, дІуо гуча ламан тІийхъахь бонча серамкехь ши шай диекхар да сен, и дийхана вагІахьъара хьуо.

— Даьр вагІарг ва-кх. Ахь аьларг данза ваьрг вий суо? — аьлна, Ченлерг, араваьлна, серамк бонча ваханув.

Ченлерг ламан тІе ваьлча, дечкаш дохаш цхъа саг а карийна, цуна тІе ваханув:

— Ассалам-Іалайкам! — аьлна, салам делнд Ченлерга.

— ВаІалайкам-салам! Ахь хІун лиело, мехка вбца хьаша? — аьлна, хайтанд воккхача сага. Шийга деча хаттарна джуоп а ца леш, и дІуо гуш бона буьйра хІу^н буьйра ба? — аьлна, хайтанд Ченлерга.

— Серамка^н бІаь^н ба, — аьлна, джуоп делнд воккхача сага.

— ТІа дІуо гуш йона сийна меттак хІу^н меттак йа? — аьлнд кІаьтака.

— И серамк чуохь бона Іам ба, — аьлнд воккхача сага.

— ТІа хьуь^н сенна гуш йерг хІун йа?

— Цу серамка^н кхес йа.

— ТІа дІуо гуш йона цІе хІу^н цІе йа?

— Цу серамкуо, цергаш вовших хьакхийча, туьйсаш дона суьйнаш да.

ТІаккха Ченлерг ваханув буьйри ча, серамк бонча.

— ХІей, серамк! — аьлнд Ченлерга.

— ХІу^н оха ахь? — аьлна, йистхаьлмб серамк.

— Хьуона тІехь ший^н ши шай да охара элуо, и схьада^н вайтанув суо, — аьлнд кІаьтака.

— ДІавала, кІант! Хьаша ва аьлна вуьта аса хьуо. Хьаша ваца-хьъара, хеарг дара хьуона! — аьлнд серамкуо.

— Ас хьуога и дийцац, схьалева бала чакха ши шай! — аьлна, тІечевханув Ченлерг.

Цергаш вовших а хьакхийна, чукхоссабелмб серамк. Катуьйхана кхес схьа а лбцаш, цуна тІе ваьлнув Ченлерг. ТІара а детташ, тІе а хайна, серамк эла^н карта бигана, куоре уоттиймб Ченлерга.

— ХІей, эла! — кхийкханув Ченлерг.

— Ва-вай! — аьлна, куорнехала арахъаьжнув эла.

— Суона даккха лац угІангара ши шай. Хьайна даккхалахь, хьаь даккха, — аьлнд Ченлерга.

— ДІабаккхалахь, дІабаккхалахь! Хьаь бאלлинча дІабигалахь! — аьлнд кхиеравелнча элуо

— Даьр лиеларг вацара суо йара дІа-схьа ийцана-м, — аьлна, ластийна тІара а туьйхана, ша биенча дІахьажиймб Ченлерга серамк. Цул тІехь вар ламана тІийхъа эккхамб серамк, Ченлергахь кхиерабелна.

Эла кхиен а цIогIа Ченлергах кхиеравелна, юха а Джийра-Бáба йонча ваханув.

— Хинца хIу^н да^н диеза тие ас? Серамк а балош ма вне^н и,— аьлд элуо.

— ДIуо хьуьн чохь цхьа йиешап да хьуона, цуна тIехь хьайн^н ши гирда хьайкIаш йа, áле, ийш йа^н вахийта ахь. Йиешапуо юхавойтарг вац, хьуона, иза,— аьлна, хиехар дийнд Джийра-Бáбас.

Элуо, цIа а виена, аьлд, Ченлерге:

— Ченлерг, дIуо хьуьн чоухь донча йиешапехь сен цхьа-ши гирда хьайкIаш йа. Ийш йихана вагIахьáра хьуо.

— Дáьр вагIарг ва-кх. Ахь аьлнарг данза ваьрг вий суо?— аьлна, ваханув Ченлерг йиешап донча.

— ХIей, йиешап! — аьлна Ченлерга цIогIа туьйхича, куориехала áрахьаьжна, лIакхарча цIагIа а эккхана, сехха цергих кхиераг хьиекха доладелнд йиешап.

— Арадала, йиешап! — аьлна, цIогIа туьйханд Ченлерга юха а.

— Ахь хIун óха? — аьлна, джуоп делнд йиешапуо, ара а долаш.

— Хьуона тIехь ши гирда хьайкIаш йа охаш вайтанув суо элуо, ийш схьайахьаш вуола аьлна.

ТIаккха цергаш вовших а хьиекхош, Ченлергана тIетасаделнд йиешап. Катуйхана бечкIанаш а лáьцана, девчи^н тхава кIел а дигана, ша тIехала тIе а хайна, эла^н карта дIаваханув Ченлерг.

— ХIей, эла! — аьлна, кхийкханув яра.

— Ва-вай! — аьлна, куориехала арахьаьжнув éла.

— Суона угIуо схьаяла тигац хьайкIаш. Ахь хьаь йаха, хьай^н угIа-на тIехь йалахь,— аьлна, куоре дIауоттинд йиешап.

— ДIадаккхалахь, дIадаккхалахь! Хьаь даллинча дIадигалахь! — аьлд кхиеравелнча éлуо.

— Дáьр лиеларг вацара суо йара дIа-схьа ийцана-м, — аьлна, тIара а туьйхана, дIахьажийнд йиешап Ченлерга.

Цул тIехьа вар башламана тIийхьа эккханд йиешап, Ченлергах кхиераделна.

Элуо лиелорг хайнча Ченлерга аьлд цунга.

— Хьаь^н цIагIахь йианча хIискала^н а, тIейуйханча бедра^н а йуьхь ца йахьáра, хьаь^н куорта схьа а баьккхана, цу хьаькIах улларг бара ас. Суо хьуоца кхе^н Ийрг вац,— аьлна, хьуьнах дIаволавелнув Ченлерг.

Ша лиелочана дахковаьлна, тIехьаваьлна дийханд элуо:

— Ма гIахьáра хьуо, цхьана Ийрг дар вай,— аьлна.

— А-ахI, цIа ламарто йаьлнча меттахь Iа^н лийг вац суо. ДIагIо суо,— аьлна вахана цу хьуьнчыхала лиелаш, цхьана кха сагана тIе-кхьачанув Ченлерг.

— Ассалам-Iалайкам! ХIу^н нах да шу? — аьлна хьаьттанд царга Ченлерга.

— ВаIалайкам-салам! Абарг нах да тхуо, — аьлд цара.

— Суо а ва-кх абарг,— аьлд Ченлерга.

— Далахь цхьана Iа^н диез-кха вай,— аьлд кхá сага.

Царах кхийтана, цáрца Iаьш хьалнув Ченлерг. Цхьана дийнахь цаь цахь а витана, вужаш талла бахамб, шайца Ченлерг а вонаш.

— Тхуо цIа далие джижаг тасе, галнаш а йеве, Iевлахь,— аьлна цIахь висанчанга.

Джижаг а тесана, галнаш а йийна йара Iаьш вонча хьаьнахь:

— ХIей! — аьлд арахь цхьаммуо.

— Вай! — аьлна, áраваьлнув яра саг.

— Ассалам-Iалайкам! — аьлд, астахча пхьагална тIе хайна виена-ча астахча наьртуо.

— ВаIалайкам-салáм! Вуосса охьа,— аьлд цIийна дас.

— Вуссарг ва даър суо-м, ахь вуосса аьлча а, ма вуосса аьлча а,— аьлна, охъавоьссана, чувахана, охъахайнув астах наьрт шийн астахча пхъагалцие цхъана.

Галнаш схъа а йаьхана, цийна да джижагах пхи дакъа деш валлаш, хусамдаьга наьртуо хаьттанд:

— Хьюо хлу" деш ва?

— Даваханарг кхоь ва, вай шиь ва; пхи дакъа дора аса-м,— аьлд бухарча сага.

— Хьа" пхи дакъа-м хаьцара суона,— аьлна, катуьйхана пхъагала цюганах мирз а баьккхана, цийна да таллийна юккьериача бюгIамах да вихканув наьртуо. Таккха схъайцана джижаг-галнаш кхъаллана да а йахийтана. айббийна чуорпи йай тIе а мелна, шийн астахча пхъалгална тIе а хъайна, ваьлна даваханув астах наьрт.

Цийна да, даветтавелна, схъаветтавелна, халла васта а велна, яй а билна, цIагIа нив а хъаькхна, юха цIе а латийна, яй а оьллана, давижнув. Таллабахарнаш, Ченлерг а тIехь, цIа баькхамб.

— Ахь хлу" до вижана? — аьлна, хаьттанд Ченлерга у цIахь висанчанга.

— Гайг лезаш вижана вара суо-м,— аьлна, джуоп делнд бухарчуо.

ШолгIача дийнахь кхе" цаь цIахь витана, талла бахамб йиш. ЦIахь виснарг яй кхакхийна воллашехь, юха а виена схъакхъачанув наьрт.

— ХIей! — аьлд наьлар тIехь.

— Вай! — аьлд, араваьлчя цийна дас.

— Ассалам-Галайкам! — аьлд наьртуо.

— ВаГалайкам-салам! Вуосса охъа,— аьлд цийна дас.

— Вуссарг ва даър суо-м, ахь вуосса аьлча а, ма вуосса аьлча а,— аьлна, охъавоьссана, чувахана охъахайнув астах наьрт шийн астах пхъагалцие цхъана. Цийна да, яй охъабиллана, галнаш схъа а яьхана, джижагах пхи дакъа деш валлаш:

— Ахь хлу" до? — аьлна, хаьттанд наьртуо.

— Давахнарг кхоь ва, вай шиь ва, пхи дакъа дора аса-м, — аьлд угIуо.

— Хьа" пхи дакъа, ца дакъа-м хаьцара суона,— аьлна, катуьйхана цийна да схъа а лаьцана, пхъагала цюганах мирз а баьккхана, юккьериача бюгIамах кьевлана давижкана, таккха схъайцана джижаг-галнаш да а кхъаллана, айббина чуорпи" яй тIе а мелна, шийн астах пхъагал"а тIе а хайна, ваьлна даваханув астах наьрт.

Даветтавелна, схъаветтавелна, васта а велна, яй а билна, цIагIа нив а хъаькхана, цIе а латийна, юха а яй а оьллана, даветжанув цийна да. Баькхана цIа кхъачамб таллабахнарш.

— Ахь хлу" до, хьюо вижана ма Iа? — аьлна, хаьттанд Ченлерга.

— Куорта лезаш вижана Iара суо-м,— аьлд угIуо.

Таккха кхолгIача дийнахь вужаш талла а бахана, Ченлерг висанув цIахь. Ченлерг яй кхакхийна волаш:

— ХIей!— аьлд наьлар тIехь.

— Вай!— аьлна, араваьлнув Ченлерг.

— Ассалам-Галайкам!

— ВаГалайкам-салам! Охъавуосса,— аьлд Ченлерга.

— Вуссарг ва даър суо-м, ахь вуосса аьлча а, ма вуосса аьлча а, — аьлд наьртуо.

— Даър вуссарг вац, ас ма вуосса аьлча-м!— аьлна, катуьйхана схъайцана, астах наьрт а, астах пхъагал а чубигана, пхъагала цюганах мирзаш а даьхана, наьрт а, пхъагал а дадихкина, шийн галнаш шейюлийташ Iаьш хъалнув Ченлерг, накъюости цIа баре хьюьйжаш. Баькхана цIа кхъачамб таллабаханарш.

— Хьа" гайг лазийтанарг яра варий? — аьлд Ченлерга сомара цIахь висанчанга.

- Вара,— аьлд цуо.
- Сиехана хьа^н куорта лазийтанарг яра варий? — аьлд Ченлерга вукханга.
- Вара, — аьлд цуо а.
- Далахь гуохе вива шайна яра хинца, — аьлд Ченлерга.
- Ма вивахьара аша суо, длавахийтахьара! Кхе^н varlarг вацара суо, — аьлна дийханд наьртуо.
- Уггал тлехьа у йг'ор хьай^н лар ма гайталахь. Хьуо хьаша ваца-хьара, аса куорта боккхарг бара хьаь^н, — аьлна, шийн астах пхьагална тле а хаввийна, длавахийтанув Ченлерга наьрт.

Ченлергана цхьана дийнахь кхаьрсташ лиелаш, цхьа йаккхий^н г'аланаш йайни хьуьн чуохь. Ша ц'а виеча, хаьттанд цуо шийн накьу-осташка:

- Ийш х'у^н г'аланаш йа? — аьлна.
- Цу г'аланашкахь дукха ницкьал наьрташ ба баьхаш, — аьлд накьуосташа.
- Царгара и г'аланаш схьаяханза дуьне дуарг ма дац ас,—аьлна хьевзанув Ченлерг.
- Диттахьара ахь и г'улкх. Цу чуохь баьхаш сов ницкьал наьр-таш ба, цхьанне — цхьа куорта, шолг'ача^н — ши куорта, кх'олг'ача^н — кхуо куорта, веалг'ача^н — биь куорта, пхиелг'ача^н—пхи куорта, ярхал-г'ача^н — ярх куорта, варалг'ача^н — вар куорта, баралг'ача^н — бар ку-орта, ийсалг'ача^н—ийс куорта бо^наш, ийс наьрт ва цу г'аланашкахь ваьхаш. Вайна кьийсалийг дац царца, Ченлерг, — аьлд накьуосташа.
- Ийш мел ницкьал нах хаьлча а, суо Галийрг вац цутта ца вах-ча, — аьлна, ваханув яра наьрташ баьхача г'аланашка. Д'акхьачча, г'а-ланаш наьларш а йеллана лаьтташ карийни Ченлергана, чуохь цаьа саг воцаш. Чуохь гуобаьккхана иттийна лаьтташ ийс зилбухар-тур а хаьлд. Вовших дегташ, дика молха да хьуьйжаш, уггар дика цаь хаьржанд царих шийна. Цул тлехьа, наьлар тлийхьа доккха уор а даьк-кхана, шийн зилбухар-тур буьйнахь а донаш наьлар тлийхьа д'алеч'кьанув Ченлерг. Баьхкана наьрташ ц'а кхачамб. Чув'аг'ла-ваг'лачана тур тухаш, ийсалг'ачана тлехкаччалца уора чу эхийтамб цуо ийш. Ийсалг'аверг, ши куорта тлехь а буьсаш, чуваханув. Ташийна тле тхав буьллаш, уор д'а а дуькьана, ший^н ц'аьра наьна а, дзимийга воша а ва-лийна, цу г'аланашка ваха охьахайнув Ченлерг. Ченлерг талла ваха-на вонаш, цхьана буса у ийс куорта бонча наьрта^н бедан чуохь бона гила, ший^н дас узарш беш хаьзана, терсамб. П'аккха д'ас уора чура схьакхийкхана, гилане аьлд:

— Хьай^н да велна докьана биварг! Хьаь^н да леш ма лаьттий!

Бедана дуьхьар туьхана лаьтта чхар накха туьхана кхоьссан д'а а йахийтана, биена уора тле а оьттана, барг туьйхан туьйхана тхав д'а а кхоьссана, ший^н ц'лога чудахийтана, оззийна т'еваьккханув ийс куор-та бона наьрт. И хайна Ченлерга^н вошалг цуна дуьхьар ваханув.

— Ваши, ваши, цаь миера воцн суо лойла хьаь^н, ас буьл-буьлча миере куог буьлла балахь, — охаш, Ченлерг тлехьахь а волаш, ярш уора тлех баьлна баг'лаш, лечкикьана лаьчара схьаьккхана, Ченлергах летта-нув наьрт. Ярш лиеташ, дзимийгача вешас шийн вешийна к'ел г'лум туьйсаш, наьртана к'ел хи дутташ хаьлд. Тлехьара а Ченлерга айвий-на наьрт лаггиелаца лаьтта а вахийтана, хьавззийна ши курота схьа а баьккхана, кхоьссана кхаьлли^н тле бахийтамб.

Ярш ц'а кхачча, дзимийгача вешас аьлд Ченлерге.

- Вай^н нана хинца кьа^н йелна а йаг'ла, цуна г'уо а хаьрг дара, хьубна нускал далуо^н диезара вай, — аьлна.
- Далорг-м дара вай... Шийл тоьлача к'антне миере ца леш

цхъа йуоІ йа Іаържача-Хожн". Иза миере кхе" йуоІ йац у мехкахъ. Та Іаържача-Хожил вай тоьларг а дац,—аьлд Ченлерга.

— Суо вахийтахъара ахъ, ваши, йуоІ йалуо",—аьлна, дийханд дзимийагача вешас.

— Хьюо лароргвац Іаържача-Хожих лата, ма глахъара хьюо, — аьлд Ченлерга.

— Суо лалорг ва цунах лата, — аьлна, кечвелна, ший" динна тге а хайна, ваханув яра Іаържача-Хожих лата. Гош, цуна глапуона тге кхаьчча, чуваха" меттак луйхаш яра лиелаш, гларолуо глапу а йиеллана, чувахийтанув дзимга кІант.

— Ассалам-Іалайкам, Іаържа-Хожа! Дика дагІалда хьюо ваьхача гІалийча.

— ВаІалайкам-салам, дзимга кІант! Вуосса охъа.

Охъавовссана чуваханув дзимга кІант.

— Ахъ хІу" лиеладора, хьюо лаа лиеларий?—аьлна, хаьттанд Іаържача-Хожас.

— Суо сай" вешийна хъаь" йуоІ йиеха венув,—аьлд кІанта.

— Та ас сай" йуоІ сайл летана тоьлначанá миере леш ма яций.

— Летарг ва-кх далахъ вай шие, — аьлд дзимгача кІанта.

Тааккха Іаържача-Хожас вар шарахъ Іахар бисана йет а бийна, и берраг чутесана, цхъа галий ахъар а хъакхийна, йет баа" хевжамб ярш. Яра кІант ца-шозза кхаьлна валале, Іаържача-Хожас хъаьккхана дерраг джижаг а галнаш а йиана, хъалаэккхана, аьлд:

— Хинца летарг ва вай шие а!

Хъалалерхана лата ярш. Іаържача-Хожас, хъавзийна кІант кІел а виллана, цунна лагах тур хъуйкхаш валлаш, гІалий" гІиера чу кхийкхана йуоІа ший" даьга аьлд:

— Ами, ма вивахъара ахъ и кІант. Тяхъе вуо" хъаь йонаш йа хьюона цуна. Тааккха Іаържача-Хожас, вахъа а вехъана, куотамий" бІаьна чу кхоьссанув и кІант.

Ший" дзимийга воша ца ва" гІававелча, цхъа буохам хъална хъарг ба цуна, — аьлна, сехха ший" юкъах герз а дихкана, месала куьда куьрта а тиллана, ший" дина а ваьлна, вешийна тІехъа дІаэккханув Ченлерг. Гош-гош Іаържача-Хожин Іажн" биеша кхъьчнув яра. Охъабийгнарш говруо а буаш, тІехъ мел берш ша а буаш, цу биешахала чакхваьлнув Ченлерг. Галн" гІаролаша хаам биймб Іаържача-Хоже:

— Діуохала вагІаш цаь ма ва, бухахъ мел болу Іаж биана говр ма йаьла", тІехъ мел берг биана ша ма ваьла" иза; мийкхашца хъийзаш кІур ма ба, тІкъама даьлна алхазар сenna, чакха багІаш дин ма ба цунна", — аьлна.

Ченлерг, наьІ ца луйхаш, ший" дин гІапуох тІехъ оьккхийташ:

— Ассалам-Іалайкам! — аьлна, чуваьлнув.

— ВаІалайкам-салам! Вуосса охъа, — аьлд Іаържача-Хожас.

Охъавовссана, чуваханув Ченлерг.

— Ахъ хІу" лиело, мехка" воца хъаьша? Хьюо лаа" лиеларий?—аьлна, хаьттанд Іаържача-Хожас.

— Суона диезаш хІама дац. Суо лата виенув, — аьлд Ченлерга

Туьйхана Іахар йет бийна, цхъа галий ахъар а хъакхийна, ийш ерраг кхакхийна хъараха а йихкана, йаа" хайнув йара шие а. Шеш джижаг-галнаш йиана даьлча, хъала лерхана вовшах летамб ийш. Ченлерга, лаьттах туьйхана, Іаържа-Хожа лаггилца лаьттах а вахийтана, лаг тге зилбухар дилнд. Тааккха Іаържа-Хожа диеха ваьлнув Ченлерге:

— Діуора йуоІ а йа хьюона, діуочехъ даьхни а да хьюона, сен куорта ма баккхахъара ахъ,— охаш.

— Хъаь" йуоІ а хъашт йац, хъаь" даьхни а хъашт дац. Се" воша схъавá суона. Тааккха дийна вуьтарг ва аса хьюо,— аьлд Ченлерга.

Иза хаьзанча йуо!а, йедана йахана, б!аьна чура схьаваьккхана, дика лийча а лийчийна, т!е духар а дуьйхана, кечвина валийна, д!авел-нув Ченлерге дзимга к!ант. Iаьржа-Хожа, ша лаяттах схьаваьккхача, шийн йуо! а йелна, дерраг даьхни хьарха а даьхана, шийн г!аролашцие Ченлерг ваьхача г!аланашка ваханув. Кха дийнахь, кха буса туой-лов-зар а дийна, юхабирзамб ийш.

Ченлерг а, цуна" воша а, нускал а, нана а баьхаш бисамб.

Дагестанская АССР, Хасавюрт,
совхоз имени X. Нурадилова.

Абдулгамидов Джабраил Арслаханович, 50 лет.

ЧЕБЕРЛОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

ЧЕНЛАРИГ

Цхьа зудон хилле хьунечухоло болочо г!ашлойн новкьахоло, шен к!анат а эцие, ден ц!а йодеш. Цхьа ча духьел ялле цунна.

— Д!аяхайтахь!ара ахь суо! — алле зудочуо чане.

— Яхайтур яц ас! — алле чануо, куорта а лестош.

Т!екхетте схьалацне, гитуохне, варшешкехоло, бердеш т!ехоло бигне, цхьану харай чу тийсине чануо авш. К!антена «Ченлариг» алле ц!е тиллине чануо. Х!!р денна багахь джигиг а кхехьуш, кхабуш хил-ле чануо н!ана а, к!анат а.

— А вайна джигиг кхехьуш биь когте, дажкхайн ларгашше долош, вайн ц!а чу ихориг х!ун ю? — аьлле, хаттине Ченларга шен н!ане, ша куогавалле, мотт а I!мене, воккхо хилче.

— Хьен да ву аз, — алле, забар йине н!анас.

— Д!а хил биь куог а болош, дажкхайн ларгеш а долош? Вац аз сен д!а, — алле Ченларга.

— Суо ден ц!а й!одеш йолош, ницкьух гитохне, ялойне цуб ча, суо, хьюо а карехь. Х!атехь донни цхьани д!ахеш ду вай х!акху чухь, — ал-ле н!анас.

— Ас а ча й!иче, ц!а яха хаур дарай хью!на? — алле, хаттине Чен-ларга.

— Хаур дара су!на, — нанас алче, ча яг!о й!олочо духьел а вахане, куоллу т!ехьа д!алачкьене Iеш хилле к!анат. Еэне схьакхачче ча, ба-гахь джигиг долош. Куоллу т!ехь!аре схьаэжкхине, диг туохне вахь!а-йиллине Ченларга ча. Т!аккха шен н!ана а эцие ц!а а веэне, ц!ахь в!а-хеш Iеш хилле к!анат. Б!ереша «Ченлариг» бахуш т!ехбеттомеш беш хилле цунна.

— Нагахь суо дарлохь, ас х!ара юрт ярриг х!аллакьерью. Шуна бу!оном бан ца лез су!на. Суо ца Iа шуна юккьехь. Суо д!ав!оде. Шу марша I!йло! — юртен тхьамданишке а алле, цхьану йоккхочо хьуне чухоло д!авахене Ченлариг.

Д!аихош, ихош, дуккха а г!ани валче, цхьану хьалдолочу алена т!екхачне к!анат.

— Балхилуо эцуй ахь? — алле хаттине цунге Ченларга.

— Ял мел яккхо ахь? — алле !ленуо.

— Яа сискал а. Т!аюха бадир а хилчехьанни туар ду суона-ме, — алле, джуоп далле Ченларга.

— Схьав!ола, — алле, карте вигне цуб к!анат.

Дукха хан ялале аленуо алле:

— Ченлариг, дачиг кхачоине, вайна дачке гдохъара хью. Дохью божолой чухъ старчи а, арахъ вордон а ю хьюна.

— Дер глор ву-кх. Ахъ аллериг дази^н вар вуй суо?—алле, дачке вахане Ченлариг.

Иоккхочо хьунех длакхачне, даккхайн папниш бухдахуш, тлектел дакхуш, боккхо мухъ а бине, асо а тасне, авш схьатокхойне цуо. Ша юрте юкье кхачче, цхьанни^н карт-кав атуш, воккуни^н божолойн маиг харцош, ален карте озне Ченларга дачиг.

— Ва, але! — алле, кхайкхине Ченлариг.

— Ва-вай! — алле, куорехоло арахъажене але.

— Ас дез хьюна дачиг, ахъ хинци даккха хьайна, — алле кланата. Але чаглон цецвалле. Ченлариг иштти ницкьоло стаг вуй а хьане, кхеровалле. «Ма ницкьоло стаг ву хлара; хлакхуо-ме, ша дарлохъ, ша йолло юрт а хлалакьерью», алле, хлара ве^н дарбанаш лаха^н аравалле але.

Ша гаврена тле а хьане, шен шед мел кхачучохоло нахе хаттарух, цхьанна а хьане дац Ченлариг венлун доло дарба. Пехьерез, авли йистехъ яхеш йолочо цхьану Джери-Бабас алле аине.

— Дохью гучо лам тнэхъа, цхьа сармак бу, хьюна; ацу сармакхъ хьайн ши шай деххара ду але, а диэха вахайта Ченлариг. Ацу сармакуо юхаваайтур вац хьюна аз.

— Тлаккха аленуо, ца а виэне, Ченларге алле:

— Ченлариг, дохью гучо лам тнхъа болочо сармакхъ ши шай деххара ду сен, а дехне ваггахъара хью.

— Дер ваглор ву-кхе. Ахъ аллериг дази^н вар вуй суо?? — алле, Ченлариг, аравалле, сармак болочо вахэне.

— Ченлариг лам тле валче, дачигеш дахуш цхьа стаг а коройне, цунна тнэвахэне.

— Осолом-Галайкум! — алле, солом далле Ченларга.

— ВаГалайкум-содом! Ахъ хлун делодо, махкин вацун хьаша?—алле, хаттина воккхочо стага. Шеге дену хаттарна джуоп а ца луш, а дохью гуш боло биэро хлун биэро бу, алле, хаттине Ченларга.

— Аз сармакен бен бу, — алле, джуоп далле воккхочо стага.

— Ткьа дохью гуш йоло сиени маттиг хлун маттиг ю? — алле кланата.

— Аз сармак чухъ боло там бу, — алле воккхочо стага.

— Ткьа хьун санне гуш яриг хлун ю?

— Ацу сармакен кхес ю.

— Ткьа дохью гуш йоло цлен хлун ю?

— Ацу сармакуо царгеш вовших хьокхойче, тийсуш доло сивниш ду.

— Тлаккха Ченлариг вахэне биэри чу, сармак болочо.

— Хлей, сармак! — алле Ченларга.

— Хлун бахо ахъ? — алле, бистхилле сармак.

— Хьюна тлехъ шиэн ши шай ду бахоро аленуо, аз схьадан ваайтине суо, — алле кланата.

— Дзавала, кланат! Хьаша ву алле рито ас хью. Хьаша вацахъара, хаур дара хьюна! — алле сармакуо.

— Ас хьюга а ца дийцо, схьалое бала чаккин ши шай! — алле, тлечавхэне Ченлариг.

Царгеш вовшох а хьокхойне, чукхоссобалле сармак. Катохне кхес схьа а лацуш, цунна тлевалле Ченлариг. Тпара а диеттеш, тле а хьане, сармак ален картине бигне, куоре хлуоттойне Ченларга.

— Хлей, але! — кхайкхине Ченлариг.

— Ва-вай! — алле, куорехоло, арахъажене але.

— Суоге даккхо ца ло хлакхунгере ши шай. Хьайге даккхолохъ, айхъа даккха, — алле Ченларга.

— Діабаккхалехь, діабаккхалехь! Айхьа баллойнэчо длабига-
лехь! — алле, кхероваллечо аленуо.

— Дэр лиелер вацара суо хлара, хьуана, дай-схьай изинэмэ, —
алле, лостойне тлара а туохне, ша бьээнэчо длахьожойне Ченларга
сармак.

Цул диэхьа ворхл башламуна тиэхьа эккхинэ сармак, Ченларгех
кхиэробалле.

Але кхан а чларгон кхиэровалле Ченларгех, юха а Жиери-Баба
йолочо вахене.

— Хланци хлун дан диэзе те ас? Сармак а балош ма виэ а, — алле
аленуо.

— Дохьуо хьуне чухь цхьа йиэшап ду хьубона, цунна тлехь хьайн ши
герди хьажкеш ю, але, авш йан вахайта ахь. Йиэшапуо юхавайтур
вац, хьуона, аз, — алле, хьэхара дине Джери-Бабас.

Аленуо, ца а визна, алле Ченларге.

— Ченлариг, дохьуо хьуне чухь долочо йиэшапехь сен цхьа ши
герди хьажкеш ю. Авш йиэхне ваглахьара хьуо.

— Дэр вагтор ву-кхе. Ахь аллериг дази^а вар вуй суо? — алле, ва-
хене Ченлариг иэшап долочо.

— Хей, йиэшап! — алле, Ченларга муохь туохче, куорехоло ара-
хьяжене, лакхарчу ца чу а иэккхинэ, сиххи^а царгех глайракх хьиэкка
долодалле йиэшап.

— Арадала, йиэшап! — алле, муохь туохне Ченларга юха а.

— Ахь хлун бахо? — алле, джуоп далле йишапуо, ара а далуш.

— Хьубона тлехь ши герди хьажкеш ю бахуш, вайитине суо аленуо,
авш схьаяхьаш вубла алле.

Тлаккха царгеш вовшош а хьиэкхош, Ченларгена тетосадалле
йиэшап.

Катохне клажареш а лацне, дорчийн тхав клел а дигне, ша тлехоло
те а хаьне, ален карте длавахане Ченлариг.

— Хей, але! — алле, кхайкхине хлара.

— Ва-вай! — алле, куорехоло арахьяжене але.

— Суона кхуб схьаяла ца тиге хьажкеш. Ахь айхьа йаха, хьайн
кхунна тлехь елехь, — алле, куоре длахьуоттойне йиэшап.

— Дадаккхалехь, дадаккхалехь! Айхьа даллойночо дладига-
лехь! — алле кхиэроваллечо аленуо.

— Дер лелер вацара суо, хьуона, хлара дай-схьай эцнемэ, — алле,
тлара а туохне, длахьожойне йиэшап Ченларга.

Цул тлехьэ ворхл башламуна тиэхьа иэккхине, Ченларгех кхиэро-
далле, йиэшап.

Аленуо мизлориг хаьнечо Ченларга алле цунге:

— Хьен ца чухь яьнечо саскилен а, тлеюхнечо бадирен а юхь ца
йохьара, хьен куорта схьа а баккхине, ацу хьакхуних оллур бара ас.
Суо хьубоце кхе йер вац, — алле, хьунехь длаволовалле Чен-
лариг.

Ша лелойнечона дохковалле, Ченларгена тлехьевалле, дехне аленуо:
ма глубьара хьуо, цхьанй йер дара вай, — алле.

— Хлан-хлан, цкье ямартлуо яллечо маттихь йиелур вац суо. Дла-
воде суо, — алле, вахене, ацу хьунечухоло лиелеш, кхаа стагана тле-
кхачне Ченлариг.

— Осолом-Галайкум! Хлун нах бу шу? — алле, хаттине царге Чен-
ларга.

— ВаГалайкум-солом! Абуриг нах бу тхуо, — алле цара.

— Суо а ву-кхе абуриг, — алле Ченларга.

— Делехь цхьанй Иен диэзе-кхе вай, — алле кхаа стага.

Царах кхетте, царце йеш хилле Ченлариг. Цхьану денихь, ца! цахь
а витене, вуйш талла бахене, шайце Ченлариг а волош.

— Тхуо ца дахкале джигиг а тассе, галаниш а йей Иелехь,—алле цахь виссенечонге.

Джигиг а тассине, галаниш а йине, хара деш волочо ханихь:

— Хей! — алле арахь цхаммуо.

— Вай! — алле, аравалле хара стаг.

— Осолом-Галайкум! — алле астхачо пхьагалена тее хаъне виэне-чо астхачо нартуо.

— ВаГалайкум-солом! Вуосса вахьа, — алле цинени дас.

— Вуоссур ву дер, суо-ме, ахь вуосса алче э, ма вуосса алче э,—алле, вахьавуоссене, чувахене астха нарт, шен астхачо пхьагалецэ цхьани. Галаниш сха а яхне, джигигех пхи дакъа деш цинени да валлош, хусомен деге нартуо хаттине:

— Хьюо хун деш ву?

— Давахенериг кхоъ ву, вайши шиъ ву, пхи дакъа дора ас-мэ, — алле бухерчо стага.

— Хьен пхи дакъа-ме ца хэра суона, — алле, катохне пхьагален цюгуних мерз а баккхине, толоне юккьерчо бигломех давехкине цинени да. Таккха схаэцне джигиг-галаниш кхаллине да а яхайтине, айбине чурпайн йи тее э малле, шен астхачу пхьагалена тее э хаъне, валле давахене астха нарт.

Цинени да даветтавалле, схаветтавалле, хала васто а валле, йи а билене, ца чу нуй а хьакхне, юха цее э лотойне, йи а уоллине, давижене. Таллабахенериг, Ченлариг а теехь, ца бахкене.

— Ахь хун до, вижене Иллош? — алле, хаттине Ченларга хюкху цахь виссенечонге.

— Гай лазуш виженера суо-ме, — алле, джуоп далле бухерчуо.

Шоллогочо денихь, кхен цхьаъ цахь а витене, талла бахене авш Цахь виссенериг йи кхехкойне валлушехьа, юха а веэне схьакхачне нарт.

— Хей! — алле налар теехь.

— Вай! — алле араваллечо цинени дас.

— Осолом-Галайкум! — алле нартуо.

— ВаГалайкум-солом! Вуосса вахьа, — алле цинени дас.

— Вуоссур ву дер суом-ме, ахь вуосса алче э, ма вуосса алче э, — алле, вахьавуоссене, чувахене, вахьахэне астха нарт шен астхачо пхьагалецэ цхьани.

Цинени да йи вахьа а биллине, галаниш сха а яхне, джигигех пхи дакъа деш валлош:

— Ахь хун дуо? — алле, хаттине нартуо.

— Давахенериг кхоъ ву, вайши шиъ ву, пхи дакъа дора асме,—алле кхуо.

— Хьен пхи дакъа, ца дакъа-ме ца хэра суона, — алле, катохне цинени да схьалацне, пхьагален цюгуних мерз а баккхине юккьерчо бигломех кьавлине давехкине; таккха схаэцне джигиг-галаниш да а кхаллине, айбине чурпайн йи тее э малле, шен астха пхьагалена тее а хаъне, валле давахене астха нарт.

Даветтавалле, схаветтавалле, хала васто а валле, йи а билене, ца чу нуй а хьакхне, цее а лотойне, юха а йи а уоллине, давижене цинени да.

Бахкене цахьакхне таллабахенериг.

— Ахь хун дуо, хьюо вижене ма Иллош? — алле, хаттине Ченларга.

— Куорта лазуш виженера суо-ме, — алле кхуо.

Таккха кхаолгочо денихь, вуйш талла а бахене, Ченлариг виссене цахь. Ченлариг йи кхехкойне валлуш:

— Хей! — алле налар теехь.

— Вай, — алле, аравалле Ченлариг.

— Осолом-Галайкум!

— Ва!алайкум-солом! Вахъавуосса, — алле Ченларга.

— Вуоссур ву дер суо-ме, ахъ вуосса алче э, ма вуосса алче э, — алле нартуо.

— Дёр вуоссур вац, ас ма вуосса алче-ме! — алле, катохне, схъа-лацне, астха нарт, астха пхъагалеи чудигне, пхъагален цлоганихи мер-зеш а дâхне, нарт а, пхъâгал а дла а дехкине, шен галаниш шелъялай-туш Iеш хилле Ченлариг, накъостеш цабахкаре хъежуш.

Бахкене ца кхачне талла баханериш.

— Хъен гай лазайтинериг хIара варай? — алле Ченларга стомур цахъ виссенечонга.

— Вара, — алле цуо.

— Селхану хъен куорта лазайтинериг хIара варай? — алле Ченларга вокхунге.

— Вара, — алле цуо а.

— Делехъ туохе виé шайна хIара хIанци, — алле Ченларга.

— Ма виехъара аша суо, дIавахайтахъара! Кхен вагIор вацара суо, — алле дехне нартуо.

— ХIакхул тIехъе кху агIор хъайн лар ма гойталехъ. Хъуо хъаша вацахъара, аса куорта баккхур бара хъен, — алле, шен астха пхъâгале-на тIе э хооине, дIавахайтине нарт Ченларга.

Ченларгена цхъану денихъ кхерстеш лиелеш, цхъа яккхайн гIала-ниш гуйне хъуне чухъ. Ша цIавезче, хаттине цуо шен накъостешке, авш хIун гIаланиш ю, алле.

— Ацу гIаланашкехъ дукха ницкъалу нартеш бу бâхеш, — алле на-кьюостеша.

— Царгере гIаланиш схъаяхзи дуне даур ма дац ас, — алле хъав-зене Ченлариг.

— Дитахъара ахъ а гIуллакх. Ацу чухъ бâхеш инзаре ницкъалу нартеш бу, цхъанни — цхъа куорта, шолгIочон — ши куорта, кхоолгIочон-кхуо куорта, виэлгIочон-биъ куорта, пхиэлгIочон — пхи куорта, ялхолгIочон — ялх куорта, ворхIелгIочон — ворхI куорта, бархIолгIочон — бархI куорта, исселгIочон — исс куорта болош, исс нарт ву ацу гIаланашкехъ вахеш. Вайга кыйсолур дац царце, Ченлариг, — ал-ле накъостеша.

— Авш мел ницкъалу нах хилче э, суо Iелур вац циге ца вахече, — алле, вахене хIара нартеш бâхече гIаланашке.

ДIакхачче, гIаланиш наIариш елла а еллине латтеш короине Ченларгена. чухъ цхъа â стаг а вацуш. Чухъ гуобâккхине хIуоттоине лат-теш исс зилбухар а хилле. Вовшох деттеш, дики^m милаху ду хъежуш, иггур дикин цхъа^m харжине царахи шиена. ТIаккха наIар тIехъа док-кхо уор дâккхине, шен зилбухар тур буйнихъ а долош, наIару тIехъа дIалачкъене Ченлариг. Бахкене нартеш ца кхачне. ЧувâгIо-вагIочонна тур туошуш, исселгIочонна тIекхаччалац уор чу ихайтине цуо авш. Ис-солгIониг, ши куорта тIехъ а биссуш чу вахене. ТоIоине тхав тил-луш, уор дIа а дукъне, шен цIаре наIа а, джама вошо о далоине, ацу гIаланишке ваха вахъахъене Ченлариг.

Ченлариг талла вахене волош, цхъану бусу, хIакху исс куорта бо-лочо нарти божолоу чухъ боло гила, шен дâс узареш беш хазене, тарсе-не; тIâккха дâс уорчуре схъакхайкхине, гилане алле:

— Хъайн дâ валле дакъна бериш! Хъен дâ леш ма латте!

Божолой^m духъел туохне латта чхар, накха туохне кхоссине дIа а бахайтине, биэне уор тIе хIуоттене, бариг туохне-туохне, тхав дIакхос-сине, шен цагу чу а дахайтине, уоззойне тIеваккхине исс куорта боло нарт. Аз хъа^m Ченларген джамаху волон вошо цунна духъел вахене.

— Вошо, вошо, цхъа^m бен вацу суо луойло хъен, ас биллу биллучо бен куог биллу белехъ, — бâхуш, Ченлариг тIехъе а волош, хIаруш уор

тѣх бавлѣ бѣлуш, лачкѣне тѣчорѣ схѣаэккхине, Ченларгѣх латтѣ нарт. Хѣаруш лѣташ, джамачу вошос шен вашина кѣл глѣм тѣйсущ. нартѣна кѣл хи дѣттуш хиллѣ. Тѣххѣерѣ э Ченларга айбине нарт лаккѣшкѣц латтѣх а вахайтине, хѣавзѣойнѣ ши куорта схѣа а бѣккхине, кхуоссинѣ кхелли тѣѣ бѣхайтине.

Хѣаруш цѣа кхаччѣ, джамачу вошос аллѣ Ченларгѣ:

— Вайн нѣна хѣанци кѣанѣяллѣ а ягѣло, цунна глѣо а хир дара, хѣубѣна нускал дѣлон дѣезара вай, — аллѣ.

— Дѣлор-м дара вай... Шѣл туоллѣчу кѣантѣ бен ца луш цхѣа йуѣл ю Гѣржичѣ-Хѣожайн. Аз бен кхен йуѣл яц хѣакху махкѣхъ. Ткѣа Гѣржичѣ-Хѣожайн вай тѣублѣр а дац, — аллѣ Ченларга.

— Суѣо вахайтахѣара ахъ, вошѣо, йуѣл ялуѣ", — аллѣ, дѣхнѣ джамачѣ вошос.

— Хѣуѣо лѣрѣр вац Гѣржичѣ-Хѣожайн лѣта, ма глѣухѣара хѣуѣо, — аллѣ Ченларга.

— Суѣо лѣрѣр ву цунѣх лѣта, — аллѣ, кѣчваллѣ, шен динѣ тѣѣ э хѣанѣ, вахѣнѣ хѣара Гѣржичѣ-Хѣожайн лѣта. Вѣдѣш, цунѣн глѣпу тѣѣ э кхаччѣ, чуваха маттѣг лѣхуш хѣара лиѣлѣш, глѣролуѣо глѣп а еллинѣ, чу вахайтине.

— Осолѣм-Гѣалайкум Гѣржичѣ-Хѣожа! Дикинѣ дагѣойло хѣуѣо вѣхѣчѣо глѣлай чу.

— ВаГѣалайкум-солѣм, джамѣа кѣанат! Вуѣосса вахѣа.

Вахѣавуѣоссенѣ, чувахѣнѣ джамѣа кѣанат.

— Ахъ хлѣн лиѣлодѣра? Хѣуѣо лаѣ лѣлѣрѣй? — аллѣ, хаттине Гѣржичѣ-Хѣожас.

— Суѣо сайн вашина хѣен йуѣл йѣха виѣнѣ, — аллѣ кѣанѣта.

— Ткѣа ас сайн йуѣл латтѣ сайл туоллѣчѣнгѣ бен луш ма яц.

— Латѣр ву-кхѣ вайши дѣлѣхъ, — аллѣ джамачѣ кѣанѣта.

Тѣаккхѣа Гѣржичѣ-Хѣожас туѣохнѣ ворхѣл шарѣхъ Гѣхѣр бѣссѣн етт а бѣйнѣ, а барриг чу а тѣссинѣ, цхѣа гѣлай ахѣар а хѣокхѣойнѣ, етт баа" хѣавжѣнѣ хѣаруш. Хѣара кѣанат цкѣѣ-шаззу кхаллинѣ вѣлѣлѣ, Гѣржичѣ-Хѣожас хѣаккхѣнѣ дарриг джѣжѣг а, гѣланиш а даѣнѣ, хѣалаѣккхѣнѣ аллѣ:

— Хѣанци лѣтѣр ву-кх вайши!

Хѣалаѣккхѣн лѣта воллѣ хѣара ши! Гѣржичѣ-Хѣожас хѣавзѣойнѣ кѣанат кѣл а виллинѣ, цунѣн лаклѣх тур хѣѣкхуш валлош, глѣлайтѣѣрѣ чу кхѣйкхѣнѣ йуѣла шен дѣгѣ аллѣ:

— Дада, ма виѣхѣара ахъ а кѣанат. Тѣхѣѣ вуѣн хир йѣолош ю, хѣубѣна, цунѣн!

Тѣаккхѣа Гѣржичѣ-Хѣожас вахѣа" а вахѣнѣ, куѣѣѣомѣн бунѣ чу кхуѣоссинѣ кѣанат.

Шѣн джамѣо вошѣо цѣа ван хѣнѣ валчѣ, цхѣа буѣѣохѣм хиллѣ хир бу цунна, аллѣ, сѣхи" шен дин а кѣчбинѣ, шен гѣрз юкѣх а дѣхкинѣ, масли куйн куортѣ и тѣллинѣ, шен динѣ э валлѣ, вашина тѣхѣѣ дѣѣѣккхѣнѣ Ченлариг. Вѣдѣш, вѣдѣш Гѣржичѣ-Хѣожайн Гѣржин бѣша кхаччѣнѣ хѣара. Вахѣанѣгѣуриш гавруѣо а бауш, тѣхѣѣ мел барѣш ша а бауш, ацу бѣшѣхѣоло чѣкхваллѣ Ченлариг. Глѣлайн глѣролаша хоѣм бинѣ Гѣржичѣ-Хѣожѣ.

— Дѣхѣуѣѣхѣоло вѣгѣлош цхѣаѣ-ма ву, бухѣхѣѣ мел барѣг баѣнѣ гавр ма ялѣ, тѣхѣѣ мел барѣг баѣнѣ шѣа ма вѣлѣ аз; мѣйкхѣшѣѣ хѣйѣзѣш кѣур ма бу, тѣаму даллѣ алхазур саннѣ, чѣккѣи бѣгѣлош ди" а ма бу цунѣн, — аллѣ.

— Дѣлѣхъ аз дѣкинна вѣгѣлош вац шуна. Ницкѣалу стаг ву шуна, — аллѣ, вуѣохнѣ хѣавзѣнѣ Гѣржин-Хѣожа.

Вахѣнѣ глѣпу тѣѣ кхаччѣнѣ Ченлариг. Нѣл ца лѣхуш, шен дин глѣпѣх тѣѣх ѣккхѣйтѣуш:

— Осолѣм-Гѣалайкум! — аллѣ, чуваллѣ Ченлариг.

— ВаГѣалайкум-солѣм! Вуѣосса вахѣа, — аллѣ Гѣржичѣ-Хѣожас.

Вахѣавуѣоссенѣ, чувахѣнѣ Ченлариг.

— Ахь х'ун лелодуо, махкин вацу хьаша? Хьюо лаа леларай? — алле, хаттине Ёржичо-Хожас.

— Суо́на диезеш х'ума дац. Суо лата виэне, — алле Ченларга.

Туохне Ёахер етт а бийна, цхьа гáлай ахьар а хьокхойне, авш ярриг а кхехкене хьалха а яхкине, яан хэ́не х'ара шиь. Шешши джигиг-галаниш да́не валче, хьалаэккхине вовшо латте. Ченларга, латтих туохне, Ёржи-Хожа лак'ешкиец латтих а вахáйтине, лак'еш т'е зилбухар х'оттойне.

Ёржи-Хожа ди́ха валле Ченларге:

— Дохьюо йуо! а ю хьюона, дахьа дахни а ду хьюо́на. Сен куорта ма баккхьа́ра ахь! — ба́хуш.

— Хьен йуо! а хьашт яц, хьен дахни а хьашт дац. Сен вошо схьавá суо́на, т'а́ккха де́ни витур ву ас хьюо, — алле Ченларга.

Аз хазнечо йуо!а, ядде яхене, куотомен буне чура схьаваккхине, дикин лийчовине, т'е д'ухар а духине, кечвине, ва́лдойне, д'ава́лле Ченларге джама к'анат. Ёржи-Хожа ша́ латтихи схьавáккхиче, шен йуо! а ялле, дарриг дахни хьалха а дахне, шен г'а́ролешце Ченлариг ва́хече г'а́ланишке вахене. Кхаа дениххье, кхаа бусе туой-ловзар а дине, юхаберзине авш. Ченлариг а, цунин вошо а, нускул а, нана а марзичо безомеце да́хеш диссене шайн г'а́лахь.

Чечено-Ингушская АССР, с. Макажа.
Карасаев Исаж, 30 лет.

Медвежье ухо

Одна женщина шла со своим сыном по лесной тропинке домой к отцу. Навстречу ей показался медведь.

— Пожалуйста, — обратилась женщина к медведю, — пропусти меня!

— Не пропущу! — сказал медведь, мотая головой.

Он схватил женщину с мальчиком, закинул их себе на спину и понес через лес, обрывы и кусты к себе в пещеру. Мальчика медведь назвал Медвежье Ухо. Ему и его матери ежедневно он приносил мясо.

— Кто заходит к нам в пещеру и приносит мясо? — спросил мальчик, когда подрос. — У него четыре ноги, длинные уши...

— Это твой отец, — пошутила мать.

— Разве у моего отца могут быть четыре ноги и такие уши? Нет, он не мой отец.

— Когда я шла с тобой домой к отцу, этот медведь схватил нас и насильно притащил сюда. С тех пор вот мы и живем в этой пещере.

— А если бы я убил этого медведя, нашла бы ты дорогу домой? — спросил Медвежье Ухо.

— Конечно, нашла бы, — ответила мать.

Тогда мальчик, притаившись за кустом, мимо которого медведь должен был возвращаться, стал поджидать (его).

Через некоторое время мимо прошел медведь с куском мяса во рту. Медвежье Ухо выскочил из засады, ударил медведя топором и свалил его. После этого мальчик со своей матерью вернулся домой. Окружающие дети не давали мальчику покоя, дразня его:

— Ухо! Уши! Эй, уши!..

— Я все ваше село уничтожу, если разозлюсь, — сказал мальчик

¹ Подстрочный перевод.

старшинам села. — Но я не хочу причинять вам такого зла. Лучше не быть мне здесь. Я уйду! — И мальчик Медвежье Ухо скрылся в лесу.

Шел, шел Медвежье Ухо и набрел на поместье князя.

— Не наймут ли здесь работника? — спросил Медвежье Ухо, оставившись у ворот.

— Какую цену берешь? — спросил князь.

— Чурек для еды да какую-нибудь одежду, если есть. Этого мне достаточно.

— Ну хорошо, — сказал князь, повел мальчика в свое поместье и спросил: — Как тебя зовут?

— Меня зовут Медвежье Ухо.

— Так вот, Медвежье Ухо, привези дров. В стойле — волю, на дворе — арба, а вот ремни.

— Хорошо, я доставлю дрова, но волю и арба мне не нужны.

Медвежье Ухо взял ремни и ушел. Он выкорчевал огромные чинары, сложил их, обвязал ремнями и поволок. Когда он вошел в село, одному хозяину сшиб ворота, другому — конюшню и втащил чинары в княжий двор.

— Эй, князь! — крикнул мальчик. — Я принес тебе дрова, а ты теперь коли!

Удивился князь такой силе Медвежьего Уха и испугался.

«А что, — подумал он, — если этот мальчик разозлится, все мое село уничтожит». — И пустился он искать средство, чтобы погубить мальчика.

Долго разъезжал князь на своем коне, расспрашивая подвластных людей, но никто ничего ему посоветовать не мог. Наконец обратился он к одной старушке, проживавшей на окраине села.

— Там, за горой, есть дракон, — сказала старушка. — Пошли туда Медвежье Ухо и скажи, что дракон якобы должен тебе два пятака. Пусть он вернет долг. Если он так скажет, дракон не отпустит его обратно.

Возвратился князь домой и говорит мальчику:

— Вот что, Медвежье Ухо! Сходи-ка за ту гору, там живет дракон. Он мне должен два пятака. Принеси мой долг.

— Хорошо, я схожу, — сказал Медвежье Ухо и отправился.

Когда он поднялся на гору, увидел дровосека.

— Здравствуй! — приветствовал он его. — Да будет счастье в твоём доме!

— Здравствуй! — отвечал дровосек. — Что тебе надобно, чужеземный гость?

— Что это за ложбина, которая там виднеется? — спросил Медвежье Ухо.

— Это пещера дракона.

— А что там синее?

— Это озеро, в котором живет дракон.

— А над ним что темнеет?

— Это грива дракона.

— А что это за огонь сверкает?

— Это взлетают искры, когда дракон скрипит зубами.

После этого Медвежье Ухо спустился в пещеру, где находился дракон, и крикнул:

— Эй, дракон!

— Что ты говоришь? — спросил дракон.

— Князь прислал меня к тебе, чтоб ты вернул ему два пятака.

— Уходи, молодец! Ты — гость, а потому оставляю тебя невредимым, иначе узнал бы! — сказал дракон.

— Я не об этом говорю с тобой. Скорее отдай долг! — повторил Медвежье Ухо.

Дракон, скрипнув зубами, набросился на Медвежье Ухо. А он схватил его за гриву, взобрался на него и, подгоняя ударами, направился ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье Ухо.

— Что надо? — спросил князь и выглянул в окно.

— Я не могу отобрать у дракона твои два пятака. Если сможешь, сам отбери!..

— Убери его! Убери скорее отсюда! — закричал князь.

— Да не стану я таскаться с ним туда-сюда! — сказал Медвежье Ухо и, ударив дракона, отправил его туда, откуда привел.

Испугался дракон и скрылся за семью горами.

Князь пуще прежнего перетрусил и опять отправился к старушке.

— Что мне делать? Медвежье Ухо и дракона пригнал ко мне! — сказал князь.

— Вот в этом лесу живет страшная ведьма. Пошли его к ней, и пусть он скажет, что за ней есть твой долг — две мерки кукурузы, за которыми пришел от тебя. Ведьма его выслушает, но ничего не даст и обратно не отпустит, — посоветовала старуха.

Князь вернулся домой и сказал Медвежьему Уху:

— Вот там, в лесу, живет ведьма. Она должна мне две мерки кукурузы. Так вот, сходи к ней и принеси их.

— Хорошо, я схожу и выполню, но не так, как ты предлагаешь! — громко ответил Медвежье Ухо и пошел в лес.

— Эй, ведьма! — крикнул Медвежье Ухо.

Ведьма выглянула в окно, потом обернулась, схватила оселок и начала точить свои зубы.

— Выходи, ведьма! — опять крикнул Медвежье Ухо.

— Что тебе надобно? — громко спросила ведьма, выходя из своего логова.

— Меня прислал князь. Ты должна ему две меры кукурузы. Отдай! Я отнесу их!

Ведьма заскрежетала острыми зубами и накинулась на Медвежье Ухо. Медвежье Ухо схватил ведьму за косу, приволок ее под сарай, сел на нее верхом и направился ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье Ухо.

— Что тебе? — выглянул князь в окно.

— Ведьма не отдает мне кукурузу! — ответил Медвежье Ухо. — Ты сам забери, если она тебе должна! — И он подвел ведьму к окну.

— Убери ее! Убери скорее! — крикнул напуганный князь. — Отведи туда, откуда привел!

— Ну да! Стану я таскаться туда-сюда! — рассердился Медвежье Ухо и, влипив оплеуху, прогнал ее.

За семь гор, за дальние леса удрала ведьма, испугавшись Медвежьего Уха.

Догадался Медвежье Ухо о замыслах князя и сказал ему:

— Если бы я не ел твой хлеб и не носил данную тобой одежду, то отрубил бы тебе голову и повесил вот на том колу.

Сказав это, Медвежье Ухо ушел от князя и отправился в лес.

Подумал-подумал князь и решил вернуть его.

— Подожди! Не уходи! — нагнал его князь. — Останься, пожалуйста, не уходи! Поживем вместе!..

— Нет, — сказал Медвежье Ухо, — там, где появилось коварство, я жить не стану.

В лесу Медвежье Ухо набрел на каких-то трех человек.

— Здравствуйте! — приветствовал он и спросил: — Кто вы? Что за люди?

— Присоединяйся к нам, мы абреки, вместе будем жить, — ответили три человека.

— Я тоже абрек, — сказал Медвежье Ухо.

И он стал с ними жить.

Однажды эти люди сказали одному из своих товарищей:

— Мы пойдем охотиться, а ты до нашего прихода приготовь нам обед: свари мясо с галушками.

Сказав это, они ушли, взяв с собой Медвежье Ухо.

Оставшийся товарищ сделал все, что было сказано, и хотел прилечь отдохнуть, как вдруг кто-то крикнул во дворе:

— Э-эй!

— Что такое?

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Слезай.

— Я-то, конечно, слезу, если бы ты даже и не приглашал.

Сказав так, нарт вошел в дом и присел со своим зайцем, а хозяин вытащил из котла мясо и галушки и стал делить на пять частей.

— Что ты делаешь? — спросил нарт.

— Нас двое, да еще трое придут, всего — пять человек. Потому я и делю еду на пять частей, — ответил хозяин.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — Сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, связал им крепко-накрепко хозяина, потом схватил мясо с галушками, проглотил сразу всю еду, запил жирным наваром и ускакал на своем хромом зайце.

Хозяин дома с трудом освободился от пут, снова приготовил еду и лег отдохнуть. Вскоре пришли охотники.

— Что ты улегся? — спросил его Медвежье Ухо.

— Что-то живот заболел, — ответил тот.

На второй день они опять пошли на охоту, оставив дома другого. Не успел он приготовить еду, кто-то крикнул во дворе.

— Э-эй!

— Что такое?

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Слезай.

— Приглашай не приглашай, я все равно слезу, — сказал нарт, вошел в дом и присел со своим хромом зайцем. Когда хозяин стал делить галушки и мясо на пять частей, нарт спросил:

— Что ты делаешь?

— Нас двое, да еще трое придут, поэтому я и делю пищу на пять частей.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — Сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, крепко-накрепко связал им хозяина. Потом он мигом проглотил мясо и галушки, запил наваром, вскочил на своего хромом зайца и ускакал.

Завязанный рвался-рвался и наконец с трудом освободился.

Хозяин снова сварил пищу и прилег отдохнуть.

— Что с тобой? Что ты лежишь? — спросил Медвежье Ухо.

— Голова заболела, — ответил он.

На третий день Медвежье Ухо отправил других на охоту, а сам остался хозяйничать. Как только он закончил свою работу, услышал:

— Э-эй!

— Что такое? — вышел Медвежье Ухо.

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Заходи.

— Я-то войду, если ты и не пригласишь, — ответил нарт.

— Нет, не войдешь, если не приглашу, — сказал Медвежье Ухо. мигом схватил хромого зайца и хромого нарта и втащил их в комнату. Потом выдернул из хвоста зайца волос, связал им нарта с его зайцем и в ожидании товарищей, прилег.

Когда товарищи вернулись с охоты, Медвежье Ухо спросил у одного из них:

— Не тот ли это, из-за кого у тебя болел живот?

— Он самый, — ответил товарищ, указав на связанного нарта.

Потом Медвежье Ухо спросил у второго товарища:

— Не из-за него ли болела твоя голова?

— Из-за него, — ответил второй товарищ.

— Если так, убейте его, — сказал Медвежье Ухо.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — стал умолять нарт. — Отпустите меня. Больше я не приду сюда.

— Ну, смотри, больше не показывайся. Если б ты не был гостем у нас, голову отсек бы твою.

Так сказал Медвежье Ухо, освободил нарта, усадил его на хромого зайца и отправил.

Однажды, гуляя в лесу, Медвежье Ухо увидел большие башни. Вернувшись домой, он спросил своих товарищей:

— Что это за башни стоят в лесу?

— Там живут очень сильные нарты, — сказали его товарищи.

— Пока не отберу у них эти башни, не успокоюсь, — сказал Медвежье Ухо.

— Не делай этого. Нарты очень сильны. У одного из них — одна голова, у другого — две, у третьего — три, у четвертого — четыре, у пятого — пять, у шестого — шесть, у седьмого — семь, у восьмого — восемь, у девятого — девять голов. Не нам тягаться с ними.

— Как бы сильны они ни были, я все же пойду, — сказал Медвежье Ухо и отправился к нартам.

Когда Медвежье Ухо пришел туда, двери крепости были открыты. Внутри не оказалось ни одного человека. У стен было расставлено девять мечей. Медвежье Ухо выбрал себе самый лучший. После этого он выкопал за дверью большой ров и спрятался в него с мечом в руке.

Вернулись нарты. Каждый входивший в дверь падал в ров от удара меча. Так погибло восемь нартов. Девятый же, потеряв семь голов, полетел вниз с двумя головами.

Медвежье Ухо настилом закрыл ров, привез свою мать, младшего брата и остался жить в этих башнях. Как-то ночью, когда Медвежье Ухо находился на охоте, конь, который стоял в конюшне нарта, услышав стоны своего хозяина, заржал. Тогда хозяин крикнул и сказал коню:

— Да зарежут тебя на похоронах твоего хозяина! Твой хозяин ведь умирает!

Скалу, закрывавшую конюшню, ударив грудью, отбросив, конь

подбежал к яме и, ударив копытом, сбросил настил, опустив хвост, вытащил девятиглавого нарта. Потом быстро побежал нарт с двумя головами, вырыл яму, где должен был идти Медвежье Ухо, накрыл ее сверху хворостом и стал поджидать его. Узнав об этом, братишка Медвежьего Уха, который находился дома, пошел ему навстречу.

— Братец, братец, да умри я у тебя единственный, если не будешь следовать по моим стопам.

Когда они миновали яму, нарт набросился на Медвежье Ухо. Когда они дрались, братишка под нарта лил воду, а под ноги своего брата сыпал песок. Наконец Медвежье Ухо приподнял нарта и с размаху загнал в землю по самую шею, отрубил ему обе головы и бросил на навоз.

Когда они пришли домой, братишка сказал Медвежьему Уху:

— Наша мать уже стала стареть, ей была бы подмога: давай приведем тебе невесту.

— Привести-то мы привели бы... У Черного Хожи есть дочь, которую он выдаст только за того, кто поборет его самого. Кроме нее, в нашем краю нет девушки. А побороть Черного Хожу мы с тобой не сможем, — сказал Медвежье Ухо.

— Пусти, пожалуйста, братец, меня за девушкой. — попросил братишка.

— Тебе не справиться с Черным Хожей, не ходи, пожалуйста, — сказал Медвежье Ухо.

— Я смогу с ним побороться, — сказав, снарядившись, сев на своего коня, поехал он к Черному Хсже на состязание. Когда, подъехав к воротам, искал проход, слуга-воин открыл дверь и впустил молодца.

— Здравствуй, Черный Хожа! Да пожелает добро в твой замок!

— Здравствуй, молодец! Слезай, — сказал Черный Хожа.

Слез и вошел молодец.

— Что надобно? Какими судьбами, молодец? — спросил Черный Хожа.

— Я приехал сватать твою дочь за своего брата, — сказал молодец.

— Я ведь дочь свою выдам только за того, кто поборет меня, — сказал Черный Хожа.

— Раз так, давай поборемся, — сказал молодец.

Тогда Черный Хожа, забив корову семилетней яловости, закинул ее всю в котел и, замесив мешок муки, сделал галушки. Сели есть корову.

Не успел молодец даже раза два откусить, как Черный Хожа быстро съел все мясо и галушки, вскочил и сказал:

— Теперь мы поборемся!

Начали бороться. Когда Черный Хожа, свалив мальчика, приставил меч к горлу, сверху, с башни, крикнула дочь своему отцу:

— Не убивай его, пожалуйста! Последствия от этого будут плохие!

Черный Хожа отвел мальчика в курятник и бросил туда.

Когда братишка запаздывал домой, Медвежье Ухо, думая, что с ним, наверное, случилось что-нибудь недоброе, быстро снарядив своего коня, вооружился и, нахлобучив на голову свою мохнатую шапку, вскочил на своего коня и пустился за своим братом. Ехал-ехал Медвежье Ухо и доехал до яблоневого сада Черного Хожи. Упавшие (яблоки) съедал конь, что наверху — ел сам, так проехал Медвежье Ухо через сад. Стража известила Черного Хожу:

— Вот оттуда кто-то едет: все, что внизу, сожрал конь, все, что

наверху, съел он сам; вокруг усов кружится облако дыма, и конь скачет так быстро, словно птица летит.

— Значит, он не с добром едет. Видно, человек сильный, — забеспокоился Черный Хожа.

Медвежье Ухо подъехал к воротам. Он не стал искать дверь, коня он заставил перепрыгнуть через ворота и, ворвавшись, сказал:

— Здравствуй!

— Здравствуй! Слезай, — сказал Черный Хожа.

Медвежье Ухо спешил и вошел.

— Что надобно, чужестранец? По доброй ли воле? — спросил Черный Хожа.

— Мне ничего не нужно. Я приехал побороться, — сказал Медвежье Ухо.

Мигом забив яловую корову, замесив мешок муки, сварив все это, подали и начали кушать оба. Как только поели мясо и галушки, вскочили и сцепились. Медвежье Ухо, ударив оземь, загнал Черного Хожу в землю по самую шею и приставил к горлу меч.

Черный Хожа стал упрашивать Медвежье Ухо:

— Вон та девушка (будет) твоя, вон то богатство твое (будет), пожалуйста, не отсеки мне голову! — говоря, вросил он.

— Твоя дочь мне не нужна, твое богатство не нужно. Отдай мне моего брата, тогда только я сохранию тебе жизнь, — сказал Медвежье Ухо.

Услышав это, девушка побежала, вытащила из курятника, хорошенько выкупала, нарядила, привела и отдала мальчика Медвежьему Уху.

А Черный Хожа, когда его вынули из земли, отдал Медвежьему Уху свою дочь, вынес все богатство и вместе со своей стражей поехал с Медвежьим Ухом в его замок.

Три дня, три ночи попирав, они вернулись. А Медвежье Ухо со своим братом, невестой и матерью остались жить и поживать.

ЧЕБЕРЛОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

I. Къуйе, цуни^н зудонние

- ХIара палтуо эцне-кхе ас хьуо^{на}, Малайк!
- Боккъолло о ма дики^н палтуо йу хIара! ХIу^н далле ахь кхуних?
- Даллечонце хье^н гIуллакх дац, тIейуха ахь, амма цIаре ара ма йаккха, йицное!
- ЛочIкъойнеху йацай хIара цIаре арайаккха а ца магеш?!
- Паспурт долуш яц-кхе а палтуо.
- ТIаккха, милицехь паспурт даккхайта диезе-кхе цунна.
- А ма хьнеходиелахь, зудо^н, вайниш а дIадахайта хьуо ца гIертехь!

II. Зудчони тIейаха дагадеэнечо зудчуо ши зудо^н йолчонге хаттине

- Муха вахе хьуо, Салид?
- Вахар хIакху дуненихь-ме вуо^н дацара се^н, амма ацу сай^н ши-ние зудочохи во^{кху} дуненихь хIусом кечйа^н милаху хьалаха йахайта йнеза ца хауш уойла йохне-э ву-кхе.
- Цхьани кхаба кIордо-ме ца бина хьуо^{на} авш?
- КIордо-ме дер ца бина, амма хIакху дуненихь ши^н цхьани тарлур йацуй-ме ха^{не} суо^{на}.

III. Джамачо кIанта ши^н де^н деге хаттине

- Воккхо дада, цкъе-э шайтIа дайней хьуона?
- Дайне, се^н кIанат, дукха дайне.
- Дийцахьа, воккхо дада, муху а, мичахь а хил шайтIанеш.
- Марсел царгеш а, эрзу^н каддел бIаргеш а, ларгеш тIе кхаччуш баганиш а, кIасеркIагчу кхаччуш цIацIкъумеш а долош, халкъе^н бахо-мехь балхице дакъя а ца лацуш, диенихь дившие а Iахкой, маркIажул тIехье, цхьацца радикул пхарсе кIел а лацой, паркиехоло дуйлолой лиелеш хил-кхе авш.

IV. Джамачо йуоIа ши^н наненание хаттине

- Баба, джIалех джIали бие^н хIумма а алой вай?
- Ца ало.
- Баба, хIунда ало вай цуних джIали?
- Цунна ша^{не}, шиена диешу доттуриггие бие^н ца виезе деле.

V. Кха^н луш вариггие, иецуш вериггие

- Хье^н цIениденне^н, тхе^н хIусоме^н наненне^н дукха гани далази йукъехь гаргеллуо дуйло хаайта веэниера суо-ме, Кабират.

— Делехь, хIара-ме вац гаргеллуо шие^н мичахь ду а, хьанце ду а хаур долош!

— Ца хаъче магер дац. А мел ирах кхийсаваларух а, цуни^н даие, се^н даие ши да ма хилле. ХIара цхьа шай-кай йитене гIор ву суо, виэ-ниелай хаайталехь.

— Хьуо мила ву, цIие хIу^н йу хье^н?

— Цунна шиена хаур ду хьуона, ахь дукхахестошвариг вара алчехьанни. Вуху вагIуш суо иштта ладира вагIор вац, бэрана-кэрана цхьа тIормиг бIареш а дацуш.

— Касте-касте карте вагIуш хIума дие ахь, гаргеллуо лиелоре тар-ре бие^н хилуш дац хьуона.

VI. Зудонние, марре

— Хьуо йнезеш леш волло-кхо суо. Бакь хнетей хьуона аз?

— Хьуо валче, тиешар йара-кхе.

— Делендухьа, зудо^н, ма хала ду хьуона, кхе^н суох тиеша а ца тиешаш, суоце хан йаккха.

— Хьуоначол халам-ме дац суона, ишти хьайна йнезеш хилче, улау а валле кинуо ваха а вухьеш вацучо.

Чечено-Ингушская АССР, с. Макажа.
Карасаев Исаж, 26 лет.

ШАРОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

I. Къуй, цуни^н зудай

— И палтуо эсна-кха ас хьуона, Малайк!

— Боккъолло ма дика палтуо ю и. ХIу^н далла ахь кхунах?

— Даллачонца хьа^н гIуллукх дац, тIеюха ахь, амма цIара ара ма яккха, йицлой а.

— ЛочIкьайна-х еше и, цIара араяккха а ца магаш?

— Паспорт долаш яц и палтуо.

— Эта милицехь пIаспорт даккхайта диеза-кх цунна.

— И ма хьнехадиелахь, зуда, вай^н дерш а дIадахайта хьуо ца гIертахь.

II. Зудчонна тIеяха дагадиенечо зудчуо ши зуда йолчонга хеттина

— Миха веха хьуо, СаИнд?

— Вахар окху дунненахь-м вуо^н дацара са^н, амма оцу сай^н шина зудчох вукха дунненахь хIусам кечъя^н милох хьалха йахайта йнеза ца хоуш, кIезиг уойла йохна ву-кх.

— Цхьани кхаба кIорда-м ца бина хьуона овш?

— КIорда-м дера ца бина, амма окху дунненахь шиь цхьана тар-лур йоцай-м хайна суона.

III. Джимачо кIаната шие^н дендега хеттина

— Воккха дада, цIкьа а шайтIа дайнай хьуона?

— Дайна, са^н кIанат, дукха дайна.

— Дийцахьа, воккха дада, миша а, мичахьа а хило шайтIанаш?

— Марсел царгаш а, ирзу^н каддел бIаргаш а, ларгаш тIе кхочуш

баганаш а, кесирклагчу кхочуш цоцкьамаш а долуш, халкьа^н бѳа-
мехъ балхаца дакъа а ца лѳцуш, дийнахъ дуйше а Юхкие, мергишал
тѳехъа цхъаца редикул пхъарца кѳел а лѳцай, паркиегѳола дуйлалой
диелаш хило-кха овш.

IV. Джимачо йуоѳа шие^н ненанение хеттина

- Бѳба, джѳалех джѳали мие кхи^н хлумма ѳлай?
- Ца ѳла.
- Бѳба, хлѳна ола вай цунах джѳали?
- Цунна шай, шие^на дуйша йоттур мие ца виеза дела.

V. Кхаъ луш вер а, ийцуш вер а

- Хъа^н цийнадѳена а, тха^н хлѳсамнѳена а дукха гѳена дѳалаза йук-
къехъ гаргало дуйла хайта виенера суо-м, Кебира.
- Далахъ, и-м вац гаргало шие^н мичахъ ду а, хъанца ду а хоур
долуш.
- Ца хайча вар вац. И мел ирах кхисаваларах а, цунин дѳй а,
са^н дѳй а ши дѳ ма хилла. И цхъакѳеззиг шай-кай йитана гѳор ву суо.
Виенайла хайталахъ.
- Хъуо мила ву, цѳе хлѳ^н йу хъа^н?
- И цунн шиена хоур йу хъуона, ахъ дукха хестош вар вара ал-
чихъѳана. Вуха вѳгѳуш суо иштта ледара вѳгѳар вац, бѳрана-кѳрана цхъа
гѳормаг бѳараш а доцуш.

VI. Дзуда, марра

- Хъуо йиезаш леш волла-кха суо. Бакъ хietaй хъуона и?
- Хъуо валча, тиешар йара-кха суо цунах.
- Далахъ, зуда, ма хала ду хъуѳна, кхи^н суох тиеша а ца тиешаш,
суѳца ха^н йаккха.
- Хъуоначол хала-м дац суѳна, иштта хъайна йиезаш хилча, уллов
а валла, кино ваха вохъаш вѳцуча.

Чечено-Ингушская АССР, с. Шарой.
Гакуев Хасан, 26 лет.

ИТУМ-КАЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

I. Къу а, цуна^н зуда а

- Йара полтуо эсна-кх ас хъуѳна, Малайк!
- Боккъалла ма дика палтуо йу йара! Хлѳ^н делла Іа кхунах!
- Деллачуьнца хъа^н гѳулкх дац, тийѳуха Іа, амма цѳѳера ѳра ма
йаккха, йицдой а.
- Лачкъѳайна-м йац йара, цѳѳера ѳрайаккха а ца мегаш?
- Паспарт долуш яц йара палтуо.
- Тѳаккха милицехъ паспарт даккхайта диеза-кх цунна.
- А ма хиехадиелахъ, зуда, вайниш а дѳадахайта хъуо ца гѳѳртахъ.

II. Зудчунна тейаха дагадиеначу зудчуо ши зуда йолчуьнга хеттина

- Муха вѣха хью, Саид?
- Вахар окху дунненахь-м вуо^н дѣцара са^н, амма оцу сай^н шина зудчух вукху дунненахь хусам кечйа^н милах хьалхъ йахайта йнеза ца ховш уойла йобхна ву-кх.
- Цхьана кхѣба кѳорда-м ца бина хьюѳна овш?
- Кѳорда-м дера ца бина, амма окху дунненахь шиъ цхьана тар-лур йоцайла-м хайна.

III. Джомачу кѳанта ше^н де^ндега хеттина

- Воккха дѣда, цѳкъа а шайтѳа дайнай хьюѳна?
- Дайна, са^н кѳант, дукха дайна.
- Дийцахьа, воккха дѣда, муха а, мичахь а хил шайтѳанаш?
- Марсал цергаш а, эрза^н каддал бѳаьргаш а болуш, лергаш тѳе кхочуш баганаш а йолуш, кѳесаркѳагчу кхочуш цѳацѳкъамаш а долуш, халкъа^н бѳахамехь балхаца дѣкъа а ца лоцуш, дийнахь дийшина а йох-кий, маьркѳажал тѳехьа цхьацца радикул пхьарца кѳел а лоций, парки-егѳола дуьйлалой лнелаш хил-кх овш.

IV. Джомачу йуоѳа ши^н ненанение хеттина

- Бѣба, джѳалех джѳали мие хѳумма ѳлий гѳай?
- Ца ѳла.
- Бѣба, хѳуна ѳла вай цунах джѳали?
- Цунна шай, шиена диеш дуттург мие ца виеза дѣла.

V. Кхаъ лушверг а, иѳцушверг а

- Хьа^н ций^нде^н а, тха^н хѳусамвѳена^н а дукха гѳена дѣлаза йуккѳехь гергарлуо дуйла хайта виениера суо-м, Кабират.
- Делахь, йара-м вац гергарлуо ши^н мичахь ду а, хьаьнца ду а ховр долуш.
- Ца хайча мегар дац. А мел ирахкхийсаваларах а, цуна^н дѣ а, сан дѣ а ши дѣ ма хилла. Йара цхьа шай-кай йитина гѳор ву суо, виениѳла хайталахь.
- Хьюо мила ву? Цне хѳун йу хьа^н?
- А цунна шиена ховр ду хьюѳна. Га дукха хестошверг вера аьлч-хьана. Йуха вѳгѳуш суо иштта ледира вагѳарг вац, бѳрана-кѳерана цхьа тѳоьрмиг бѳараш а лоцуш.

VI. Зуда а, мар а

- Хьюо йнезаш леш валла-кх суо. Бакъ хнетей хьюѳна аз?
- Хьюо велча, тиешар йера-кх.
- Дѣладовхьа, зуда, ма хала ду хьюѳна, кхи^н суох тиеша а ца тиешаш, сѳьца ха^н йаккха.
- Хьюоначал хала-м дац суѳна, иштта хьайна йнезаш хилча, улле а ваьвла кинуо ваха^н вѳхьѳш воцчу.

МЕЛХИНСКИЙ ГОВОР

I. Къуй, цуна" сиесаггий

- Ер палтуо эста-кх ас хьуэна, Малейк.
- Боккъалла а ма дика палтуо йа ера. Фу делла Ia кхунах?
- Деллачонца хьа" гьуллакх дац, тийуха Ia, вошта цѣра ара ма йаккха, йицъелла а.
- Лачийна-м йац ера, цѣра арайаккха а ца мегаш?
- Паспарт долаш яц ера палтуо.
- Таккха милице паспарт даккхийта диеза-кх цунна.
- Аз ма хьехадиелахь, сиесаг, вейдарш а дѣдахийта хьуо ца гертне.

II. Сиесага"а тийаха дагадиенчуо ши сиесаг йолчонга хьаттина

- Мишта вѣха хьуо, Саид?
- Вахар окха дунненахь-м вуо" дацара са", вошта оца сай" шина сиесагах вукха дунненахь фусам кечъйа" молах хьалха йахийта йнеза ца ховш, кѣззиг уойла йохнѣ ва-кх суо.
- Цхьана кхѣба кѣорда-м ца бина хьуоѣна ийш?
- Кѣорда-м дѣра ца бина, вошта окха дунненахь шиъ цхьана тар-лург йоцийла-м хейна суона.

III. Кѣаьнкуо ши" дедега хьаттина

- Воккха дѣди, цкъа а шейтIа дейний хьуоѣна?
- Дейна, са" кѣаьнк, дукха дейна.
- Дийцахьа, воккха дѣди, мишта а, мича а хула шейтIанаш?
- Марссел цергаш а, эрза" каддел бѣаьргаш а, кѣсаркѣогчу кхѣчаш цкъацIамаш а долаш, халкъа" бѣхаме балхаца дѣкъа а ца лѣцаш, дийнахь дуйшана а окхие, маьркѣажал тѣаьхагI цхьацца редикул пхьарца кѣл а лѣцие, паркиегIола дѣладелла диелаш хула ийш.

IV. Йийигуо ши" ненанание хьаттина

- Нана, джѣлех джѣли миера кхи" хIамма а олий вей?
- Ца ола.
- Нани, хIана ола вей цунах джѣли?
- Цунна ша а, шиена добша дуотташвар а миера ца виеза дела.

V. Кхаъ луш вар а, иецаш вар а

- Хьа" цийнадений, тха" фусамнанний дукха гена даланза юкъие гергарлуо дойла дѣлахийта виенера суо-м, Кебират.
- Деллахь, ера-м вац гергарлуо ши" мича да а, хьанца да а ховд-долаш.
- Ца хейча варг вац. Аз мел ирах кхийсаваларах а, цуна" дѣй, са" дѣй ши дѣ ма хилла. Ера цхьа кѣззиг шай-кей йитина гIорг ва суо. Виенойла хайталахь.
- Хьуо мала ва, цѣе фу йа хьа"?
- Аз цунна шиена ховрг да хьуоѣна, Ia дукха хестош вара аьлчахийна. Юха вѣгIаш суо иштта ледара вѣгIарг вац, биерашта цхьа гIѣрмиг баIарш а дѣцаш.

VI. Сиесаг а, марр а

- Хьуо йнезаш леш волла-кх суо. Бакъ хьетий хьуоѣна аз?
- Хьуо велча тиешарг йара-кх суо цунах.

— Деллахь, снесаг, ма хала да хьубна, кхи^н суох тиеша а ца тиешаш, суоца ха^н йаккха.

— Хьабначол хала-м дац суона иштта хьайна йнезаш хилча, улуа ваьлла кинуо ваха а вухьинш воцча.

Чечено-Ингушская АССР, с. Эршти
(Аршти).
Ферзали Султан Газимович, 30 лет.

I. Вор и его жена

— Вот пальто я тебе купил, Малика!

— В самом деле, какое это хорошее пальто! Сколько ты заплатил за него?

— Сколько заплачено, тебя не касается, ты надевай, но из дому не выноси даже по ошибке!

— Краденое, что ли, оно, что его даже из дому нельзя выносить?!

— Без паспорта.

— Ну тогда надо паспорт на него оформить в милиции

— Об этом уж, пожалуйста, не упоминай, жена, если ты не хочешь, чтобы у нас и свои не отобрали!

II. Та, которая хотела стать второй женой, спросила у двоежнца

— Как живешь, Саид?

— Жизнь на этом свете неплохая у меня, но я все думаю и никак не додумаясь о том, которую именно из жен раньше отправить на тот свет, чтобы она подготовила там место.

— Может, надоело тебе держать (кормить) их вместе?

— Надоест-то они не надоели мне, но я окончательно убедился, что они на этом свете ужиться не могут.

III. Мальчик спросил у своего дедушки

— Дедушка, ты когда-нибудь видел черта?

— Видел, мой сын, много видел.

— Расскажи, пожалуйста, дедушка, какие они из себя и где эти черти бывают?

— Зубы у них с серпы, глаза с тростниковые чашки, рты до самых ушей, брови до затылка достают, в работе народного хозяйства участия не принимают, днем спят (лежат), после сумерек с ридикюлями под мышкой прогуливаются они по парку.

IV. Девочка спросила у своей бабушки

— Бабушка, собаку мы только собакой называем, а по-другому не называем?

— Не называем.

— Бабушка, почему мы ее называем собакой?

— Потому что она любит только себя да и того, кто ей наливает похлебку.

V. Взятку дающий и берущий

— Я пришел, Кабират, напомнить тебе о том, что между хозяином твоего дома (мужем твоим) и хозяйкой моего дома (моей женой) близкое родство.

— А наш-то вовсе и не знает, где и с кем у него родство!

— Не знать нельзя! Все равно, сколько бы он ни прыгал, его отец да и мой отец являются двумя отцами. Я вот тут немножко денег оставлю, пожалуйста, дай знать, что (я) приходил.

— А кто ты такой, как твое имя?

— Об этом он сам догадается, как только скажешь, что был тот, которого ты расхваливал. В следующий раз я так бедно не приеду — мешок орехов детишкам привезу.

VI. Жена и муж

— Я умираю из-за любви к тебе. Верить ли ты этому?

— Если бы ты умер, я бы поверила.

— Ой, боже мой, как тебе тяжело, жена, коротать время со мной, не доверяя мне!

— Мне не так тяжело, как тебе, который боится стать рядом и пойти в кино с любимой.

ГАЛАНЧОЖСКИЙ ДИАЛЕКТ

(Нашхой^н говор)

Маьждиги ихаш халла ши саг

Массо а хенахь а цхьаннел хьалха волаш халла важа. ШоллагIверг цулла хьалхавала гIерташ халла. Цунах дагаваьлла важа.

— Ма дала дика делла саг ву-кх хьуо. Дийцахь суона хьоб хьалхавалар баьхьна. Мел чIогIа хьуол хьалхавала гIертарх, хьалха ца кхачало-кх суо рузбание.

— Iохал, аса дийцарг ду хьубна суо хьалха кхачар баьхьна-м. Хьа^н маса зуда йу алал, Iа цкьа субога?

— Са^н цхьаь мие-м яц зуда, — элара вукхуо.

— Делехь, хьуо суол хьалхаварг вац — са^н ши зуда йу. Царах цхьамуо сихха кхача кечбо, вукхуо бедар йнегайо. И чуйогIашехь, сайна кхача а буйй, сиха тIн бедар а йухий, чаьхка аравола суо. Хьа^н цхьаь мие зуда яц, иза а цIийнаналца лараь ца йо.

— ЭхI, хьа^н хьекьал сов халла санчол!

Цуьна^н хьекьалца вукхо шоллагI зуда йалийра. Зуда йалийна цхьа ха^н йаллача хенахь, ера цу гIулкхах чIогIа воккхавеш вера, ша вукхал хьалхаварг халарах тиешаш.

Суйранна чувашна ера зударшка, суо кхана рузбание ваха виезаш ву ала дагахь. Чу дов деш халла зударий. Цу шингие гIелваллац IатIие яьхна, кIордадина, куорта хьери а халла, чура араваьлла ера:

— Кху чу буййса йакхчол, маьждиги а вахна йаьха йиеза буййсанаш, — аьлла, маьждиги а вахна, Iовижна ера.

Хьалха цул хьалхаволашверг чуваьлла «Ассалом-Iалайкум, хIинца-м хьуо хьалхаваьлла суол, — аьлла.

— ВаIалайкум-салам! Дела наIалт халда, хьа^н шина зудчуо кхача а кечбеш, хьуо кхуза мел ца ихна-м. Хьайн чу буййса йаккха меттиг йицаш ихаш халла-кх хьуо кхуза.

Чечено-Ингушская АССР,
бывш. с. Хайбаха.
Гага Саламат, 27 лет.

ГАЛАНЧОЖСКИЙ ДИАЛЕКТ

(Нашхоевский говор)

Два человека, которые посещали мечеть

Все время один опережал другого. А второй старался опередить того. И он поделился с тем (с ним):

— Ну и наделил же тебя бог добрым качеством. Расскажи, пожалуйста, мне секрет (причину) того, как ты опережаешь меня. Как бы я ни старался, все равно не успеваю я на молитву раньше тебя.

— Присядь-ка, я расскажу тебе причину того, как я успеваю на молитву раньше тебя. Ты скажи-ка мне сперва, сколько у тебя жен?

— У меня только одна жена,— сказал другой.

— Раз так, ты меня не опередишь — у меня две жены. Одна из них быстренько готовит пищу, другая стряхивает одежду. Пока она успевает войти с одеждой, я, приняв пищу, быстро одеваюсь и выхожу. А у тебя одна только жена, и та едва справляется с обязанностью домохозяйки.

— Э, у тебя, оказывается, больше ума, чем у меня!

Следуя его совету (уму), тот взял вторую жену.

Первое время он радовался, что женился, и надеялся, что он опередит того.

Вечером как-то он зашел к женам с намерением предупредить их, что ему завтра надо идти на молитву, а жены, оказывается, подняли дебош. Надоело ему говорить с ними, чтобы они перестали, да и голова затрещала, и он вышел:

— Чем ночевать здесь, лучше пойти в мечеть и там переночевать.— Подумав так, он отправился в мечеть и лег там.

Заходит (к нему) тот, который его опережал, и говорит:

— Здравствуй! Теперь-то ты опередил меня.

— Здравствуй! Да будь оно проклято, никак не могло быть, чтобы тебя так хорошо кормили жены и поэтому ты опережал меня. Ты, оказывается, ходил сюда потому, что негде было больше ночевать.

ТИЕРЛОЕВСКИЙ ГОВОР

Къича^а, вехача^а тейра

Ши ваша хилла. Цхъа ваша хилла вѣхаш, аз хилла Хаьльг, вож ваша хилла къиче^а, аз хилла Хуьльг. Хуьльга^а ца хилла даа^а хум.

Хуьльг ваха виезаш хилла даа^а хум лаха. Виедаш кхаьчна хьаьра хьаьра. Ца карор техь шиена йаа^а хум аьлла, хьаьра чу вахана аз. Цига хумца ца хилла. Хьаьра кхимара чу Ювижана Хуьльг, са а дайна, буйса йаккха. Пиена чуйаьлла ча, шоллорло — буорз, царна тлехьа Хюттина—цхьогал.

И кхо накъост къамеле даьлла.

Барзуо аьлла чайга: «Хьюо ма тайелла? Хиу^а йуа Ia?» — аьлла. Чав джуоп делла: «Са^а ши кахьар йу,—аьлла. — Суона ховш даккхий тлулгаш ду. Цу бух хи ду, юьртахь хи дац. Царайх цхъа тлулг хьалаайбича, хи дарькдера».

«Суона даа" джижаг хир дац цигахь тлаккха. Хюр дийнахь дахни леш лаьтта цигахь хи доцуш, ас джизиг дуа».

Юха хаттар дира чав барзие: «Ia xly" йуа?» — аьлла. Барзуо джуоп делира: «Эзир джа ду са" Iуна". Iу а, да а ший а барзи ву. Ас сайна мал диеза джизиг дуа», — аьлла.

Юха а хаттар дира цуьнга, и баргиш хIу" дича талур дера, аьлла. Цуо аьлира: цхьа цIина джий бу оцу джа" юкъехь. Оцуна баьргиш хьа а даьх"а, и баьргиш церан баьргих хьиекхча, талург ду иш, аьлла...

Цхьогал, хьуо хIуна таделла?» — аьлла хаттар дина барзуо. «Цигахь ша цхьа юрт йу хи доцуш. Цигахь дахни леш, йаа" хIум хилу суона», — аьлира цхьогалуо. «Хи даьркдарий цига?» — аьлла хаттара чав. Цхьогалуо аьлира, цигара цхьа дечиг Iотоьхча, цу бухара кхо хьаьра хьовзал хи даьркдера, аьлла. Аз кьамел дина, иш длакьаьстара.

ХIуьльга, цIа а вахана, джа" да волча вахана, хьа" баьргиш тадича, мел мах лург бу Iа, аьлла хаттана. Сай" бахамах ах бахам лург бу, аьлла джа" дас.

ХIуьльга цIина джий бие" бийна, цуьнин баьргиш хьа а даьхна, иш хьаькхира барзделлачу цуьна" баьргих. Баьргиш таделира...

Чечено-Ингушская АССР, с. Ошпе.
Супигов Махьмуд Супигович, 37 лет.

ТЕРЛОЕВСКИЙ ГОВОР

Сказка о бедняке и богаче

Было два брата. Один был богатый, его звали (это был) Фальг, другой брат был бедный, его звали (это был) Хюльг. У Хюльга нечего было есть.

Хюльг должен был ехать еду искать. (Идя) шел и пришел на мельницу. Думая, что на мельнице найдется что-нибудь поесть, он зашел в мельницу. Там ничего не оказалось. Повечерело, и Хюльг улегся в ковше мельницы, чтобы переночевать. Откуда ни возьмись, ворвался медведь, вторым — волк, за ними следовала лисица. Эти три товарища разговорились. Волк сказал медведю:

— Ну и поправился же ты! Что ты ешь (чем питаешься)?

Медведь ответил:

— У меня два желудка (есть), — сказав.

— Что это за два желудка? — сказав, спросил волк.

— Я знаю большие булыжники, под ними вода, (а) в селе воды нет. Если из них один поднять, вода хлынет. Тогда мне (кушать) мяса не будет. Каждый день скот гибнет там из-за отсутствия воды, а я жру мясо.

Потом спросил медведь у волка:

— Ты чем питаешься? — сказав.

Волк ответил:

— Тысяча овец у моего пастуха. И пастух, и хозяин слепые (есть). Я жру мяса, сколько мне надо.

Опять спросили у него о том, чем можно вылечить эти глаза (сказав). Тот сказал, что среди отары есть одна годовалая овцематка.

— Если извлечь ее глаза и потереть ими глаза тех, то они зажигут у них, — сказав, ответил волк.

— А ты, лисица, отчего похорошела? — сказав, спросил волк.

— Там какое-то село одинокое, безводное. Там скот гибнет, и у меня есть что кушать, — сказала лисица.

— Не извлечется ли там вода? — сказав, спросил медведь.

Лисица сказала, что если бы свалить там одно дерево, из-под него бы хлынуло столько воды, что ею можно было бы крутить три мельницы (сказав).

Поговорив так, они разошлись.

Хюльг, вернувшись домой, пошел к владельцу отары и спросил у него:

— Сколько ты денег дал бы, если бы тебе вылечили глаза?

— Половину из своего хозяйства дам, — сказал владелец отары.

Хюльг зарезал ту годовалую овцematку, извлек глаза ее и потерял иными слепые глаза того (большого).

Глаза вылечились...

КИСТИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Дже^н джа^ла^л

Цхьа^н джа^лу^н эхкий ламд в^олуш дже^н джа^ла^л делле, лаза а да^лла.

Джа^лу^но а джа^ла^л шнен ч^ог^а дукх диезиш хилари, ламд д^а а ца ду^ллуш, ши^е говрда а дилан, ю ца диена.

Сейран ха^н, ю^рт ю ма кха^ч, джа^лу, са а ца до^луш, джа^ла^л ца а дитан, ца говш муалл волач вахан. Муаллей^н ц^анд д^аакхашча, муалл чу а ца коруаш, кхе^н йуха и ца в^ог^луш, муалл чу валац цигах^н Иена а.

Ах с^ат д^алалие муалл чу кха^шда.

Муаллануо, чу ма кха^ч, шиен шой^н йу^ртар джа^лу ма вейне, хьал-ди а хеттина ва^лча, биена б^ала а хеттинер. Джа^лу^но ш^е биена б^ала д^а кодийна муаллание: «Ч^ог^а дик джа^ла^л дер са^н. Цундела, Ia пурм делла^х, вей^н кешнашка д^аду^ллуддер ас тховс.

Джа^лу^но аз олу^шехь, муаллас а^ллер: «Вай, аз мишт ма^гагда— бусурб нахан йук^кне джа^ла^л д^а долл?! Аз дала а могойтуд дац, я к^ор^лан чу язлуш а дац, я бусурб денц д^а диллач, ма^гагд^оцуш а да, вей^н нахан д^а хейч, цара а могойтуддац».

Муаллас аз а^лча, джа^лу^но ши^е т^ах^ха^л дуаш а^лла:

«Аз мегард^оцуйла а хов суани. Аз сейн дукх диезарна, кхиеча^х д^а долл ца лнер суони, а^кхне ца дохдейт. Ч^ог^а дик джа^ла^л дар аз, дериг джа ц^об лобладор са^н, цунах кхиераш а^кх га^рг^да ца до^ххар джени. Саг санна, хьекыл долуш дер. Аз кешнашка д^а доллейтур цх^а боккха ка а луббер ас.

Джа^лу^но аз олу^шехь, шен ц^об т^ах^х а^лларг х^а ца ха^зач санна, муаллас хеттина джа^лу^ние: «Мишт б^охар Ia а?» «Ч^ог^а хьекыл а долуш, х^ама а ховш дер», — бохар ас-м. «А джа^ла^л цхьа^не а ховддац цигах^н д^аду^лаллич, т^ка сун ба^рстхан ка бисубба», — а^лла даг-ойл йина, пурм делла муаллас, джа^ла^л кешнашка д^аду^лалла цу бусса^х.

Джа^лу арволуш, муаллас а^лла: «Аз д^аду^ллуш адам-са^не а ма ха^йталах^н, тховсса^х а ка х^аболабар а ма диндийлах^н».

Джа^лу^но цу бусса^х ши^е джа^ла^л а д^аду^ллинер, муаллина ка а бигинер.

Грузинская ССР, с. Дуиси.
Ковтарашвили М., 27 лет.

КИСТИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Овчарка

У одного пастуха летом, когда (он) взбирался на гору, заболела и сохла овчарка.

Пастух, поскольку ему очень нравилась эта овчарка (собака), не стал хоронить (ее) в горах (на горе), а привез домой, положив на своего коня.

В вечернее время, как только прибыл в село, пастух, не отдыхая, оставив овчарку (собаку) дома, сразу же направился (пошел) к мулле. Когда подошел к дому муллы, он, не застав муллы дома и не возвращаясь домой, стал дожидаться там муллу.

Не прошло и полчаса, как мулла прибыл домой. Мулла сразу же по прибытии, как только увидел пастуха из своего села, осведомившись о самочувствии, стал спрашивать о (принесенной) тяжбе. Пастух изложил мулле свою просьбу:

— Очень хорошая овчарка (собака) у меня была. Поэтому, если бы ты соизволил, я бы в эту же ночь похоронил бы ее на нашем кладбище.

Как только пастух успел вымолвить это, мулла сказал:

— Ой-ой, как это можно — среди мусульманского народа похоронить собаку?! Этого и бог не позволит, это и в Коране не записано, оно и с мусульманской верой не согласуется, да и люди наши, когда узнают, (и они) не разрешат.

Когда мулла так сказал, пастух высказал свое последнее слово:

— О том, что это нельзя, я знаю. Так как я очень любил ее, то я не хотел бы хоронить ее в другом месте, чтоб зверь не разорвал ее. Очень хорошая она была. Она стерегла всю мою отару, ее боясь, зверь не подходил к отаре. Умная была, как человек. За то, что разрешат похоронить ее на кладбище, я бы подарил одного барана.

Пастух не успел вымолвить это, как мулла, притворяясь, будто он не расслышал сказанное им в конце, спросил у пастуха:

— Как это ты говорил?

— Очень умная и прозорливая была, — говорил я.

«Никто не узнает, если похоронить эту собаку там, а мне достанется жирный баран», — подумав так, мулла дал разрешение похоронить собаку на кладбище в ту же ночь.

Когда пастух выходил, мулла сказал:

— Когда будешь хоронить, никому не давай знать, а также не забудь пригнать барана сегодня же.

Пастух в ту же ночь похоронил свою овчарку и барана пригнал мулле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Армянская география VII в. и. э. Перевод Патканова. СПб., 1877.
- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
- Абаев В. И. Этимологический словарь осетинского языка. М., 1959.
- Андгуладзе Н. Д. Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1954.
- Арсаханов И. А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
- Алироев И. Ю. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962.
- Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка. (Фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
- Абуладзе И. В. К открытию алфавита кавказских албанцев. — Известия ИЯИМЖ. Т. 4. Тбилиси, 1938.
- Ашхамат Д. А. Краткий очерк адыгейских диалектов, Майкоп, 1939.
- Ахведиани Г. С. Звуковые возможности кавказских языков. Принципы классификации согласных абхазского языка. — Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Т. 1. Тбилиси, 1940.
- Ахведиани Г. С. Классификация звуков абхазского языка. Выездная сессия Грузинского филиала АН СССР в г. Сухуми, 1940, 26—29 сентября. Тезисы докладов. Тбилиси.
- Ахманова О. С. и др. О точных методах исследования языка. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 51. М., 1962.
- Бартоломей И. А. О так называемых миджегских языках, известных по сию пору исключительно из клапротовых сравнений (о чеченском языке). — «Кавказ», 1855, 7 сентября.
- Беляев М. В. О сравнительном изучении кавказских языков. — Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1929.
- Богородицкий В. А. Сравнительная грамматика арио-европейских языков. Вып. 1. 1914.
- Бокарев А. А. О классных показателях в аварско-андо-цезских языках. — В сб.: Язык и мышление. Т. 10. М.—Л., 1940.
- Бокарев А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л., 1949.
- Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949.
- Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
- Бокарев Е. А. Дагестанские языки. — В сб.: Младописьменные языки народов СССР. М., 1958.
- Бокарев Е. А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков. — ВЯ, № 3, 1954.
- Бокарев Е. А. Из истории склонения в языках цезской группы Дагестана. (Опыт сравнительно-исторического изучения бесписьменных языков). — В сб.: Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
- Бокарев Е. А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.
- Бокарев Е. А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. — В сб.: Язык и мышление. Т. 11. М.—Л., 1948.
- Бокарев Е. А. Цезские (дыдойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Бокарев Е. А. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана. — В сб.: Языки Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1954.
- Бибулатов Н. С. Типы склонения имен существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка. — Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 7, вып. 2. Грозный, 1966.
- Гагуа Р. Р. Изменение бацбийского глагола по грамматическим классам. (Резюме). — ИКЯ. Т. 4. Тбилиси, 1953.
- Гагуа Р. Р. Эргатив и инструменталис в бацбийском языке. — ИКЯ. Т. 2. Тбилиси, 1948.

- Гаджиев М. М. Русско-лезгинский словарь. Под ред. Г. А. Ликберова. Словарь содержит 3500 слов. Махачкала, 1950.
- Гаприндашвили Ш. Г. О лакско-даргинских звуковых соответствиях. — ИКЯ. Т. 6. Тбилиси, 1954.
- Гаприндашвили Ш. Г. О лакско-даргинских звукосоответствиях. IV научная сессия Института языкознания АН Грузинской ССР, 1953, 12—13 июня. Тезисы докладов. Тбилиси.
- Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка (по данным диалектов). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1956.
- Генко А. Н. Из области чеченской диалектологии. — ЯСКД. I. М.—Л., 1935.
- Гоиашвили Т. В. Лексические сходства чеченского с картвельскими языками. — Известия института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР. Т. 5—6. 1940.
- Гоиашвили Т. В. Суффикс *wo* в чеченском языке. (Резюме). — Труды ТГУ. Т. 12. Тбилиси, 1940.
- Гудава Т. Е. К вопросу о генезисе латерального звука *t* в языках аварско-индийско-идойской группы и его фонетическом соответствии в картвельских языках. (Резюме). — ИКЯ. Т. 6. Тбилиси, 1954.
- Гудава Т. Е. О лексических встречах между грузинским и аварским языками. — Сообщения АН Груз. ССР. Т. 15, № 10. Тбилиси, 1954.
- Гудава Т. Е., Имнайшвили Д. С., Ломтадзе Э. А., Магомедбекова З. М. О звуковых соответствиях в языках аварско-идойской группы. III (IX) научная сессия Института языкознания Груз. ССР. Тбилиси, 1952.
- Гугиев Х. Т., Чентиева М. Д., Хумпаров А. Х. Нохчийн меттан грамматика. Грозный, 1940.
- Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. — Терский сборник. Вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.
- Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М.—Л., 1953.
- Дешериев Ю. Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959.
- Дешериев Ю. Д. Фонетика современного чеченского литературного языка. Грозный, 1960.
- Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Джавахишвили И. А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937.
- Джейранишвили Е. Ф. Вопросительные местоимения в языках лезгинской (кюринской) группы. (Резюме). — ИКЯ. Т. 7. Тбилиси, 1955.
- Джейранишвили Е. Ф. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках. (Резюме). — ИКЯ. Т. 5. Тбилиси, 1953.
- Дирр А. М. Глагол в кавказских языках. (Эргативная конструкция предложения). Под ред. Е. А. Бокарева. М., 1950.
- Дирр А. М. Грамматика удинского языка. — СМОМПК. Вып. 33, отд. 4. Тифлис, 1904.
- Дирр А. М. О классах (родах) в кавказских языках. — СМОМПК. Вып. 37, отд. 3. Тифлис, 1907.
- Егоров О. П. Об изучении чечено-ингушских говоров. — Труды первой диалектологической конференции, происходившей в Ростове-на-Дону 29 июня — 1 июля 1938 г. Ростов-на-Дону, 1939.
- Жирков Л. И. Аварско-русский словарь (с кратким грамматическим очерком аварского языка). М., 1936.
- Жирков Л. И. Грамматика аварского языка. (Литографическое издание). М., 1924.
- Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.
- Жирков Л. И. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955.
- Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956.
- Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 1, вып. 2, языкознание. Грозный, 1959.
- Имнайшвили Д. С. К вопросу о генезисе суффиксов временной последовательности действия в кистинских языках. (Резюме). — ИКЯ. Т. 5. Тбилиси, 1953.
- Имнайшвили Д. С. К генезису одного подчинительного союза в бацбийском (цоватушинском) языке. (Резюме). — Сообщения АН Груз. ССР. Т. 6, № 9. Тбилиси, 1945.
- Имнайшвили Д. С. К генезису одного суффикса в языках чеченской группы. (Резюме). — Сообщения АН Груз. ССР. Т. 6, № 6. Тбилиси, 1945.
- Имнайшвили Д. С. Некоторые закономерности изменения гласных под влиянием соседних согласных в идойском, гинухском и хваршинском языках. VI (XII) научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня. Тезисы докладов. Тбилиси.
- Чапанов М. И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. М., 1962.

- Чентиева М. Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.
- Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. 1. 1953.
- Чикобава А. С. Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков (с принципиальных установок историко-сравнительного языкознания). — Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19—21 ноября 1956 года. Тезисы докладов. Тбилиси.
- Чикобава А. С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. — Известия АН СССР, ОЛЯ. Т. 17, вып. 2. М., 1958.
- Чикобава А. С. Исследование горских кавказских языков и наши задачи. — Известия ИЯИМК. Т. 12. Тбилиси, 1942.
- Чикобава А. С. Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке (предварительное сообщение). — Сообщения АН Груз. ССР. Т. 7, Раздел 1—2. Тбилиси, 1946.
- Чикобава А. С. Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке. (Резюме). — ИКЯ. Т. 5. Тбилиси, 1953.
- Чикобава А. С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. (Резюме). — Сообщения АН Груз. ССР. Т. 3, № 4. Тбилиси, 1942.
- Чикобава А. С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. — ВЯ, № 6. М., 1955.
- Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.
- Чикобава А. С. Сравнительный словарь. (Страничка из истории изучения иберийско-кавказских языков). — Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. 1. Майкоп, 1957.
- Чокаев К. З. Глагольное словообразование в чеченском языке. — Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1. Грозный, 1959.
- Чокаев К. З. и Оздоев И. А. Краткий русско-чечено-ингушский словарь-справочник общественно-политических терминов. Грозный, 1961.
- Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в нахских языках. Кандидатская диссертация. (Рукопись).
- Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке. — Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 4, вып. 2. Грозный, 1962.
- Чрелашвили К. Г. Суффиксы в бацбийском языке. (Резюме). — Труды ТГУ. Т. 63. Тбилиси, 1956.
- Шагиров А. К. Особенности малкинского говора кабардинского языка. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955.
- Шаумян Р. М. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. — В сб.: Язык и мышление. Т. 6—7. М.—Л., 1936.
- Шилинг Е. М. Ингуши и чеченцы. — В сб.: Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.—Л., 1931.

На иностранных языках

- Ворр Fr. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes. Berlin 1847.
- „Caucasica“, I—XI. Leipzig, 1924—1934.
- Deeters G. Das kharthwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930.
- Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. „Handbuch der Orientalistik“, Bd. 7. Leiden—Köln, 1963.
- Dirr A. Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
- Dirr A. Die Sprache der Ubychen. Отд. оттиск из „Caucasica“, IV и V. Leipzig, 1928.
- Dumézil G. La langue des Oubykhs. Paris, 1931.
- Dumézil G. Etudes comparatives zur les langues caucasiennes du nord-ouest (Morphologie). Paris, 1932.
- Dumézil G. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du nord. Paris, 1933.
- Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, II. Textes Oubykhs. Paris, 1962.
- Erckert R. von. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895. Kuipers A. H. Phoneme and morpheme in Kabardian. s-Gravenhage, 1960.
- Lafon R. Etudes basques et caucasiennes. „Acta Salmaticensia“. Filosofia y Letras, t. V, № 2. Universidad de Salamanca, 1952.
- Marr N. et Brière M. La langue géorgienne. Paris, 1931.
- Neisser F. Studien zur georgischen Wortbildung. „Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes“, XXXI, 2. Wiesbaden, 1953.
- Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. „Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes“, XXXIV, 3. Wiesbaden, 1962.

„Studia Caucasica“, I. The Hague, 1963.

Trubetzkoy N. S. Nordkaukasische Wortgleichungen. „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, XXXVII, 1930.

Tschikobawa Arn. Die iberokaukasischen Gebirgssprachen und der heutige Stand ihrer Erforschung in Georgien. „Acta Orientalia“, t. IX, fasc. 2. Budapest, 1959.

Vogt H. Esquisse d'une grammaire du géorgien moderne. „Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap“, IX—X. Oslo, 1936.

Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Транскрипция	4
Введение	5
Историко-этнографические сведения о чеченцах и их языке	5
Цели и задачи чечено-ингушской диалектологии	7
Краткий обзор литературы о языках и диалектах нахской группы	10
Аккинский диалект	16
Фонетические особенности	16
Звуковой состав	16
Фонетические изменения	18
Выводы	28
Пхъарчхоевский говор	33
Чеберлоевский диалект	37
Фонетические особенности	37
Звуковой состав	37
Фонетические процессы	38
Звуковые соответствия	39
Морфологические особенности	41
Категория грамматических классов	41
Имя существительное	42
Выводы	45
Местоимение	48
Имя прилагательное	49
Числительное	51
Глагол	52
Причастие	57
Деепричастие	58
Наречие	58
Дайский (дйайский) говор чеберлоевского диалекта	59
Числительное	62
Спряжение	63
Шароевский диалект	68
Фонетические особенности	68
Звуковой состав	68
Фонетические процессы	68
Звуковые соответствия	69
Морфологические особенности	71
Имя существительное	71
Местоимение	73
Выводы	74
Глагол	78
Причастие	82
Деепричастие	83
Прилагательное	83

Числительное	84
Наречие	85
Союзы	85
Междометие	85
Итум-калинский диалект	87
Фонетические особенности	87
Звуковые процессы	87
Звуковые соответствия	88
Имя существительное	90
Местоимение	92
Прилагательное	93
Числительное	93
Глагол	94
Галанчоужский диалект	97
Нашхоевский говор	97
Фонетические особенности	97
Фонетические процессы	97
Звуковые соответствия	98
Морфологические особенности	101
Категория грамматических классов	101
Имя существительное	102
Имя прилагательное	106
Числительное	107
Глагол	108
Причастие	112
Деепричастие	113
Лексика	114
Терлоевский говор	115
Ламаккинский говор	121
Фонетические особенности	121
Звуковые процессы	121
Звуковые соответствия	122
Морфологические особенности	123
Имя существительное	123
Местоимение	126
Глагол	127
Выводы	132
Причастие	133
Деепричастие	134
Имя прилагательное	135
Числительное	135
Наречие	136
Мелхинский говор	138
Фонетические особенности	138
Звуковые соответствия	139
Морфологические особенности	141
Имя существительное	142
Местоимение	143
Глагол	144
Числительное	146
Наречие	147

Веденский говор 148
Фонетические особенности 148
Морфологические особенности 149
Кистинский диалект 155
Фонетические особенности 155
Звуковой состав 155
Фонетические процессы 156
Звуковые соответствия 156
Морфологические особенности 159
Прилагательное 161
Числительное 162
Местоимение 162
Глагол 163
Заключение 166
Диалектологическая карта 172
Таблица основных фонетико-морфологических особенностей ских языков и диалектов	вклейка
Тексты 174
Библиография 203

Арсаханов Исрапил Абдулгамидович

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Редактор У. Э. Гайсултанов

Технический редактор Х. Д. Юпаев

Корректоры Л. Ф. Григорьева и О. В. Черная

Сдано в набор 12.VIII 1968 г.
Подписано к печати 30.VII 1969 г.
Формат 70x108 1/16. Объем 13 (18,2). Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 600. СФ07095
Чечено-Ингушское книжное издательство
Управления по печати при Совете Министров
ЧИАССР, Грозный, 21, улица Ленина, 14

Заказ № 165
Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по печати при Совете Министров
ЧИАССР, Грозный, улица Интернациональная, 12/33
Цена 41 коп.